

**АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ
ТАДЖИКИСТАН ИНСТИТУТ
ФИЛОСОФИИ И ПРАВА**

**Посольство
Республики Таджикистан
в Туркменистане**

**Культурный центр
Посольства ИРИ
в Туркменистане**

АБУ АЛИ ИБН СИНА

ИЗБРАННОЕ

(В 2-х томах)

**Восточная философия
(ал-Хикма ал - машрикийя)**

**Руководство по философии
(Китаб ал - хидая)**

**Трактат об определениях
(ар-Рисала фи-л-худуд)**

**Трактат об этике
(ар-Рисала фи-л-ахлак)**

Культурный центр Посольства ИРИ в Туркменистане

**Душанбе - Ашгабат
2003**

Абуали ибн Сина

ИЗБРАННОЕ

Том 1-ый

«Восточная философия»

**Перевод и комментарии д-ра Саидрахмона
Сулаймони**

**Ответственные редакторы:
Академик М.Диноршоев, к.ф.н. Т.Мардони**

**Под общей редакцией
доктора Голамхосейна Голамхосейзаде**

**Издатель: Культурный центр Посольства ИРИ в
Туркменистане и Центр культурных и международных
исследований**

Компьютерный набор и графика:

Н. Рахимов, Г. Азмун

**Издание
первое-2003год**

Культурный центр Посольства ИРИ в Туркменистане

Ашгабат, ул. Магтумкули 100.

Tel:39-07-80, 39-07-82 Fax:39-07-72

E-mail:rfit@online.tm

**Перевод с арабского, исследование,
вводная статья и комментарии
д.ф.н. Саидрахмона Сулаймони**

**Под общей редакцией
доктора Голамхосейна Голамхосейнзаде**

**Ответственные редакторы:
акад. Диноршоев М.Д., к.ф.н. Мардони Т.Н.**

Книга содержит перевод, исследование и комментарии новых избранных философских произведений и трактатов Ибн Сины, которые впервые переводятся на русский язык. В книгу, состоящую из двух томов вошли четыре его произведения: “Восточная философия” (“ал-Хикма ал-машрикийя”), “Руководство по философии”(Китаб ал-хидая), “Трактат об определениях”(ар-Рисала фи-л-худуд), “Трактат об этике (“ар-Рисала фи-л-ахлак”). Особый интерес для исследователей и читателей представляет его “Восточная философия”(том 1-ый настоящего издания), по поводу которой ведётся так много дискуссий как на Востоке, так и на Западе. Важной представляется и философско - этическая концепция Ибн Сины, изложенная в его сочинениях «Руководство по философии», «Трактат об определениях» и «Трактат об этике», включенных во второй том настоящего издания .

Вместо предисловия

Во имя Аллаха Милостивого и Милосердного!

Величайшие ученые и корифеи науки и мысли, известные всему миру, принадлежат не столько конкретному этносу, племени, языку или определенной стране, сколько всему человечеству. Их соплеменники или соотечественники вместе с гордостью затаких выдающихся своих представителей в минувшей истории должны считать своей первостепенной обязанностью и долгом изучение и обнародование научного и художественного наследия этих выдающихся личностей, популяризацию их трудов и сочинений, демонстрацию их вклада в сокровищницу мировой общечеловеческой цивилизации. Совершенно очевидно, что первым необходимым серьезным шагом в этом направлении является исследование, перевод и публикация их научных творений на наиболее распространенных языках других народов мира.

Поэтому достойно всяческого одобрения и похвал то, что таджикский ученый, доктор Саидрахмон Сулаймони, проделав в течении нескольких лет поистине титаническую работу, впервые перевел с арабского языка на русский, исследовал и подготовил к изданию четыре ранее никогда не исследовавшиеся произведения Абуали ибн Сины, предварив их солидной исследовательской частью, снабдив содержательными комментариями, примечаниями и значительной библиографической базой. В их число входит «ал-Хикма ал-Машрикийя» («Восточная философия»), «Китаб ал-Хидая» («Руководство по философии»), «ар-Рисала фи-л-худуд» («Трактат об определениях») и «ар-Рисала фи-л-ахлак» («Трактат об этике»).

С полной уверенностью можно утверждать, что русскоязычные читатели впервые получили возможность познакомиться с этими произведениями великого персидско-таджикского ученого и мыслителя Абуали ибн Сина, оставившего неизгладимый след и внесшего неопределимый вклад в историю развития мировой науки и культуры.

Здесь нет необходимости излагать биографию, вехи жизненного пути и научной деятельности, перечислять названия многочисленных сочинений Абуали ибн Сина в самых различных областях научной мысли, ибо все это известно широкому кругу ученых и специалистов, занимающихся изучением его жизни и деятельности, трудов по медицине и философии и другим отраслям знаний. Настоящий сборник позволит им дополнительно получить новый и более обширный материал для исследования философских воззрений выдающегося мыслителя.

Предлагаемый вниманию исследователей и просто интересующихся проблемами средневековой исламской философией и научных воззрений Абуали ибн Сина сборник вышел в свет благодаря усилиям Чрезвычайного и Полномочного Посла Республики Таджикистан в Туркменистане господина Тажиддин Нуриддина Мардони, являющегося одним из его ответственных редакторов, и Культурного центра Посольства Исламской Республики Иран в Туркменистане, главой которого в настоящее время имеет честь быть Ваш покорный слуга.

Смею надеяться, что наша совместная работа по редактированию и уточнению научного перевода текста трактатов, систематизации комментариев и пояснений, составлению библиографического аппарата, подготовке сборника к изданию способствовала тому, чтобы основной подвижнический и самоотверженный в наше нелегкое время

труд, скрупулезно выполненный доктором Саидрахмоном Сулаймони, блеснул всеми своими яркими красками и гранями.

Если данная публикация вызовет интерес у ученых-исследователей, специалистов в области средневековой мусульманской философии, величайшим представителем которой был и остается Абуали ибн Сина, а также просто любителям истории философской мысли и принесет им соответствующую научную пользу, то цель ее можно считать достигнутой.

С искренним уважением к читателям,

Доктор Голамхосейн Голамхосейнзаде
Советник по культуре, руководитель
Культурного центра Посольства
Исламской Республики Иран
в Туркменистане

ВВОДНАЯ СТАТЬЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЯ

Прошло немало столетий, но философское наследие Абу Али Ибн Сины продолжает привлекать внимание многих исследователей. За это время к его философским и медицинским трудам написано множество комментариев, по ним опубликованы исследовательские монографии как на Западе, так и на Востоке, установлено его место и значение в сокровищнице общечеловеческой культуры. Всемирно известные сочинения Ибн Сины “Канон врачебной науки”, “Книга исцеления”, “Книга спасения”, “Книга знаний”, “Указания и наставления” оставили неизгладимый след в истории медицины, философии и логики.

Несмотря на определенные успехи в изучении философского наследия мыслителя, некоторые его произведения до сих пор остаются неизученными и являются предметом споров, ибо даже среди источниковедов и современных исследователей нет единого мнения о количестве его произведений [6, 20] и принадлежности его перу ряда из них.

К числу неисследованных трудов Ибн Сины относится “ал-Хикма-ал-машрикийя”(“Восточная философия”). О принадлежности этого произведения Ибн Сине свидетельствуют не только авторитетные источники, но и многочисленные его собственные высказывания.

Исходя из доступного материала об этом сочинении, мы разделили источники, посвященные изучению “Восточной философии” Ибн Сины, на три части:

- а). Источники и исследования, которые ограничились только упоминанием данного произведения мыслителя;
- б). Исследования и отдельные заметки ученых, посвященные этому произведению;
- в). Высказывания самого Ибн Сины в других его произведениях о “Восточной философии”.

Известный средневековый биограф Ибн ал-Кифти при указании перечня произведений Ибн Сины повторяет уже

сказанное в “Автобиографии” мыслителя предложение о том, что “Восточная философия” состоит из одного тома [7, 418]. Шахаб уд-дин Сухраварди - основатель философии озарения - в своей книге “Ал-Мутарахат” пишет, что “ал-Хикма ал-машрикийя” – это не труд о мудрости озарения, а трактат о восточном перипатетизме[6,25]. Хаджи Халифа, говоря о возникновении и развитии “хикма”, т.е. философии, утверждает, что книга “Восточная философия” принадлежит Ибн Сине[32,45]. Известный немецкий ориенталист Карл Броккельман упоминает только название произведения[37,820]. Египетский исследователь Джорж Шахата Канавати [18,27-28] и иранские ученые Забихулла Сафа [28,80-93], Яхйа Махдави [21,80-93; 227-280] и Сайид Хусейн Наср [23,227-368], анализируя содержание произведения Ибн Сины, указывают на то, что часть логики “Восточной философии”, была издана в 1910 г. в Каире Мухиб уд-дин ал-Хатибом.

Фаридун Джунайди [5,158], занимавшийся составлением библиографии произведений Ибн Сины на арабском и персидском языках, дважды упоминает такие сочинения Ибн Сины как “Фи асрар ал-хаким ал-машрикий” и “Расайл фи асрар ал-хикма ал-машрикийя” и их переводы на персидский язык. Однако эти два произведения в действительности не являются “Восточной философией” Ибн Сины, а представляют собой его отдельные трактаты. Саид Нафиси в своей книге, посвященной трудам Ибн Сины, по поводу высказывания средневекового библиографа Ибн Абу Усайбиа, отмечает: “Наиболее древними редакциями “Восточной философии” Ибн Сины, которыми мы располагаем, являются те, о которых упоминает Ибн Аби Усайбиа в “Уюн ал-анба”, и после пересказа “Автобиографии” Ибн Сины, составленной Абу Убайдом, учеником Авиценны Ибн Аби Усайбиа говорит: “Среди книг аш-Шейха ар-Раиса, найденных нами, кроме тех, о которых до этого Абу Убайд упоминал, имеется книга «Восточная философия», которая вообще не обнаружена”[24,191]. Иракский исследователь Мадани Салех,

анализируя трактат другого средневекового философа – Ибн Туфайла, «Хай ибн Якзан» («Живой, сын Бодрствующего»), относительно «ал-Хикма-ал-машрикийя» Ибн Сины приводит следующие высказывания Ибн Туфайла: «О, благодарный, искрений друг, - да дарует тебе Аллах вечное существование и осчастливит тебя извечным счастьем, - я хотел передать тебе то, что могу передать из тайн «Восточной философии», которые упоминал аш-Шейх ар-Раис Абу Али Ибн Сина. Ибо знай: тому, кто хочет познать истину, в которой нет неясности, следует искать ее и прилагать усилия для ее обретения»[20,42]. Этот же автор в другом месте вышеуказанной книги отмечает, что «у Фахр уд-дина Рази имеется книга под заглавием «ал-Мабахис ал-машрикийя», а у Сухраварди, убитого в Аллепо, есть книга под названием «Хикмат ал-ишрак». Однако эти две книги не имеют никакого отношения к «Восточной философии» Ибн Сины, ибо книга Рази посвящена «науке о каламе», а книга Сухраварди – иллюминативному течению философии, совпадающему со взглядами Плотина с включением в него некоторых новшеств, поправок и новых подходов.[20,46].

Из таджикских исследователей советского периода впервые на наличие рукописи «Восточной философии» под инвентарным № 4894 в библиотеке «Нури Османия» в Константинополе указал А.М. Богоутдинов. Однако, ввиду недоступности этой рукописи, он отмечает, что «она также не изучена, а турецкие исследователи литературного наследия Абу Али Сина не сообщили о ней ничего существенного, кроме того, что эта рукопись находится у них»[4,152].

А.В. Сагадеев в монографии, посвященной философскому наследию Ибн Сины, упоминает о наличии части логики этого труда под названием «Логика восточных», а также двух рукописей под заглавием «Восточная философия», хранящихся в библиотеках Стамбула и Оксфорда[27, 66-71].

М.Диноршоев на основе сопоставления сохранившихся частей «Ал-Хикма ал-машрикийя», соответствующих по содержанию разделу физики «Китаб аш-Шифа», приходит к

выводу, что в «Восточной философии» материал излагается согласно не только духу, но и букве «аш-Шифа»[6, 21-28].

В западноевропейском востоковедении о философском наследии Ибн Сины и его мировоззренческой направленности написаны многочисленные исследования, среди которых особого внимания заслуживает статья известного итальянского востоковеда К.Ф.Наллино, о чем речь пойдет ниже. Французская исследовательница А.М.Гуашон при составлении философского словаря Ибн Сины широко использовала логический раздел “Восточной философии”[38]. Из работ последних лет, затрагивающих сущность “Восточной философии” Ибн Сины, можно назвать исследование иранского ученого Сайида Яхя Ясриби, который, вообще-то, повторяет вышесказанное нами[36]. Вслед за другими он также указывает на наличие рукописей перечисляемых в работе Махдави. Однако Ясриби, очевидно, не имея перед собой оригинала работы, ничего нового об этом произведении, за исключением общих утверждений, не добавляет. Но справедливости ради надо сказать, что в работе данного автора очень обстоятельному анализу подвергается мистика Ибн Сины, где автор, на наш взгляд, справедливо отмечает наличие философии мистицизма в творчестве Князя философов, а не мистицизма как такового.

Что касается времени написания «Восточной философии», то мы не располагаем конкретными данными по этому поводу. Однако историческая хроника и предисловие, написанное самим ученым логическому “Восточной философии”, дают нам возможность сделать некоторые выводы об этом сочинении.

Известно, что Ибн Сина после освобождения из тюрьмы вместе со своим братом Али и верным учеником Джузджани около 1023 г. бежит в Исфахан. Именно этот период жизни мыслителя в Исфахане (1023-1037) является наиболее плодотворным в его творчестве, периодом расцвета его могучего гения, так как здесь он завершает “Книгу исцеления”, “Канон врачебной науки” и “Книгу знания” на

родном таджикском-дари языке. К сожалению, исфаханский период жизни и творчества Ибн Сины вобрал в себя весьма трагичные исторические события, оставившие свой след в его творчестве. В 1030 г. Султан Масуд, сын Султана Махмуда Газневида, напал на Исфахан и подверг город разграблению. Был ограблен и дом Ибн Сины, в результате чего навсегда пропали многие его труды, в том числе 20-томная “Китаб-алинсаф” (“Книга справедливости”). В этой связи уместно было бы привести высказывания ученых Саида Нафиси [24,143] и Акбара Ризвани [26, 130-135], основанные на сведениях известного средневекового источника “Татиммат сиван ал-хикма” Байхаки, касающиеся исторической судьбы “Восточной философии” Ибн Сины. В частности, Саид Нафиси пишет: “После этого военачальник Абу Сахл Хамдуни вместе с группой курдов разграбил имущество Шейха, его книги составили часть награбленного, а от “Книги справедливости” не осталось ничего, кроме разрозненных частей. Азиз уд-дин ал-Фараби ар-Райхани рассказывал, что в 545/1166 г. он купил один экземпляр этой книги, т.е. “Книги справедливости”, и привез ее в Мерв. А что касается “Ал-Хикма ал-машрикийя” и “ал-Хикма ал-ашрийя” Абу Али, то они полностью были уничтожены во время этого грабежа... Однако Исмаил Бахарзи утверждает, что “ал-Хикма ал-машрикийя” и “ал-Хикма ал-ашрийя” хранились в библиотеке Султана Масуда ибн Махмуда в Газне до того момента, когда правитель Джибала Хусейн и солдаты Гура и Гуза в 546/1167 г. не сожгли их...”[24, 143].

Часть логики “Восточной философии” Ибн Сины, в отличие от других частей этого сочинения, сохранилась и была дважды издана и в ней сохранилось предисловие самого Ибн Сины. Однако в этих двух изданиях встречаются опечатки и несоответствие отдельных слов тексту оригинала. “Восточная философия” была написана Ибн Синой в промежутке между 1027-1029 гг. т.е. после “Книги исцеления” и до появления его сочинения “Ал-Лавахик” (“Дополнения”). Прямым доказательством точного времени написания “Восточной

философии” мы не располагаем, а утверждение самого мыслителя, высказанное в предисловии к логической ее части, дает основание говорить лишь о цели написания этого сочинения. В частности, он отмечает: “Мы составили эту книгу не только для нас самих, но и для тех, кто стоит на одном уровне с нами. Что же касается массы увлекающихся этой наукой, т.е. философией, то им мы дали многое из того, что необходимо, и даже сверх их потребности в “Книге исцеления”. Дополнительно к тому, что они получили, дадим им соответствующее добавление в (книге) “Ал-Лавахик”...”[12,22].

Другое высказывание Ибн Сины, приведенное в предисловии “Книги исцеления”, также подтверждает наше мнение о том, что “Восточная философия” была написана после “Книги исцеления” и до “Ал-Лавахик”: “Далее счел я целесообразным после этой книги (т.е. “Шифа” - С.С.) составить другую книгу, которую назову “Китаб ал-Лавахик”. Вместе с нею завершится моя жизнь и в ней будет зафиксировано то, что имело место в каждом году моей жизни. Она будет служить как бы комментарием к разделам основных частей “Шифа” и кратким доступным объяснением ее значений. Кроме этих двух (т.е. “Шифа” и “Лавахик”), у меня есть другая книга, в которой философия изложена такой, какова она есть. Здесь придерживаюсь ясного воззрения, в котором мною не учитывается предвзятое мнение дилетантов в этом искусстве и где я не опасюсь их противодействия, как опасался в других работах. Это и есть моя книга “Восточная философия”.¹

¹ Наллино относительно этой цитаты имеет мнение, что в сокращенном виде ее цитировал Ибн Туфайл. Для выяснения утверждения Наллино мы обратились к факсимильной и сравнительно совершенной рукописи “Китаб аш-шифа”, хранимой под инвентарным № 2099 в Государственном университете Санкт-Петербурга. Действительно, дело обстоит так, как говорил Наллино, однако он приводит цитату также в сокращенном виде, что не дает возможности сделать окончательный вывод о высказывании Ибн Сины по этому поводу. После сличения цитаты, приведенной Наллино с вышеуказанным факсимильным

Содержание этих двух цитат из разных произведений Ибн Сины дает возможность сделать вывод о том, что “Китаб аш-Шифа” была написана до “ал-Хикма ал-машрикийя”, а “ал-Лавахик” - после неё. Здесь следует учесть и то, что действия прошедшего времени (им мы дали), которое относится к “Шифа”, и выражение намерения в будущем времени (дадим им), относящееся к “ал-Лавахик”, также могут служить аргументом подтверждающим это высказывание.

Часть логики “Восточной философии”, которая впервые была издана в 1910 г. в Каире Мухиб уд-дин ал-Хатибом [11а], скорее всего, называлась не “Логика восточных”. Видимо, издатель, основываясь на содержании сочинения, назвал его “Мантик ал-машрикийин” (“Логика восточных”), и ни в библиографических работах, ни в исследованиях по философии Ибн Сины мы не нашли части логики с таким названием. Саид Нафиси при упоминании сочинений мыслителя называет ее “Китаб-ал-машрикийин” (“Книга восточных”). Второе издание “Мантик ал-машрикийин” было осуществлено Шукри Наджаром в 1982 г. в Бейруте. Издателем написано большое предисловие, в котором в основном говорится о содержании сочинения и ни слова о его различных редакциях. В конце сочинения приводится следующее утверждение: “Эта книга была переписана Абд ур-раззакком ибн Абд ул-азизом Исмаилом ал-Фараби ас-Сафнаджи и сличена по мере возможности с оригиналом...[11а, 141]. Этот же издатель в своем предисловии указывает, что “Мантик ал-машрикийин” является частью “Восточной философии” Ибн Сины, которая до сих пор не издана.

изданием мы более полно процитировали высказывание Ибн Сины из предисловия “Шифа”. Вышеуказанная факсимальная фотокопия “Китаб-аш-Шифа” имеется в Институте философии и права АН Республики Таджикистан, редакция которой относится к ХУП в.

Называл ли Ибн Сина свою философию “машрикийа” “восточной” или “мушрики” (“иллюминативной”), является вопросом давним и спорным.²

Говоря о правильности формы “машрики” или “мушрики”, мы опираемся на статью Наллино, в которой дается обоснованная интерпретация этой формы с точки зрения правил и законов арабского языка. В частности, он отмечает, что форма причастия действительного и страдательного залогов в арабском языке употребляется для создания слов, обозначающих людей и их принадлежность к какой-нибудь группе или течению. Поэтому, когда мы говорим “мушрики” или “мутазили”, то это означает, что человек или группа людей принадлежит к течению мутазилитов или мушрикетов. Когда же речь идет о сущности течений, вещей и книг, то в арабском языке употребляют иную форму. Поэтому будет неправильным говорить “мазхаб муьтазили”, “мазхаб эьтизал”, “мазхаб ишрак” и “мазхаб ислам”. Следовательно, исходя из заглавия сочинения Ибн Сины “ал-Хикма ал-машрикийа”, его не следует понимать, как “Иллюминативная философия”. Кроме того, в опровержение утверждения о том, что Ибн Сина под словом “машрики” или “мушрики” якобы имел в виду иллюминацию, и что форма “мушрикийа” означает “иллюминацию”, возникает вопрос: почему же известный представитель иллюминативной философии Шахаб уд-дин Яхя ас-Сухраварди назвал его произведение “Фалсафат ал-ишрак”, а не “ал-Фалсафат ал-мушрикийа”? К тому же Ибн Сина в “Мантик ал-машрикийин” при разъяснении контрарности суждений отмечает: “Западники поступали неправильно, объясняя контрарность необходимых и возможных суждений принимая при этом во внимание только модальность, но не абсолютность, в то время как

² О мировоззренческом аспекте данного вопроса см. статью итальянского востоковеда К.А.Наллино “Попытка создания мусульманами восточной философии”, переведенной в 1946 г. египетским философом Абурахманом Бадави на арабский язык. - Каир, 1946.

абсолютность также является одной из модальностей [12,132]. Более того, в предисловии к “ал-Мубахасат” (“Полемические обсуждения”) он пишет: “Далее я сообщаю, что составил книгу под названием “Китаб ал-инсаф” (“Книга справедливости”), в которой разделил ученых на две группы - восточников и западников. Я изложил темы и проблемы, по которым восточники оспаривают мнение западников и наоборот, а в случае появления истинно трудноразрешимой проблемы указывал справедливый путь её решения”[2, 121].

Если исходить из этих двух приведенных выше цитат, то слово “машрики” (“восточный”) противопоставлено слову “магриби” (“западный” с точки зрения географии). Логически две противостоящие вещи должны означать и два противоположных значения. В этой связи египетский ученый Абд ур-Рахман Бадави, анализируя историю составления “Китаб ал-инсаф”, отмечает, что Восток - это Багдад и его философская школа, а Запад - это Александрия и комментаторы Аристотеля.

Свои произведения Ибн Сина разделяет обычно на две группы [3, 245]: первая - для массы, вторая - для определенной группы людей. Философские сочинения, написанные для массы, отличаются простотой и доступностью. Сочинения же, написанные для компетентной группы людей, лаконичны в изложении, т.е. рассчитаны на людей, обладающих определенной системой знаний. Поэтому “ал-Хикма ал-машрикийя”, по утверждению Сины, не для “амма” (массы), а для “хасса” (отдельных людей). Однако слово “хасса” нельзя интерпретировать как особую, специальную философию, отличающуюся идейно от других произведений Авицены, а следует понимать лишь как философию для философов - профессионалов. Смысловое и структурное содержание логической части дает нам возможность сделать вывод, что дух данного сочинения в основном соответствует другим сочинениям Ибн Сины. Правда, он подвергает критике фанатично “увлеченных” перипатетиков, но при этом высоко оценивает “достоинство досточтимейшего из предков” т.е.

Аристотеля. Это не означает, что он отошел от того философского направления, которого придерживался всю жизнь. Скорее всего, он стал более лаконичным, совершенным в изложении своих позиций.

Заслуживает внимания и признание Ибн Сины в том, что философию он изучал не только по книгам греков, но и по другим источникам. “Что касается нас, - пишет он, - то в начале нашего занятия философией понимание того, что излагалось предшественниками, было легким. Вполне вероятно, что науки попали к нам не только от греков. Когда мы занимались наукой, была пора молодости, и в это время нам сопутствовала божественная удача относительно того, что оставлено в наследие нам предшественниками. Затем мы скрупулезно сопоставили все, что досталось нам в наследство от науки, называемой греками “логикой”. Вполне вероятно, что эта наука имеет у восточных (народов) другое название, и потому мы изучили все то, с чем было возможно ее сопоставление, и то, с чем это было невозможно, искали для каждой вещи какую-то причину, и в результате оказалось истинным то, что было истинно, и осталось ложью то, что и было ложно” [12, 30].

Хотя Ибн Сина и допускает существование другого названия науки логики у восточных народов, однако в разделе “Об упоминании наук” он отмечает следующее: “Наука, которая должна быть инструментом, по обыкновению называется в это время и в этих странах наукой “логика”. Возможно, у других народов она имеет другое название, однако мы предпочли сейчас оставить ее под этим общепринятым термином” [12, 30].

Необходимо отметить, что перевод части физики и части о душе книги “Восточная философия” осуществлен на основе факсимиле под инвентарным № 2403, привезенного из Турции покойным академиком М.С.Асимовым. После завершения перевода материал факсимиле № 2403 был сличен с другим факсимильным изданием этого же произведения под № 4894. Третья книга “Восточной философии”, написанная на

древнееврейском языке, хранится в Бодлеане (Оксфорд под № 400. Копии № 2403 и № 4894 хранятся в фонде рукописей Института востоковедения АН Республики Таджикистан. Однако шрифт фотокопии № 4894 трудночитаемый, а фотокопия № 2403 не имеет начала и конца. Обе копии различаются только количеством строк текста, а не содержанием.

По нашим данным, ныне существующие части логики физики и части о душе пока еще не переведены на иные языки. Только предисловие части логики было переведено исследователями Касимом Гани[19], Сайид Хусейном Насром[23, 138-257], и "Алиасгаром Халаби[33,272-385] на персидский язык. Вышеупомянутые части "Восточной философии" Ибн Сины впервые переводятся на таджикский и русский языки нами.

Следует отметить, что наш перевод части физики и части о душе из "Восточной философии" осуществлен на основе фотокопии № 2403, сопоставленной нами с текстом "Фанни самой таби" ("Наукой о природе") из "Книги исцеления", переведенной на персидский язык Мухаммадом Али Фуруги [17], и частями физики из "Книги исцеления", подготовленными к изданию Ибрагимом Мадкурром и Махмудом Касимом[11]. Часть "Книги о душе" мы сопоставили с переводом А.Л. Хромова на русский язык [34] и Акбара Данасеришта на персидский[29]. Для сопоставления и чтения некоторых трудночитаемых мест "Книги о душе" из "Восточной философии" был привлечен арабский текст о душе из "Книги исцеления", изданной в Париже в 1982 г[30].

Фотокопия № 2403 сочинения "Восточной философии", на основе которой осуществлен перевод, состоит из 127 двойных листов или 254 страниц арабского текста. Текст написан почерком "наسخ", однако во многих местах отсутствуют диакритические знаки, в результате чего прочтение некоторых слов не только трудно, но и невозможно вообще. Это обстоятельство, а также отсутствие других рукописей осложняет и порою делает невозможным

выявление правильного варианта слова. Поэтому для правильного прочтения тех или иных слов при переводе существующих глав “Восточной философии” по мере возможности привлекались и другие произведения мыслителя. Нами использовались также и отдельные главы “Книги исцеления”, “Спасения”, “Указаний и наставлений” на арабском языке, а также “Книга знаний” на персидском языке. Вместе с тем необходимо отметить, что арабский текст ждет от исследователей своего критического издания хотя бы на основе сличения его с другими произведениями мыслителя, что, по нашему мнению, вполне осуществимо.

Вопрос о том, когда и при каких обстоятельствах рукописи фотокопии № 2403 и 4894 “Восточной философии” попали в Турцию, не проясняется ни из библиографических работ, ни из исследований на эту тему. Остается удовлетвориться высказываниями на титульном листе произведения, где говорится: “Книга восточной философии Ибн Сины”, и далее отмечается: “Составил ее Шайх ар-Раис Ибн Сина, да благословит его Аллах”. Затем идет номер фотокопии 2403 и аяты из “Корана”, после чего следует эпиграф, написанный “настаылик” без каких-либо диакритических знаков следующего содержания: “Эта книга является вакуфной законной копией нашеговеликого султана, хакана величественного, обладающего двумя сушами и двумя морями, служителя двух благословенных святынь Султан ИбнСултана ал-Гази Махмудхана. Она была составлена и переписана нижайшим Ахмадом Шайх-заде, контролером вакуфов двух благословенных святынь. Да, благословит Аллах обоих”. Далее идет печать на персидском языке следующего содержания: “О, Боже, у тебя Ахмад просит удачи”. Из содержания эпиграфа вытекает, что данная копия является вакуфной копией, принадлежавшей Султану Гази Махмудхану.³ Любопытно то, что эпиграф идентичного

3 Султан Гази Махмудхан является 24 султаном Османской Турции, который правил в 1143 х./1730 г. - 1168 г.х./1754 г. и был известен как поборник науки и знания.

содержания с небольшим добавлением приведен на титульном листе произведения известного философа, современника Ибн Сины Насира Хусрава “Хан ал-ихван”, написанного на персидском языке. После консультации со специалистами мы пришли к выводу, что текст переписан в XIII-XIV вв. н.э. После печати следует текст части физики, начинающийся такими словами: “Одни науки бывают частными, а другие - универсальными. Они имеют общее в том плане, что каждая из них имеет свою тему, истинная суть которой постулируется этой наукой и в ней изучаются ее сущность, соотносимые с ней состояния и сущностные акциденции...” [16, 2].

Содержание эпиграфа, помещенного на титульном листе, даёт нам основание сделать вывод о том, что некий паломник или же любитель науки из Исфахана или Газны привез с собой копию части физики и части о душе “Восточной философии”, благодаря чему она и сохранилась, ибо, как мы отметили выше, по словам Байхаки, лишь редкие копии произведений Ибн Сины существовали в библиотеках Махмуда Газневида в Газне.

Структура подачи материала в части физики и в части о душе “Восточной философии” отличается от таковой в других произведениях Ибн Сины. В частности, он выделяет такие отдельные темы, как материя, форма, место, время, пустота, небытие, бесконечность тела, действие и превращение, возникновение и исчезновение, минералы и небесные явления, и раскрывает их, в то время как в других его произведениях данные темы заключены внутри каких-нибудь больших глав.

При переводе материала частей “Физика” и “О душе” из “Восточной философии” мы пришли к выводу, что Ибн Сина в отличие от “Книги исцеления”, “Книги спасения” и других своих произведений, в данной книге в основном выражает только собственное мнение относительно рассматриваемых вопросов, а в том случае, когда хотя бы кратко излагает мнение своих оппонентов, то сразу же даёт свое толкование и оценку данной проблемы, отмечая при

этом, что более подробное изложение данного вопроса дается в таких главах “Книги исцеления”, как “Доказательство”, “Диалектика” и др.

Поскольку часть физики и часть о душе “Восточной философии” не имеют предисловия, то наши заметки опираются на содержание самого произведения. Здесь, как и в других своих сочинениях, Ибн Сина обычно употребляет глагол как в единственном, так и во множественном числе: “мы говорим”, “мы считаем”, “по нашему мнению”, что означает, “я говорю”, “я считаю”, “по моему мнению” и т.д. Когда же он сомневается в правильности ответа на какой-либо вопрос или же вообще не знает на него ответа, то восклицает: “О, если б я знал” или же просто признается, говоря: “не знаю этого вопроса”. Часть физики завершается книгой “О душе”, в конце которой говорится: “Речь на эту тему мы поведем в “Книге о животных...”. Если исходить из последнего высказывания, приведенного в конце книги “О душе”, то выясняется, что здесь недостает не только части “Метафизики” “Восточной философии”, но и некоторых других частей физики, например, “Книги о животных”.

Исходя из вышеуказанного, можно сделать следующие выводы:

1. “Восточная философия” Ибн Сины ждет от исследователей научно-критического анализа. Такая работа возможна на основе сличения “ал-Хикма ал-машрикийя” с “Китаб аш-Шифа” и другими сочинениями мыслителя.
2. Нельзя согласиться с мнением некоторых ученых о том, что “Восточная философия” была написана Ибн Синой в конце его жизни. Две цитаты, приведенные и проанализированные нами выше, дают возможность сделать вывод, что “Книга исцеления” была написана до “Восточной философии”, а “Книга о дополнениях” - после нее. В таком случае “ал-Хикма ал-машрикийя” не могла быть написана в конце жизни мыслителя, и, по всей вероятности, ее создание относится к 1027-1029 годам.

3. Согласно верному замечанию М.Диноршоева, значение и место “Восточной философии” Ибн Сины можно определить только после ее сличения и сопоставления с “Фалсафат ал-ишрак” Ш.Сухраварди и “ал-Мабахис ал-машрикийя” Фахр уд-дина Рази.

Нельзя также согласиться и с мнением о том, что “Восточная философия” является “новой философией” Ибн Сины, отличающейся от других его философских произведений. Содержание этого сочинения представляет возможность сделать вывод, что оно принципиально не отличается от других его сочинений. Да мы и не вправе требовать от ученого, который придерживался всю жизнь определенного философского направления, чтобы в конце жизни он отрекся от него и создал свою “новую философию”. Для аргументации данного утверждения уместно было бы привести высказывание об “ал-Хикма ал-машрикийя” итальянского востоковеда Наллино: “Что касается меня, то я от нее не ожидаю необычных открытий, так как, за исключением некоторых моментов, с большей вероятностью, “ал-Хикма ал-машрикийя” не отличается от других книг Ибн Сины, содержащих перипатетический характер, что проявляется более в способе постановки и распределения материала нежели в ее содержании и сущности...”[22, 289].

Предварительное сравнение текстов “Книги исцеления”, “Книги спасения”, “Указаний и наставлений”, “Книги знаний” и “Восточной философии” дало возможность сделать вывод о том что последняя принципиально не отличается от этих сочинений.

4. По нашему мнению, трактовать произведение Ибн Сины как “машрики” или “мушрики” можно только исходя из содержания произведения. Мы считаем более верным употреблять слово “машрики” (“восточный”), имеющее здесь географический смысл и противопоставляемое слову “магриби” (“западный”).

5. “Восточная философия” Ибн Сины явилась весомым вкладом в историю философии и в ней, как и прежде, философ выступает сторонником перипатетической школы.

Вторая книга Ибн Сины, вошедшая в данный том, - это “Китаб ал-хидая” (“Руководство по философии”). Перевод этой книги сделан на основе критического издания, осуществленного египетским ученым Мухаммадом Абдо. По словам М.Абдо, рукопись этой книги хранится под № 2475 в библиотеках Айа София и №4894 в Нури Османья в Турции. В предисловии к своей книге Ибн Сина пишет: “Далее собрал я в этой поучительной книге совокупность науки мудрости в лаконичных словах и ясных выражениях, дабы, когда выучишь и постигнешь их, твой труд стал легким, а польза от него огромной. Я прибегаю в этом к помощи Аллаха. Тому, кто искренне просит от него помощи, он укажет правильный путь”[10].

Относительно цели “Китаб ал-хидая” ученик Ибн Сины Абу Убайд Джузджани в малоизвестной своей книге “История Шейха”, посвященной жизни и деятельности Ибн Сины и упомянутой М.Абдо в предисловии к “Китаб ал-хидая”, отмечает: “Китаб ал-хидая” содержит вопросы, связанные с мудростью, и была она написана во время заключения автора в крепости Фарджан. Она посвящена брату Ибн Сины, Али, и охватывает различные части философии...”[10,13].

После освобождения из тюрьмы в 1023 году Ибн Сина вместе с братом и учеником Абу Убайдом Джузджани бежит в Исфахан. Здесь он завершает “Книгу исцеления”, “Канон врачебной науки”. Именно в этот период жизни, а конкретнее в 1023 году в возрасте сорока четырех лет Ибн Сина написал “Китаб ал-хидая”. К этому времени он был известен не только как искусный врачеватель, но и как крупный философ.

Небольшая по объему “Китаб-ал-хидая”, хотя и написана после “Китаб аш-шифа”, однако, как и последняя, является наиболее полным, наиболее лаконичным его философским произведением. Эта книга, как и другие произведения Ибн Сины - “Книга исцеления”, “Книга

спасения”, “Донишنامه”, “Указания и наставления”,- начинается с логики, охватывает физику и завершается математикой. Ибн Сина пишет о содержащейся якобы в книге главе под названием “Конец четвертой дисциплины”, но таковая отсутствует в “Китаб ал-хидая”, в которой анализируются только три дисциплины: логика, физика и метафизика. По этому поводу М.Абдо предупреждает исследователей о необходимости учета того обстоятельства, что еще с давних времен те, кто изучал эту книгу Шейха, даже не ведал о главе по математике...”[10,13]. Своё высказывание он аргументирует тем, что математика является точной наукой и не нуждается в повторном объяснении, от чего Ибн Сина, освещая математику только в “Книге исцеления”, не затрагивает ее в других произведениях и, в частности, в “Китаб ал-хидая”. По этому поводу сам Ибн Сина в предисловии к части логики “Восточной философии” говорит следующее: “Что касается математической науки, то эта наука, относительно которой нет разногласий”[12,28]. На наш взгляд, “Китаб ал-Хидая” является своего рода введением к его философии, ибо арабское слово “хидая” означает “ведение по правильному пути” или “руководство”.

В философском наследии Ибн Сины значительное место занимает его небольшой трактат “Об определениях”. Французский перевод трактата был осуществлен А.М.Гуашон[38]. Она же использовала его материалы при составлении своего словаря терминологии философского наследия Ибн Сины. Иранский ученый Махди Фуладванд[14], сделал перевод трактата на персидский язык, опубликовав его вместе с арабским оригиналом [14]. Чешский перевод трактата осуществлен ориенталистом Ярмилой Степковой[39]. Забихулла Сафа и Джордж Шахата Канавати отмечают, что рукописи трактата “Об определениях” хранятся в библиотеках Тегерана, Мешхеда, Стамбула, Берлина, Лейдена, Британского музея, Каира [28,29;18,21].

Фрагменты данного трактата, охватывающие 10 таких философских терминов, как “определение”, “описание”,

“разум”, “первоматерия”, “субстрат”, “материя”, “субстанция” были переведены А.Д.Шариповым и Х.Джанматовой[25,110-116]. Полный перевод трактата на русский язык осуществлён нами впервые на основе константинопольского издания [15] и перевода на фарси Махди Фуладванда[14]. Ранее нами же был выполнен перевод трактата на таджикский язык.

В настоящем трактате Ибн Сина приводит толкование 72 наиболее важных философских терминов, отражающих широту круга и глубину философских воззрений мыслителя. Трактат может служить достоверным словарем-справочником при изучении философского наследия Ибн Сины, так как в нем разъясняются такие многозначные понятия, которые полисемантичны не только с точки зрения лексикологии, но и философии.

Четвертой работой Ибн Сины, вошедшей в настоящий сборник его избранных произведений является небольшой трактат “Об этике”. Анализ философской системы Ибн Сины дает нам основание сделать вывод о том, что будто бы мыслитель оставил неизгладимый след главным образом в области философии, логики, психологии и медицины, и в меньшей степени оказал влияние на развитие этики. Но это не столь верное впечатление, ибо его перу принадлежат еще два кратких трактата “Ал-Бирр ва-л-исм” (“Благочестие и грех”), “Илм ал-ахлак” (“Наука об этике”), а также некоторые экскурсы на эту тему, приведенные в “Китаб аш-Шифа” (“Книга исцеления”).

Очевидно на вопрос о том, почему в поле зрения Ибн Сины в меньшей степени оказались этические вопросы, возможно ответ следует искать в том, что он решал этические проблемы в рамках своих психологических трудов, либо исследование этой части философской мысли оставлял другим, в частности, своему старшему современнику Ибн Мискавейху - одному из основателей этической науки в исламской философии. Как бы то ни было, этическая тема в системе многогранной исламской философии, в частности в

творческом наследии Авиценны заслуживает самостоятельного исследования.

Если вникнуть в основную цель трактата «Илм ал-ахлак», то обнаружится, что Авиценна подвергает в нём исследованию два основополагающих вопроса этической мысли: 1) добродетели (фадаил) и пороки (разаил) и их разновидности; 2) этические цели. Сама цель автора, указанная в его предисловии, говорит о том, что этот труд посвящен вопросам, связанным с добродетелями и пороками. Он говорит:

«Тот, кто стремится познать самого себя, желает постичь свои добродетели, пути их обретения, дабы очистить с их помощью свою душу, равным образом стремится познать свои пороки, способы их устранения с тем, чтобы очиститься от них, предпочитает выбрать наилучшее поведение. Ибо этим он может выполнить истинный долг своей человечности, проистекающей от осознания необходимости совершенства, способствующего достижению счастья в этой и загробной жизни».

Из содержания трактата "Илм ал-ахлак" вытекает, что Ибн Сина классифицирует добродетели в соответствии со своим учением о душе, связывая их с отдельными его частями. Данное утверждение подкрепляется тем, что одним из кардинальных психологических и этических проблем является вопрос о том, что есть благо; в состоянии ли человек достичь блага; какими путями ему следует идти к его достижению; что есть высшее благо как наиболее достойная цель человеческих устремлений. Для прояснения этих и других вопросов необходимо обратиться к его трактату "О сущности любви".

Пытаясь определить специфику добродетелей, Ибн Сина прибегает к помощи психологии, так как считает, что все добродетели суть приобретённые качества и имеют прочную связь с привычкой. Важным моментом этического учения при характеристике добродетелей является понятие "золотая середина", раскрываемое мыслителем тщательным

образом и такой его подход берёт своё начало от его отношения к разумной душе, которая под влиянием объективных и субъективных факторов изменяет свою умеренность в положительную или отрицательную стороны. "Приобретаемые качества, - говорит «Ибн Сина, - это умеренность в еде, утомлении и других вещах, изучаемых в искусстве врачевания... Умеренность в действиях также измеряется в соответствии со временем и местом, в котором происходит действие, ради кого происходит действие, на кого направлено действие и куда направлено действие...".

Ибн Сина не ограничивается общим суждением о добродетелях, тщательно анализируя свойства каждой из них. Так, например, характеризуя целомудрие, он указывает, что "она есть середина между алчностью и страстностью и им подобным [с одной стороны] и бесстрастием [с другой]...". Однако добродетель не есть просто середина, которая направлена на определённые цели. "Добродетель целомудрия, - это не только воздержание человека от чрезмерности в области чувственных страстей как то -еды, питья, совокупления и подчинения одной из них, но и также обуздания их и распоряжение ими разумно...".

Среди этических добродетелей первое место занимает справедливость: "Что касается справедливости, то она относится ко всяческим человеческим силам и она сторонится пороков, противоположных добродетелям...".

Особый интерес в системе добродетелей Ибн Сина представляет их политическое влияние на умонастроение господ и поданных. Во многом благосостояние и нравственный уклад жизни народа зависит от государственных мужей и зависит от добродетельных деяний правителей: "Добрый нрав, также как и дурной, достигается только в силу существования привычек... Доказательством этому служат нравы, которые мы наблюдаем у достойнейших политических деятелей и мудрых правителей, дарующих жителям городов добро, равно как и плохие политические

деятели и завоеватели городов, превращающие свой город в скверный, приучая его к совершению зла...".

Поскольку этика Ибн Сины в трактате "Илм ал-ахлак" во всех главных пунктах носит метафизический характер, то он считает, что человек по природе наделён стремлением к благу, более того, к Абсолютному высшему благу и конечной целью человека является совершенствование и познание необходимосущего.

Таким образом, краткий анализ содержания трактата Ибн Сины «Об этике» показал, что, несмотря на краткость самого трактата, он охватывает основные вопросы этики и их определения. В процессе анализа обнаруживается, что Авиценна придерживается в основном тех положений этической мысли, основы которых были заложены еще Аристотелем, другими древними мыслителями, в частности, ал-Фараби. Поэтому подробный анализ трактата и этического учения князя философов оставляем исследователям истории философии, но при этом хотелось бы отметить, что трактат "Об этике" Ибн Сины, несмотря на незначительность объёма, является очень важным звеном формирования и развития этической мысли в исламской философской мысли Востока и общечеловеческой культуры в целом. Переводчик выражает признательность академику М. Диноршоеву, Р. Садыкову, С. Грецки, В. Д. Привозной, М. Лагзибековой, Н. Рахимову и другим философам и филологам, которые прочитали рукопись данных произведений и высказали полезные замечания.

Особые слова благодарности переводчик хотел бы выразить Советнику по культуре и руководителю Культурного центра Посольства Исламской Республики Иран в Туркменистане доктору Гуламхусейну Гуламхусейнзаде, а так же Чрезвычайному и Полномочному Послу Республики Таджикистан в Туркменистане Таджиддину Мардони, благодаря усилиям и любезному содействию которых эта книга вышла в свет.

ВОСТОЧНАЯ ФИЛОСОФИЯ
(АЛ –ХИКМА АЛ- МАШРИКИЙА)

’ ’
.

’ . . ’
’ ’
’ “
”
.

“ ”

ПРЕДИСЛОВИЕ

ВО ИМЯ АЛЛАХА МИЛОСТИВОГО И МИЛОСЕРДНОГО!

Итак, совесть побудила нас к составлению рассуждения о том, относительно чего расходятся исследователи. В этом рассуждении мы не были фанатичны или пристрастны, не придерживались принятого обычая или симпатии. Мы не обратили внимания на наши расхождения, которые выявились при сравнении с тем, что некогда было написано по неведению и малому разумению теми, кто изучал книги греков. Также мы не обратили внимания и на то, что было услышано нами относительно собственных сочинений, которые мы составили для философствующей массы, [т.е.] страстно влюблённых перипатетиков, считающих, что Аллах только им указал истинный путь и только им даровал свою милость. Однако мы при этом признаём достоинство наиболее достопочтимого их предшественника¹ и его прозорливость в том, что укрылось от взора его соратников и учителей, в его чёткой дифференциации отраслей наук и в упорядочении их более лучшим образом, нежели ранее, в постижении им сути множества вещей и понимании таинственных основбольшинства наук, в ознакомлении людей с тем, что было изложено предшественниками и соотечественниками. А ведь это самое большое, на что способен человек, первым протянувший руку для различения смешанного и исправления порченного. Однако те, кто пришёл после него, вправе были собрать воедино его разрозненные мысли и заполнить брешы, которые они нашли в том, что он возвёл, и выделить его основные принципы, но пришедшие после него не приложили своих стараний для завершения того, что было получено ими от него в наследство. Они потратили свою жизнь на уяснение того, в чём он преуспел, слепо следуя некоторым его чрезмерным упущениям. Да, эти люди всю жизнь занимались изучением наследия минувшего и не располагали временем, чтобы вновь обратиться свой разум к этим

вещам, а если бы даже имели на это время, то всё равно не позволили бы себе дополнить, исправить или пересмотреть сказанное предшественниками.

Что касается нас, то уже в начале наших занятий этими вопросами их решение представилось нам достаточно лёгким. Вполне вероятно, что науки попали к нам и помимо греков. Время, в которое мы занимались этой наукой, было порой молодости и, с благоволения Аллаха, мы смогли найти причину недостаточного понимания того, что нам оставили в наследство. Затем мы сопоставили буквально всё это с отраслью науки, называемой греками “логикой”. Вполне вероятно, что у восточных народов она имеет другое название. Мы ознакомились с тем, что сопоставимо, и с тем, что было трудно сопоставить, причём в каждом случае мы искали некую причину. И стало истинным то, что было истиной, и оказалось ложным то, что было ложным.

В тех случаях, когда занимающиеся науками чрезмерно увлекались перипатетиками, мы не выступали против них и присоединялись к ним, также фанатично выступая за перипатетиков, ибо самые значительные их группы страстно поддерживали перипатетиков. Мы даже усовершенствовали то, что они хотели выразить, но были бессильны в этом и не достигли своей цели, закрыв глаза на то, в чём они запутались, придумав даже для этого некие причины и выход, хотя мы явно ощутили эту путаницу. Свой голос против них мы подавали открыто только в тех вещах, терпеть которые более было невозможно. Но всё же многое мы покрывали завесой неведения. Так, нам не понравилось, что невежды выступали против того, что пользуется, с их точки зрения, известностью и в чём они не сомневаются, сомневаясь при этом в существовании ясного дня. Некоторые вопросы были настолько тонки, что не поддавались даже разумным взорам тех, кто жил в эту эпоху. Мы также впали в несчастье вместе с этими глупцами, а ведь “они были подобны вкопанному столбам”², ибо усматривали в глубине мысли ересь, а в противоречии общепринятому – заблуждение. Они были словно ханбалиты³ в книгах хадисов⁴. Но если мы находили среди них кого-нибудь благоразумного, то приписывали ему то, что

исследовали сами, дабы оказать им помощь, чтобы им удалось глубоко проникнуть в суть этого исследования и чтобы они могли дать нам взамен пользу.

Из числа того, о чём мы не хотели бы говорить, пройдя мимо, это невыявленная истина, на которую указывают, но которую не приемлют, кроме как с предубеждением. Поэтому в большинстве случаев, о сути которых мы являемся сведущими, мы оказывали им помощь и не принесли ущерба. И если бы к тому, что нам открылось в самом начале, когда мы приступили к этому занятию (науками), мы не вернулись снова, ради испытания самих себя, и не обратили бы свой взор на эти вопросы повторно, то мы не сумели бы изложить по этому какого-либо мнения, а наши мысли смешались бы, и в наши убеждения проникло бы сомнение, и тогда бы мы произносили “абы” да “кабы” [“может быть” и “быть может”]. Однако, вы, друзья мои, знаете наше дело с самого его начала и до самого конца и знаете его между нашим первым и вторым суждением [мнением]. Когда мы нашли состояние своих дел таковым, то мы должны были верить большему из того, что мы сами испытали, о чём сделали вывод и что постигли. Особенно это касается великих целей и высших идей, которые мы сотни раз рассчитывали и выверяли. Когда же дело приняло такой оборот, а состояние стало таковым, у нас появилось желание составить книгу, охватывающую важнейшие основы истинной науки, которые постигнет тот, кто пристально вглядывается и долго размышляет, имеет хорошую интуицию и проявляет старание для взаимного согласия людей, но против своего убеждения в преследовании и поддержке вопросов, противоречащих правде. И не будет более заслуживающего внимания [людей], чем тот, кто проявляет фанатизм в отношении какой-либо другой группы, но когда речь будет идти об истине, выступает против этой группы, ибо только лишь правда спасёт их от пороков.

Мы составили эту книгу не только для нас самих, но и для тех, кто стоит на одном уровне с нами. Что же касается массы, увлекающейся этим делом [т.е. философией], то им мы дали многое из того, что необходимо, и даже сверх их потребности в “Книге исцеления”. Далее мы дадим им в книге “ал-Лавахик”⁵ то,

что пригодится им сверх того, что они получили. Во всех случаях на Помощь одного Аллаха уповаем.

О НАУКАХ

Наук воистину имеется множество, и стремление к ним различно. В первую очередь они делятся на две категории: первая категория – это науки, законы которых действуют не во все времена, а только в какой-то промежуток времени, становясь впоследствии недействительными или ненужными по своей сущности в некий период и затем вновь проявляя свою необходимость. Вторая категория – это науки, равнозначные для всех времён, и эти науки заслуживают того, чтобы называться “мудростью”. Одни из них являются основными, а другие – вспомогательными. Наша цель здесь – изучение основных наук, а не тех, которые мы называем вспомогательными (это например, медицина, земледелие).

К частным наукам относятся астрология и другие ремесла, в упоминании которых нет надобности.

Основные науки также делятся на две группы. Вообще, наука должна либо приносить пользу в познании тех явлений, которые имели место в данном мире, и тех, что имели место до возникновения этого мира, тогда конечной целью искателя знания должно быть не что иное, как усвоение науки, дабы она стала орудием его разума, благодаря которому он постигнет некие иные науки (науки о существующих явлениях в мире и существовавших до него); искатель должен использовать науку как инструмент в постижении смысла вещей, существующих в этом мире или существовавших до него. Науку, которая призвана быть таким инструментом, в те времена и в этих странах обычно называют “логикой”. Возможно, у других народов она имеет иное название, однако мы предпочли назвать её здесь этим общеизвестным именем. Эта наука является орудием⁶ для других наук, так как она указывает на основные принципы [законы], в понимании которых нуждается всякий, желающий распознать неизвестное через известное путём использования этого известного таким образом и в таком отношении, которое приведёт исследователей к всеобъемлющему познанию неизвестного. Стало быть, эта наука выявляет все стороны и аспекты, указывающие на движение разума от известного к неизвестному, и те стороны и аспекты, которые вводят в заблуждение и внушают исследователю, будто избранный им

путь от неизвестного к искомому является верным, хотя это и не так. Вот что представляет собой одна из групп основных наук.

Вторая группа в первую очередь также разделяется на две категории: либо целью науки является очищение души от того, что возникает в ней под воздействием только познанного образа; либо её целью является не только это, но и сотворение образа вещи, который запечатлевался бы в душе.

Первая (группа наук) взаимодействует с реально существующими предметами не потому, что они отражают наши действия и состояния, а потому, чтобы знать наиболее истинные причины их возникновения в нас, сотворения их нами и существования их в нас. Вторая группа рассматривает всё это как реально существующие явления, составляющие наши действия и состояния, с целью познания наиболее истинных причин их возникновения в нас, сотворения их нами и их существования в нас.

Известно, что люди нашей эпохи называют первую группу наук умозрительными, так как их конечной целью является умозрение, а вторую – практическими науками, конечная цель которых – практика. Умозрительные науки состоят из четырёх частей и утверждают, что предметы либо смешаны с конкретной материей, с точки зрения определения и состава, либо по природе они не могут существовать во всякой материи и не постигаются, кроме как в определённой материи, например, “человечность” и “костистость”, хотя и бывает так, что ум первоначально не отвергает того, чтобы в нём пребывала любая материя, а такое случается из-за ошибки разума. В самом деле, разум по необходимости нуждается в отказе от этого допущения и знании того, что этот данный смысл не содержится в материи, если только не будет получено дополнительное значение, которое подготавливает её [материю] к этому [значению]. Как например, “чернота” и “белизна”. Это есть пример реально существующих предметов и качеств.

Так же обстоит дело и с предметами, состоящими из примесей. Хотя разум нуждается в правильном представлении многих из них и отнесении их к материи или к тому, что подобно материи, но ум допускает и в себе и в бытии, что эта материя не

является какой-либо определённой материей. Всякая материя может смешиваться с чем-либо, если этому не препятствует что-либо, и при этом она не нуждается в каком-то предварительном факторе, предназначенном для неё, как, например, “тройственность” или “двойственность”, которые являются её составляющими и подлежат сложению и вычитанию, как например, “округлость” и “квадратность” и всё то, существование чего и представление о чём не нуждается в изменении его материи. Это второй разряд явлений и реально существующих вещей.

Что касается вообще явлений, отличающихся с точки зрения материи и движения, то они не могут смешиваться ни в материи, ни в истинном разумном представлении, подобно всевышнему Первотворцу и разного рода ангелам. Это – третий вид явлений, существующих вещей. Однако есть явления и идеи, которые смешиваются с материей или не смешиваются с ней, и они входят в число вещей, воспринимающих смешение или не воспринимающих его, как например, понятия “единство”, “множество”, “универсальность”, “частность”, “причинность” и “следствие”.

Умозрительные науки состоят из четырёх частей, и каждый разряд предметов и явлений обладает своей наукой. Вошло в привычку называть первую группу “естественными науками”, вторую – “математическими”, третью – “теологическими”, а четвёртую – “универсальными”, хотя такое распределение не является общепризнанным. Таковы умозрительные науки.

Что касается практических наук, то посредством их изучают то, каким должен быть человек сам по себе и в присущих ему состояниях, чтобы стать счастливым в этом и потустороннем мире. Некоторые называют эту науку “этикой”. П посредством неё изучают также то, как строятся людские взаимоотношения, которые должны основываться на разумном порядке, будь то частные взаимоотношения или общие. Частные взаимоотношения – это те, что существуют в одном доме, а общие – те, что существуют в целом городе. А всякое взаимоотношение обычно зиждется на общепринятом законе;

лицо, контролирующее исполнение этого закона, должно блюсти его, действовать согласно ему и защищать его. Лицу, осуществляющему защиту законоположений, не следует вверять одновременно две должности. Следовательно, нельзя возлагать на того, кто занимается управлением города, ведение домашнего хозяйства. Поэтому город должен иметь отдельного управляющего, а всякое хозяйство – самостоятельную главу. В этом смысле было бы хорошо, если бы для ведения хозяйства и для управления городом предназначались отдельные статьи. Не имеет здравого смысла создание для ведения хозяйств одного установления, а для управления городом – другого. Предпочтительней, чтобы в том, что касается учёта особенностей каждого, установитель был одним человеком, а в том, что касается общих и частных взаимоотношений – другим, обладающим одним искусством, а им может быть лишь пророк.

Что касается занимающегося благоустройством хозяйства и способом ведения его, то лучше их не смешивать друг с другом. И если каждому установлению ты отведёшь отдельную главу, то не будет в этом беды. Однако ты сочтёшь более целесообразным выделить науку этику, науку о благоустройстве хозяйства и города в отдельные главы, обособив от них искусство установления и всё, чему надлежит быть связанным с ним, в самостоятельную главу. Из нашего высказывания “всё, чему надлежит быть связанным с ним”, не следует, что установление искусство есть искусство выдуманное и изобретённое, а не исходящее от бога, и что каждый разумный человек обладает им. Нет, наоборот, оно исходит от бога, и не всякий, даже разумный человек, может им обладать. Нет ничего предосудительного в том, что мы рассмотрим многие вещи, проистекающие от бога, и то, каковыми они должны быть.

Таким образом, эти четыре науки являются частями практической науки, подобно тому, как другие четыре науки были частями умозрительной науки.

Мы не намерены анализировать в этой книге все части умозрительных и практических наук, а хотим исследовать из категорий этих наук лишь инструментальную науку [логику], универсальную науку, теологию, а также основную науку о

природе. Из практической науки мы приведём лишь столько, сколько необходимо ищущему спасение. Что касается математической науки, то это наука, относительно которой нет разногласий. То же, что мы привели в “Книге исцелений” – пусть даже это и будет повторением – приведём и здесь.

Таково состояние классов практической науки, которая не будет изложена здесь нами. Сейчас именно и есть [подходящее] время для того, чтобы рассмотреть инструментальную науку, которой и является логика.

О НАУКЕ ЛОГИКЕ

Первая часть. О понятии и суждении

Первая статья. О посылках понятия

Мы хотим пояснить, каким образом мы переходим от вещей, возникающих в нашем воображении и уме, к другим вещам, не возникающим в нашем воображении и уме и получаемым нами при помощи первых.

Предметы, возникающие в нашем воображении и уме, [сперва] должны неизбежно предстать нашему воображению и уму, и только после этого мы можем представить их таким образом, что им либо не сопутствует утверждение, либо сопутствует. Понятие, которому сопутствует утверждение, схоже с нашим представлением значения высказывания говорящего “человека” и нашего высказывания “идём ли мы”. Понятие, сопровождаемое утверждением, схоже с нашим представлением [значения] высказывания говорящего “четыре – чётное число”. Если и мы утверждаем это, то неизбежно должны убедиться в его истинности. Тогда наше высказывание “четыре – чётное [число]” станет тем, что предшествует, а его значение будет представлено нами таким образом, что если у нас возникло понятие, то возникло и утверждение его. Таким образом, прежде всего должно быть понятие, ибо если мы не представим значения чего-либо, то нам и не явится его утверждение. Но понятие может возникнуть и без сопутствующего ему утверждения.

Из всего, что мы сказали, вытекает, что в отдельных понятиях, которые мы представляем, понятие переходит в утверждение, но бывает так, что часть этих понятий переходит в другие вещи, которые не имеют отношения к науке. И если дело обстоит таким образом, то вещи, которые мы стремимся представить в нашем воображении и уме, сознании и душе, какими бы словами мы их не выражали, мы желаем этим либо получить лишь понятие о них, либо утвердить их в себе по необходимости. Следовательно, если мы желаем уяснить, как мы отыскиваем то, что получаем в своей душе, то мы или выясняем, каким образом получаем понятие, или каким образом получаем утверждение.

Несомненно, путь, которым достигается понятие, должен отличаться от способа получения утверждения. Обычно то, при помощи чего получают утверждение, люди называют “поясняющей речью” или “отыменным выражением”. Среди них есть и такие, которые называют это “определением”, и такие, которые называют это “описанием”. Понятие, получаемое благодаря утверждению, называют обычно или “аргументом”, или “силлогизмом”, или “индукцией” и т.д.

Поскольку понятие возникает до утверждения, то изучение “поясняющей речи” должно предшествовать изучению “аргумента”, и следовательно, каждому из них нужно посвятить отдельное повествование, которое не смешивалось бы с другим. И если не рассматривать вначале одно из них, то его рассмотрение позднее может оказаться ненужным. А тот, кто не сделает этого, создаст сильную путаницу, так как всякая “поясняющая речь” и каждый “аргумент” состоят из понятий и слов. И всё, что состоит из вещей, не может быть по-настоящему использовано, пока мы не узнаем, из чего состоит эта вещь, в том смысле, что нужно для того, чтобы из неё было составлено нечто сущностное. Поэтому необходимо, если, например, мы ищем определение и аргумент, знать, во-первых, о предметах, из которых состоит определение, но, во-вторых, не всё, а лишь то, из чего складываются определение и аргумент. Об этой стороне вопроса мы ещё поговорим. Таким образом, наука, указывающая способ достижения этого, и есть инструментальная наука –

логика. Объектом её являются понятия, способствующие становлению, благодаря которым возникает какая-либо вещь в нашем уме, которая в нём не существовала с точки зрения того, является ли она одной из реально существующих вещей, как например, субстанции, количества, качества и т.д. Если мы обратим внимание на её суть, то увидим, что она является или субстанцией, или количеством, или качеством и т.д., и если она по сути является одной из таковых, то это значит, что имеется и какое-то суждение о ней, которое может быть частью “поясняющей речи” или “аргумента”.

О ПРОСТОМ ПОНЯТИИ И ПРОСТОМ ЗНАЧЕНИИ

Простое указывающее слово – это слово, обозначающее то или иное понятие, часть которого не выражает значения какого-либо предмета, хотя, быть может, иногда оно и указывает на некое понятие. Так, мы говорим “человек”, подразумевая понятие “разумное животное”, иногда же часть этого высказывания ничего собой не выражает. Так, говоря “Абдашшамс”⁷, мы имеем в виду конкретное лицо, поскольку оно является таковым, не думая что оно есть “раб солнца”, ибо “Абдашшамс” может быть высказыванием, подразумевающим и раба, и Солнце. И, наоборот, в других случаях не обращают внимания на то, что оно обозначает и “раба” и “Солнце”.

Если высказывание не обозначает чего-либо, то оно не может быть осмысленным, ибо, когда мы говорим: “Имеющее смысл слово” значит, хотим что-то обозначить, а не то, что высказывание само по себе будет иметь обозначение.

Простое понятие – это понятие конкретное в том смысле, что разум обращается к нему, как таковому, и не обращается к чему-либо, что конституируется от него или образуется вместе с ним, хотя в другое время разум может обратить или не обратить внимание на другие понятия, заключающиеся в нём или сопутствующие ему.

ОБ ОБЩЕМ

И ЧАСТНОМ ПОНЯТИИ

Если случается так, что само представление простого понятия без причины извне позволяет уму представить самое простое понятие, выразить его и убедиться в том, что каждый из множества [предметов] является таковым, то такое понятие является общим, как например, “человек” действительно может быть высказано по отношению к каждому человеку из многих на том основании, что он есть “человек”, и что он есть человек утверждается также вуме. Например, значение “форма, окружённая двадцатью треугольными основаниями”, допускает, чтобы в уме представилось много предметов, каждый из которых является “формой, окружённой двадцатью треугольными основаниями”, хотя данное понятие отобразить трудно. Кроме того, например, понятие “солнце” [я не утверждаю, что именно данное солнце] можно представить по-разному в виде множества солнц и каждое из них можно назвать солнцем и определить как солнце. Если что-то препятствует этому и не позволяет представить множество солнц, то нет и самого представления. Но если само представление не допускает представления множества предметов, то оно является частным. Как, например, в случае с нашими высказываниями “Зайд”, т.е. конкретное лицо, на которое указывают, или “это двадцатигранная фигура”, или “это солнце”. Здесь само представление не допускает множества, так как вышеуказанное не может быть другим, кроме как “тем конкретным”. Так же обстоит дело в отношении некоей фигуры или солнца.

ВЫСКАЗЫВАНИЕ О ВЕЩИ

Если утверждают, что некая из вещей является такой-то, то это значит, что таковым является её предикат, независимо от того, является ли этот предикат высказанием, воспринимаемым на слух, или высказанием, воспринимаемым подспудно.

Предикат не обязательно охватывает значение описываемой им вещи. Так, можно сказать: “Человек есть [часть рода] человеческого”, но нельзя сказать, что “человек умеет

смеяться”. Скорее всего, условием существования предиката должна быть его истинность, хотя оно может не обладать таковой, ибо высказыванием “человек есть существо смеющееся” не означает, что если человеку свойственно понятие человечности, то он умеет смеяться, поскольку ему свойственно смеяться, ибо такое высказывание ложно. Но это вовсе не означает, что человек есть существо смеющееся лишь в этом смысле, а наоборот, это означает, что понятие, именуемое человеком и включающее в себя качество человечности, обладает и качеством умения смеяться. Следовательно, человек умеет смеяться как субъект, который является по природе субъектом воистину, одним во всех отношениях, и этот субъект не является общим предметом [субъектом], скорее всего, он есть более частная вещь, и субъект [сущность] в этом отношении есть человек, который умеет смеяться. Было бы неправильным предполагать, что субъект имеет два состояния или два качества или две акциденции, в результате чего он становится [одновременно] и человеком, и существом, умеющим смеяться. Следовательно, этому субъекту присущи эти два качества, ибо субъект абсолютно не подлежит спецификации, а если и будет специфицирован, то лишь по отношению к “некоему подобному человеку, умеющему смеяться”. Поэтому речь об этом будет подобна речи о человеке и о существе, умеющем смеяться, скорее всего, это одно из состояний субъекта, одна из присущих ему черт, то есть одна вещь, являющаяся по своей сути совершенно иной вещью. Но эта тема заслуживает исследования в рамках универсальной науки. Здесь же мы ограничимся [поэтому] тем, что наше высказывание “человек умеет смеяться” означает, что субъект, который является человеком, также является и существом, умеющим смеяться, ибо ему свойственна как человечность, так и смешливость. Однако может быть так, что этот самостоятельный субъект и есть само по себе человек или само то существо, умеющее смеяться, или некий третий субъект, обладающий неким свойством, благодаря которому он актуализируется как человек и в то же время как существо, умеющее смеяться. Данный [вопрос] должен рассматриваться в подробностях и в деталях универсальной наукой.

Если дело обстоит таким образом, то всякая вещь, на которую предидируются факторы, выражающиеся различными понятиями, обладает соответствующими ей иными присоединяющимися вещами и состояниями, являющимися либо частями её индивидуальной сущности, её бытия и её реальности, либо сопутствующими или акцидентальными признаками, ей не присущими.

Так, всякий предикат какой-либо вещи не адекватен своей сущности, которая может иметь либо конституирующий, либо сопутствующий, либо случайный акцидентальный [признак].

Так, конституирующий [признак] – это такое [понятие], которое входит в суть предиката, а затем эта суть образуется от него же и без него. Сопутствующий признак – это такое [понятие], которое всегда описывает предмет после выяснения его сущности, и он свойственен его сущности, но не входит в его истинную сущность. Акцентальный же [признак] – это [понятие], при помощи которого характеризуется предмет, который, однако, не должен постоянно описываться через акциденцию. Общность конституирующего и сопутствующего [признака] заключается в том, что каждый из них неотделим от предмета; общность же сопутствующего и акцидентального [признака] заключается в том, что каждый из них находится вне сущности вещи, а затем соединяется с ней.

Примером конституирующего признака может служить наличие треугольника как формы и человека как тела.

Примером сопутствующего [признака] является равенство суммы углов треугольника двум прямым углам⁸ и другие свойства, которые относятся к бесконечным предметам и являются бесконечными. Не может быть, чтобы небесконечные [свойства] выдвигались как условия сущности вещи, так как они являются небесконечными, как например, половина квадрата, треть другой фигуры и четверть третьей. Также обстоит дело и с другими состояниями вещей, которые подобны состояниям треугольника, которые могут меняться бесконечно.

Примером акцидентального признака могут служить старость человека и его молодость, а также и другие состояния, которым он бывает подвержен. Всякий простой предмет в

реальности и сущности не обладает конституирующими [признаками], и не следует обращать внимания на то, что утверждают о нём [люди], ибо в этом им содействует лишь их поверхностное знание.

О КОЛИЧЕСТВЕ ВЫРАЖАЕМЫХ СЛОВОМ ЗНАЧЕНИЙ

Имеется три класса выражения значений словом: адекватное выражение, включающее в себя нечто и подразумевающее нечто, что является переносом значений.

Что касается адекватного выражения, то оно подобно тому, когда слово “человек” служит знаком, указывающим на “разумное животное”. Выражение же “включающее в себя нечто” – это, когда, например, слово “человек” служит знаком, указывающим и на “животное”, и на “разумное”, ибо каждое из этих двух слов является частью, на которую [слово] “человек” указывает адекватным образом. Выражение “подразумевающий нечто” – это такое выражение, когда, например, слово “сотворённое” служит знаком, указывающим на творение: “отец” – на “сына”, “крыша” – на “стену” и “человек” – на “смеющийся”.

Выражение “подразумевающий нечто” должно адекватно указывать на изначальное значение, которое в свою очередь сопровождается другим значением. Исходя из этого, ум представляет это второе значение, которому соответствуют первое значение и которое сопровождает его.

Общность однозначного выражения и выражения, включающего в себя нечто, состоит в том, что каждое из них не является указанием на что-либо, находящееся вне вещи. Общность выражения, включающего в себя нечто, и выражения, подразумевающего нечто, заключается в том, что каждое из них является выразителем первого значения.

О ВИДАХ УКАЗАНИЯ ПРЕДИКАТА НА СУБЪЕКТ

Каждый предикат указывает на некий субъект. Либо он указывает на завершённую реальность субъекта, на то, каков он есть, и ни один из конституирующих [признаков] субъекта не укрывается от его указания. Либо, наоборот, он указывает на все конституирующие [признаки] субъекта путём включения их в себя, а на сущность же, если эта сущность обладает реальными частями, предикат указывает адекватным образом. Такое указание мы называем “особым указанием на сущность” или “указанием на то, что есть сама вещь”.

Если предикат представляет собой простое слово, то оно является названием вещи, а если это не простое слово, а выражение, то тогда оно является определением вещи. Примером этого может служить слово “человек”, являющееся названием природной общности индивидов, которые не разъединяются никаким привходящим обстоятельством, или же оно означает “разумное животное”, являющееся определением данной природы.

Если будет сказано: “Человек, смеющийся по природе”, то здесь сущность не будет выражаться; “человек” указывает на значение “смеющийся по природе”, поскольку это свойство ему присуще. Если мы говорим: “Чувствующее разумное”, то [здесь] делаем однозначное указание, однако сущность при этом не выражена, так как понятие “чувствующее разумное” адекватно выражает, что здесь подразумевается только чувствующий субъект, хотя оно может указывать и на совершенно иные понятия. Понятие же “разумное” означает только вещь, обладающую речью, хотя оно может выражать и другие значения, поскольку известно, что “чувствующее разумное” не может быть ни чем иным, как телом, обладающим душой, как это обстоит с понятием “разумное”, которое означает, что данное указание является подразумевающим в себе нечто, и оно не есть адекватное указание.

Следовательно, первое указание, относящееся к “чувствующему разумному”, лишено “телесности”, а понятия “питающийся” и “движущийся” и т.п. не включает ничего из этих признаков. Поэтому данное выражение не указывает адекватно ни на сущность, ни на предмет в том смысле, являются ли они

той сущностью и тем предметом, а указывает на нечто подразумеваемое. Что же касается слова “животное”, то это имя относится ко всей совокупности общих конституирующих [признаков] людей наряду с другими живыми существами. Стало быть, если оно соединяется со [словом] “разумное”, то тогда будет специфическим и полным. Если же предикат не указывает на это, тогда оно может указывать либо на конституирующий признак, либо на неотъемлемый, либо на акцидентальный [признаки].

О ВИДАХ ОБОЗНАЧЕНИЯ СУЩНОСТИ

Виды указания на сущность бывают трёх видов: один из них является частным или обособленным видом, как например, в выражении “разумное животное”, указывающем на общность природы людей; второй вид является сопричастным, как например, в слове “животное”, которое не указывает на сущность человека или лошади, но, если необходимо уяснить их общую сущность, то задаётся вопрос: “Чем являются эти движущиеся существа: человеком, лошадьёю или птицей?”, на который ответят: “Они есть животное”.

Следовательно, здесь указывается на их истинную общую сущность. Третий вид представляет собой обособленный и сопричастный вид одновременно, как например, в слове “человек”, который в отдельности указывает на сущность одного Зайда, а сопричастным образом также и на Зайда и на Амра одновременно, ибо Зайд отличается от Амра не по своей сущности, а лишь отличительными признаками, имеющими место в его материи, которые будучи в его материи вдруг утеряны, не станут причиной потери и уничтожения Зайда. Это вопрос, который надлежит исследовать в универсальной науке. Отличие Зайда не является отличием человека от других животных благодаря чему-то, что конституирует его субстанцию.

Что касается того, что отличает первый вид от второго, то предоставим этот вопрос универсальной науке. Логику же не будет вреда принять и опереться на них, если то, на что он

опирается в действительности, является допустимым и возможным.

В привычку людей по праву вошло называть вторую группу указаний родом из-за существования в них близких общих признаков, которые имеют некое сходство, и каждый из этих близких [признаков] называть видом.

И поэтому каждый род и вид являются понятием по отношению к своему обладателю. Третью группу люди обычно называют видом, но это не равнозначно тому, когда общие [признаки] рода ими называются видом; они названы лишь по отношению к индивидам, под ними подразумеваемым, поскольку они указывают на сущность вещей, которая не расходится в чем-либо с конституирующим признаком. Даже если род не имеет над собой объединяющего родового значения, благодаря которому он стал бы видом в этом смысле, то (все равно) сам по себе он является видом.

О КОНСТИТУИРУЮЩИХ

Конституирующее есть нечто, которому вещь либо служит родом или родом его рода и так до конца, либо она не бывает таковой, а, скорее всего, остается частью его истинности или истинности его рода в том случае, если вещь обладает родом, который не [возобновится] в какое-то время.

Так, если ты [проследишь] за развитием рода, который, например, по сравнению с родом какой-либо вещи не является родом, а по сраваению с самой вещью является конституирующим, не представляющим собой род. Конституирующее должно существовать наряду с каждым родом, если даже оно стоит выше того, что не является, более чем он, частным.

Конституирующий [признак] не допускает, чтобы род был выше него и более общим, чем он, и его конституирующим, так как в таком случае либо род сам будет указывать на общую сущность того, что сотворило наивысшие роды, но тогда наивысшие роды не будут наивысшими родами; либо в

одинокости он не является конституирующим и будет указывать на общую сущность признаками совместно с другими, а тогда у наивысших родов будет некий род, а это – абсурд.

Следовательно, конституция рода должна быть либо однозначной, либо более частной. Если она будет более частной, то благодаря этому станет отличаться от некоторых вещей, подпадаемых под наивысшие роды из числа вещей, входящих в её сущность, которая сопричастна с ней в действии конституирующего. Если же конституция рода будет однозначной, то благодаря этому наивысшие роды будут отличаться в общем неотъемлемом [признаке], который и есть бытие. Как будет разъяснено ниже, [само] бытие в универсальной науке не охватывает всех вещей, [так как] все их конституирующие входят в сущность вещей. Как бы то ни было, оно пригодно для сущностного различия, и это то, что обычно называют различающим признаком. Всё это подводит нас к тому [выводу], что конституирующие предикаты являются либо видами, либо различающими признаками, я подразумеваю под видами второе значение, которым назван вид. Известно, что иногда вещь может быть родом для какой-то другой вещи, а иногда ее видом, как, например, слово “животное”, которое есть некий вид для тела и является родом для человека, и оно нисходит до низшего вида и восходит до высшего рода. Однако эти два [явления] не имеют места во всех случаях, и потому рассматривать их в логике нет нужды.

Стало быть, род – это универсалии, выражающие общую сущность предметов с различными сущностями. Вид в одном смысле – это универсалии, которые первичным образом заложены в сущность рода, а в другом смысле – они есть [понятия], выражающий суть того, что отличается только числом. Различающий же признак есть универсалии, при помощи которых одна универсалия сущностно отличается от другой.

О НЕОТЪЕМЛЕМЫХ ПРИЗНАКАХ

Мы должны определенным образом установить, что неотъемлемые признаки, присущие вещи, но не

конституирующие её, либо бывают в самой вещи, как, например, в случае “нечётность” по отношению к “трём”, или существуют вне её, как, например, в случае “бытие” в отношении к “миру”. Воистину вещи, не имеющей состава, с самого начала не сопутствует одновременно много неотъемлемых признаков, напротив, ей первоначально присущ один какой-либо неотъемлемый признак, к которому добавляется другой признак, например, свойство “смеющийся” в отношении человека следует за свойствами “удивленный”, “воспринявший его”.

Всякий неотъемлемый признак бывает либо более общим, как, например, квадрат числа три есть нечётное число, независимо от того, происходит ли это посредством более общего, как, например, “нечетность”, или без него; либо [бывает] эквивалентным, как, например, неизбежность трех в квадрате быть девятью. Кроме того, несоставная вещь не нуждается в более общем и более частном значении, однако иногда одно из них является посредником для другого,

Что касается более общего, то оно выступает как посредник по отношению к более частному, как мы это объяснили выше, поскольку более частному сопутствует более общее. Что же касается более частного, то оно выступает как посредник по отношению к более общему, ибо, если более общее соединяется с более частным, возникнет третье, более частное из более общего, имеющее силу единичного, так как неотъемлемый признак, который не является более общим, иногда также может делиться, а иногда не может делиться. Значение, не выражающее деления, общеизвестно.

Что же касается неотъемлемого [признака], являющегося делимым, то общее значение ему необходимо для того, чтобы в его производном присутствовала обязательно одна из частей, подобно тому, как нечетное должно быть либо тремя, либо пятью, и так продолжаясь до бесконечности, или оставаться таковой в какой-то конечности. Некоторые стороны необходимого деления являются первичными, а некоторые не являются таковыми, ибо нечетное деление, например, на три или пять, свойственно ему до его деления прежде его разделения на квадратную степень менее десяти по отношению к первому

нечетному [числу] и на квадратную степень более двух десятков [т.е. пять] при начальном сложении двух первых чисел. Так, если общее значение является родом, то последние деления становятся различительными признаками, подобно тому, когда ты полагаешься таким-то образомна общий смысл, то представляешь третье значение, более общее, нежели второе, а именно это и есть вид. Затем неотъемлемые признаки, появляющиеся уже после имеющихся различающих признаков, составляют впоследствии конституцию вида.

Когда простая вещь не требует первичного частного значения, кроме единичного, тогда простое родовое значение требует и одного деления. Следовательно, истинное деление не может производиться посредством различающих признаков. Далее, другое деление производится посредством других различающих признаков, входящих в эти различающие признаки, разве только в тех случаях, когда родовое значение бывает сложным. Вполне вероятно, что его можно выделить подобно делению животного среди ему подобных на “разумное” и его подвиды или, в другом случае на “смертное” и его разновидности, так как оба примера являются различающими признаками. Примеры эти бесспорны.

ОБ АКЦИДЕНТАЛЬНЫХ НЕ НЕОТЪЕМЛЕМЫХ ПРИЗНАКАХ

Это подобно тому, когда человек, например, в одно время бывает молодым, а в другое время – старым, в одном случае – движущимся, в другом – неподвижным. Некоторые эти [признаки] имеют место согласно природе и воле человека, а некоторые другие – по причине извне, как, например, из-за болезни, подобно тому, как меняется цвет [лица] в зависимости от атмосферных явлений. Некоторые из этих признаков продолжительны, как, например, молодость и старость, а некоторые быстротечны, как, например, стояние и сидение, а некоторые из них выражаются в ином виде, например, в движении; некоторые имеют место и в человеке, и в других существах; некоторые специфичны, как, например, вспышка

гнева у человека. Эти [признаки] иногда имеют предикаты, когда, например, в отношении человека говорят: “молодой”, “старый”, “движущийся”, “спокойный”, “белый”, “умеющий смеяться”.

ОБ ОБЩИХ СОПУТСТВУЮЩЕМ И СОБСТВЕННОМ ПРИЗНАКАХ

Знай, что всякое значение не конституирует вещь, так как оно имеется у данной вещи и помимо её у другой. Поэтому вошло в обычай называть его общей акциденцией, независимо от того, является ли оно неотъемлемым или отъемлемым. Всё, что имеет место в той вещи, которая не конституирует и не существует, кроме как в вещи, обычно называют “собственным признаком”, независимо от того, относится ли он ко всем вещам или лишь к отдельным из них, будь они неотъемлемыми или отъемлемыми.

Видов общей акциденции бывает четыре: неотъемлемый вид, присущий всей данной вещи, а, может быть, и для иной; неотъемлемый вид для некоторых вещей, как, например, женственность у некоторых людей, которая может быть и у других; вид для всей вещи, который может быть свойственен и другим; вид отдельных вещей, который может быть присущ и другим вещам, как, например, “движущееся” по отношению к некоторым животным.

Видов собственного признака имеется три: неотъемлемый – постоянно присущий всем, неотъемлемый – присущий постоянно лишь некоторым, как, например, “смех” в отношении к животному; неотъемлемый, но свойственный только одной вещи, подобно смеху и плачу, которые актуально относятся только к человеку.

О КЛАССАХ РАЗЛИЧНЫХ СЛОЖНЫХ ПОНЯТИЙ: ОБ ОБЩЕМ, ЧАСТНОМ И ИНОМ

Нам следует признать, что два различных понятия – об общем и частном – складываются разными способами. Общее значение, которому каким-то образом необходимо деление,

нуждается в возникновении в нём некоторых частей деления. Так, если к общему понятию будет присоединен различающий признак, то оно будет готово к существованию, и это соединение не требует понятия одного из двух соединяющихся с тем, чтобы один из них был неотъемлемым [признаком] другого в своем понятии, скорее всего, оно необходимо ему для существования. Примером этого может служить случай, когда мы говорим “тело”, имея в виду некую субстанцию, которая и без какого-либо добавления или при условии исключения излишества имеет три величины. Данное понятие не может существовать, кроме как при наличии одной из частей деления, которое присуще ему, а [также] не может быть примером растительного, животного или неорганического мира без какого бы то ни было определения, являющегося более точным выражением, нежели это понятие. Примером этого может служить [выражение] “обладающая разумной душой”, где понятие “обладающая разумной душой” подразумевает некую вещь, которая неведомо что из себя представляет сообразно понятию, обладающему разумной душой. В это понятие не обязательно входит тело или что-либо иное, кроме тела, ибо оно в данном понятии не нуждается, хотя и известно, что в бытии оно присуще именно телу.

Если бы в данное понятие входило или ему было бы присуще то, что необходимо для соединения разумной души и тела, то тогда из него получилась бы суцая вещь, обладающая разумной душой. Например, при соединении “тройственности” и “нечетности” нет нужды в соединяющем, которое бы делало вещь, в данном случае “три”, нечетной, так как само значение “нечетность” заключено в его понятии. Так, если предмет имеет значение нечетности, то он является нечетным не по причине извне, а по сути своей.

Что касается зависимости разумной души от телесности, то она возникает по какой-то иной причине. Так обстоит дело в отношении связи других форм с их материями, независимо от того, допустимо ли для них отделение от материи или недопустимо, хотя некоторые из этих форм иногда влияют на существование других форм. Однако, как далее будет ясно, это происходит не из-за потребности понятия в этом влиянии, а в

силу потребности бытия. Итак, между требованием понятия и потребностью бытия есть разница.

К тому же ты не найдешь ни одной, даже самой простой формы, которая предполагает в себе наличие понятия материи, даже если некое понятие обязательно привнесено извне. Признание ее бытия происходит в том случае, когда она обладает материей, необходимо от нее исходящей, если допустить, что она по сути возникает, или же происходит в ней от другой [формы], разве что, если брать форму не простую, скорее всего, сочетающуюся с некоей материей. Тогда материя не будет приложима к понятию формы, но будет содержаться в самом понятии формы. Однако речь наша здесь не об этом.

Если ты скажешь: “разумное” или скажешь: “абсолютно легкое”, то здесь первое, используемое тобой слово, например, является различающим признаком по отношению к “человеку”, а второе-различающим признаком по отношению к “огню”, ибо сказав “разумное”, ты подразумеваешь под этим нечто, обладающее разумной душой, а говоря “абсолютно легкое”, ты подразумеваешь под этим, что огонь обладает силой по природе и движется к некоему пределу выше пределов тел, движущихся прямолинейно.

Если ты скажешь, что нечто обладает разумной душой, то под этим подразумеваешь вещь, которая представляет собой совершенство в [физическом] природном теле по отношению к тому, кто способен постичь разумные вещи тем или иным образом. А если ты скажешь, что этому нечто “присуща сила”, то под этим подразумеваешь, что ему присущ источник движения, в котором оно пребывает, а это неизбежно есть тело.

В таком случае мы дадим такие ответы: если кто-либо скажет, что “некая вещь обладает совершенством или же оно заключено в её физическом теле”, то из этого понятия логически не вытекает, что это и есть то самое физическое тело, но данное понятие не отрицает, что этот предмет, в котором есть нечто, имеющееся также и в другой вещи, является физическим телом, когда они вместе, или это совершенство заключается в них обоих одновременно. Однако совершенство выявляется при сравнении с одной из этих вещей, в которой оно заключено. Кроме того, если

это совершенство есть необходимость, то оно возникло каким-либо акцидентным путем. К тому же сущность души и сущность всякой силы – это одно, а их бытие в качестве совершенства и состояния какой-либо другой вещи – это совершенно иное, являющееся неким сопутствующим признаком ее сущности. Так, если в душе возникает подобный сопутствующий (признак), который называют равнозначным, то он является описанием, а не определением.

У животного имеется различающий признак, отделяющий его в видовом отношении от человека посредством прибавления к последнему сущности души, т.е. того, что свойственно ему первичным образом, а далее следуют сопутствующие и присовокупляющиеся [признаки] души. С точки зрения сопровождаемых и сопутствующих [признаков] – если они равнозначны, то их называют особенным [признаком], а не различающим. Следовательно, если под “разумным” иметь в виду физически совершенное тело в каком-либо качестве, то здесь будут описаны лишь человек и собственный признак животного, а не различающий его признак. Однако мы не в состоянии определить простые силы и лишь по необходимости даём их описание. Следовательно, нам нельзя игнорировать объекты простых сил и то, что необходимо им в бытии. Так, мы говорим, что за их определения берутся их материи. Что же касается сил, считающихся сложными, на которые мы указали и которые мы уже рассмотрели, то не следует принимать во внимание их различающие признаки, так как они учитываются лишь после обретения вещью силы и формы, после ее возникновения, как, например, обладание речью – это такое состояние, которому присуща разумность, поскольку оно содержит в себе сущность, которую и называют “разумностью”.

С этим вышеуказанным типом схоже и, более того, входит вместе с ним в общую идею то, что происходит в результате соединения возникающего в вещи или вне её, с вещью, являющейся объектом [субстратом] или сопровождающей её в её бытии, а не в её сущности. От соединения этих двух вещей возникает совершенно новое понятие, не предусмотренное ни одним из уже имеющихся двух понятий, как, например,

сочетание [понятий] “нос” и “вогнутость” или сочетание “черноты” и “белизны”, образующее [понятие] “пегость”, сочетание “натурального” и “белого”, образующее понятие “беление”. Натуральность является качеством предметов, имеющих различную сущность, и их предикат находится вне конституирования их сущности, как, например, “белизна” и “чернота”, которые не различаются с точки зрения их субъектов, кроме как в чем-то после возникновения. Не следует обращать внимания на высказывания, выходящие за пределы этого размышления. Не существует какого-либо качества, которого требовали бы классы этих сущностей, более того, оно проистекает в них от основы. Так же обстоит дело с выражением бытия. Если “белизна” сочетается с качеством бытия, то, значит, “белизна” существует, а если она сочетается с познанием бытия, то, в сравнении с движущей основой, будет обозначать “беление”, а именно это и будет сравнение, которое осуществляется при помощи сущности. Следовательно, “белизна” по сравнению с воспринимающей основой, в смысле времени возникновения бытия, является “белением”, которое, с точки зрения передачи законченного смысла, – акцидентально, так как “беление” рассматривается с учетом извлечения пользы. Однако передача законченного смысла и извлечение пользы взаимосвязаны. При сравнении “беления” с самой “белизной” умопостигающая идея добавляется к умопостижению “белизны” и умопостижению законченного смысла, которые сами по себе не следуют из понятия другого, а относительно своего бытия не имеют названия.

Среди этого типа конструкций бывают такие, в которых общее является неотъемлемым признаком субъекта, а в некоторых других – не неотъемлемым признаком. Иногда бывает, что из двух соединяющихся [элементов] один в каком-то отношении исключает другой, более общий, как, например, соединение [понятий] “белизна” и “животное”. Иной раз ни один из двух соединяющихся элементов по природе не может быть предикатом, а другой – субъектом, скорее всего, оба могут быть по природе предикатом совершенно иного предмета, как например, соединение [понятий] “смелость” и “разум” в

“храбрости” и [понятий] “добродетель”, “храбрость” и “устроение” в “справедливости”.

То, что отличает этот тип, от того, на который мы указали, схоже с соединением рода и различающего признака. Это не означает, что общая [идея] без частной не может актуально существовать в роде, причём ни одно из этих понятий не подчинено другому, а также не означает, что их соединение происходит в силу внешних причин, так как иногда второй тип, выполняющий [функцию] общего, сущностно конституирует предмет при помощи частной [идеи], как, например, “белизна” по сравнению с “человеком” и “лошадью”. Это означает, что общее не может актуально существовать, кроме как в человеке, лошади и других делящихся частях, возникающих в общей [идее] при сравнении с её субъектами. Вместе с тем между частным и общим существует нечто соединяющее их, но стоящее вне их, и иногда оно объединяет их по природе и сопутствует им, а иногда у каждой оно бывает разным.

Далее, ни частное, ни общее понятия не подчиняются одно другому. Разница между ними заключается лишь в том, что общий смысл рода выполняет функции субъекта и производится из материи и ей подобных. Частная [идея], соотношенная с [общей], есть качество и форма, благодаря которым представляется субъект, а из этих двух естественным образом возникает третья [идея]. Во втором значении общее является качеством и формой для частного, тогда как частное представляется только через общее или же оба они являются качеством и формой третьей вещи,

Если частное и общее будут использованы как субъект, например, “человек” или “число” установлением общего для частного, подчиненного ему, “мужчина” или “разделяемое на две равные части”, как “человек-мужчина”, или “число, делимое на две равные части”, то здесь частное не может предшествовать общему. Следовательно, выделяя его первоначально, ты скорее определишь его после соединения с ним первого частного, как, например [понятие] “мужчина”. Это означает, что если при помощи всего довести человека до совершенства, то у него по мере совершенствования возникает темперамент. Или же по мере

совершенствования человек становится мужчиной, подобно тому, как мужчина впоследствии становится старым или вновь превращается в ту же материю, из которой он произошёл, но последняя не потому служит объектом для первичных форм, из которых возникает человек, а в силу воссоединения её с другой материей. Так обстоит дело с числом, когда первым делом или его спецификации к нему добавляют два или четыре, или шесть, и далее то, что будет соответствовать его понятию и даст возможность ему делиться на две равные части и чтобы все вещи по своей значимости, имеющие отношение к нему, были бы потенциально бесконечными и сопутствующими ему. Если бы дело обстояло не так, то наше утверждение относительно двух вышеприведённых примеров было бы неверным. Логик сам рассудит, что “человек” является родом “мужчины”, а в смысле численности является родом того, что специфицируется таким образом, как мы говорили выше. Следовательно, приведённые примеры бесспорны. Логик также вынесет суждение о том, что эти примеры – не примеры рода, если наше утверждение относительно обоих примеров правильно. Он сделает из этого вывод, что наше утверждение, касательно обоих примеров, не является утверждением соединения природы рода и различающего признака. После того, как будет познана причина данного различия, ответственность за примеры ложится на нас.

Если родовой идее сопутствует идея различающего признака, то этот различающий признак либо сделает родовую идею такой, что ей не будут сопутствовать предикаты, не имеющие при определении рода различающего признака [кроме тех, что сопутствуют этому различающему признаку, следующему за ним] и акцидентальных признаков, присоединяемых к родовой идее по причине извне и являющихся не сопутствующими, следовательно, конституируется лишь то, что есть вид; либо действие это далее производиться не будет, а будет конституирован некий вид, являющийся также родом. Этот первый тип конструкции общей и частной идеи разделяется на две части.

Второй тип – это когда одна конструкция сопутствует другой конструкции. Следовательно, эта конструкция не

складывается по причине извне, как, например, конструкция “тройственность” с “нечетностью”, где она представляет собой часть субъекта и неотъемлема от него. Порою случается и так, что частное понятие предшествует общему, и тогда говорят; “Три есть нечетное число”. Подобную конструкцию некоторые люди называют “бессмыслицей”⁹, так как она основана на “неясности” и ее конструкция не столь хороша, поскольку “три” не может существовать без нечетности, подобно тому, когда, например, говорят “человек - тело”. Но если говорят, что “три есть нечетное число” и “человек есть тело”, то это не считается “бессмыслицей”, а считается сообщением, которое явно само по себе. Противоположное высказывание тоже не считается “бессмыслицей”, как, например, “нечетное есть три”, хотя бывает и так, что нечетное может и не быть тремя. Этот пример, как мы уже говорили, отличается от двух предыдущих.

Родовое значение [идеи] отличается от общего и частного тем, что общее понятие не участвует в первоначальном создании актуально существующего сущего. Ибо тройственность первоначально конституируется из того, что конституирует ее. Затем общее понятие становится одним из сопутствующих ее признаков, и потому нечетность не участвует ни в первичном создании тройственности, ни в создании того, что получается из них обоих, кроме тех случаев, когда частное творит общее. Так, тройственность в создании нечетности имеет другую функцию, отличную от [функции] создания частным общего. Следовательно, частное является само по себе причиной возникновения другого частного. Таким образом, если тройственность обретает бытие, то этого достаточно и для бытия нечетности.

Конструкция возникает из [сочетания] частного и общего. Иначе обстоит дело тогда, когда разумное обретает бытие, ибо оно нуждается в другой причине, которая соединила бы их, в результате чего возникла бы конструкция, и оба они образуют эту конструкцию, подобно тому, как образует ее только частное. Первоначально ни одно из них само по себе не является конституирующим. Далее к нему добавляется второе частное, подобно тому, как некая вещь примыкает к конституировавшей

вещи, а конституированная вещь производит первичное конституирование путем соединения их вместе. Следовательно, данные истины должны быть представимыми.

О СОСТОЯНИИ ПРЕДИКАТОВ ПРИ СОЧЕТАНИИ ОДНОГО С ДРУГИМ

Некоторые предикаты бывают первыми, а некоторые не являются таковыми. Слово “первый” в этой главе употребляется в трех значениях. Говоря “первый”, подразумевают под этим, что вещь в своей сущности сама по себе является предикатом самой вещи. Слово “первый” в уме представляется таким, как будто мы предизируем наиболее крупное частное универсальное. Когда говорят “первый”, то под этим имеют в виду сравнение со вторым предикатом, предизируемым на определенную вещь с преобладанием предиката, называемого “первым”, подобно тому, как человеку свойственно сначала удивиться, а потом только смеяться.

Реальным первым здесь является тот, что между собой и субъектом совсем не имеет посредника. Таким первым является то, что заслуживает названия “предиката чего-либо, существующего самого по себе” и [вопроса] “что это?”. Я имею в виду не предикат ответа, на вопрос “Что это?”, а предикат некоей вещи, но не в силу какого-то ее признака и состояния, а по причине ее сущности как таковой, подобно тому, как “смеющийся” есть предикат человека, но не потому, что он есть человек, ставший таковым без какого-либо посредника, а потому, что человеку присуще особое свойство удивления, и именно поэтому он может быть “смеющимся”. Следовательно, эта способность человека существует благодаря качеству, присущему ему, и если оно отсутствует, то человек не способен быть “смеющимся”.

Быть может, некоторые полагают, что всякое, являющееся первым, является первым изначально. Говоря “первый”,

подразумевают также, что это вещь, которая не предидируется на иную определённую вещь посредством чего-либо более общего, чем она может быть предидированной на данное общее и далее другой определенной вещью. Мы не находим в качестве первого предиката, обладающего таким качеством, ничего иного, кроме рода, различающего и собственного признака. Собственный признак различающего признака является равным собственному признаку. Акцидентальные и неотъемлемые признаки, не охватывающие род, подобны “женственности” и “мужественности” различных видов животных. А что касается рода рода и различающего признака рода, то это схоже [с выражением] “обладаю телом чувственной души”, употребляемым по отношению к человеку. Собственный признак рода может выражаться, например, (понятиями) “желающий” и “щупающий”. Общая акциденция по отношению к роду не является первым предикатом, поскольку последние предидируются на род и остаются предикаты, являющиеся природой рода и существующие в любом виде. Если не существует вида, о котором идет речь, то предикат природы вида не будет первым, а будет предикатом природы рода без обращения. Следовательно, они станут в первую очередь предикатами рода, а те из них, что являются конституирующими, прежде всего конституируют природу рода, а далее к ним присоединяются различающие признаки, затем уже конституируется природа видов.

Если кто-либо говорит, что природа различающего признака является причиной по отношению к природе рода, и что если вещь не будет иметь причины, то она точно так же не приведёт к следствию, то, значит, говорящий [об этом] полагает, что высшие роды являются первичными предикатами, о чем мы и ведем речь. Однако мы не будем использовать слово “первый” в этом значении, в котором оно использовано здесь, а употребим его в том смысле, о котором мы писали выше. Если мы сравним род с различающим признаком, то обнаружим, что именно различающий признак является конституирующим признаком рода, а не наоборот. Если допускается предидирование рода на различающий признак, то оно происходит не путём

конституирующего признака, а посредством конституируемой вещи. “Конституированность” в предикатах является более частной, нежели “предикативность”: если конституирующий различающего признака является по отношению к роду первичным, то предикативность видового отличия по отношению к роду является первичной, если конституирующий является первым по отношению к роду, то по отношению к виду он не является первым; если мы [сначала] предикатуем род на вид, а далее различающий вид признака на вид, то здесь мы неизбежно вводим различающий признак между различающим признаком и видом и между тем, что является первым в предикировании при помощи конституируемого признака. Мы поступаем так ввиду нашего неразумения.

Что касается сопутствующих признаков различающего признака и собственных признаков различающего признака, которые более общие, чем вид, то они подобны тому, как разделяющаяся на две равные части фигура, является более общей, чем две её части. Представим её теперь неким видом числа, которое обретает затем собственный признак, как, например, его пребывание в виде половины или двух четвертей, когда собственный признак лишь охватывает род и является [одним] из тех предикатов, которые не являются первыми.

Если же собственный признак не включает рода, то он является [одним] из сопутствующих признаков вида, не являющихся общими для рода, или это суть конституирующие признаки различающего признака. Если они возникают, то какие-то роды становятся некими различающими признаками, подобно тому, как кто-то полагает, что “постигающий” является родом по отношению к “чувственно-воспринимающему” или “разумному”. От обладающих различающими признаками эти признаки неизбежно отличает то, что они являются более общими. Следовательно, признаки входят в состав различающих признаков родов. В таком случае роды различающих признаков являются различающими признаками родов и потому не являются первичными. Если различающие признаки являются более общими, то они выполняют функцию рода различающих признаков или являются равнозначными. Тогда, выполняя

функцию различающих признаков, они становятся первыми. На основе этого ты определишь роды собственных и акцидентальных признаков и их различающие признаки, если они, конечно, существуют.

”Первый предикат” также употребляют в нескольких значениях. Так же обстоит дело с предикатом, существующим сам по себе и в отношении вопроса “что это?”, имеющем также несколько значений. В данном случае мы не будем указывать на значения, не соответствующие нашему изложению и употребляемые в качестве предиката существующего сам по себе и в качестве ответа на вопрос “что это?” по отношению к тому, что входит в суть и сущность предмета, независимо от того, сказано ли это о сути вещи или входит в совокупность сказанного о сути вещи, являющейся ее частью.

Предикат, существующий сам по себе и отвечающий на вопрос “что это?”, сказывается относительно вопроса, при котором предмет не нуждается в том, чтобы быть описанным этим путем. А если это качество вложено в него не по его сущности или не является одним из свойств его сущности, то она не предикцируется на него из-за чего-либо более общего, нежели он сам, как, например, предикцирование “движущийся по воле” по отношению к человеку по той причине, что он есть “животное” и из-за чего-либо более частного, чем он, как, например, предикцирование “умения писать” в отношении “животного” в силу того, что оно является человеком. Предикат, существующий сам по себе и отвечающий на вопрос “что это?”, оказывается в том случае, когда он выступает первым, во втором значении первого предикцирования. Иногда говорят “предикат по своей сути”, потому что предмет не нуждается в том, чтобы предикцировали ему или его частям, кроме случая, когда это необходимо, и предмет не может обойтись без того, чтобы стать актуально более частным, нежели сам предикат, как, например, действительное “умение писать” относится к человеку.

Второй тип отличается от того, о чем уже говорилось, тем, что он предрасположен к возникновению, и это актуально осуществимо. А это и есть определение частей деления, которое сопутствует предмету само по себе, согласно второму типу, как,

например, соотношение нечётности и чётности с числом и “умения писать” и “быть неграмотным” по отношению к человеку. Однако между этими двумя примерами есть разница, ибо расположенность к нечётности является природой самих чисел, независимо от разума. А что же касается числа, являющегося нечётным, то оно таково по необходимости и постоянно будет нечётным. Что же касается второго, то его предрасположенность к переходу заключается в природе, заложенной в самой разумной, абстракции и в бытии, минуя всякое исходящее от неё частное. Воистину “умение писать” и “неграмотность” каждое в отдельности относится к какому бы то ни было существующему человеку.

Общие же явления имеют свои разделяющиеся различающие признаки, а акциденции их видов и собственных признаков сами по себе сказываются в них и выявляются вопросом “что это” в данном значении, независимо от того, каковы они есть. Предикаты, которые не конституируют предмет и которые возникают не по причине чего-либо более общего, именуются “сущностными акциденциями”, то есть сущностными сопутствующими признаками, и они являются иными сущностными предикатами по значению, поскольку сущностные предикаты сказываются в ином смысле, если говорят, что эти предикаты имеют акцидентальные признаки, то под этим не подразумевают акциденцию, которая противопоставляется субстанции, а имеется в виду акцидентальное. Что же касается акциденции, противоположной субстанции, то она, кроме этого, имеет определение и описание.

Под этими акциденциями не подразумевают акциденцию, являющуюся одной из пяти [предикабиллий] и называющуюся общей акциденцией, ибо общая акциденция сказывается относительно собственного эквивалента и относительно собственного признака, который является наименьшим, как, например, “умение писать” по отношению к человеку и животному. Эти значения должны быть изучены исследователями.

О КЛАССАХ ДЕФИНИЦИЙ¹⁰

Дефиниция – это намерение совершить какое-то действие, осмыслив которое, кто-либо представит вещь, которая и будет дефиниендумом. Данное действие может быть словом и может быть знаком. Дефиниция, осуществляемая словом, производится либо посредством слова, между которым и тем, о чем оно даёт представление, нет посредника о способе представления слова, подобно тому, как оно выражает свое значение, либо данное действие совершается посредством слова между которым и тем, о чем оно даёт представление, есть посредники, и это слово происходит путём выражения понятия, описывающего и определяющего вещь. Следовательно, в этом случае слово указывает на понятие посредством своего словесного значения. Если слово выражает такое значение, то оно выражает его посредством данного значения, указывая на искомое значение описанием, так как разум имеет свойства переходить от одного значения или с сопутствующим ему сочетанием к искомому значению, которое и надобно описать. Данное значение сначала бывает либо подобно тому, что предидируется на вещь, либо подобно тому, что не предидируется на неё. Однако представление его зависит от представления определенной вещи, ибо представление значения вызывает в душе присущее ей значение, как, например, представление “отца” при упоминании “сына” и “движущегося” в случае упоминания “движущего”, когда кто-то подтверждает, что у всякого движущегося есть двигатель.

Хотя этот класс дефиниции и входит в каком-то смысле в предмет нашего исследования, однако термин дефиниция должен быть выделен отдельно для обозначения того, с чьей помощью возникает представление вещи в уме в смысле её предикатов. Что же касается значения, представляемого в зависимости от какого-то [другого] необычного представления в воображении, описание которого подразумевает представление данного значения и если оно будет представляться и длиться [в представлении], то ему следует дать другое название.

Дефиниция, осуществляемая посредством предикатов, иногда может производиться только с одним предикатом, если, конечно, этот предикат свойственен определённому предмету. Иногда же она производится при помощи нескольких предикатов одновременно. Иногда всякая дефиниция осуществляется с помощью конституирующего предиката, а иногда без него, скорее всего с сопутствующим и акцидентальным предикатом.

Дефиниция, осуществляемая посредством акциденции, соответствует какому-нибудь времени или какому-нибудь индивиду. Что касается универсального значения, то акциденции к нему не присоединяются, кроме как посредством акциденции и по причине его частных индивидов. Что же касается бытия вещи в состоянии, когда в ней возникает такое свойство, то это неотъемлемый признак, а не акцидентальный.

Таким образом, разрабатываемые науками идеи в силу своей универсальности, являются таковыми и по своим функциям. Следовательно, остаётся признать, что простая и сложная дефиниция в зависимости от научных идей образуются при помощи либо конституирующего, либо сопутствующего признака. Что касается простой дефиниции с конституирующим признаком, то она является дефиницией вещи через различающий признак, ибо род, который в ней является общим, не указывает на вид дефиниций, и ни в каком смысле и ни при каких обстоятельствах при его помощи дефиниция не может быть получена, хотя некоторые и полагают, что при помощи рода какая-то дефиниция может быть осуществлена. Словом, дефиниция требует только спецификации. Что же касается образования простой дефиниции посредством неотъемлемого признака, то она является дефиницией благодаря собственному признаку, ибо сущность общего неотъемлемого признака такова, что он является общим, и состояние рода не указывает на его частности.

Сложная дефиниция – это такая [дефиниция], когда имеется условие переноса [идей]. В этом случае она является полным определением. Если же условия равные и некоторые из них теряются, то она является неполным определением или частью определения,

Сложная дефиниция, не происходящая от чистого конституирующего признака, это такая дефиниция, которая при наличии условий является полным описанием, а если недостаёт некоторых условий, то тогда она является неполным описанием.

Всякая сложная равнозначная дефиниция, состоящая из конституирующих признаков, является полной дефиницией или частью определения или же неполным определением, ибо конституирующие признаки, реально существующие в вещи и ясно представленные в ней, являются частями сути самой вещи. Невозможно, чтобы суть вещи вошла в ум, а ее части и конституирующие признаки не вошли. Когда части вещи и ее конституирующие признаки вместе с ней входят в ум, то они вместе с вещью и представляются в уме. Однако не всегда каждое, возникающее в уме, может актуально представляться в нём, скорее оно приходит на ум, когда к нему обращаются. Ум иногда переходит от одной вещи к другой, и его состояние не идентично состоянию неведомому вовсе, разум представляет собой хранилище, отвергающее подобное состояние. Каким же образом всё это происходит, должно изучаться в науке о душе.

При возникновении частей сущности вместе с сущностью мы уже указывали на подобное возникновение, если оно приходит на ум, то от ума не ускользнёт его бытие для его сущности, однако ум избегает вещь и не представляет её в уме, пока не возникает необходимость определения вещи. Недопустимо, чтобы сущность была неизвестной по своей сути.

Следовательно, какое-то сущее относится к сущности со всеми общими и частными конституирующими признаками, указывающими на эту же сущность; не должно оставаться сомнений, что полностью представляется в уме вместе с ней и совокупная сущность, проистекающая из нее. Вместе с частями сущности будет представляться и вся сущность.

Что касается сопутствующих признаков, то большинство из них ясно представляется в вещи, но они не являются явно необходимыми ей. Допускается, чтобы из них было составлено несколько [признаков], которые обозначали бы совокупность, которая принадлежала бы только вещи и была бы её собственным и составным признаком. Однако ум не переходит к другой вещи

и не может быть описанием. Как он может быть описанием, когда условие описания заключается в том, чтобы быть дефиницией? Дефиниция также не может быть полным описанием, если она не в состоянии быть полным описанием при помощи того, что будет присоединено к ней. Скорее всего, она станет собственным признаком, составленным из неизвестных сопутствующих признаков вещи, которые надо рассмотреть, чтобы установить их необходимость для вещи, как, например, равнозначность углов треугольника двум прямым углам. Так, из этих сопутствующих признаков можно составить сложную дефиницию, которая, будучи применима только к одному человеку, будет описанием неабсолютным. Дефиниция может быть описанием по сравнению с тем, что объединяет две причины, одна из которых должна познаваться приобретённым доказательством, где сами сопутствующие признаки предцированы на то, что она является знаком, который при необходимости существует в уме. Сложная дефиниция не может быть абсолютным описанием, так как не требует абсолютной дефиниции.

Кто-то может сказать, что “вы нарушили дефиницию, которая производится по аналогии, когда дефиниция – это такое [высказывание], которое излагается на основе сопоставления”. Первый пример, это когда говорят; “Животное подобно лошади, человеку и птице”; второй пример, когда говорят: “Поистине душа конституирует тело и выполняет роль кормчего на корабле”, В ответ мы говорим, что аналогия не является действительной дефиницией, скорее, она подобна дефиниции. В дефиниции, как правило, случаются ошибки, ибо дефиниция подобна тому примеру, который был приведён по аналогии. Иногда воображают, что животное бывает только с двумя или же несколькими ногами и что безногое существо не является животным. Как же иначе, ведь говорят же, что “животное подобно человеку и лошади”. Конечно, здесь не все ясно сказано, так как не выяснено, в чём животное подобно лошади и человеку. Между тем, при высказывании, что животное подобно лошади и человеку и между телом чувственно-воспринимающим в действительности получилась дефиниция не путём аналогии, а скорее, в отношении чего-то, о чем было сказано выше. Аналогия

полезна не в плане представления идеи, а для облегчения пути ее представления и в том, что идея и бытие – это то, что соответствует аналогии.

В каком-то смысле представимая идея не должна иметь в бытии аналогии, подобно многим идеям фигур, приведённым в книгах по геометрии, хотя их существование и находится в пределах возможности, например, существование идеи многих понятий слов, таких, как понятие слова “пустота” и понятие слова “небесконечный” в величинах. Поскольку значения этих слов представимы, то невозможно отрицать их существование, так как существование того, идея чего не представляется, невозможно, о нём нельзя вынести какое-то суждение, будь то суждение утверждением или отрицанием.

Что касается второго смысла, то он является дефиницией в плане неотъемлемых и сопутствующих признаков. Отношение неотъемлемых и сопутствующих признаков в вещи иногда выявляется с точки зрения её сущности, а иногда из расчета отношения вещи к акцидентальным и неотъемлемым признакам.

Вещь в смысле своей сущности может быть “человеком”, а в смысле своего состояния “белой”, “отцом” и др. Иногда значение вещи с точки зрения её состояния бывает таковым, что она не способна превозмочь его, хотя иногда она его и преодолевает. Если вещь с точки зрения её состояния не в силах преодолеть значение, то, значит, оно является ее свойством. Следовательно, если приводится реальное определение, которое присуще вещи с точки зрения ее состояния, то это не является реальным определением, которое принадлежит вещи сообразно ее сущности. Определение вещи с точки зрения её состояния является либо описанием, либо высказыванием, вроде сложного собственного признака сообразно сущности вещи. Это означает, что если ум из представления определяющего высказывания своего состояния переходит к представлению своей сущности, то это высказывание является описанием сущности вещи, а если не переходит и останавливается [у некоего предела], то это высказывание является сложным собственным признаком, а не описанием. Например, наличие чего-то, в чём происходит некое сочетание с животным телом, благодаря чему животное

становится живым существом, и в результате сочетания одного с другим получается совокупность, которая и есть животное.

Животное обладает сущностью, при помощи которой оно становится неким существом, так как значение животного с точки зрения его сущности языковеду непонятно. Поэтому оно, по сути своей, по их мнению, не имеет имени, и животное они называют в зависимости от наличия в его теле способности быть “устроителем”, “двигателем” и “совершенством” и т.д. Его называют также “духом” или “душой”, а отличное от него называют “отцом” и “царем”. Сообразно значению, по которому называют его “душой” и “духом”, оно является реальным определением. В таком случае о нём говорят, что оно является формой природного тела в таком-то состоянии. Это состояние, в зависимости от которого его называли “душой”, будет реальным определением, так как по сравнению с его сущностью оно является составным собственным признаком или описанием, ибо это подобно высказыванию относительно определения квадрата, т.е. того, что окружено четырьмя сторонами, какой бы он ни являлся вещью, которую ограничивают четыре пересекающие друг друга прямые линии. После представления этого собственного высказывания ум переходит к представлению того, что эта фигура является квадратной плоскостью. Следовательно, в данном случае – это описание. Если это подобно высказыванию относительно дефиниции плоскости параллелограмма, который представляет собой плоскости, стороны которых диаметрально равны, то оно не могло бы быть описанием, кроме того случая, когда кто-то определил ему его существование.

Иногда определение вещи в зависимости от какого-либо её состояния становится описанием, соответствующим другому состоянию, т.е. состоянию, свойственному ей. Следовательно, вещь обладает иногда каким-то одним состоянием, но может обрести и другое состояние, и оба эти состояния могут быть свойственны ей, и существование одного из них наряду с другим ясно само по себе или же это известно благодаря некоему доказательству и подтверждается чувством. Следовательно, когда вещь определяется в зависимости от какого-либо одного состояния, то ум переходит к другой вещи в соответствии с иным

состоянием. Поэтому сущность человека в душах многих людей почти не представляется доподлинно, скорее, они представляют её с точки зрения состояния, которое возникает и представляется им в воображении и разуме благодаря чувству. Стало быть, если говорить “смеющийся с прямым станом”, то в уме многих людей представится, что под этим подразумевают того, кто является таким-то и таким-то сообразно чувственному состоянию. Вполне вероятно, что вещь в смысле этих двух состояний имеет определение, хотя одно из этих в сравнении с другим состоянием является описанием. Это возможно тогда, когда их взаимосвязь является ясной и каждое из них другой стороной будет определяться последовательно.

Знай, что различающий и собственный признаки безотносительно к другому контексту присовокупляются к собственному понятию, не являющемуся истинным определением. Так, если ты говоришь “разумное”, то под этим понимается нечто, обладающее речью, и само это понятие может быть всякой вещью, однако оно может указывать на какую-то другую вещь, которая, однако, постигается знанием утвердительно, а не представимым. Это означает, что данная вещь, как ты знаешь, не должна быть такой-то или такой-то, кроме как содержащей нечто, а не подразумевающей нечто.

Дефиниция при помощи различающего признака относительно сущности вида является либо неполной дефиницией, либо дефиницией посредством какого-то сочетания путём перехода ума от некоей вещи к совершенно другой, необходимой ему, но не соответствующей и не включающей ее в себя. Дефиниция, как собственный признак в этом смысле более отдалена, нежели различающий признак. Если к дефиниции присоединить при помощи различающего признака какой-либо другой признак, подобно роду или родовому признаку, относящемуся к нему, то в таком случае в действительности дефиниция будет происходить однозначным образом. Она может произойти и путем собственного признака, даже если соединение её с вышеуказанным условием создаёт дефиницию путём переноса значения и содержания. В противном случае высказывание будет составным собственным признаком.

Знай, что если ты определяешь вещь при помощи различающего признака, то этим соединяешь вышеуказанное сочетание и высказывание, которое становится дефиницией. Здесь ты определяешь вещь не только посредством различающего признака, но и посредством ещё чего-то другого, о чём ты умалчиваешь. Если ты будешь говорить обо всём том, при помощи чего осуществляется дефиниция, то это будет “высказывание”, а не простое слово. Из всего этого становится ясно, что самым подходящим для осуществления дефиниции является высказывание. Следовательно, дефиниция при помощи предикатов должна быть высказыванием, и всякая дефиниция, которую мы исследуем, производится либо посредством имени, либо путём высказывания, которое является либо определением, либо высказыванием, которое и есть описание.

ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ

Вещь, называемая определением, соответствует либо имени, либо сущности. Определение, функционирующее согласно имени, – это подробно изложенная речь, указывающая на понятие имени у использующего его. Определение, соответствующее сущности, – это подробно изложенная речь, объясняющая предмет посредством его сути. И каждый, кто произносит какое-то слово, должен определить его, дабы найти наилучшее выражение для передачи желаемого значения. Спорить с ним, конечно, ни к чему, разве только тогда, когда при помощи чего-либо он не отклонится от того, что намеревался сказать. Но если он создаёт значения в надлежащем сочетании, то обо всех них скажет, что воистину моя цель выражена мной высказывании и она есть определение данного высказывания. Если он не допустил погрешности при составлении того, что ты услышишь от него, и если оно не является таким [высказыванием, когда ты добавляешь к тому, что он изложил, некое другое дополнительное значение, которое соотносимо с тем, что он составил, или не соотносимо, тем самым ты показываешь ему, что составленное им [высказывание] и [твоё]

дополнение есть понятие речи, определение которой следует впереди нее [предшествует ей]. И он ответит, что так оно и есть.

Примером для этого может служить [слово] “человек”, используемое говорящим во время своего разговора. Когда ты спрашиваешь, что он под этим подразумевает, то он тебе отвечает, что [человек] является “животным с прямым станом, ясным лицом” и “двуногое”. Стало быть, он первым делом определил человека сообразно используемому им слову “человек”, и ты по известным причинам не можешь спорить с ним, ибо животное с такими качествами несомненно существует, и эти качества не препятствуют ему иметь свое имя, и самое большое, за что его могут осуждать, так это за какие-либо изъяны языка, однако это уже отстоит далеко от научного порицания. Однако, если ты добавишь ко всему тому, что он составил, еще [слово] “смеющийся” и спросишь: “Не имеешь ли ты в виду под этим словом животное с прямым станом, двуногое и с ясным лицом, умеющее смеяться?”, то он ответит тебе: “Да, именно это я и имею в виду”. Если же ты спросишь: “Не имеешь ли ты в виду под этим животное с прямым станом по природе двуногое, с ясным лицом и умеющее писать?”, то тебе скажут: “Да, это я имел в виду”. Здесь допущена ошибка, так как ни совокупность этих предикатов, ни умение смеяться, ни умение писать не имеют сходства в значении, и если к этим предикатам специально не будет добавлено значение смеющийся, то не прибавится и смысла, если только говорящий, вводя это сочетание, не подразумевает первоначальное значение, указывающее на понятие имени. Он как бы говорит: “Под животным я имею в виду вещь, к которой добавляются эти качества, и в ней, с точки зрения сопутствующих и акцидентальных признаков, не случается то-то, а происходит это ввиду того, что “умение смеяться” является его сущностью, которую он не мог предвидеть. Следовательно, с точки зрения его имени, это является не определением, а какой-то описательной дефиницией значения, на которую мы ниже укажем, Кроме того, когда в приведённом говорящим сочетании недостаёт чего-либо, то всё остальное становится равнозначным или более общим.

Что касается определения вещи в соответствии с сущностью, свойственной ей абсолютно, или в соответствии с сущностью, абсолютно ей несвойственной, то в первом случае сущность должна охватывать первую вещь таким образом, чтобы выполнять в действительности функцию некоего вида вещей, независимо от того, является ли она видом, над которым стоит род, или является видом в смысле своей общности сама по себе, по сравнению с тем, что возникает под ним, или же она [сущность] является общим значением, не содержащим вид, чтобы тем самым указывать на данную свою суть с тем, чтобы у представляющего её зримо возникла сущность сама по себе, отделённая от её неотъемлемых и сопутствующих признаков, проявляющихся после первоначального её конституирования. Во втором случае представляется предмет, состояние и сущность данного предмета в одном состоянии, зримом самом по себе, отвлечённом от других состояний и сопутствующих признаков.

Если же он [говорящий] составляет какое-то высказывание, состоящее из сопутствующих и сопровождающих признаков, находящихся вне того, что мы определили, то, быть может, здесь он осуществляет таким образом некое описание, но никак не определение. Например, если он хочет дать определение “человеку” сообразно его бытию, то он должен первым делом указать на то, из чего конституируется та вещь, которую называют “человеком”. Воистину при первоначальном конституировании она конституируется посредством ближайшего рода и различающего признака. Следовательно, по необходимости надлежит привести его род и различающий признак. Если они будут приведены, то его сущность будет полной.

Если возможно, чтобы одна вещь одновременно обладала конституирующими признаками под ближайшим родом, то ни один из различающих признаков не составляет какого-либо общего предмета, а второй различающий признак будет представлять собой более частное явление. Говорящему следует приводить одновременно два или более различающих признака, если они в совокупности составляют сущность вещи. Если не указывается на какие-либо части сущности вещи и

констируирующие ее признаки также не указывают на вещь, то значение представляет собой совокупность состояний сущности вещи. Если же определяющий не сделает этого, а будет говорить при определении человека, что “он является животным, умеющим смеяться”, то здесь будет указываться не на сущность человека, а будут лишь приводиться те его состояния, которые образуются после конституирования его сущности. Следовательно, здесь указывается на то, сущность чего не имеет значения. И если вещь, значение которой есть её сущность, является также данной вещью благодаря субъективации и предикации, то ты в действительности познаёшь разницу между ними, ибо это значение указывает на суть её значения без принятия во внимание сущности самого человека, которая и конституируется первой. Когда сущность каждой вещи есть одно, а сущность её с точки зрения состояния есть другое, то не исключено, что определяющее высказывание может быть начальным определением сути этого предмета, что и есть определение, и только одним.

Определяемые предметы бывают либо простыми, либо сложными. Сложные предметы либо сложны с точки зрения естественного сочетания рода и различающего признака, либо составлены одним из двух способов, которые мы разъяснили в свое время, либо они получены путём взаимопроникающего сочетания двух идей, в результате которого происходит один предикат, а затем с одной из них происходит малозначачее формальное или условное словосочетание, как например, из сочетания “нос” и “вогнутость” получается имя, которое звучит как “афтас” [“курносый”]. И потому ты говоришь или “нос курносый” или “курносый нос”, или же вогнутость носа называешь “курносостью”, или говоришь “курносый”, однако между этими двумя значениями есть разница, но не та, которую усматривают буквоеды. Ибо, если ты назовёшь нос, имеющий вогнутость, курносим, то курносость – это не вогнутость в носу, а сам нос, которому присуща вогнутость, и между этими двумя значениями существует разница, так как “курносый”, согласно этим двум значениям, является носом, который имеет вогнутость, а во втором значении “курносый” – это нос, обладающий

вогнутостью. При этом эти два значения взаимосвязаны и близки друг к другу, хотя они суть разные вещи.

Следовательно, есть разряды определяемых вещей, и о каждой из них следует вести отдельное рассуждение.

Что касается простой вещи, то в ней нельзя искать истинные род и видовое отличие, ибо то, что мы назвали “истинным определением”, может и не быть таковым, хотя некоторые люди полагают, что такое может иметь место. Ты же старайся узнать простую вещь по её общим и частным сопутствующим признакам, из которых одни добавляются к другим, подобно тому, как различающий признак прибавляется к роду.

Знай, что большая часть того, чем ты определяешь эти вещи, как правило, не является определениями, и большая часть того, что считается родом определения, является не родом, а общим сопутствующим признаком. Если ты хочешь определить вещи посредством сопутствующих и собственных признаков, то последние должны ясно существовать в реально бытующих вещах и быть постоянными в постоянно, абсолютно существующих вещах, либо в том, кто к ним обращается. Ибо дефиниция бывает либо абсолютной, либо зависит от лица, к которому обращаются, подобно тому, как аргументирование бывает либо абсолютным, либо зависимым от лица, к которому оно обращено. А если сопутствующий и собственный признаки неизвестны, то нет смысла тебе производить дефиницию чего-либо, ибо, как можно определить что-то посредством неизвестного. Примером сопутствующего неизвестного, являющегося более общим, чем вещь, является равнозначность, которая бывает между основанием и высотой треугольника. Так же обстоит дело относительно параллелограмма. Примером собственно неизвестного является равенство суммы трёх углов треугольника двум прямым углам, и если бы эти два [угла] были неизвестны, то при определении треугольника сказал бы, что он является равнозначным тому, что является таким-то, и равнозначными углами для того-то, что не является настоящим и определяющим указанием на треугольник. Однако твоя характеристика [треугольника] рассчитана на того, кто знает это

и желает, чтобы ты растолковал ему значение слова треугольник как понятия. А потому определяемое должно быть ясно существующим в его уме, а его смысл – закреплённым в нем.

Далее, при помощи дефиниции происходит переход к толкованию предмета, когда представление его значения влечёт за собой перевод ума к представлению сущности вещи, являющейся её сопутствующим или собственным признаком. На такого рода дефиницию мы уже указывали, когда подробно излагали разряды дефиниции. Следовательно, эта дефиниция является такой, которая в действительности выполняет функцию определения. Словом, указание на сущность вещи осуществляется посредством какого-то состояния вещи. Поэтому нельзя допускать ошибки при указывании на сущность вещи посредством слов, используемых для конституирующих признаков вещи, так как нет разницы между ними при присоединении ума к сущности вещи. Это один из двух разрядов дефиниции, и суть его заключается в том, что эти сопутствующие и собственные признаки в объяснении их бытия и постоянства должны быть явно существующими, постоянными в вещах таким образом, чтобы не нуждались в посреднике.

Кроме того, переход к толкованию предмета не обязательно происходит путем дефиниции, и, излагая короче, вещь должна определяться посредством того, что различается и не смешивается с другой вещью, так как к вещи, пребывающей в каком-либо состоянии, определение её сущности ничего не прибавит, кроме того, что уже известно о ней в силу того, что она обладает уже присущими ей особенностями и необходимыми сопутствующими признаками. Что касается свойства её сущности, то она не познаётся и не постигается, а остаётся неизвестной, тогда как свойство вещи – быть познаваемой, дабы познать её сущность. Следовательно, если это и считается описанием, то всё равно его нельзя ставить на одну ступень с первым описанием, ибо это не принесёт пользы, если же оно выделяется посредством какого-либо имени, то и это нельзя считать определением.

Знай, что если распространять на формы и действующие и претерпевающие силы определяющее речение, принимая во

внимание при этом их действия и претерпевания, посредством которых они сущностно становятся таковыми и которые будут исходить от них, то истинным утверждением в этом случае будет то, что данное речение может стать их определением, а может и не стать им, так как они содержат в себе два смысла: смысл их самих и их сущности, благодаря которой они существуют либо в форме субстанций, либо в качестве, и смысл в плане отношения их к тому, что сказано, или правомерности в отношении их того, что сказано. А правомерность, как тебе известно, является одним из сопутствующих признаков. Невозможно, чтобы сущность формы и силы по сравнению с остальными [сущностями] была соотнесённой с умопостигаемой сущностью, так как форма и сила либо есть сами по себе отношения как таковые, либо они являются самой вещью, умопостижимой по сути по сравнению с другой [вещью], либо они обладают самостоятельным бытием, которое должно быть умопостижимым по сути в сравнении с другой [вещью], либо они называются именем и с точки зрения соединения умопостижимой природы и соотнесения могут соединиться с ним, от чего их совокупность явится искомым именем, объяснённым при помощи высказывания.

Если формы и силы не существуют в бытии, но каким-то образом в сравнении с другими [вещами] являются умопостижимыми, то невозможно познать их субстанции и качества. Предположим, что их также имеется некое число. Если их имеется некое число, то мы можем предположить, что они, разумеется, имеют и свойственное им бытие. Как же иначе? Ведь действие проистекает не только от отношения, но и от предмета, который имеет отношение. Так же обстоит дело с претерпеванием. Дополнительные подробности в исследований этого [вопроса] относятся к сфере другой науки.

Следовательно, мы можем говорить о том, что формы и силы являются сущностями, имеющими специальное бытие, [между] которыми необходимо соотношение, либо сущностями, которые состояются из двух вещей. Если они являются сущностями, имеющими особое бытие, то с помощью разъясняющего речения подразумевается либо обозначить предмет, где его определение посредством сопутствующего

признака из отношения превращается в описание, либо имеется в виду сущность того сопутствующего признака, который по сравнению с этой целью является определением.

Большинству форм и сил дают название, исходя из необходимого отношения, и говорят: “лёгкость” и “тяжесть” и т.д. А если формы и силы являются сопоставленными вышеуказанным способом, то ограничение по отношению к относительному предмету, состоящему из частных, полностью не определяется. Ограничение в отношении различительного признака к собственному, как ты знаешь, не осуществляет определения, а тем более это ограничение не осуществляет дефиницию и описание.

Однако рассмотрение формы и силы является рассмотрением простых [вещей]. Наш разговор сейчас о простых [вещах], поскольку то, что мы говорим об указании полного и неполного описания, является общим как для простых, так и для сложных [вещей], ибо сложные [вещи] указывают одновременно на простые посредством двух описаний. Самым лучшим описанием является полное описание, а самым худшим – неполное. Описание различается также в зависимости от близости и отдалённости признака от понятия. Это означает, что применение [понятия] “различающий” в описании человека несхоже с применением [понятия] “понравившийся”, и понятие “понравившийся” не идентично понятию “смеющийся”.

Если описание охватывает сопутствующие признаки, являющиеся конституирующими признаками бытия, то они не принадлежат сути и понятию и относятся ко второму роду, куда входят и сопутствующие признаки бытия и причины и следствия, являющиеся в свою очередь неотъемлемыми и сопутствующими признаками бытия. Часто бывает, что от них исходят вещи, которые, как правило, также выходят за рамки понятия, в большинстве случаев [люди] намереваются достичь этого.

Иногда случается пробел в определении и сложной вещи, не говоря уже об описании, определяющем её, как, например, рассмотрение “земли” как причины в определении затмения луны. По их мнению, затмение – “это лишение планеты Луны в определённое время солнечных лучей по причине нахождения

Земли между Луной и Солнцем”. Так, понятие затмения Луны есть нечто иное, как лишение её [света] в определённое время, которого может и не быть. То же, что она освещается Солнцем, и выясняется во время прохождения между ними Земли, и это выходит за рамки понятия и является менее известным, чем само определяемое. А именно это и является одной из скрытых причин в бытии, о которой знают лишь учёные. В действительности эта причина не заслуживает того, чтобы к ней прибегали при описании затмения, не говоря уже о его определении. Люди считают это частью его определения и, приводя его, тем самым в действительности упускают из вида истинное определение затмения. Затем они определяют затмение так, что подтверждение его доказательствами становится делом бесполезно затягивающимся. Это не похоже на то, что утверждают, например, о ночи в том смысле, что она является “временем затмения небесного горизонта из-за заката Солнца”, ибо имя “ночь” используется в значении противоположном “темноте” с учетом [времени] заката Солнца. Так, если небо становится тёмным, то это происходит или по причине сильного скопления облаков, когда оно становится чёрным, или из-за затмения Солнца. Если происходит полное затмение, то оно может характеризоваться как ночь только в переносном и аллегорическом смысле. Далее, если кто-то скажет, что это вовсе не так и оно не для этой [цели], то он может сказать это, однако нельзя ввести [выражение] [время] заката Солнца, а необходимо привести это в более общем [смысле].

У них такого рода определений много, например, их определение гнева как “возбуждённой страсти к мести, из-за которой кровь вскипает в сердце”, ибо кипение крови в сердце является причиной гнева, а существительное “гнев” здесь уподоблено противоположному “возбужденной страсти к мести”, хотя и допустимо, что со страстью к мести в сердце возникает гнев.

Вещи, на которые указывают посредством определяющего высказывания, – это вещи неявные, они не представляют собой в действительности, ни существующих вещей, ни явлений, иначе их скопилось бы в одной вещи столько, что не было бы конца. Но

они не являются также и простыми вещами. Неявные [вещи] – это “слепота”, “темнота”, “бессилие”, “покой”; способ их представления таков, что они предстают в воображении лишь в сравнении с какой-нибудь вещью или в какой-либо иной связи. Ведь, например, слепота – есть не что иное, как представляемое лишь в связи со зрением и познаваемое лишь в сочетании с ним. Эти явления или вещи представляют собой сочетание их сущности с чем-то им противоположным и в то же время характерным навыком, как, например сочетание слепоты со зрением, покоя – с движением, темноты – со светом, где их противоположности сами по себе умопостижимы.

Что касается определяемых вещей, состав значений которых явен, то суть их такова, как мы говорили уже в первой части в разделе словосочетаний. Это такие конструкции, сущность которых состоит из сущности их родовых и видовых отличий, и определяются они при помощи того, что указывает на их сущность. Указание на какую-то сущность необходимо потому, что сущность определяемых вещей обладает некими конституирующими признаками, актуализирующимися путём указания на эти конституирующие признаки при условии, что они приведены полностью. Если не будет указан хотя бы один из конституирующих признаков и произойдёт различие в определении их сущностных признаков, то не осуществится дефиниция реальности предмета, ибо реальность предмета становится подлинной реальностью благодаря всем конституирующим признакам предмета. Если указаны лишь некоторые его конституирующие признаки, то соответственно будут выявлены лишь некоторые стороны или отдельные аспекты его сущности, а это и есть то, что не может считаться его сущностью, кроме как в сочетании с чем-либо. Если же они называют реальную суть предмета, то происходит это благодаря переходу ума от недостаточной сути к совершенной и от некоей вещи к исходящему от неё неотъемлемому признаку извне путём адекватности, которая и представляет собой обозначение словом самого значения сущности вещи.

Целью определения должно быть представление сущности вещи, а различие следует за этим. А если чьей-то целью

является отличие [чего-то от чего-либо другого], то он может сделать это посредством описания, а иногда путём вышеуказанного неполного определения, однако мы считаем предпочтительнее для него преследовать более совершенную и более полную цель.

Вещи, на которые указывают путём определения, охватывающего роды и различающие признаки, являются такими вещами, которые выражаются этим словосочетанием. Что касается простых и сложных вещей, то они требуют иного рода сочетания, и в них ты не обнаружишь подобного определения, ибо в простой вещи ты не найдешь чего-либо указывающего на суть [вещи], части которой требуют различных указаний посредством неких конституирующих признаков, но, возможно, ты и найдешь простое слово или описание для неё, которое переведёт ум к представлению вещи во всей ее полноте.

Что касается сложных вещей, то здесь оперируют другого рода сочетаниями, и в них ты можешь найти определения, однако ты увидишь, что они состоят не только из родов и различающих признаков, но и из определений, поэтому ты находишь разъясняющее высказывание для самого понятия предмета, исходя из его же конституирующих признаков. Причина того, что ты найдешь сложные вещи, состоящими не только из родов и различающих признаков, заключается в том, что они по своему составу состоят не только из одних родов и различающих признаков.

Следует ожидать того, что определение может указывать на суть вещи и соответствовать значению слова, но не быть заимствованным из неотъемлемых и сопутствующих признаков вещи, которой касается высказывание, составлению из них и в котором оставлено лишь то, что соответствует значению имени. После того, как ты выведешь определение, тебе не следует беспокоиться о том, является ли то, что ты привёл, родом или различающим признаком по отношению к тому, что не имеет ни рода, ни различающего признака. Кто может заставить тебя делать это? Примером подобного рода словосочетаний является наше определение тела, олицетворяемого белизной. Ты будешь вынужден указать как реальность тела, так и нереальность

белизны при помощи того, что выявляет их сущность, и доказать, что белизна необходимо существует в теле. Но сделав это, ты увидишь, что бессилён в доказательстве истинности этого явления и отклонишься от истины к определению лишь всех его сопутствующих признаков.

Разрядов подобного рода словосочетаний множество, причём может статья, словосочетание, выражающее значение какой-либо вещи, образоваться при помощи того, что представляет собой одну из причин, обусловивших её существование. Например, что касается действительности, вытекающей из слова “дар”, то она выражает имя пользы, применительно к лицу, сделавшему это, а “материальность” может выражаться словом “пегий”, являющимся названием белизны, относимой к какому-либо специальному месту, чем в данном случае может быть лоб лошади. Примером образной причины может служить слово “курносый”, являющееся названием носа, представляемого вогнутым. Примером совершённости может стать слово “перстень”, являющееся названием “кольца”, совершенство и высшая красоты которого проявляются при надевании его на палец. Сейчас, однако, не пристало спорить по поводу примеров, если раскрывается в них сущность какого-то противоречия. Иногда словосочетание может подразумевать следствия вещей, как, например, в словах “творец”, “дающий средства к существованию” и т.д.

Бывает и такая разновидность словосочетаний, когда возникают связи между вещами, которые не являются ни причинами друг друга, ни следствиями, но лишь схожи друг с другом, как, например, происходит при сложении числа из единиц. Иногда же они бывают противоположными, как, например, в образовании “пегости” из черноты и белизны. Иногда сочетание между началами простых вещей требует добавления другого смыслового сочетания, как, например, в составе частей кровати. Ведь кровать не может возникнуть сама по себе накладыванием друг на друга деревянных частей, если их не расположить в должном порядке. Точно так же и с сочетанием первоэлементов живых существ, ибо живое существо не может быть создано путём лишь сложения частей первоэлементов, если

с ними не происходят превращения и смешения. А если это происходит, – то есть упорядочение их и превращение, – то это не станет одной из частей понятия, хотя и не первой его частью, существующей самой по себе, а лишь одной из первых, существующих благодаря своим сущностям. В последующем мы изложим свои замечания относительно правил, существующих при определении подобного рода сочетаний.

Люди обычно не осознают, что подобный порядок и превращения составляют части понятий, если они не находят их отличающимися друг от друга [индивидуальными], так же, как они обычно не понимают, что несуществующие явления – подтверждение, принятие, духовное и ангельское отцовство, есть понятия, содержащие сложные сочетания.

Вещи, на которые мы указали, воистину есть вещи, из которых возникают сочетания, они не могут содержать в себе изъяны, как-либо препятствующие определению того, что в них происходит, и употреблению синонимического речения для названия каждого из них. Их следует использовать также в описаниях, где во внимание принимаются внешние сопутствующие признаки, если из них составлено равнозначное речение, но особенно конечные цели. Так же обстоит дело с добавлениями, которые принято присовокуплять после наполнения понятия тем, о чем мы уже упомянули. Воистину конечные цели имеют необычайно тесную связь с дефиницией.

Знай, что каждое определение и описание является в некоем роде дефиницией какого-либо неизвестного, и потому дефиниция должна быть более известной, нежели сама вещь, ибо то, что выполняет функцию вещи в неизвестности, не может определять вещь. Поэтому люди, которые утверждали, что “каждое из двух соотнесённых явлений определяется с помощью другого”, ошибались и не знали разницы между тем, что познаётся при помощи вещи и что познаётся вместе с вещью. Ведь то, что познаётся при помощи вещи, определяется раньше вещи, а то, что познаётся вместе с вещью, не определяется раньше неё. И каждое из двух соотнесённых явлений или вещей познаётся посредством другого, так как знание о них обоих не

может возникнуть лишь с познанием одного из них до той поры, пока с помощью этого первого не будет постигнуто другое.

Под двумя соотнесёнными явлениями подразумевают две вещи, каждая из которых познается в сравнении с другой, как, например, “сын” определяется в сравнении с “отцом”, а “отец” в сравнении с “сыном”, а также “отцовство” первого и “сыновство” второго использованы в целях противоположения их друг к другу, скорее, это есть противоположение одного другому. Однако, если этот другой является неизвестным и не годится для определения первого с его помощью, ибо нуждается в использовании для этого какой-то уловки и напоминания объединяющей их связи, то в таком случае знание о каждом из них в отдельности и об облике их вместе взятых – поскольку они являются соотносимыми – выводится в отдельности или вместе. Стало быть, определяя “отца”, нельзя сказать, что он “есть животное, которое имеет сына”, следует говорить, что он “есть животное, из семени которого или от таких его действий рождается животное, соответствующее ему и в виде или роде, поскольку оно рождено от него”. Иносказательно в этом случае говорят, что он является “жителем одного дома, границы которого являются границей дома другого человека, поскольку он является таковым”. Следовательно, немедленно у тебя появится одновременно сопоставление двух противоположных друг другу вещей, а ведь дефиниция является одной из этих вещей, которые познаются раньше, чем две неизвестные соотнесённые вещи, где при определении какой-либо из них нет нужды в использовании уже определённого или познанного.

Знай, что как определение, так и описание сообразно имени занимают то же положение, что и определяемое и описываемое, ибо если значение слова, используемого тобой для выражения сути вещи, употреблено неверно, то оно, без сомнения, не будет соответствовать тому, что ты желаешь пояснить. Что же касается подлинной сути вещей, то она сама по себе, разумеется, будет правильной.

Подробнее этот вопрос можно разъяснить так: если некто скажет: “Пусть мне будет разъяснено понятие человека как человека”, тогда ему непременно должно быть два раза сказано:

“Разумное животное как разумное животное”. И это не будет нелепым или абсурдным по сравнению с вопросом и с точки зрения необходимости именно такого ответа, так как тот, кто спрашивал об этом, сам же ответил на вопрос, хотя он сам по себе – а не в сравнении с тем, что требовалось разъяснить – был нелеп, абсурден или бессмыслен. Так же обстоит дело и тогда, когда спрашивают об определении “курносый нос” или толкований его названия, ибо на это дают ответ, что “есть нос, и он является носом с вогнутостью”. Здесь слово “курносый” приведено в сочетании с “носом”, ибо “курносый нос” является названием не всякой какой-бы то ни было вогнутости, а лишь той, которая имеется в данном носу, и “курносый” является именем, даваемым предмету, которому свойственно такое-то состояние. Следовательно, нет необходимости упоминать в пояснении “нос” предмет, являющийся таковым, и в этом нет ничего предосудительного. Однако скверным и бессмысленным является высказывание того, кто говорит “курносый нос”, подобно тому, как дурно и бессмысленно звучали его слова “человек – животное” или “человек – человек”, если под “курносый” он подразумевает не нос с вогнутостью, а вогнутость в носу, что в этом случае потребовало бы высказывания, что “курносый нос” есть нос с вогнутостью в носу, что, конечно, является менее грубым, чем первое высказывание, хотя и оно лишено в целом этой нелепости. Если курносый – это лицо с вогнутостью в носу, то позволительно назвать животное – обладателем курносого носа, а если под этим подразумевается нос с вогнутостью, то недопустимо называть обладателя курносого носа, кроме как с упоминанием имени.

Среди людей, умудрённых в искусстве определений, общеизвестно, что имеются акциденции и формы, при определении которых, за основу берется субъект, но есть и такие, при определении которых он не принимается во внимание и где сравниваются первый с “курносостью”, а второй с “вогнутостью”. Нам необходимо сделать относительно этого вопроса справедливое высказывание, в котором не должно быть пристрастия. А потому, во-первых, мы утверждаем, что вещи, имеющие субъекты, несомненно, своим возникновением обязаны

субъектам. А ты знаешь, что именно поэтому нам следует их называть также соответствующими именами. Совершенно ясно, что объяснение какого бы то ни было субъекта, заключённого в именах, в этом случае содержит указание на субъект. Мы вправе называть их субъектами также ввиду того, что они имеют акциденции и формы со своими названиями. Поэтому мы, говоря, например, “курносый” и “пегий”, все же нуждаемся при пояснении этих имён в обращении к этим акциденциям и формам. Следовательно, это есть тот момент, когда состояние отношений между субъектами и тем, что им свойственно, не имеет различий.

Нельзя, чтобы приверженность исследователей в этом вопросе ограничивалась лишь подобным примером, вроде понятия “курносость”, которое образовано от имени “вогнутость” с учетом формы субъекта. Необходимо брать во внимание сами реальности существующих вещей в субъекте в том смысле, имеется ли в них то, в чью суть включён субъект, так как оба они являются общими в том, что субъект в их бытие входит как причина и условие.

Далее, как ты знаешь, действительные определения создаются из условия сущности и её конституирующих признаков, а не условий бытия и его конституирующих признаков. Именно поэтому всевышний не входит в определение чего-либо, так как он является дарителем бытия вещам. Если дело обстоит так, то никто не может утверждать, что “мясисость”, например, может существовать только в определенной материи и не всякая материя годна для нее. Далее, “квадратность” иногда может быть в неопределённой материи, и для этого ей равным образом годится как золото, так и серебро, также ей годится дерево и всякая иная материя. Следовательно, необходимо, чтобы конституирующий признак “мясисость” – поскольку при его помощи конституируется материя – был противоположен признаку “квадратности”, который может обойтись без указания на материю, тогда как определение “мясисость” нуждается в этом, ибо связь признака с самой вещью в бытии отличается от его связи с вещью в понятии.

Знай, что при определении чего-либо ты должен искать только понятие. А если понятие сущности вещи не требует обращения к другой вещи, то таково же будет и его определение. А если его существование связано с какой-нибудь другой вещью, как, например, с “чернотой”, то, значит, предмет не предназначен для выражения сущности этого субъекта и потому не будет выражать понятия, которое ему предназначено выражать. Следовательно, нет необходимости в том, чтобы понимание его требовало другой вещи, если он уже понят с точки зрения своей реальности. Люди сами говорят, что “акцидентальность” является одним из сопутствующих признаков вещей, являющихся сутью акциденциями, а не одним из их конституирующих признаков. Следовательно, нет необходимости обращать внимание на их определение, если таковые у них есть. А если не обращать на них внимания, то следует обращать внимание на то, что с ними происходит, однако здесь уже возникает совершенно другое соображение. Отсюда явствует, что их утверждения неверны по самой сути того, что они собираются доказать, разве что среди акциденций бывают такие субъекты, которые входят в их понятия, и в таких случаях эти акциденции являются простыми, а специфичность их состоит в том, что понятие в них смешано с тем, что имеет отношение к субъекту. Итак, они бывают составными, отличающимися друг от друга, и от их сложения не ожидают ничего, кроме этого, я имею в виду конструкцию, используемую в подобном случае и примером которой может служить название “курносый”. По всей вероятности, движение, соединение и им подобные явления относятся к такому типу конструкций. Однако мы говорим, что простые вещи, как ты уже знаешь, не имеют определений, а [имеют] лишь описания. Описания же являются одними из таких сопутствующих признаков, которые в бытии либо неизбежно подчиняются им, либо следуют за ними, хотя по сути дело обстоит не так. Если мы хотим узнать простые вещи со всеми сопутствующими и конституирующими их признаками в бытии, то нам лучше узнать акциденции и формы в их конкретных материях. Но если они существуют с явной импликацией, то какими бы предпосылками и причинами ни были обусловлены

конституирующие признаки и бытия, независимо от того, являются ли они субъектами или иными вещами, они не могут быть явно существующими и потому на них не следует обращать внимания. Простые вещи с ясной импликацией указывают на вещь, пребывая в ней, но отличаются от неё, что по необходимости мы используем. При объяснении понятий многих акциденций и форм мы вынуждены приводить субъективные причины, скорее, мы не можем обойтись без них, так как мы должны определять их посредством их бытия и других сопутствующих признаков. А на то, что утверждают по этому поводу совершенно иное, не следует обращать внимания. Таким образом, субъекты, производимые действия и конечные цели, свойственные вещам, входят в толкование понятия именно в этом аспекте. А всякая вещь, относительно которой используются эти положения, в действительности есть не определение, а описание, однако некоторые из них имеют гораздо большую связь с определением, нежели другие. Знай, это!

ГЛАВА ОБ ИССЛЕДОВАНИИ ПРЕДИКАТА

Мы хотим специально коснуться исследований, которые помогут предохранить разум от совершения ошибки относительно того, что является предикатом, что является разновидностью предикатов или не является разновидностью [предикатов] с учётом связи этой разновидности, касающейся представления его правильности или неправильности.

Что касается законов, при помощи которых выводится суждение об утвердительности и отрицательности предикатов и получении подтверждения этого в них, то здесь они не исследуются.

Мы говорим, что ошибки и упущения, которые возникают во время представления предикатов, происходят двояко: некоторые из них уводят разум от предиката к непредикату, от отрицательного к утвердительному, чем и искажают представление; другие неким образом отвращают от полного и верного представления, отчего возникают ошибки относительно этих предикатов и того, что проистекает из этого представления.

Начнем с первого разряда ошибок и скажем: воистину разум отвлекается от представления предиката по причине склонности к иной вещи, на которой он почему-либо останавливается. В этом случае он пребывает в таком состоянии, при котором почти не может сделать различия между нею и предикатом. Но сейчас наше рассуждение не о предикате, который возникает с появлением имени – мы полагаем, что соучастник в имени является соучастником в значении, в том, что соответствует значению. Сюда же относится, когда вместо самой вещи берут её причину, подобно тому, когда говорят “боль разъединяет связь”, тогда как связь разъединяется по причине боли и вовсе не является предикатом боли. Так же обстоит дело, когда говорят: “Сомнение равнозначно отрицанию”, когда вещь предидируется относительно причины её к конечной цели или, наоборот, как, например, когда говорят, что “цель женитьбы на молодежи – выгодное устройство жизни”, “совокупление имеет целью рождение детей”, “единение есть разум”, “царь – есть олицетворение справедливости”.

Иногда на вещь предидируют её материальную причину, подобно тому, как если кто-либо говорит, что “человек – это мясо и кости”, “стул – это дерево”, или когда на вещь предидируют её формальную причину, как, например, “человек умеет различать”, “дух – это инстинктивная температура” [врожденная теплота]. К этому же типу примеров относится их высказывание в [оправдание] плагиата, деликатно именуемого “проницательностью”, когда “проницательность” является формой выражения способности, составляющей причину воровства. Таково же их высказывание относительно самого плагиаторства, являющегося будто бы “способностью изымать что-либо скрытно”, а также высказывание о том, что “благоразумие есть способность и сила в терпимости по отношению к ярости”.

[К таким ошибкам] относится и та, когда на место самой вещи ставят её следственную причину, хотя должно происходить обратное этому. К такому же типу принадлежат их высказывания о том, что “чувственная сила есть телесное превращение”, а “разум – это истинное восприятие”.

[К таким же ошибкам] относится та, когда какую-нибудь сравниваемую вещь, неотделимую от другой вещи, которая не является ни причиной, ни следствием, принимают за предикат самой вещи, подобно тому, кто, например, говорит, что “ярость – это печаль из-за чего-то”. Иногда сравниваемая вещь может находиться впереди и предшествовать иной вещи, за которой следует предикат, как, например, в случае, когда относительно предиката говорят: “Интуиция и согласие есть предположение”, или “лихорадка – это холод”, или “любовь – это печаль”.

[К таким ошибкам] относится та, когда вещь определяют путем абсолютного согласия, она не лишена правдивости, и ты используешь её во всей подлинности, каковой бы она ни была, подобно тому, как “в темноте цвет определяют, прилагая усилие”. Это бывает в том случае, когда предикация имеет тот смысл, что она отличается не в каждой или какой-либо одной вещи, а во всех абсолютно. Но если она необходимо обусловлена по своему значению в качестве утверждения каждой или какой-либо одной вещи во всех отношениях, то тогда не следует обращать внимания на то, что о ней говорят будто она выражается либо абсолютно истинно, либо ограниченно истинно.

[К таким ошибкам] относится то, что представляющий берётся вместо представляемого в обратном порядке, как, например, когда если бы ты хотел апеллировать “любовь как чрезмерную страсть”, где “чрезмерность страсти” является качеством любви, а не самой любовью, тогда как “страсть и есть сама любовь”.

Сюда же относится случай, когда состав ставится на место составного, как, если бы ты сказал, что “животное – это совокупность души и тела”, а “мелодия – это сочетание соответствующего тона с ритмом”. В первом примере животное состоит из души и тела, что означает составление, но во втором примере мелодия состоит из соответствующего тона, но не из составления.

Однако предикация при представлении не проявляется в такой мере, чтобы можно было оградиться от проникновения в неё ошибок, в то, на чём она основывается. Как, например, условие предиката в его реальности или совершенстве его

реальности заключается в том, что к нему присоединяется какое-то условие, которое упущено из вида. Это условие бывает либо каким-то отношением, либо каким-то состоянием по природе. А что касается отличий частного или общего, времени или пространства, обретения какого-либо качества или силы, произведения какого-либо действия или испытания эмоций, смысла какой-либо силы и действия, смысла сопоставления действующего или смысла испытывающего воздействия, как, например, в случае когда Зейд не является отцом вообще и для каждого, а лишь для Амра, то необходимо, чтобы дополнительное состояние совпадало с тем, что соответствует ему. Следовательно, отец сына не является отцом какого-либо ребёнка, каждый человек является двуногим, но не в абсолютном смысле, а в соответствии с условиями природы. То есть, если человек и его природа оставлены нетронутыми в начале своего рождения и после него, то они не подвергнуты какому-либо воздействию, нарушившему сложение его естества. Белокрылая птица бела не вообще, а лишь благодаря своим перьям; Земля очень тяжела, но не всякая её часть, а в целом; Солнце способствует созреванию плодов; щенок рождается слепым, но таким он бывает лишь определённое и конкретное время, т.е. он не может видеть без открытых глаз. Поэтому он не может называться слепым, так как он не обладает зрением лишь в определённый период, тогда как в другое время он видит. Также некоторые люди утверждают, что существует некий вид камней, трение которых друг о друга вызывает дождливое облако, но происходит это лишь в Мавераннахре¹². Вода будет остывать, если ее не подогревать. Ал-Ябаш¹³ – это яд, если он берётся в определенной дозе. Распутный человек – это тот, кто предаётся наслаждению чрезмерно. Вода обжигает, но лишь тогда, когда становится горячей. Мёд также горяч, но зависит это от его воздействия на натуру человека. Всякое вино опьяняет, но лишь потенциально. Вода также твердеет, но лишь при сильной стуже. Соль также растворяется, но во влаге. Солнце также плавит, но свечу. Солнце также вызывает свёртывание, но в яйцах. В этом смысле также говорят, что лекарь – это целитель, а проповедник

– это человек, который убеждает, не ссылаясь на мнение большинства.

Иногда случается и так, что встречаются испытания, сравнения или знаки, благодаря которым разум делается бдительным, если вдруг допускаете ошибку в своём представлении чего-либо и затем возвращается вновь на правильный путь. Они относятся к числу противоречий, проистекающих от отношения субъекта и предиката в какой-либо вещи, похожей на вышеупомянутые обстоятельства, подобно тем случаям, когда о субъекте можно говорить “меньше”, “больше”. Это вероятно в отношении вида, который может выступать в качестве предиката. Однако предикат может быть совершенно иным, и не обязательно воспринимать это, как, например, когда говорят, что “предположение – это невежество”, где “предположение” предполагает это, однако “невежество” этого не предполагает. Или же бывает наоборот, когда предикат предполагает это, а субъект нет, как, например, если кто-либо говорит “знание есть предположение”. Если предикат этот не в абсолютном смысле, то субъект этого не приемлет, и ничто из этого не проистекает. Иногда предикат бывает более общим, и потому предполагает это в некоторых своих видах и классах, не приемля в кругах. А субъект вытекает из этих некоторых предполагающих это условий. Но высказывания бывают и противоположными этому, как, например, когда говорят, что “страсть – сильное желание совокупления, и чем больше возрастает страсть, тем менее сильным становится желание совокупления”. Иногда субъект и предикат бывают разными при некоторых обстоятельствах, которые мы упомянули, говоря о происхождении предикатов. Например, при предидировании воспоминания на учение, когда учение – это получение нового знания, а воспоминание – возобновление прошлых знаний. Эти примеры бесспорны по отношению ко времени. Примером может служить и предидирование доброй воли на силу, где добрая воля подразумевает личность, а сила носит всеобщий смысл. То же можно сказать о добавлении, когда, например, кто-то утверждает, что “повторение – залог существования знаний”, и если повторение добавляется к упоминаемому, то существование

знаний добавляется к знанию. Это схоже с тем, как если бы кто-то сказал: “Зной – это скорпион”. А ведь зной жарок, а скорпион холоден. Это всё о качестве. Или если кто-то скажет, что “воистину земля очень тяжела”, тогда как в самом деле очень тяжёлой является масса земли. Это уже относится к количеству.

Например, говорят; “Сон – это ослабление ощущения”. А ведь ослабление ощущения происходит в силе чувственного восприятия, и сон находится в начале чувственной и движущей силы. Это относится к различиям в частностях. Или же другой пример: “Пепел – это способность всплывать на поверхность воды”. Здесь одно относится к теплу, а другое – к холоду. Подобное относится к сфере различий воздействующей причины. Например, говорят, что “курносость – это вогнутость, подразумевая её в носу, а точнее в середине носа. Этот пример представляет различие воспринимающей причины. Или же, например, говорят: “Кольцо есть окова”, хотя одно из них относится к атрибутам украшения, а другое – не к атрибутам украшения. Этот пример иллюстрирует отличительную особенность формальной причины. Или, например, говорят: “Корона – это венок”. Это уже об отличии образной причины. Подобно этому же некто может сказать: “Дверь – это дерево”. Данный пример показывает различие между актуальностью и потенциальностью.

К числу этих исследований принадлежит и тот случай, когда субъект и предикат различаются в своей устойчивости или непостоянстве, как в примере, когда некто утверждает, что “ал-буркус есть ожерелье”.

На ошибку в предикировании указывает то обстоятельство, что предикатом иной раз делают вещь несуществующую, как в примере, когда некто говорит, что “пространство есть пустота или изначальная протяжённость, а не протяжённость, которая имеет границы”. Таким образом, несуществующую вещь делают предикатом существующей. Если идти ещё дальше этих изысканий, то мы слишком углубимся в то, что не соответствует здесь нашей цели.

ГЛАВА ОБ ИССЛЕДОВАНИИ ОБЩЕГО

Первым делом рассмотрим, является ли то, что претендует на общность, предикатом или нет. Далее рассмотрим состояние того, что предикцируется на вещь, является ли оно более общим и предикцируемым определением более частного или более общего, чем оно, как, например, когда мы говорим: “Соотнесённое является разновидностью противоположности, поскольку соотнесённое является противоположным”. Далее, когда определяют соотнесённое относительно каждого противоположного, то рассматривают частные предметы, на которые не предикцируется более общее, как, например, когда говорят, что “благо включает и удовольствие”. Однако существуют такие удовольствия, которые являются скверными. Самое скверное то, которое не имеет общего, которое предикцировалось бы на частное, как, например, в случае, когда говорят: “Удовольствием являются некоторые движения”. Однако наблюдаются и такие движения, которые не доставляют никакого удовольствия. Скорее, мы находим удовольствие, которое является какой-то конечной целью какого-то движения и однозначно с покоем, если таковой имеет место. Иначе каждый субъект по отношению к предикату является равнозначной совокупностью для предиката, и ни один из них не является общим, как, например, в выражении “движение – это некоторые перемещения”. Здесь предикат необходимо сделать больше субъектом перемещения, однако дело не обстоит таким образом. Близким к этим значениям является то, когда говорят, что если бы каждое из этих значений было устранено, то с устранением другого, например, “разумного” и “смеющегося”, было бы устранено то, что сделалось бы более общим с устранением того, что сделалось более частным и, наоборот, подобно тому, как “осуществляющий что-либо является более общим, нежели существующее, и потому осуществляющий нечто не может существовать без существующего”.

К числу того, что необходимо здесь учитывать, относится вопрос, является ли эта общность номинальной [лишь по названию] или смысловой, подобно тому, как говорят: “Живое разумное существо” в отношении и человека и царя, Если обратиться к понятию, то оно, конечно же, различно.

ГЛАВА ОБ ИССЛЕДОВАНИИ СУЩНОСТНОГО КОНСТИТУИРУЮЩЕГО

Здесь мы рассмотрим, нуждается ли вещь в переходе в другое, не предицидуемое состояние, не являющееся более общим, чем сама вещь, дабы в ней существовал предикат. Если дело обстоит так, то предикат в смысле конституирующего не является сущностным, как, например, в том случае, когда мы хотим сделать вещь равнозначной двум прямым углам. Нельзя брать её сразу, а требуется ещё нечто иное, а именно: необходимо сделать её трехсторонней, после чего она станет равнозначной двум прямым углам и на неё будет предицироваться другое для предицирования треугольника. Стало быть, во-первых, необходимо, чтобы вещь, посредством которой будет конституирована иная вещь, не должна быть специальной фигурой. И если мы хотим сделать её треугольником, то будем вынуждены обратить внимание на то, чтобы сделать вещь равнозначной углам. Это исследование станет более ясным, когда будет представлен более общий конституирующий признак, а далее он будет продолжен более частным.

Также нельзя представлять человека или животное или негра “смеющимся”, пока мы не найдем для них причину удивления, что и является различием. Если идея очень общая, то относись к ней с точки зрения более общих вещей, которые и являются вещами. Далее подумай, нуждается ли вещь вообще в том, чтобы быть в этом состоянии с тем, чтобы обратить её в другое состояние, в котором она находилась прежде. Также подумай, возможно ли вообразить её противостоящей предикату, когда его индивид остается. Как, например, в том случае, когда на человека предицируются существование и смерть, однако он существует. Далее можно вообразить, что бог сотворил человека вечным и удалил от него смерть, и тогда он остается этим конкретным индивидом. Следовательно, его сущность в таком случае смертна и невечна. Кроме того, можешь ли ты

осуществить во всей её сути и установить её предикат? Если это и возможно, то предикат всё равно не будет конституирован, подобно тому, как человек иногда вникает в свою подлинную суть и нуждается в доказательствах, которые помогли бы ему выяснить, что его тело даже при этом своём развитии неизбежно смертно, а смертное, разумеется, не может быть для него конституирующим. Это [состояние], хотя и похоже на предыдущее, но отлично от него, так как иногда то, что требует доказательства, оказывается ненужным после построения доказательства и надобность в объяснении необходимости его бытия отпадает.

Сюда же относится исследование, в котором рассматривают, сказывается ли это конституирующее в отношении конституируемого вообще или при каком-то условии, или касается лишь какой-то его стороны, так как конституирующий имеет право быть абсолютно общим для предмета. Что же касается, например, ощущения, свойственного какому-либо человеку, хотя и не во всех отношениях, а лишь в отношении его тела, то оно является одним из его сопутствующих и конституирующих признаков.

ИССЛЕДОВАНИЕ АКЦИДЕНТАЛЬНОГО

Его исследование приводит к заключению, что в нём нет ни одного из свойств конституирующего [признака], а если оно и имеется, то не является акцидентальным.

Общая акциденция в нём исследуется при помощи общего исследования, схожего с исследованием акцидентальности.

ИССЛЕДОВАНИЕ РОДА

Без сомнения, тебе необходимо рассмотреть бытие вещи с предикатом и более общим конституирующим [признаком], который не обязательно бывает неотъемлемым признаком, а затем рассмотреть бытие вещи как род. Так, если выпадает хоть какой-либо из первичных признаков, то это означает, что род перестал существовать. А если же он выпадает, то тебе остается выяснить, не нарушено ли конституирующее значение чем-либо аналогичным, не указывающим на него через свое содержание.

Как, например, тот, кто считает "чувствующее или движущееся по воле" родом по отношению к человеку, в то время как ни один из них не содержит в себе подобного указания на другое, хотя и указывает на него, как на нечто подразумеваемое. Следовательно, ни один из них не является более предпочтительным в сравнении с другим, дабы быть родом для человека. В этом смысле к роду относятся также две вещи, одна из которых, не будучи родом, тем не менее принята за род, поскольку другая, хотя и сопутствует первой, но не входит в её содержание и является тем, о чём мы упомянули, то есть либо содержащим в себе нечто, либо в чём-либо содержащимся. Следовательно, содержащее в себе нечто, более всего может быть родом, хотя ни один из них не имеет преимущества перед другим для того, чтобы быть родом. Это подобно тому, когда "способного на что-либо" и "избранного" считают родом для вора, особенно когда хотят выразить предпочтительное соединение этих качеств, ибо их совокупность наиболее соответствует выражению общности их значения.

Для того, чтобы исследовать вещь, следует посмотреть, имеется ли в её отличительных признаках какое-либо противоречие и если противоречие в отношении рода является не чем иным, как противоречием в акцидентальных сопутствующих признаках, подобно отличию индивидов друг от друга их акцидентальными признаками, то тогда конституирующее значение не является родом.

Следует рассмотреть, является ли то, что называется родом, указывающим на сущность вещи, конституирующим высказыванием, не служащим родом, или же является выражением видового отличия своего рода, или выразителем самого видового отличия, как например, в выражениях "чувственно воспринимающий" и "разумный", употребляемых в отношении человека.

К числу явлений, которые необходимо исследовать, относится выяснение того, различаются ли род и вид в зависимости от их отношения к высшему роду и от того, когда говорят, что "обладание" является одним из соотнесённых видов рода. Далее они рассматривают "смелость" как одну из

разновидностей качества, чего быть не может, ибо род предцируется тем, что подчиняется ему, независимо от того, является ли оно видом или видом вида и конституирующей предикацией. Не бывает так чтобы он конституировал [признак] вида и не конституировал вид вида. И высший род не может не предцироваться на низший вид или предцироваться способом, отличающимся от способа предцирования высшего рода.

Нужно исследовать также, является ли то, что установлено в качестве рода, постоянным и неизменным видовым отличием всех видов или же оно есть один из классов вида. Примером первого может служить то, когда число делают родом нечётности или животное родом разумного. А примером второго служит то, что делают родом для мужчины или женщины, в то время как "мужественность" является неотъемлемым признаком видов животного, а не различающим признаком, привходящим первым в животное и подразделяющим его на разновидности. Нелепее этого бывают те случаи, когда родом считают то, что более предпочтительно считать видом, а видом считают то, что более достойно считать родом, например, подобно тем, кто говорит, что "соединение есть род единения". Часто впадая в ошибку, за род принимают различающий признак, как, например, когда говорят, что "страсть – это чрезмерность любви", тогда как это и есть "чрезмерная любовь". Или же, например, говорят, что "добродетель – это похвальное качество", считая "похвальное" родом добродетели.

Отсюда ты можешь таким же образом исследовать как различающий признак, так и вид.

ОБ ИССЛЕДОВАНИИ ОТЛИЧИТЕЛЬНОГО ПРИЗНАКА

При использовании различающего признака в определениях часто совершают ошибку, ставя сам вид на место различающего признака. К примеру, при определении насмешки ты говоришь: "Это – брань с унижением". Но ведь унижение не является отличительным признаком брани, скорее, оно является его видом. Иногда отличительный признак рода может быть поставлен впереди рода.

ОБ ИССЛЕДОВАНИИ СОБСТВЕННОГО АБСОЛЮТНОГО ПРИЗНАКА

Что касается единого собственного признака, который используется не для дефиниции и который должен быть равнозначным неконституирующему предикату, то он исследуется несколькими способами. Один из них заключается в том, что необходимо обратить внимание, имеет ли этот признак место и в другом предмете или нет, а если имеет, то это будет означать, что он не является собственным [признаком], как, например, в случае, когда кто-то считает свет собственным признаком дня, тогда как свет излучается существующим телом. Надо также вдуматься, противостоит ли собственному признаку собственный признак противостоящей вещи, подобно тому, как если свойство чётности заключается в том, чтобы квадрат имел свою пару, то свойство нечётности состоит в том, чтобы сам квадрат был парным. А касательно того, кто говорит, будто невозможно, чтобы субъект считался собственным признаком такого же субъекта, как в том случае, когда кто-либо уверяет, что "человек" есть собственный признак для "смеющегося" или земля есть свойство тяжести и сыпучести, то он получит отрицательный ответ. Воистину, предикирование "человека" на "смеющегося" верно, но это свойство не является для него ни родом, ни различающим признаком, ни общей акциденцией, ни определением, ни описанием. Следовательно, смотри, чем же оно может быть. Что касается [вопроса] о том, что один из них имеет большее преимущество при предикировании, то это не является предметом нашего исследования.

Недостатком собственного признака является его использование в большей и преобладающей степени в выражении частных явлений. Например, говорится, что собственным признаком огня является то, что он представляет собой мельчайшие элементарные тела. Но ведь если бы даже огонь не существовал, то всё равно существовали бы мельчайшие тела, хотя они не представляли бы собой огонь, разве только если подразумевать здесь самые мельчайшие возможно-сущие тела, которые должны существовать, чтобы быть элементом. В этом случае данное высказывание будет правильным, особенно в том

аспекте, о котором мы ведём речь, хотя это и не будет собственным признаком ни в смысле абсолютной дефиниции, ни в смысле того, что определяется путём доказательства. Это уже более сложное явление.

ОБ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОСТОГО СОБСТВЕННОГО ПРИЗНАКА (И ОПРЕДЕЛЕНИЕ) ЗНАНИЯ ДЛЯ ОБЪЯСНЕНИЯ ИМЕНИ

Следует проследить за тем, чтобы высказывание, приводимое в двух значениях, не было более неизвестным, чем само определяемое, или подобным ему в неизвестности. Оно бывает более неизвестным, чем определяемое либо потому, что не может быть определено иначе как с помощью определяющего, либо, несмотря на то, что не нуждается в определяющем при определении себя, и само по себе трудно поддаётся определению. Примером первой части этого утверждения может служить высказывание того, кто определяет Солнце как "дневное светило", и тогда он не может дать иного определения дню, кроме того, что день является временем восхождения Солнца. Таково же и высказывание о том, что "животное есть то [существо], видом которого является человек". Примером второй части может служить высказывание того, кто определяет огонь, как "тело, подобное душе". Иногда бытие собственного признака более неизвестно, нежели бытие того, при помощи чего он определяется, как, например, в примере сравнения души с огнем. Примером равнозначности в степени неизвестности являются соотносимые, противоположные и подобные им вещи. Ведь воистину определение сына при помощи отца не лучше определения отца посредством сына. Ты вроде бы уже знаешь, какая при этом совершается ошибка. Точно также производится определение черноты. В первых двух случаях каждый из них определяется вместе, а не один при помощи другого и не прежде него. В двух остальных случаях каждый из них определяется один без другого, а не при помощи другого и не прежде него. Ошибкой было бы то, когда вещь определяла бы себя, сама того

не ведая, подобно тому, кто определяет себя иным эквивалентным именем, утверждая, например, что "человек есть человеческое животное", или определяет единицу как "непарное число" или говорит, что "страсть – это сильное влечение к наслаждению".

ОБ ИССЛЕДОВАНИИ ПРИ ТОЛКОВАНИИ ИМЕНИ, ВКЛЮЧАЮЩЕМ ВСЕ ЕГО ВИДЫ

К этому относится то, что связано с соблюдением изящества стиля и качества слога, и то, что связано с ошибкой в существующем необходимом.

Что касается изящества стиля и качества слога, то это относится к случаям, когда проявляется, например, игнорирование рода и умаление права дефиниции, ибо род или подобное ему имеет право входить в описание и объяснение имен. За ним следуют собственные признаки, акциденции или отличительные признаки и конституирующие признаки. Далее рассматривается, использованы ли соответствующие слова, в которых нет метафор и аллегорий, или слово, которое понять труднее относительно понимания комментируемого. Также рассматривается, имеется ли в нём добавление, в котором имя не нуждается ни по причине равенства, ни дефиниции и пояснения его, как, например в сказании при определении мокроты утверждают, что она есть "первая влажность, перевариваемая в желудке". Здесь в слове "первая" мы вовсе не находим никакой пользы. Так же обстоит дело, если кто-либо говорит, что "слепота – это естественное отсутствие зрения". Здесь от слова "естественное" нет никакой пользы, так как бессилие вытекает из природы вещи, а существование силы в предмете бывает от другой вещи.

Было бы чрезмерным упущением и ошибкой давать определение явно существующей вещи через небытие, подобно тому, кто, например, определяет силу, как "утерю бессилия", а зрение, как "потерю слепоты". Ты уже знаешь, какого рода ошибка в этом случае допускается.

ОБ ИССЛЕДОВАНИИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ

Все исследования, затрагивающие предикат, конституирующий и собственный признак и толкование имени, относятся к области определения, к которому применимо несколько способов исследований. Один из них – выяснение того, являются ли части определения обстоятельствами, предшествующими определяемому. В противном случае определение не может быть чистым определением, так как чистое [определение] реализуется благодаря конституирующим [признакам].

Подобен ему и тот случай, когда сопутствующие явления принимают на себя роль конституирующих [признаков].

К подобного рода способам относится и тот случай, когда отличительный признак [видовое отличие] носит характер чистого отрицания, не охватывающего определенного указания. А ведь ты уже, знаешь, что отрицания являются неотъемлемыми, а не конституирующими признаками, как, например, в случае, когда кто-либо определяет линию как "протяженность без ширины".

К тому же следует обратить внимание на то, ставится ли вместо рода другой сущностный [признак], а вместо отличительного признака также иной сущностный [признак]. Вот это то, что относится к исследованию рода и отличительного признака.

Необходимо также убедиться, установлены ли в определении самые ближайшие роды, ибо в определении неизбежно в определённом порядке располагается ближайший род с тем, чтобы он мог охватывать все общие конституирующие признаки, после чего приводится отличительный признак.

К числу этих же способов относится случай, когда выясняют, приведён ли каждый близкий отличительный признак, если, конечно, вещь обладает одновременно отличительным и конституирующим признаками, например, такими, как "чувствующий" и "движущийся по воде". Здесь ни один из них не является более предпочтительным, чем другой, чтобы при его помощи указывать вид другого.

Для составления определений сложных предметов используется [несколько] способов. Например, если мы

предположим, что справедливость складывается из целомудрия, отваги и мудрости, то ошибка, совершаемая в определении подобного ей качества, проявляется тогда, когда утверждают, что "справедливость есть целомудрие и отвага". Внешним проявлением здесь становится то, что справедливость есть целомудрие, и она также есть отвага. Это схоже с тем, если сказать, что "человек есть существо живое и разумное". Это понимается так, что справедливость есть целомудрие, а это целомудрие есть отвага, или же [справедливость] она есть целомудрие, сопоставимое с отвагой. Следовательно, получается, что справедливость словно является целомудрием при некоем условии, а именно: когда данное целомудрие представляло бы собой отвагу, при условии, что к целомудрию присоединяется отвага. Таким образом, происходит так, как если бы кто-то сказал, что "справедливость есть некое целомудрие". Однако это не так. Наоборот, целомудрие является частью справедливости или непременным условием её. Поэтому следует говорить, что справедливость является состоянием, которое обуславливает соединение целомудрия, отваги и мудрости. Следовательно, справедливость представляет собой их совокупность.

Иногда ошибки совершаются из-за отдалённости этой причины, а именно упоминается и указывается объединение, однако не указывается особая структура этого объединения, которое в силу своей особой формы является составным и таким, каковым оно есть ввиду этого, подобно тому, как, например, говорят, что "дом – это совокупность кирпича, глины и дерева", и ограничиваются этим, однако этим нельзя дать определение дома, ибо не всякая совокупность этих компонентов является домом, а именно та, которая имеет соответствующую форму, плотность, порядок. Следует упомянуть совокупность частей без конкретизации того, что возникает вследствие такой совокупности и чем является такая совокупность в сравнении. Ошибка, совершаемая при этом определении, заключается в том, что здесь указывается состав, который ставится вместо сложного. Поэтому, например, говорят, что "дом есть сложное строение из кирпича, дерева и глины", хотя здесь дом является не составом, а

сложным строением. Состав же представляет собой описание основ дома.

К числу такого же рода ошибок, допускаемых в определении, относится и тот случай, когда пытаются совместить несовместимое, как, например, в высказываний того, кто определяет плоскость как "линию и число" или образует общее без частных, подобно тому, кто, например, говорит, что "справедливость [проявляется] во время сильного влечения и гнева", в действительности же дело обстоит не так. Скорее всего, она проистекает от разума. Схожа этой ошибке и та, когда общее находится в одном месте, а частные разбросаны по разным местам, когда, например, говорят, что "зрение является совокупностью цвета и восприятия". Близка к ней и та, [ошибка] когда общее существует, хотя его части необратимы, или же когда нечто сложное составляется из двух противоположностей и не может существовать без какой-либо одной из них, хотя и склоняется из одной стороны в другую. Близка к этим ошибкам и та, при которой отдельные частные вещи выводятся из общего, подобно цели и действующему лицу и т.д. Как, например, когда говорят, что "стрельба есть отправление стрелы для поражения".

ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ИМЕНИ, ГЛАГОЛА, ПРЕДЛОГА И СКАЗУЕМОГО

Переходя к речи об утверждении, нам прежде всего следует уяснить эти три вещи¹⁴.

Итак, именем называется всякое простое слово, выражающее какое-либо значение, но не содержащее указания ни на одно из трёх времён, к которому относится данное значение, например [слово] "Зайд".

Что касается калимы [слова]¹⁵, то это то, что во всех случаях подобно имени, однако оно указывает на упомянутое время. Например, если ты говоришь "ударил", то слово это сначала указывает на удар и далее ещё на две вещи, первая из которых относится к неопределённому субъекту, а вторая указывает на происхождение действия в прошедшем времени.

Что касается [слова] "вчера", то оно не обозначает ни предмета, ни времени происхождения действия, а, скорее, указывает на само время.

Что касается [слова] "предшествование", то оно указывает не на какую-то идею и время, к которому оно может быть отнесено, а лишь на время, которое входит в реальность самого значения. Именно поэтому "вчера" и "предшествование" являются именами.

Что касается предлога, то это такое слово, которое в отдельности не может выражать какого-либо представимого значения и указывает лишь на связь и отношение между значениями, и оно рождается только вместе со словом, которое следует за ним. Например, предлоги "в", "не". Следовательно, если будет сказано, что "Зейд в", то в этом не будет пользы для выражения идеи, пока не добавят в "доме".

Что касается высказывания, то им может быть любое сложное сказание, часть которого выражает какое-либо значение. Оно может быть законченным или незаконченным. Законченным является такое высказывание, в котором каждая часть выражает определённый смысл, как, например, высказывание, составленное из одних имён или из имён и глаголов. Незаконченным же является такое высказывание, которое состоит из двух частей, из которых одна имеет законченный смысл, а другая – незаконченный, как, например, в высказывании, составленном из предлога и какой-либо другой части речи. Например, ты говоришь: "не человек", "в доме", или говоришь: "неправильно". Поскольку в этих выражениях выражается неполное указание предмета, то это позволяет им лишь ненамного подниматься над уровнем простоты. То же произойдет, если ты скажешь "Зейд", поставив перед ним какой-либо предлог, который неизбежно должен быть соединён с идеей "Зейд". Поэтому данные высказывания не являются законченными, но тем не менее они неизбежно относятся к числу высказываний.

Кроме того, существуют слова, которые иногда используются как отдельные высказывания, имеющие законченный смысл, а иногда – как высказывания, не имеющие

законченного смысла. Примером этого может послужить случай, когда ты говоришь: "он" или "сущее". Этим ты желаешь выразить смысл имени, и поэтому далее ты говоришь: "Зейд есть секретарь" и "пишущее существо". Следовательно, ты используешь их как подчинение и связку, но если ты остановишься на них, то высказывание не будет выражать законченного смысла, ибо ты не используешь тут слова "он" и "существо", подразумеваемые под именем. Благодаря же им, ты применяешь подчинение другому слову, которое требует, непременно сказать, подобно тому, как ты говоришь: "Зейд в и на". Точно так же ты говоришь; "Зейд был", и здесь под словом "был" ты подразумеваешь существование Зейда в себе самом, и тогда высказывание будет законченным. Иногда ты говоришь "Зейд был секретарем", и тогда ты вводишь здесь подчинение и связку.

Итак, стало ясно, что некоторые имена и глаголы выражают незаконченные значения. Поэтому, когда ты говоришь "был секретарем", то здесь ты этой бытностью выражаешь не значение, а обозначаешь секретарство. Однако [здесь] тем не менее ты указываешь на время бытования какой-то вещи, которую ты еще не упомянул. Подобные слова называются временными глаголами.

ВЫСКАЗЫВАНИЕ ОБ УТВЕРЖДЕНИИ В РАЗЛИЧНЫХ КЛАССАХ СУЖДЕНИЙ

Воистину, понятия, простые слова и те части речи, которые выполняют функцию простых слов – а это те, суть которых можно выразить и одним словом – могут принимать различные формы сочетаний, не все из которых, конечно, направлены первоначально на утверждение или отрицание. Многие из них преследуют иные цели. Если ты, например скажешь: "Дай мне книгу", то первым делом ты, разумеется, не вкладываешь в это смысл, соответствующий истине или лжи, ибо этим ты лишь даёшь знать, что желаешь взять книгу. Точно так же, если кто-либо скажет: "Быть может, ты придёшь ко мне", или: "О, если бы ты пришёл ко мне!" Или же: "Есть ли у тебя объяснение тому-то?" И так далее.

Все эти высказывания первым делом лишены значения, соответствующего истинности и ложности, хотя они не лишены второго значения, им соответствующего. Но если ты скажешь: "Зейд – секретарь", то ты не найдёшь первым делом ничего, кроме значения, которое должно быть или истинным, или ложным, т.е. ты находишь обстоятельство таковым, каким оно соответствует идее, представляемой в душе. Следовательно, здесь ты обнаружишь понятия, соответствующее в бытии самому себе. Если это так, то понятие будет истинным и станет началом утверждения в подобного рода сочетаниях, если одновременно с понятием возникает убеждение в данном соответствии. И этот вид высказываний и составных понятий называется "суждением" и "категорическим высказыванием".

Первых их классов бывает три, так как правил, соответствующих утверждению, также три. В таких сказаниях речь идёт либо об отношении простых вещей – или вещей приравниваемых к простым – к равнозначным им, подтверждающим: так ли это или не так, подобно тому, как если ты скажешь "тело создано" или "тело не создано", что обычно люди именуют "категоричным суждением". Либо в таких высказываниях суждения могут быть составными и сочетаться с себе подобными. Некоторые называют всё это "условным суждением". Оно состоит из двух частей, и либо отношения между ними являются отношениями подчинения, следования и соединения, как, например, когда ты говоришь: "Если Солнце восходит, то наступает день". А высказывание твое "Солнце восходит" является уже само по себе суждением, и таким же самостоятельным является суждение "наступает день", и каждое из них соединено с другим, отчего вошло в привычку людей называть суждения "условно-соединительными" и "обстоятельными".

Или же в этих высказываниях выражаются отношения различия, противодействия и разделения. Как, например, в высказывании: "Это число является либо чётным, либо нечётным", где высказывания: "Это число чётное" и "Это число нечётное" являются самостоятельными суждениями, между которыми имеют место противоречие, противодействие и

препятствие. Обычно люди называют такого рода суждения "условно-разделительными".

Согласно [правилам] арабского языка, именно условное суждение должно было быть "соединительным", так как в нём ты можешь [сначала] заметить условие, а затем следующую за ним часть. Однако они называют разделительное суждение также условным и, похоже, под "условным" подразумевают то, что присоединяется в суждениях излишнего, не позволяющего ему стать самостоятельным суждением и превращающего его в часть суждения. Разве ты не видел, было ли твоё высказывание "Солнце восходит" истинным высказыванием или ложным, и лишь тогда, когда ты присоединил к нему добавление и сказал: "Если Солнце восходит", то тем самым ты разрушил суждение, и оно перестало быть таковым, ибо лишилось того, что делает его истинным или ложным. Так же обстоит дело в отношении твоего высказывания "День наступит", которое могло быть истинным или ложным высказыванием. Когда же ты добавил к нему нечто и сказал: "То день наступает", то нарушил суждение, и оно перестало быть суждением. Воистину твоё высказывание "стало то-то" – употреблённое с частицей "фа"¹⁶, если она не аннулируется и означает какой-то смысл – не является ни истинным, ни ложным. Аналогичными этому будут твои высказывания: "Это число чётное" и "Это число нечётное". Однако с добавлением слова "либо" эти суждения становятся или истинными, или ложными.

Каждая же из этих четырёх частей готова принять то, что к ней хотят присоединить, с тем, чтобы она стала частью суждения, побуждающей душу стремиться к следующей части. Следовательно, условие каждой части этих суждений заключается в том, чтобы благодаря ему нашла завершение речь, и оно было бы созвучно с другой частью.

Однако антецедент соединительного суждения сам по себе является антецедентом, а консеквент в нём сам по себе является консеквентом, а не в силу обстоятельства. В разделительном же суждении дело обстоит иначе, ибо там это происходит в силу обстоятельства [положения]. Теперь ты знаешь, что соединительные и разделительные суждения состоят из более

чем двух суждений. Невозможно, чтобы два суждения сами по себе являлись одним суждением, а сочетание таких суждений актуально не являлись бы суждениями. Напротив, в суждениях невозможно, чтобы они стали в действительности такими суждениями, которым было бы присуща невозможность того, что само по себе является в действительности одним суждением, но затем превратилось в его части. Каждое соединительное суждение в действительности является одним суждением. Каждое разделительное суждение также фактически является самостоятельным. Однако если от подобных суждений будет устранён состав [сочетания], то они станут такими же абстрактными суждениями. Иначе обстоит дело с частями первой из групп суждений.

Для этой первой группы суждений в языке арабов найдено надлежащее ей название, назовём и мы их так, как называли они, то есть соединительное суждение назовём условным [метафоричным], и разделительное назовём так же, как называли они.

Мы видим, что категорическое суждение состоит из двух частей, одна из которых является носителем [понятия] и носит известное имя "субъект", как, например, в приводившемся уже нами примере "Зейд", а вторая называется "предикатом", и показана в приводившемся нами примере "секретарь". Условное суждение также состоит из двух частей, одна из которых условна и называется "антецедентом", и она такова, как в примере "если Солнце восходит", а вторая называется "консеквентом", как в примере "то наступает день".

В каждом из этого ряда суждений могут содержаться утвердительность и отрицательность, поэтому люди называют одни из них "утверждением", а другие – "отрицанием".

В категорическом же суждении утверждение – это то, что определяет существование предиката, как, например, в сказании "Зейд – секретарь", отрицание же в нём – это то, что не определяет существование предиката, как в примере "Зейд не есть секретарь".

Утверждение в соединительном условном [метафорическом] суждении – это суждение, в котором

наблюдается следование частей согласно какому-либо условию, как, например, в сказании "если Солнце восходит, то наступает день". А отрицание в нём представляет суждение, где не соблюдается подчинение одной его части какому-то условию, как, например, когда ты говоришь, что "невероятно, что Солнце не восходит, то наступает ночь".

Утверждение в разделительном суждении происходит посредством разделения консеквента и антецедента, как, например, в сказывании "либо это число является чётным, либо нечётным". А отрицание в нём производится без разделения консеквента и антецедента, как если бы ты сказал: "Либо это число не является чётным, либо делится на две равные части".

Все соединительные и разделительные суждения бывают универсальными, частными и неопределёнными.

В универсальном категорическом суждении утвердительное или отрицательное сказания распространяются на каждый субъект, как, например, в утверждении "каждый человек есть тело", а в отрицании "ни один человек не есть птица".

В условном метафорическом суждении одна часть представляет собой часть каждого компонента, подчинённого условию, как, например, в высказывании "всякий раз, когда Солнце восходит, наступает день". В отрицании же происходит обратное этому, как, например, в случае, когда мы говорим: "Никогда не бывает так, чтобы Солнце восходило, а ночь продолжалась". В разделительном суждении отделение консеквента при утверждении и при любом положении антецедента бывает истинным, как, например, когда ты говоришь: "Всегда это число либо бывает чётным, либо бывает нечётным", а в отрицании при любом обстоятельстве бывает ложным, как, например, когда ты говоришь: "Никогда не бывает так, чтобы это число либо являлось чётным, либо делимым на две равные части".

В частном категоричном суждении высказывание – будь оно утвердительное или отрицательное – касается лишь некоторых частей, так называемого субъекта, как, например, в

утверждении "некоторые люди суть секретари", а в отрицании – "некоторые люди не есть секретари".

В соединительном суждении следование выражается как при утверждении, так и при отрицании некоторых положений antecedента, подобно тому, как ты можешь сказать при утверждении: "Бывает так, что всякий раз, когда солнце восходит, небо покрывается облаками или восходит Сириус"¹⁷. А в отрицании говорится: "Не всякий раз, когда Солнце восходит, погода ясная".

В разделительном суждении дело обстоит как в соединительном, как, например, когда ты говоришь при утверждении, что "лихорадка бывает либо периодической с ознобом, либо непрерывной со слизью". Такое бывает лишь в некоторых ситуациях, когда возможны только эти две причины. В отрицании это происходит так, как в том случае, когда ты, например, говоришь: "Не бывает так, чтобы лихорадка была либо повседневной, либо перемежающейся". Ведь подобное случается при определённых обстоятельствах, когда лихорадка одолевает ознобом, повторяясь каждые два дня один раз.

В неопределённом суждении высказывание не содержит указания на количество, при помощи которого суждение стало бы "ограничительным" благодаря употреблению ограничительного слова, именуемого "квантором". Пример при предсказании в утвердительном суждении: "Человек есть секретарь". А в отрицательном оно таково, как если бы ты сказал: "Человек не есть секретарь". Среди категорических суждений есть суждение, именуемое "единичным", и именно его субъект является индивидуальным по числу, единичным предметом, как, в примере утвердительности "Зейд – секретарь", а в отрицательности – "Зейд не есть секретарь". Поскольку категорические суждения по своему составу наименее сложные, то лучше начать разговор с них и исследовать их состояние.

ОБ ИССЛЕДОВАНИИ СУБЪЕКТА В КАТЕГОРИЧЕСКОМ СУЖДЕНИИ

Когда ты говоришь, что "Б есть В", то смысл этого сводится к тому, что вещь, описываемая как Б и предполагаемая,

что она есть Б, независимо от того, существует она или не существует, является ли возможно-сущей или невозможно-сущей даже после того, как актуально будет описана в качестве Б без добавления того, что она постоянно или непостоянно в своем бытии есть Б, то эта вещь может описываться и как В. Таким же образом, она характеризуется при отрицании.

Знай, что субъект бывает простым, как, например, "человек", и бывает составным, как, например, "смертное разумное животное". Субъект может быть таким тогда, когда он равносителен простому.

Из числа сложных субъектов есть такие, часть которых представляет собой частицу, как, например, в выражениях "незрячий" или "невидящий", хотя ты можешь употребить вместо них простое слово "слепой". Таким же образом, ты можешь выводить суждения и в утверждении и в отрицании.

ОБ ИССЛЕДОВАНИИ ПРЕДИКАТА В КАТЕГОРИЧЕСКОМ СУЖДЕНИИ

Когда ты говоришь "Б есть В", это означает, что вещь, описываемая как Б, актуально описывается как В без излишних добавлений, состоящих в том, что она является таковой постоянно, или когда описывается как Б, или в какое-то определённое время, как, например, периоды затмения Луны, или неопределённое время, как, например, "душа в человеке", то всё это подпадает под сказание "описывается и как В", так как это сказание является более общим, нежели когда оно описывалось как постоянное или непостоянное или описывалось бы при этом только как Б. Всё, что сверх этого, является более частным, даже, если в каком-нибудь языке это не подтверждается, или подтверждается, что оно является таковым лишь в настоящее время. Следовательно, в этом языке нет тех добавлений, которые требуются для выражения данного значения, и потому оно получается более узким и частным. Так же обстоит дело и в отрицании.

Обычно почти во всех языках, если требуется сказать, что Б есть В, предполагается, что когда В описывается как Б, то соответственно содержанию самого значения оно называется абсолютным

высказыванием. А если оно само по себе предполагает условие, исключающее реальную необходимость, которую мы от неё ожидаем, и будет охватывать всё то, относительно чего суждение окажется неправильным до тех пор, пока будет существовать сам предмет, даже хотя бы какое-то время или при каком-либо условии или при каком-либо обстоятельстве, то такое суждение называется "бытийным".

Люди в наше время не делают различия между абсолютным и бытийным, что из чего вытекает понятие Б есть В до тех пор, пока необходимо существует предмет, и тем, что создаёт понятие о существовании В в качестве Б по необходимости. Но если здесь выдвигается условие по отношению к тому, что необязательно до тех пор, пока существует сам предмет, то это будет противоречить обязательности. Следовательно, его [условие] следует обозначить специальным термином "обязательное условие". Между этими двумя высказываниями есть разница. Отсюда твоё высказывание "перемещающаяся вещь есть вещь, изменяющаяся до тех пор, пока предмет существует", то есть вещь, описываемая как перемещающаяся, есть вещь, изменяющаяся до тех пор, пока предмет существует, отличается от другого твоего высказывания "вещь, описываемая как перемещающаяся и изменяющаяся, изменяется до тех пор, пока [она] перемещается", ибо между ними есть разница. Иначе и быть не может, ибо первое высказывание ложно, а второе – истинно. Давай смысл того, что в своем бытии описывается как Б без постоянства, назовём случайным, а то, что имеет место в конкретное время, предполагаемым, а то, что происходит в неопределённое время, распространенным, а то, что указывает на настоящее время, временным, всё остальное, что противоположно необходимому, имеет нечто общее с "бытийным". Ты должен понять, что то же самое происходит и при отрицании.

Предикат, так же, как субъект, о чём уже было сказано выше, бывает простым и составным.

ОБ ИССЛЕДОВАНИИ КАТЕГОРИЧЕСКОГО СУЖДЕНИЯ И ЕГО ЧАСТЕЙ

Сообразно значению, предикативное высказывание состоит из трёх частей: одна из них есть понятие предмета, являющегося субъектом, вторая – понятие предмета, являющегося предикатом, и третья – смысл отношения и связи, посредством которого образуются высказывания. Следовательно, бытность человека человеком не означает, что он является субъектом, бытность животного животным ещё не означает, что оно является предикатом, скорее, она, служит для связки между ними. Иногда для связки используется третье слово, как в том случае, когда говорят: "Человек есть животное или становится животным". Это слово называется "связкой".

Если предикат, который одни лингвисты называют "филь" ¹⁸, а другие – "калима" ¹⁹, будет таким же, как например, когда ты говоришь "ударил" или "ударит", то здесь нет нужды в употреблении связки, поскольку высказывание по сути содержит в себе значение какого-то субъекта неконкретного предмета. Ближе к таким предикатам стоит такое производное имя, как, например [причастие действительного залога] "ударяющий" и "убивающий".

ОБ ИССЛЕДОВАНИИ УТВЕРДИТЕЛЬНОСТИ КАТЕГОРИЧЕСКОГО СУЖДЕНИЯ

Эту тему ты уже уяснил себе на основе вышеупомянутых примеров.

ОБЪЯСНЕНИЕ КАТЕГОРИЧЕСКОГО ОТРИЦАТЕЛЬНОГО СУЖДЕНИЯ

Знай, что в отрицании тебе прежде всего необходимо откинуть связь, существующую между предикатом и субъектом. Поэтому, когда суждение трехчленно – если в нем упоминается связка – то необходимо соединить частицу отрицания со связкой. Следовательно, ты говоришь; "Зайд не есть разумный". Если же

ты этого не будешь делать, а скажешь "Зайд есть неразумный", то здесь слово "есть" стоит между выражениями "Зайд" и "не есть разумный" как связка утверждения, превращая суждение в утвердительное, где присутствует частица отрицания. В результате утверждается неразумность Зайда, так как [слово] "есть" предназначено для соединения, а не разъединения. Вот и всё, что мы знаем по данному вопросу.

А что касается вопроса о том, противоречит ли данное утверждение в содержании такому отрицанию или не противоречит, а, напротив, сопутствует ему в истинности и ложности, то это – другой разговор.

Если одно высказывание противоречит другому в утверждении или отрицании, то между ними не может быть взаимоутверждения, взаимосопровождения и взаимосвязи, ибо ни взаимоутверждение, ни взаимосвязь не предполагают, чтобы суждения во всех отношениях были различными. Наоборот, в большинстве случаев отрицательное суждение предполагает существование утвердительного, а утвердительное – отрицательного как в качестве противопоставления, так и без противопоставления.

Вместе с тем тебе следует знать, что невозможно-сущее считается ложным, подобно тому, как это делается во втором суждении, ибо воистину, о невозможно-сущем нельзя сказать ни в коей мере что-либо утвердительное, и это его сущий удел, кроме как, если, разумеется, допустить, что оно не есть невозможно-сущее. Ведь какой же вывод, – каким бы он ни был, – можно сделать о нём, кроме того, чтобы отрицать всякую, связанную с ним вещь. Причем подобный вывод можно сделать о нём лишь в том случае, когда к этому побуждает его соответствие подлинному отрицанию. Однако действительный поиск истины отвергает подобное.

Такого рода суждения, в которых говорится утвердительно об отрицательном значении, называются "равнозначными". Слово, указывающее на противопоставление действительному значению, например, в выражении "человеческий глаз", называется производным словом. Возможно, нежели то, о котором мы упомянули, и произносится, например,

"нобино"²⁰, что означает "слепой", "незрячий", однако этот "незрячий" может и видеть. Следовательно, это слово не может распространяться на каждого, кто лишится зрения. Иногда в противовес этому могут быть использованы специфические термины, исходя из ситуации, а не в соответствии с тем, что обусловлено природой.

А если суждение не трёхчленное, а "двухчленное", тогда нет необходимости использовать связку, так как предикат суждения может быть глаголом или производным именем, включающим вышеупомянутое отношение, согласно требованиям того или иного языка, или же оно может быть не использовано ради краткости. Частица отрицания присоединяется только к предикату. Здесь мы не ставим целью обязать тебя, чтобы где бы то ни было присоединять частицу отрицания к связке или к предикату, а лишь утверждаем, что этим и достигается отрицание. Если она не имеет другого подчиняемого, которое бы соединяло её со связкой – хотя наличие такого подчинения было бы предпочтительнее, как еще об этом скажем, – то твоё соединение этой вещи с ней означает устранение и отрицание связки и предиката таким же образом, как указывал и другой добавочный предикат в случае его присоединения к предикату и субъекту. Таким образом, ты скоро узнаешь, что к этим трём правилам примыкает ещё один элемент, предназначенный для других целей и намерений.

ОБ ИССЛЕДОВАНИИ КАТЕГОРИЧЕСКОГО ОБЩЕУТВЕРДИТЕЛЬНОГО СУЖДЕНИЯ

Общеутвердительное абсолютное суждение – это такое суждение, которое является более общим, чем наше высказывание "всякое В суть В". Это означает, что всё, что предполагается актуальным без всякого условия, является таковым или постоянно или непостоянно и описывается как указание на вещь.

Что касается общеутвердительного суждения по необходимости, как, например, когда ты говоришь: "всякое В необходимо есть В", т.е. всякий предмет, актуально описываемый

как Б, независимо от того, актуально ли описывается он как Б, постоянно или непостоянно он описывается как Б, и, поскольку существует сам предмет, то он является В, как, например, высказывании "всякое двигающееся необходимо есть тело".

Общеутвердительное обязательное суждение (лазима) образуется тогда, когда, например, ты говоришь: "По необходимости или без нее всякое Б суть В", т.е. всякое описываемое постоянно или непостоянно есть Б, но не потому, что существует сам предмет, а потому, что предмет описывается как Б, поэтому оно также описывается как В.

Общеутвердительное контаминирующее (мувафика) суждение – это такое, когда, например, ты говоришь: "Всякое Б есть В", т.е. когда есть Б, то будет и В, причём без всякого добавления Б будет таковым постоянно или непостоянно.

Общеутвердительное предполагаемое (мафруза) суждение – это такое суждение, которое в твоей речи может звучать так: "Всякая Луна затмевается" или "Всякая звезда восходит".

Общеутвердительное распространенное (мунташира) суждение – это такое [суждение], когда ты, например, говоришь "Каждый человек дышит".

Что касается общеутвердительного временного (хазира) суждения, то оно подобно твоему высказыванию: "Всякий человек есть мусульманин", в то же время случается и так, что "ни один человек не является неверным". Вполне вероятно, что в подтверждении истинности подобных суждений можно было бы сказать "всякое животное есть человек", если подобное вообще может быть когда-нибудь. Условием такого временного суждения в утверждении является то, что в нём существует субъект. Что касается бытийного суждения, то оно охватывает всё то, что в действительности не является необходимостью.

ИССЛЕДОВАНИЕ КАТЕГОРИЧЕСКОГО ОБЩЕОТРИЦАТЕЛЬНОГО СУЖДЕНИЯ

Знай, что общеотрицательное абсолютное суждение в нашем языке не имеет соответствующего обозначения, и поэтому мы придумали для него слово, например, в нашем высказывании "Всякий человек не бывает таким" и "Всякий Б не создаёт В".

Вместе с тем, это дает нам понять, что "В не существует до тех пор, пока описывает Б". Что касается суждения "Ни один Б не есть В", то это слишком ложное представление, так как отрицание в суждениях предполагает общее в лицах и во времени, если оно отрицательное. В утвердительных и подобных им суждениях дело обстоит иначе, ибо отрицание может случайно последовать за утверждением и устранить его. И его не может устранить то, что по необходимости не может устранять общности. Под общностью подразумевается обобщение в намерениях и привычках. Однако мы знаем, что само отрицание не предполагает обязательного добавления значения к отрицанию, которое распространяется на постоянное и непостоянное, на временное и вневременное.

Что касается общеотрицательного суждения по необходимости, то, независимо от твоего высказывания "Всякое Б необходимо не есть В" или "Ни один из Б не есть В", оно означает, что всякое из того, что описывается как Б, каким бы образом оно ни было описано и в какое бы время оно ни было описано как В, оно является отрицаемым до тех пор, пока существует сам предмет, и у тебя не должно вызывать ложного представления то, что слово "всякое" якобы обязательно предполагает утверждение, скорее, оно предусматривает только общность. Следовательно, если оно после этого предполагает обязательную общность, то, стало быть, является утверждением, а если нет – то отрицанием.

Что касается общеотрицательного обязательного суждения (лазима), как в том случае, когда, например, ты говоришь: "Ни одно из Б не есть В", хотя здесь нет и намёка на существование самого предмета, однако он описывается только как Б.

Что касается контаминирующего (мувофика) суждения, то в вышеуказанном отрицании оно не обуславливается всегда как Б, поскольку такие примеры неприемлемы для языка.

Что касается общеотрицательного временного суждения, то оно выражается, например, в твоём высказывании в случае общеутвердительного суждения так: "Ни один из людей не является неверным". В таких случаях необязательно неизбежное

существование субъекта и его отрицание. Следовательно, если когда-нибудь случится так, что скажут: "Ничто из затмевающихся [предметов] не существует", тогда правильно было бы отрицать Луну, как затмевающееся светило, и говорить: "До сих пор ничего из того, что затмевается, не есть Луна", кроме тех случаев, когда она является общим для каждого времени. Такое отрицание иногда считается истинным на примере твоего высказывания: "Ни один из людей не есть животное". Такое происходит тогда, когда в какое-то время в их числе нет человека. В этом случае человек не может быть животным. Как же ему быть животным, если его нет?

О ДВУХ ЧАСТНОУТВЕРДИТЕЛЬНЫХ И ЧАСТНООТРИЦАТЕЛЬНЫХ СУЖДЕНИЯХ

Необходимо знать, что частноутвердительное и частноотрицательное суждения пользуются в любой вещи теми же правами, что и два общих, однако модальность суждения существует только в частном. Однако это не препятствует тому, чтобы остальные были таковыми же или противоположными ему в утверждении и отрицании, а также в остальных случаях необходимости, обязательности, контаминированности и временности.

Отличительной чертой частных суждений является то, что в них посылка имеет постоянную функцию, а не обусловливаемую необходимостью, как это обычно случается, когда посылка сопровождается возможным суждением до тех пор, пока существует сам субъект, особенно в отрицании. Иногда это суждение бывает постоянным до тех пор, пока существует сам предмет. Назовем постоянное суждение абсолютным, поскольку оно описывается, например, как то, что оно есть Б. Назовем его также постоянноусловным суждением.

ОТНОСИТЕЛЬНО ДОБАВЛЕНИЙ В СУЖДЕНИЯХ

Всякое суждение либо имеет только субъект и предикат, будь то суждение неопределенное или специфичное, либо имеет ограничение, вводимое посредством таких ограничительных слов, как, например, "всякое", "ни один", "некоторые", "не

некоторые". Кроме того, суждение само по себе имеет материю, которая явно не выражается словом, независимо от того, истинно оно или ложно, и это называется "модальностью", как, например, в сказании "Зейд должен быть секретарем" или "может быть" или "не может быть". Если в суждении возникает модальность, то оно будет называться "четырёхчленным". Выражением модальности могут служить те случаи, когда ты говоришь: "По необходимости... есть то-то", "Не обязательно, чтобы....", "Возможно... есть то-то", "Невозможно, чтобы... то-то". Однако оно может и не содержать абсолютно никакого условия.

Всякая необходимость, обязательность, временность являются модальностью, однако исключение модальности одного вида указывает на наличие другой модальности.

Смысл нашего высказывания "по необходимости" сводится к тому, что суждение будет существовать до тех пор, пока существует сам субъект. Смысл "возможного" заключается в том, что суждение само по себе не есть необходимость ни для бытия субъекта (следовательно, допускается его существование в нем), ни для его небытия (следовательно, может и не наличествовать в нем). Этот [вопрос] мы поясним далее.

ОБ ИССЛЕДОВАНИИ АБСОЛЮТНОЙ ПОСЫЛКИ

Абсолютной посылкой называется такая посылка, в которой выносятся утвердительное или отрицательное суждение относительно предиката посылки, конечно, без выдвижения каких бы то ни было условий. Она является более общей, нежели необходимая, и нежели посылка, не являющаяся необходимой.

Она отличается от необходимой посылки тем, что является более общей по сравнению с тем, что является более частным. Ибо в необходимой посылке суждение излагается с учётом его постоянства до тех пор, пока существует то, что описывается в качестве субъекта. От возможной же посылки, которая в логике является более частной, абсолютная отличается тем, что в последней неизбежно присутствует условие или постоянно, или в конкретное или в неопределенное время. Для субъекта возможной посылки "быть может" не найдётся надлежащего суждения до тех пор, пока существует субъект.

Иногда абсолютной посылкой называют такую посылку, в которой суждения, выражающие какую-то её общую или особенную черту, не являющиеся обязательными, пока сущность существующего является субъектом, хотя в некоторых посылках она бывает обязательной, как, например, в том случае, когда ты говоришь: "Всякий чёрный предмет обладает цветом, привлекающим взор". Так, некоторые чёрные предметы остаются таковыми до тех пор, пока эти предметы существуют и обращают на себя взгляд, пока они существуют. Другие же субъекты не обязательно будут оставаться чёрными до тех пор, пока существуют сами предметы. Следовательно, необязательно предмет обращает на себя взор до тех пор, пока сам существует.

Абсолютной посылкой называют также и те суждения, в которых сказание о предметах субъекта не является обязательным, то есть в них не говорится прямо о субъекте. Наоборот, он становится для него субъектом лишь какое-то время, подобно тому, как если ты скажешь: "Всякая затмевающаяся планета теряет отражаемый ею свет" и "Ничто не может быть постоянно в затмении, пока является актуально сущим". Или другой пример: "Всякий больной малосилен". И вот в этом случае настанет время, когда субъект описывается таким, каков он есть. Иногда это может происходить в определенное время, как свойство Луны находиться в затмении в определённое время или в неопределённое время, как, например, способность человека дышать.

Что же касается того, что высказывается о каком-либо аспекте предиката при условии, что предикат будет оставаться предикатом, то это правильное рассуждение, совершенно уместное в нашей беседе.

Некоторые люди, рассуждая об абсолютной посылке, приходят к мысли о временности её, о чём мы уже упоминали, и считают время её действия неким предположительным временем, настоящим, хотя и не отвергают иного мнения. Однако из их утверждения вытекает, что наше высказывание "всякий человек есть животное", с точки зрения утверждения, не есть необходимое, и оно оказалось бы ложным, если бы люди не существовали, и тогда ни одно существо, чьим предикатом был

бы человек, не являлось бы животным. Ведь как ему быть животным, если оно не существует и не является человеком? Таким образом, подобного рода высказывания у них становятся "возможными суждениями".

ОБ ИССЛЕДОВАНИИ ВОЗМОЖНОЙ ПОСЫЛКИ

Возможной называют посылку тогда, когда выносимое суждение не является невозможным, независимо от того, является ли это суждение необходимым обязательным или необходимым и необязательным.

Возможное в этом смысле делит вещи только на возможное и на противоположное ему [невозможное]. Оно также делит [вещи] на необходимые и другие возможные не только в смысле различения идентичного названия, как полагают те, кто не знает этого, а в смысле различения обобщённого значения. А это есть то, что вобрало в себя разнообразные значения невозможного.

В данную возможную посылку входят необходимость и абсолютность с её классами, а также другие виды возможного, о которых дают знать включающиеся сюда понятия, являющиеся более частными по смыслу в сравнении с понятием, которое оно призвано выразить и которое является более общим по смыслу, чем первое. Это такое возможное, о котором говорится, что оно невозможно, подразумевая тем самым отрицательное возможное, носящее смысл невозможного.

Говоря "возможная посылка", подразумевают, что ни содержащееся в ней суждение, ни противостоящее ей суждение не являются обязательными, как мы уже указали выше. Следовательно, это будет суждение более частное, чем то, из которого следует обязательно необходимое, и в него войдёт абсолютное суждение, и то, в чём возникает необходимость при условии времени или состояния, но не является абсолютно необходимым. В число таких суждений войдёт и возможное, которое более достоверно в своём определении, но в котором нет условия необходимо сущего, как нет в его противоположности условия абсолютной сущности или сущности, зависящей от какого-либо другого условия или времени. Следовательно,

допускается, чтобы субъект целиком был освобождён от такого суждения, но без постоянной свободы, а лишь при условии наличия у субъекта времени или постоянного случайного бытия, как, например, в высказывании "если Зайд станет секретарем".

Возможное употребляется и в отношении наиболее частного из всех, и это еще одно из тех суждений, в которых нет необходимости ни абсолютной, ни условной.

Иногда некоторые, говоря "возможное", рассматривают состояние суждения в будущем сообразно какому-либо времени, в котором предполагается [существование] суждения. Однако суждение, предполагаемое в какое-либо время, не может быть необходимым ни в абсолютном порядке, ни при каком бы то ни было другом условии.

Что касается состояния, то ему не уделяется внимания, независимо от того, существует предмет или не существует. Это также есть правильное отношение, которое можно назвать "возможным", однако основные положения это те, которые мы упомянули.

Некоторые недалёковидные люди считают, что возможное обусловлено тем, что не может осуществляться немедленно, и потому, с этой точки зрения, оно может считаться возможным лишь в случае возможности немедленного возникновения. Однако они не осознали, что если бы его существование стало обязательным – поскольку оно возникало бы немедленно, то, стало быть, его существование не было бы обязательным, так как оно не осуществлялось бы немедленно. О чём они думают, избегая того, что даёт необходимость в бытии, и не избегая того, что даёт необходимость в небытии, что есть невозможное. Но если предмет существует, это не значит, что он становится необходимым, однако, представляя предмет, говорят: "Если предмет существует, значит, есть необходимость в том, чтобы он существовал, то есть, конечно, при условии, что он вообще существует".

Между высказыванием твоим о том, что "предмет может допустимо существовать, пока его нет, или [пока] он не является необходимым, даже если существует", и между тем что, добавляя, ты говоришь: "Поскольку существует предмет, да и всё

то, что есть возможно сущее, уж коли существует, то, значит, оно необходимо должно было существовать и потому существует”, есть разница. Однако это не исключает того, чтобы возможное само по себе после своего возникновения стало бы необходимым, хотя оно может быть необходимым не всегда, а лишь в какое-либо определённое время. Это, правда, не отрицает также ни общего возможного, ни частного возможного, в котором нет постоянной необходимости, а предполагается лишь временная или условная необходимость. Это не исключает также бытия более частного возможного, и оно бывает более частным по своему содержанию и при наличии условия, присоединяющегося к нему по необходимости. Следовательно, возможное становится возможным не по причине необходимости, а в том случае, если, конечно, оставите его в присущем ему естественном состоянии, и в свойственном ему характере субъекта нет того, что требовало бы своего бытия или субъекта, и в природе предиката также не заложено того, в силу чего сущность его требовала бы своего бытия для субъекта постоянно или в какое-либо определённое время. Однако иногда случается так, что нечто извне делает его необходимым, помимо того, что создаёт его, и эта необходимость диктуется явлением, которое себя проявляет и в последующем становится необходимым. Как тебе известно, тот, кто связывает необходимое и возможное с ограничением суждения, а ограничение с каким-либо временем, как, например, в нашем высказывании "всякий человек есть субстанция", то, возможно, он сочтёт его ложным, а наше высказывание "всякий цвет чёрный", возможно, сочтёт истинным.

О КОНТРАДИКТНОСТИ

Знай, что отрицание может опровергать утверждение и не соглашаться с ним. Это означает, что если сочтут ложным утверждение, то вместе с ним не должны считать ложным и отрицание. Так, если утверждение и отрицание находятся в действительной противоположности, то предмет не выходит [за рамки] утверждения и отрицания. Следовательно, отрицание отвергает предмет в том смысле, что в нём утверждается.

Иногда случается так, что отрицание и утверждение не находятся в позиции противоположности там, где имеет место лишь утверждение. Стало быть, в таком случае получается, что утверждение или отрицание, или оба одновременно, являются истинными или ложными. Если в утверждении и отрицании возникает свойственная противоположность, то появляется необходимость в том, чтобы одно из них было истинным, а другое ложным. И вот, если первое суждение оказывается ложным, то второе окажется непременно истинным.

Таким образом, невозможно, чтобы два высказывания одновременно были или истинными или ложными. Это и есть контрадиктность. Итак, “контрадиктность это такая противоположность двух высказываний в форме утверждения и отрицания, из которой вытекает, что одно из них истинно, а другое ложно”.

В единичном суждении достаточно рассмотрения условия контрадиктности таким образом, чтобы учитывалось состояние предиката и субъекта. В других суждениях также будут учитываться факторы, которые входят в эти суждения, как, например, ограничительное слово и модальность. Первым делом следует учитывать условия предикаций потенциальности и актуальности, целого и части, отношения, условия, места и времени и всего остального, что было перечислено нами в теме, исследование которой нами было завершено.

Важно внимательно обращаться с терминами "предикат", "субъект" и другими и остерегаться того, чтобы они использовались в двух различных суждениях не как омонимные слова, а как соимённые.

Омонимное слово – это такое слово, которое обозначает два предмета или множество предметов, разных по значению, но имеющих одинаковое звучание, как, например, в случае со словом "нур"²¹, обозначающим и слышимое, и умопостигаемое, и “байн”²², обозначающим и наличные деньги, и родник.

Соимённое слово – это такое слово, в котором слушание и восприятие происходят однозначно, как, например, в слове "животное", распространяющемся и на человека, и на лошадь.

Так, если два высказывания совпадают в значении своих частей, из которых они состоят, и затем часть субъекта или целое представляют собой то же самое и в смысле отношения предиката, его времени, места, потенциальности или актуальности, т.е. являются едиными, но затем одно из них становится утвердительным, а другое отрицательным, то, значит, в единичном суждении существует подлинная противоположность. Следовательно, одно из них должно быть истинным, а другое – ложным. А если в чём-либо из этого возникает противоречие, то подобного не произойдёт, как, например, если кто-то скажет: "Зайд есть писарь", а другой скажет: "Он не есть писарь". Здесь под понятием Зайд подразумевается не то, что подразумевается в другом суждении, а под "писарем" имеется в виду также иное значение. Или, например, некто говорит: "Одна чаша вина опьяняет, имея в виду потенциально, а другой говорит: "Она не опьяняет", имея в виду актуально. Или кто-то говорит: "Такой-то есть раб", т.е. раб божий; другой в противоположность этому утверждает: "Он не раб", т.е. не раб какого-либо другого человека. Или, к примеру, говорят: "Негр – чёрный", подразумевая его облик, а другой говорит, что "он не чёрный", имея в виду его мясо. Некто, быть может, скажет, что "пророк совершал молитву в Иерусалиме", имея в виду какое-либо время, а другой скажет, что "пророк не совершал молитвы в Иерусалиме"²³, имея в виду совершенно другое время, или совершение какого-то схожего с этим действия в некоем месте, или при каком-либо условии абсолютности или ограниченности и т.д. При этом между двумя суждениями не должно быть противоположения утверждения и отрицания. А это и будет подлинной контрадиктностью.

А если здесь имеется ограничительное слово, и того, что мы упомянули, будет недостаточно, и возникнет необходимость соблюсти и иные факторы, то это значит, что если два суждения совпадают в количестве, то допустимо, что они оба будут ложными или же оба будут истинными.

Что касается того, каким образом они оба будут ложными, то это случается тогда, когда оба суждения являются общими и их материя возможной, как, например, в наших высказываниях

"Каждый человек есть писарь" и "Ни один из людей не является писарем". А если материя является необходимой, то отрицательное суждение неизбежно будет ложным, как, например, когда ты говоришь: "Всякий человек есть тело" и "Ни один из людей не есть тело". А если суждение не возможное, а утвердительное, то утвердительное неизбежно будет ложным, как, например, когда ты говоришь: "Всякий человек есть камень" и "Ни один из людей не есть камень".

Что же касается того, каким образом они одновременно оба могут быть истинными, то это возможно тогда, когда оба суждения являются частными, а материя их также является возможной, как например, когда ты говоришь: "Некоторые люди суть писари", и "Не всякий человек или некоторые из людей не есть писари".

Что же касается необходимого и невозможного, то состояние их схоже с тем, что уже было сказано.

Дело в том, что люди обычно называют два общих суждения, различных в утверждении и отрицании при наличии упомянутых условий противоположности в единичных высказываниях, контрадиктными, а два аналогичных частных суждения – подконтрадиктными. Далее было бы лучше им принять во внимание анализ и синтез, чтобы учесть другие разряды, от которых нет пользы.

Проницательный [человек] при помощи того, что мы выяснили, быстро сообразит, что отношение между двумя суждениями и между состоянием двух суждений, совпадающих в способе утверждения и отрицания и различающихся ограничением, можно определить путём видового отличия. Такие суждения называются "подчиненными". У тебя нет оснований, чтобы не решать отношения суждений путём видового отличия. А если суждения становятся таковыми, что их необходимо рассматривать сквозь отношение модальности, то в таком случае следует обратить внимание на контрадиктность условия и другие отношения.

Нельзя думать, что сказанного достаточно для пояснения того, в чём наличествует отношение необходимости или

возможности. Наоборот, этого достаточно лишь для тех случаев, когда что-либо следует из двух суждений.

Непременно следует обратить внимание на выяснение способа возникновения противоречивости в свободных от необходимости и возможности суждениях, где нет необходимости утверждения и отрицания. Ибо учет противоречивости в этих суждениях, хотя и зависит от вышеупомянутых условий, однако такая зависимость нуждается в более подробном изложении, и наше краткое вышеупомянутое разъяснение ничего не даст.

Давайте, во-первых, начнём с объяснения противоречивости в упомянутом общеабсолютном суждении.

О ПРОТИВОРЕЧИВОСТИ ПЕРВОГО ОБЩЕАБСОЛЮТНОГО СУЖДЕНИЯ, КОГДА ОНО ЯВЛЯЕТСЯ ОБЩЕУТВЕРДИТЕЛЬНЫМ

Если мы говорим, что "всякое Б есть В в смысле общей абсолютности", то это значит, что всякое частное абсолютно-отрицательное суждение не может выступить в качестве противоречащего ему высказывания, так как мы не сможем учесть время между ними надлежащим образом. Это значит, что общеутвердительное суждение бывает с истинной предикацией в каждом индивиде некое время или же в каком-либо не являющемся для него общим состоянии, и для каждого из них время сказывается разным и отличным.

Следовательно, если мы приводим частноотрицательное суждение и посредством него обозначаем отрицание чего-либо, что не охватывает ничего, кроме этого, то допустимо, чтобы это отрицание было непостоянным абсолютным отрицанием или находилось в одинаковом времени, в котором действительно есть утверждение независимо от того, было ли время во всех индивидах одним или во многих различным. Если дело обстоит так, то необходимо, чтобы это отрицание стало ложным, а

утверждение истинным. Ты не можешь предположить лишь одно время. Следовательно, частные суждения, заключающиеся в твоём высказывании: "Всякое Б есть В", тоже относятся не к одному времени. Иногда ты можешь предположить времена однообразными, с тем, чтобы все они были, например, "весной" или "временем затмения луны", дабы сделать отрицание в частном суждении, отличающимся от одновременного и однообразного. Если это тебе удаётся, в таком случае в частном суждении это время и это положение становятся условием противоречия, как, например, когда говорят: "Всякое ореховое дерево требует к себе внимания в зимнюю пору". Так обстоит дело, если условие не выражает времени. Однако таким суждением могут оказаться некоторые абсолютные суждения, которые мы описываем, и где выносимое в контрадиктность суждение является суждением в каждом суждении, или же ты знаешь или будешь знать его состояние в дальнейшем. Однако наша цель заключается в определении контрадиктности абсолютной посылки в общем смысле, когда условие выделяется специально. Следовательно, мы говорим, что когда невозможно учесть время частного единичного суждения или состояние частного единичного суждения, то необходимо, чтобы наш ввод контрадиктного означал приятие того, что заключает в себе каждое время и состояние с целью превращения частного отрицания в постоянно отрицаемое.

Постоянное отрицание в частных суждениях не является необходимым, ибо вполне вероятно, что в частных суждениях то, что не является необходимо отрицаемым, должно отрицаться как постоянное отрицание. Поскольку может быть так, что частное суждение лишается чего-либо возможного, [так как] оно и имеет чистую возможность, независимо от того существует она или нет. И это возможное у него не может не происходить, как, например, в высказывании "может быть, существуют некие люди, не обладающие умением писать, и пока они существуют, так и не станут писателями". Тогда истинным будет высказывание "некоторые люди никогда не станут писателями". Вместе с тем, подобное отрицание не может являться обязательным.

Следовательно, этому частноотрицательному суждению в общеабсолютном смысле будет противостоять частноутвердительное суждение. Всякий раз, когда абсолютноутвердительное суждение становится истинным, то абсолютноотрицательное должно быть ложным, и всякий раз, когда абсолютноутвердительное суждение является ложным, то абсолютно-отрицательное суждение становится истинным деление, этих суждений на истинные и ложные постоянно. Как неправильно поступали западные учёные, когда усматривали в контрадиктности необходимых и возможных суждений модальность, не умея распознать её в абсолютном, тогда как абсолютность является одним из видов модальности, какого бы рода абсолютностью она ни обладала. А будучи модальным, суждение противоречит необходимому и возможному, хотя его модальность лишена отношения необходимости и возможности. Следовательно, эта лишённость имеет некий смысл.

Быть может, кто-либо скажет: "Это отрицательное суждение непременно будет противостоять этому утвердительному, если "некоторые В не есть Б" во времени или в состоянии, в котором предположительно оказываются эти некоторые, когда говорят, что "всякое В есть Б", или "некоторые В не есть Б" в том случае, когда "всякое В есть Б". Первое высказывание не допускает предположения, и в этом предположении нет времени или определённого состояния, а второе высказывание не допускает возможности бытия, однако оно оказывается ложным всякий раз, когда утвердительное суждение становится истинным или ложным. В этом суждении есть две нелепые стороны, одна из которых означает, что отрицательное суждение не должно быть неизбежно постоянно ложным в отличие от противоположного ему суждения, являющегося абсолютнообщим, а вторая означает, что если утвердительное суждение становится ложным, то опровергается и данное отрицательное суждение и будто бы два противоречащих друг другу суждения объединяются в ложности, а это абсурд.

Следовательно, из этого явствует, что общеутвердительному суждению об абсолютности в смысле

общего противостоит частноотрицательное постоянное суждение, которое является одним видом случайно-абсолютного (иттифакия) суждения.

О КОНТРАДИКТНОМ СУЖДЕНИИ, СЛЕДУЮЩИМ ЗА ОБЩИМ И ПОДОБНЫМ ЕМУ ОБЩЕУТВЕРДИТЕЛЬНОМ СУЖДЕНИИ

Это такое суждение, которое называется в нашей речи "бытийным" и в котором нет действительной необходимости, если мы утвердительно говорим: "всякое Б есть В в бытии", т.е. без непреложной необходимости. В сочетании с ним, как ты знаешь, становятся истинными абсолютноотрицательные суждения, однако возможное суждение в сочетании с ним становится истинным, если оно необратимо. Сочетание с этим суждением превращает утвердительнонеобходимое суждение в ложное. С этим же суждением становится ложным отрицательнонеобходимое и частноотрицательное постоянное суждение, описанное нами выше. Следовательно, контрадиктное ему суждение не должно быть лишено охвата всего этого и может высказываться применительно ко всему этому.

Невозможно, чтобы нашлось отрицательное суждение, которое стало бы истинным во всех этих случаях, если только оно не является отрицательным в бытии, как в случае, когда говорится, что "всякое Б не есть В постоянно в бытии", а, скорее, "всякое Б необходимо есть В", или "необходимо не всякое Б есть В", или "некоторые Б постоянно не есть В", хотя это и не бывает по необходимости. Конечно, ты не можешь найти для этого утвердительного суждения противоположного суждения, кроме такого же отрицательного или равносильного ему. Для этого отрицательного и равносильного ему ты не найдешь контрадиктного суждения, кроме данного утвердительного.

О КОНТРАДИКТНОМ АБСОЛЮТНОМ НЕОБХОДИМОМ (ЛОЗИМА) СУЖДЕНИИ, ЕСЛИ ОНО ОБЩЕУТВЕРДИТЕЛЬНОЕ

Контрадиктным для данного абсолютного суждения является частноотрицательное суждение, соучаствующее с утвердительным суждением временно, а это и есть определённое время или состояние, когда Б описывается как В. Следовательно, когда говорят "всякое В есть В" – поскольку В описывается как В, – то контрадиктным для этого суждения будет "всякое В не есть В", поскольку тут не описывается, что В есть В, скорее, оно должно быть [всегда] В или лишь в какое-либо время, исключаяющее другое. Следовательно, как только определяется условие, то противоположность становится правильной.

О КОНТРАДИКТНОМ НЕОБХОДИМОУСЛОВНОМ СУЖДЕНИИ, ЕСЛИ ОНО ОБЩЕУТВЕРДИТЕЛЬНОЕ

Этому суждению не противопоставляется постоянноотрицательное суждение, так как оно противоположно тому, что является более общим, чем оно само. Оно становится ложным в том случае, если утвердительное суждение является необходимым. Если дело обстоит так, то его ложность не обуславливает истинность условноутвердительного. Возможно, оно опровергает суждение контрадиктное его противоположности, которая, в свою очередь, будет отрицать условную необходимость, но не будет опровергать обязательное суждение или превращать его в утвердительное. Законченным, соответствующим ему высказыванием является "всякое В не может быть В", поскольку оно описывается как В либо всегда, либо в ни какое время или в отдельные времена, когда оно бывает В или никогда не бывает В, или же бывает им в какое-либо совершенно другое время.

Не думай, что наше высказывание "не всегда описывается" предполагает, что нечто описывается в какое-либо иное время, ибо наше слово "всегда" означает только ограничение, а отрицание ограничения не делает необходимым обобщение. Из этого следует, что там, где отрицается ограничение, отрицается и обобщение.

О КОНТРАДИКТНОМ АБСОЛЮТНО СЛУЧАЙНОМ СУЖДЕНИИ, ЕСЛИ ОНО ОБЩЕУТВЕРДИТЕЛЬНОЕ

Это суждение не противоречит частно-отрицательному условнонеобходимому суждению. Отсюда, если говорят, что "всякое Б есть В, т.е. в случае, когда и В есть Б, то при некоторых обстоятельствах оно не может быть его контрадиктностью. Например, при некоторых обстоятельствах "некоторые В до тех пор, пока есть Б, конечно, не есть В". Это означает, что ложность случайноутвердительно суждения может быть связанной с истинностью необходимо-утвердительно суждения. Следовательно, контрадикторное суждение должно опровергать всё это, и то, что опровергает всё это, есть не что иное, как твое высказывание: "Некоторые Б постоянно отрицаются или утверждаются в качестве В до тех пор, пока они есть Б", и это постоянство относится к любым обстоятельствам.

Постояннопротивоположное суждение противостоит общеабсолютному суждению при помощи того, о чём ты уже знаешь.

О КОНТРАДИКТНОМ АБСОЛЮТНОМ СУЖДЕНИИ, ВКЛЮЧАЮЩЕМ НЕОБХОДИМОЕ И СЛУЧАЙНОЕ, И СООТВЕТСТВУЮЩЕМ ИМ, ЕСЛИ СУЖДЕНИЕ ОБЩЕУТВЕРДИТЕЛЬНОЕ

Прежде всего воображению представляется, что контрадиктным для этой абсолютной посылки является постоянное условноотрицательное суждение. Однако это не так. Ведь некоторое из того, что подпадает под такое соответствие, становится ложным в сочетании с этим соответствующим суждением, которое является условно-необходимым суждением, в том случае, если оно общеутвердительно. Примером контрадиктности отрицательного согласующегося суждения является высказывание "некоторые В, если они являются В, не описываются как Б", т.е. в любое время, или в никакое время, или "во время, когда они не есть В". Если мы говорим: "Они описываются как В во время своей бытности В", то предполагается его описание во все времена или в какое-либо одно время. Следовательно, если говорится, что "они не могут

описываться такое-то время так-то", то, напротив, отрицаться будет только то суждение, которое включает в себя сразу два явления.

О КОНТРАДИКТНОМ ВРЕМЕННОМ ОБЩЕУТВЕРДИТЕЛЬНОМ СУЖДЕНИИ

Привести для данного суждения другое кантрадиктное суждение легко, так как время здесь определенное.

О КОНТРАДИКТНОСТИ АБСОЛЮТНОГО ОБЩЕОТРИЦАТЕЛЬНОГО СУЖДЕНИЯ В ВЫШЕУКАЗАННОМ СМЫСЛЕ

Ты можешь вывести условия контрадиктности общеотрицательного суждения в каждом отдельном разряде из его противоположностей. Таким образом, нашему высказыванию "ни один из В по общей абсолютности не есть Б" контрадикт, но "некоторые В всегда есть Б". Ты теперь выяснил разницу между ним и необходимыми суждениями. Контрадиктным этому высказыванию, если оно бытийное, будет суждение "некоторые В по бытию есть Б". Контрадиктным этому высказыванию, – если оно необходимое, то означает, что "ни одно из В не бывает Б, пока описывается как В", – будет "некоторые В суть Б, когда В предполагается постоянно или в какое-либо время". Контрадиктным этому высказыванию, если оно условнонеобходимое, будет "некоторые В являются Б", когда предполагается, что суждение верно постоянно или в какое-либо время. Контрадиктным этому высказыванию если оно случайно, будет "некоторые В постоянно отрицаются или утверждаются как Б". Контрадиктным высказыванию, если оно использовано в смысле, в котором охватывает случайное и условнонеобходимое, будет "некоторые В суть Б", когда В предполагается как постоянное или в какое-либо время. Контрадиктным этому высказыванию, если оно

условнонеобходимое, будет "некоторые В могут быть Б", когда оно предполагается как постоянное или в какое-либо время. Контрадиктным этому высказыванию, если оно случайное, будет "некоторое В постоянно отрицаются или утверждаются как Б". Контрадиктным этому высказыванию, если оно использовано в смысле, означающем случайное и условнонеобходимое суждение, будет "некоторые В суть Б, и бытность не будет отрицаться, когда оно находится в качестве В".

Что же касается временного суждения, то контрадиктным ему суждением будет частноутвердительное суждение, соучаствующее с ним во времени.

О КОНТРАДИКТНОСТИ ЧАСТНОУТВЕРДИТЕЛЬНОГО СУЖДЕНИЯ

Противоречие ты можешь распознать здесь благодаря тем факторам, о которых тебе говорилось при разговоре об общеутвердительном суждении. Поэтому контрадиктным нашему высказыванию "некоторые В есть Б" в наиобщей абсолютности будет "ни одно из В не есть Б", если, конечно, под этим подразумевается, что всё то, что есть В, не существует и не имеет Б, пока оно само по себе существует", не предполагая этим самым необходимость, то тогда контрадиктным ему суждением будет общее возможное, а не абсолютное суждение.

А если говорить о том, может ли данное суждение стать истинным, чтобы оно, например, было действительное необходимоотрицательным, которое, случается, имеет место некоем индивиде, то логику нет необходимости вдаваться в обсуждение этого. Однако, если отрицательное не истинно и утвердительное не ложно, то всегда происходит разделение. Вместе с тем необходимость в утвердительном суждении выдвигается в качестве условия возможной материи без необходимости, так как абсолютное суждение слишком общее. Так же обстоит дело и в отношении отрицательного суждения, противостоящего тому, где данное условие не является состоянием постоянно необходимого или не необходимого.

Если это суждение бытийное, то контрадиктным ему высказыванием будет "ни одно В в бытии не есть Б", т.е. оно

становится по необходимости утвердительным или отрицательным. Поэтому наше высказывание "ни одно В в бытии не есть Б" не аналогично нашему высказыванию "ни одно В в бытии не есть Б". Здесь мы имеем в виду отрицание всякого не необходимого, так как оба высказывания становятся истинными.

А если суждение является необходимым (лазима), то его контрадиктностью будет высказывание, включающее суждение необходимое и случайное, так как [здесь] состояние определённое. Отсюда, если говорят: "Некоторые В есть Б", т.е. поскольку эти некоторые описываются, независимо от того, есть оно по необходимости В или нет, то контрадиктным ему высказыванием будет "ни одно В не есть Б", т.е. когда описывается, что оно есть В без предположения постоянства или непостоянства.

Если суждение условнонеобходимое, то контрадиктным ему высказыванием будет "ни одно Б не есть Б, пока оно есть В", т.е. "постоянно" или "не всегда" или "в каком-либо состоянии, исключаящем другое".

Если суждение случайное, то его контрадиктным высказыванием будет "ни одно Б не есть Б в некоторых состояниях, пока оно является В", скорее, или совсем не может быть Б или может быть по необходимости в смысле надобности.

Если же суждение таково, что охватывает условно необходимое и случайное, то тогда "А есть Д".

Указание²⁴. В конце основной рукописи, хранящейся в Хедивской библиотеке, имеется следующая текст: "Это и есть существующее количество данной книги". Слава Аллаху – Господу миров, и благословление пророку его Мухаммаду и роду его.

Этот [текст] был закончен по рукописи Абд ар-Раззака ибн Азиза ибн Исмаила ал-Фараби ас-Сафнаджи. Он был сверен с оригиналом и переписан с него по мере силы и возможности.

Бесконечная хвала Дарующему разум!

**ФИЗИКА
И МЕТАФИЗИКА**

ВО ИМЯ АЛЛАХА МИЛОСТИВОГО И МИЛОСЕРДНОГО!

Вспомоществуй мне, господи! Хвала Аллаху изначально и во послание, тайно и явно, и да благословит он пророка Мухаммеда и приветствует.

Науки бывают частными и универсальными. Общность их заключается в том, что каждая наука имеет свой предмет, истинность которого постулируется этой наукой и в ней изучается его сущность, присущие ему состояния и сущностные акциденции, а каждая из этих наук имеет свои акциденции, изучаемые этой наукой и приистекающие из предмета науки. Этот вопрос разъяснён в "Книге доказательств"¹. Наука, которую исследуем мы, является частной, и предметом её являются естественные явления в том смысле, что они переменчивы, и изучение этих вещей данной наукой означает изучение сущностных акциденций, возникающих в силу указанного свойства и являющихся сопутствующими признаками, образующимися в виде акциденций или производных от них.

Естественное тело – это субстанция, в которой можно предположить первую протяжённость и вторую протяжённость, её пересекающую, а также третью протяжённость, пересекающую две первые перпендикулярно. Смысл высказывания "тело является длинным, широким и глубоким" состоит в том, что оно предрасположено к принятию этих трёх вышеуказанных состояний. Под этим мы не подразумеваем, что тело актуально обладает предполагаемыми протяжённостями, ибо тело является устойчивым сущим, даже если актуально будут изменены свойственные ему размеры и конфигурации. Форма,

которую мы придали телу, предполагает наличие в нём постоянных протяжённостей, которые не должны исчезать, ибо если мы станем отрицать это положение, то, значит, не будет и тела.

Что касается естественных протяжённостей, то они есть количество диаметров тела, которые порой сопутствуют ему или сменяются другими, и бывает, что влекут за собой изменения акциденции тела или изменения формы, как, например, вода, которая при нагревании расширяется в объеме. Положение, уже упомянутое нами, представляет собой его форму и его сущность. Следовательно, они не претерпевают изменения.

Поскольку нам необходимо исследовать природные явления, составляющие предмет этой науки, а им также свойственны начала, причины и предпосылки, то о них мы расскажем в "Метафизике". Всё остальное оставим естественнику, а что касается принципов, причин и следствий, то они исследуются в "Книге доказательств". Следовательно, изучение естественных вещей при помощи науки осуществляется путём познания принципов возникновения их причин. Что касается разъяснения этих принципов, то этим занимается наука метафизика, поскольку все естественные вещи имеют принципы и общие причины, при помощи которых познаются общие вещи, выполняющие функцию родов. Точно так же дело обстоит с акциденциями. Они имеют более частные принципы и причины, при их помощи определяются более частные вещи, выполняющие функцию видов. Также и акциденции, ибо определение вида какого-либо рода должно предшествовать определению рода, так как определение вида является частью определения рода, и познание части определения предшествует познанию самого определения, а его представление предшествует познанию определяемого, так как сущность определяемого реализуется посредством определения. Эти самые вышеупомянутые причины и принципы существуют в самых общих предметах этой науки, которые ощущаются телами, поскольку подвергаются изменениям четырьмя способами: первый – первоматерия, которая выполняет функцию древесины кровати; второй – телесная форма, выполняющая функцию формы кровати. Эти две

[особенности] лучше было бы назвать принципами, и они являются частями бытия вещи, которые возникают в её сущности, и из которых следует третья часть, являющаяся принципом акцидентальности вещи. Эта третья часть является небытием, выполняющим функцию небытия формы дерева с тем, чтобы в нём возможность бытия получила кровать, а создатель, в нём выполняет функцию изготовителя кровати. Целью же создания кровати является сидение на ней, и эти две [особенности] предпочтительнее назвать причинами.

ОБЪЯСНЕНИЕ ПЕРВОМАТЕРИИ

Первоматерия – это субстанция, и если посмотреть на её сущность вне относительно к какой-либо вещи, то её само по себе актуально можно найти свободной от всех форм. Первоматерия может принять любую форму или сочетаться с любой формой в каком-либо отношении, возможной в её природе. Это отношение является как бы знаком, тенью и силуэтом формы, а формы эти таковы, что актуально усовершенствуют эту субстанцию. Они вовсе не абстрагируются от существующих самих по себе форм и актуально не могут существовать до тех пор, пока не возникнет форма, благодаря которой они актуально смогут существовать. Если исчезнувшая форма, через которую она актуализируется в первоматерии, не будет заменена другой формой, которая выступает вместо первой формы, то вместе с этой формой актуально исчезнет и первоматерия. Иногда первоматерия может существовать отдельно, однако в своей сущности она как будто является родом для двух видов, и каждый из них способен воспринимать те или иные формы после обретения телесности. Следовательно, один из видов способен воспринимать после обретения телесности те формы, на которые не способен другой вид. Итак, один из видов специализируется в принятии формы небесных тел и светил, а вторая специализируется в принятии форм исчезающих существ.

Существующая первоматерия сама по себе является общей для всех [форм], и она полностью может принять каждую из этих форм – некоторые совокупно, а другие только

последовательно. По причине того, что она потенциально может воспринимать какую-либо форму, или формы, она и называется "первоматерией". А в силу того, что она актуальна обладает некоей формой, называется "субстратом". Ну, а поскольку она является общей для всех форм, то называется "материей", "природой" ввиду того, что при разложении в ней распадается составное и появляется простая часть, способная обретать некие формы. С точки зрения сложности, она называется "стихией", с точки же зрения того, что с неё начинается составление в плане вышеупомянутой идеи, она называется "элементом", или же она, имея в виду вышеуказанное, характеризуется тем, что является чем-либо, в сущности чего может актуализироваться другая вещь, которая ранее отсутствовала. Эта другая вещь существует в ней сущностно, а не акцидентально. Словом, все материальные причины являются общими в том, что в своей природе содержат различные вещи. Эти принципы имеют отношение к этим вещам и к тому, что из них проистекает. Сами эти принципы имеют отношения к самим этим вещам, а что касается их отношения к сложным вещам, то отношения [этих принципов] всегда являются причинными, так как они часть сложного. А поскольку часть предшествует сложному и конституирует его, то её отношение к этим вещам осуществляется только тремя способами. Либо она не предшествует ей в бытии и не находится после неё – т.е. первоматерия не нуждается в другой вещи для актуального конституирования, и нет ничего, что указывало бы на неудачу в ней. Эта часть во внешнем бытии не проявляется, примером чему служат душа и первая материя, когда из них конституируется человек.

Вторая часть выражается в том, что материя нуждается для актуального конституирования в подобной вещи. И вещь предшествует материи в сущностном бытии, поскольку её бытие не связано с бытием материи, а связано с другим принципом. Когда возникает эта вещь, то она конституирует соответствующую ей материю и актуализирует её. Иногда эта вещь конституирует отдельно от её сущности, а иногда соединена с ней. Подобная вещь называется формой, и она вносит свою долю в конституирование материи в сочетании с её

сущностью или она подобна ближайшему конституирующему. Этот вопрос [подробно] объясняется в первой философии.

Третий путь – это когда материя конституируется в своей сущности и актуально существует. То, что является более предшествующим этой и той вещи, является вещью, которая называется акциденцией по спецификации, так как мы все эти формы называем акциденцией. Ведь одной материи достаточно для того, чтобы стать материальной частью того, что наделяется материей. Однако в некоторых вещах для полноты формы вещи недостаточно того, что она не соединяется с другой материей, вместе с которой образует то, что выполняет функцию одной [материи], как, например, смесь лекарственных трав для пасты и кимуса для тела, ибо из материи образуется вещь с тем, чтобы [одновременно] с ней существовала другая вещь, но либо только с точки зрения соединения, как, например, отдельные люди для армии, и дома для города, либо с точки зрения соединения и составления, как, например, [использованием] кирпича и дерева для дома, или с точки зрения соединения, составления и превращения, как, например, среда обитания живых существ. Это означает, что самого их соединения и составления путём соприкосновения и проникновения друг в друга недостаточно для того, чтобы от них произошли живые существа. Более того, некоторые из них воздействуют на другие, а некоторые претерпевают изменения от других и успокаиваются. Совокупность, которая имеет подобное состояние, называется смесью, и тогда подготавливаются видовой форма и данное [состояние], так как её сущностная форма постоянна и сохраняется. Акциденции, при помощи которых она совершает превращающее воздействие, изменяются и преобразуются, чтобы уменьшить степень любой чрезмерности в каждой отдельной акциденции с тем, чтобы в этом состоянии находилось большинство вещей в этом нуждающихся. Эта общая природа связана с “ибда”⁴, и не проистекает из какой-либо вещи, и не исчезает в какой-либо вещи, в противном случае она нуждалась бы в другой первоматерии, которая предшествовала бы ей и была бы общей для неё

ОБЪЯСНЕНИЕ ФОРМЫ

Форма⁵ – это состояние, образующееся в вещи, называемой первоматерией. От формы происходит некая вещь, которая является иногда её субстанциональной формой, а иногда акцидентальной, т.е. под этим имеются в виду акциденции, которые, если сопутствуют материи вещи с её субстанциональной формой, совершенствуют качество, присущее вещи и возникающее в ней под воздействием извне. Форма описывается при помощи этих двух отношений, а изменяется в том смысле, что она является созданной вещью в каком-либо восприятии, что характеризует ее как особое качество. Телесная форма либо предшествует другим формам, роды и виды которых принадлежат естественным [наукам], либо сочетается с ними и не отделяется от них, так как действия тел в их возникновении и исчезновении происходят после обретения ими телесности. Ведь, например, телесная форма, которой обладает вода, сохраняется [остаётся] в воде, даже когда она превращается в воздух. Данная форма остаётся общей для всех естественных вещей, которые существуют количественно, и после неё существуют принципы формы воды, которые касаются каждого из видов отдельно. Если дело обстоит таким образом, более того, если исчезнет "влага", то исчезнет телесность воды. Вместе с исчезновением влаги образуется другая телесность, которая по количеству соответствует данному виду. Следовательно, тела не имеют подобного общего формального принципа и эти два принципа, т.е. первоматерия и форма, в общем и являются конституирующими естественное тело.

Естествоиспытатель нуждается в полном овладении этим искусством, полном познании формы и материи одновременно. Однако форма даёт больше актуального знания об индивидуальной сущности вещи, чем материя. А материя в большинстве случаев придаёт вещи знание силы её бытия. При помощи материи и формы завершается познание сущности вещи. Исходя из состояния формы, необходимо знать, что форма – это омоним, высказываемый в отношении сущности, при помощи которой вещь становится тем, чем она является. Если форма образуется в материи, тогда то, что образовалось в сущности

вещи, создаёт её вид. Форма [также] сказывается в отношении самого вида, она употребляется по отношению к фигуре и строению. Форма сказывается в отношении к структуре соединения, как, например, форма войска. Она сказывается относительно системы, защищающей законоположение. Форма сказывается в отношении любой структуры, какой бы она ни была. Форма сказывается относительно реальности каждой вещи, которая является субстанцией или акциденцией. Иногда форма сказывается в отношении уопостигаемых материальных [вещей]. Принятая форма является одним из принципов составленной [вещи]. Материя имеет часть, необходимость которой актуальна, когда материя является частью, которую вещь актуально не делает необходимой, ибо необходимость материи недостаточна для актуального существования вещи, а достаточна для её потенциального существования. Следовательно, вещь становится тем, чем она является, при помощи своей материи, более того, она становится актуальной при помощи своей формы. Что касается конституирования формы материи, то она связана с другим видом. Форма также не является тем, что возникает и исчезает, она связана с началом творения⁵.

УПОМИНАНИЕ НЕБЫТИЯ⁶

Поскольку тело является изменяющимся, завершающимся и созданным во времени, то оно имеет дополнительное начало, которое есть небытие. Это небытие является небытием данной вещи, называемой формой и возникающей в ней. Объяснение этого заключается в том, что небытие подвергается изменению, и оно есть то, что является существующей половиной, в которой возникает и исчезает другое качество, в котором есть третье изменяющееся качество, наличие которого отсутствовало, а потом возникло. Поскольку изменяющееся является таковым, необходимо существование воспринимающей вещи, а также того, что у неё изменяется, и того, чем оно завершится. Форма существует, и небытие этой формы связано с исчезающей формой.

Завершённое – это то, в чём возникает какая-либо вещь, которая не существовала ранее при отсутствии исчезновения чего-либо от этой вещи. Следовательно, необходимо, чтобы там, в небытии, и существовала какая-либо несовершенная сущность, которая затем получила совершенство. В результате возникает вещь, небытие которой предшествует её бытию, так как условием существования небытия является то, что вещь должна быть изменяющейся или совершенствующейся. Отсюда следует, что не будь бытия, было бы абсурдом существование изменяющегося, совершенствующегося и, более того, что совершенство или форма постоянно существуют в небытии. Следовательно, небытие в этом смысле является основой, если основа [принцип] – это то, бытие чего необходимо, т.е. бытие, которое создаёт другую вещь, необратимо. Если этой основы недостаточно для возникновения вещи, то основой [принципом] является то, существование чего необходимо совместно с существованием другой вещи, которая имеет основу без предшествования и последования. Следовательно, небытие не является основой. Что касается созданного и возникающего, то их созданию и возникновению должно предшествовать бытие какой-либо субстанции, которое было бы связано с небытием возникающей формы, а затем отделялось бы от него, в результате чего исчезало бы его небытие. Стало быть, этот вопрос нам так быстро не выяснить, скорее, необходимо оставить его естествоиспытателю и удовлетвориться только индукцией, что мы докажем в первой философии.

Поскольку естественное тело является абсолютным телом, то ему принадлежат основы, которые с ним не соединяются. Следовательно, первоматерии и телесной форме необходима совершенная качественная форма, которая, будучи изменяющейся или совершенствующейся и создающейся, имеет другое начало – небытие, которое соединяется с первоматерией [тела] до его возникновения и является началом в упомянутом смысле. Ибо одно из начал, которое охватывает изменяющееся, совершенствующееся и создающееся, есть первоматерия, форма и небытие. Если берётся то, что касается изменяющегося, то это есть первоматерия и то, что ей противоположно. Что касается

создающегося, то оно имеется в его субстанции, так как его состояние есть форма, которая составляет его сущность.

Что касается изменяющегося и совершенствующегося, то они не находятся в субстанциональности, следовательно, их состояние есть акциденция.

Первоматерия отличается от формы и небытия тем, что она имеется в каждом из них в каком-либо состоянии, а форма отличается от небытия тем, что она [форма} есть сама по себе, существование которой добавлено к существованию, принадлежащему первоматерии, в то время как небытие не добавляет какого-либо существвания бытию, принадлежащему первоматерии. Напротив, оно есть состояние, сопоставляемое с формой. Когда форма существует потенциально, а не [актуально], это небытие не есть абсолютное бытие, а является небытием, имеющим какое-либо бытие; ибо небытие есть вещь, которая существует с готовностью и предрасположенностью к какой-либо определённой материи. Так, любой нечеловек не может быть человеком, а тот нечеловек, который принимает человечность, является человеком.

УПОМИНАНИЕ ДЕЙСТВУЮЩЕГО

Действующий – это тот, кто запечатлевает форму, принадлежащую телам, в их материи. Материя конституируется посредством формы, от сочетания материи и формы происходит сложная [составная] вещь, форма которой действует, а материя претерпевает [изменение]. Словом, действующий в естественных вещах сказывается в отношении начала движения другой вещи с точки зрения того, что она является другой. Под [словом] движение мы подразумеваем любой переход от потенции в действие в материи. Данное начало является причиной перехода к другому началу посредством его движения от потенции в действие. Начало движения является либо подготовляющим, либо совершенствующим. Подготовляющий – это то, что является подходящим для материи, как, например, движение спермы по отношению к ожидаемым изменениям. Совершенствующий – это [есть] тот, кто дарует форму. Похоже, что тот, кто дарует форму, конституирует естественные виды,

находящиеся вне рассмотрения физики. Естествоиспытателю нет необходимости заниматься этим вопросом после того, как устанавливается, что здесь есть подготовляющий и дарующий формы. Следовательно, действитель в физике принимает участие в том смысле, что он является по числу одним предметом, на который указывает разум, и не допускается, чтобы действующий сказывался в отношении многих вещей. Таким образом, он является вещью, на которую указывает первая философия, и называется природой.

Действующий также не имеет подобного рода соучастия, а является умопостигаемой вещью, которая охватывает множество предметов, находящихся в разуме в том смысле, что они являются действителями и сказываются в отношении множества вещей. Действующий также называется природой в общем смысле. Действующий сказывается в отношении действующего начала естественных вещей, которое имеет какую-то силу и отношение к близким, дальним, параллельным, соприкасающимся следствиям. Естествоиспытатель занимается этими вещами лишь для того, чтобы познать состояние каждой из них и доказать их. Если он это делает, то он определяет природу действующего, принимающего участие подобным образом в естественных вещах.

Природа определяется тем, что является первым началом какого-либо движения, которое имеется в этом начале. Покой первого начала сущностей, а не акцидентален не потому, что необходимо, чтобы одновременно в каждой вещи должно быть начало движения и покоя, а потому, что начало Вселенной является сущностным явлением, движением и покоем. Смысл утверждения, что "она является первым началом", близко тому, что между ней и движением нет посредника. Ибо душа является основой движения некоторых тел, в которых она пребывает, однако, с помощью посредника, как, например, осуществление ею движений роста и превращения посредством природы и качеств, о чём мы поведаем позже.

Смысл утверждения, что "между природой, искусством и принудительными силами есть разница" по своей сущности, возможно, относится к природе и означает, что природа движется

по своей сущности и невозможно, чтобы она не двигалась, если, конечно, нет препятствия, а также, возможно, относится к движущемуся, и означает, что природа двигает то, что двигается по своей сущности, но не по внешним причинам. Утверждение "не акцидентально соотносительно с природой" означает, что природа – это начало актуального движения, а не акцидентального, и это также верно в отношении движущегося. Это означает, что идол, если движется, то движется акцидентально, так как движущийся сущностно является медью, а не идолом, поскольку он есть идол. Следовательно, природа является началом движения того, что двигается не акцидентально.

Смысл утверждения "она является началом движения" означает все разновидности движения, т.е. всякое начало любого движения, которое сущностно является природой. Итак, это есть определение природы, которая выступает как род, и придаёт каждой подчинённой ей природе своё значение, через которое раскрывается сама природа и познаётся её сущность в том смысле, что в телах, которые существуют до нас, происходят действия и движения. Как мы наблюдаем, эти действия и движения происходят в телах по причинам, которые находятся вне тел. Эти тела имеют движения, в которых становятся необходимыми эти действия и движения, как, например, подъём камня вверх. Встречается и такое, что некоторые действия и движения проистекают в телах, которые двигаются сами по себе без того, чтобы основываться при этом на других причинах, как, например, спуск камня вниз. Возможно, наше предположение применительно к семенам, которые превращаются в растение, и сперме, которая превращает в сходное животное из этого второго вида. Более того, мы находим животных, которые в разных видах своих движений действуют на основе воли, и не наблюдаем чего-либо извне, что заставило бы их совершать эти действия. Так, в наших душах появляется такое впечатление, что движение, все действия и превращения происходят от тел. Они проистекают по какой-либо причине, некоторые из них происходят в одном направлении и не отклоняются от него, а некоторые происходят в разных направлениях и по разным причинам. Допускается также,

чтобы каждая из этих двух причин проистекала на основе воли и без неё и была подобна откалыванию осколка от упавшего камня. Иногда, сомневаясь и не зная, [думают, что] эти действия, у которых мы не находим двигателей извне, совершаются и действуют по причине движущего начала извне, которое мы не в силах постичь. Скорее, этим началом является нечто отвлечённое, неоощуемое или оощуемое сущностно, и его влияние неоощуимо, или же действие его совершается по своей сущности. Однако тут мы выдвигаем предположение, которое вправе допустить естествоиспытатель, и которое будет доказано в первой философии: тела, совершающие эти движения, двигаются по причине сил, имеющихся в них и являющихся началом их движения и действия. Одна из них – это сила, приводящая вещь в движение, подвергающая её изменениям, и от которой проистекают действия однообразно без участия воли, как, например, это происходит с камнем во время его падения, а называется она природой. Другая из них – та сила, от которой действия происходят не однообразно, а многообразно и они не основаны на воле, как, например, это происходит с растениями в их возникновении и развитии, окончании [развития], разветвлениях и разделении на корни и т.д. Третья из них – та сила, которая основана на воле, как, например, сила, принадлежащая животному и называемая животной душой.

Иногда имя природы употребляется в отношении каждой силы, от которой происходит действие, не основанное на воле. Следовательно, растительная душа является природой. Имя природы также сказывается по отношению к каждой силе, от которой без размышления и выбора происходит действие, и если действие происходит на основе воли, то животная душа также является природой. Наше высказывание о том, что природа является основой движения и покоя, означает, что она есть основа для всех видов движения и покоя. Что касается природы, которая является началом качественного движения, то оно имеет место тогда, когда природа путём расщепления расширяет объём тела, или путём сгущения сокращает его объём. Тем самым природа делает необходимым развитие и увядание, если воспользоваться словом "природа" в одном из упомянутых

значений. Что касается природы, являющейся началом качественного движения, то это имеет место, когда, например, природа воды, которая приобретает новое качество, не соответствует её природе, в то время как её природа является холодной, но если исчезнет препятствие, то природа возвращает воду из горячего состояния в [естественное] состояние холодности; или как, например, если портится темперамент, то при сильной природе [человека] он может возвратиться к благоприятному состоянию. Что касается вопроса о том, что природа является началом движения, изменяющего положение, то примером может служить камень, катящийся вниз. Природа является началом движения в субстанции, имеющем место, в то время когда природа двигает материю в направлении формы, или когда путём исправления качества и количества готовит её [материю] к движению. Что касается формы, то природа не придает ей форму, а подготавливает её к принятию формы. Иногда сама природа вещи является её формой, а иногда нет.

Что касается простых вещей, то сама природа является формой, ибо природа воды сама является сущностью, при помощи которой вода становится тем, чем она является. Но природой она называется с учётом проистекания действия и движения от неё, а формой – с учётом конституирования качества воды. Если не обращать внимания на то, что от неё происходят следствия и движения, то форма, например, воды является силой, сделавшей первоматерию воды видом, который и есть вода, и эта сила в воде не ощущаема, хотя от неё происходят ощущаемые воздействия холода и тяжести. Когда тело находится вне естественного места, то тело под воздействием тяжести будет иметь актуальное стремление. Следовательно, действия природы в субстанции воды, либо соответствуют влиянию (субстанции), и это будет холод; либо относительно воздействию формы, и это будет влажность; либо относительно находящегося в несоответствующем ему месте, и это приведение в движение, либо относительно находящегося в соответствующем месте, и будет состоянием покоя. Этот холод и влажность являются акциденциями, необходимыми этой природе, если нет препятствия.

Что касается сложных тел, то природа в них возникает из какой-либо формы, неявляющейся сущностью этой формы, ибо сложные тела не могут становиться такими, какими они являются по причине силы, которая двигает их сущность в каком-либо направлении, хотя бытие этой силы необходимо для конституирования сущности этой формы, так как эта сила является частью формы этих сложных вещей. Форма сложных тел складывается из нескольких сил, как, например, человечность, которая включает в себя несколько сил природы и души. Если эти силы каким-либо образом соединяются, то они создают сущность человека, а этот вопрос рассматривается в первой философии. Природа сказывается в частном и общем смысле. То, что сказывается в частном смысле, является собственной природой каждого индивида, а то, что сказывается в общем смысле, то оно есть общая природа иногда с точки зрения какого-либо вида, а иногда – абсолютно общая. Однако эти два [смысла] в конкретных предметах не имеют постоянного бытия, а имеют бытие в разумном представлении. Более того, в конкретных предметах существует одно частное из этих двух общих, из которых одно связано с целью необходимого управления в сохранении вида, а второе связано с целью необходимого управления сохранением общего в его целостности.

ОБЪЯСНЕНИЕ ЦЕЛИ⁷

Цель – это то, ради чего форма запечатлевается в материи. Цель бывает действительным благом, ибо любое движение происходит от действующего не акцидентально, а сущностно. Это означает, что при помощи цели желают того, что по сравнению с ней является благом. Благо иногда бывает действительным, а иногда предположительным. Общая цель может осуществляться вышеуказанными способами действующим. Одно из них означает, что цель по количеству одна, и недопустимо, чтобы она сказывалась по отношению ко многим [вещам], которые соответствуют естественным вещам. Если цель предназначена для этого, то она будет разъяснена в первой философии. Второй из них означает, что она является общей, как например, цель,

сказываемая по отношению к каждой из частных целей частных вещей. Цель бывает умопостигаемой, охватывающей много предметов, существующих в разуме, в том смысле, что они являются целями и сказываются в отношении многих вещей. Естествоиспытатель изучает цель для того, чтобы познать состояние всякого общего начала какой-либо естественной вещи. Таким образом, если это будет сделано, то будет известна общая цель, являющаяся общей для физики.

Иногда случается и так, что сущность действующего, а также формы и цели составляют одну сущность. И эта сущность, получающаяся в цели, является действующим, формой и целью. Ибо в отце, например, находится основа возникновения человеческой формы из спермы, и эта вещь не происходит от отца, а есть её человеческая форма, и то, что образуется от спермы, является не чем иным, как человеческой формой, и целью спермы является человеческая форма. Однако она, с точки зрения конституирования, вместе с материей вида человека является формой, а поскольку в ней кончается движение спермы, то она является целью, а в силу того, что её состав начинается от него, она является действующим. Если цель сочетается с материей и со сложной вещью, то становится формой, а если она сравнивается с движением, то иногда является действующим, а иногда целью. Цель считается таковой с точки зрения движения, являющегося формой, находящейся в сыне. Действующий считается таковым с точки зрения начала движения, являющегося формой, находящейся в отце. Необходимо знать, что каждая из этих четырёх причин бывает иногда сущностной, а иногда акцидентальной, иногда близкой, иногда далёкой, иногда общей, иногда частной, иногда актуальной, а иногда некоторые из них сочетаются с другими.

ОБЪЯСНЕНИЕ СЛУЧАЙНОСТИ И УДАЧИ⁸

В вещах естественных и основанных на воле случайность бывает акцидентальной причиной, не являющейся всегда или в большинстве случаев необходимой, а возникающей ради какой-либо вещи, не имеющей причины и делающей её необходимым сущностным образом. Объяснение этого заключается в том, что о

всём, что бывает всегда или и в большинстве случаев, не говорят будто оно произошло случайно. Ибо эти причины постоянны в естественных вещах, однако они, препятствуя друг другу, различаются по количеству. Та вещь, которая бывает в одинаковом положении и та, которая бывает в меньшинстве случаев, – если игнорировать необходимые причины их положения, а учесть только значение их в одинаковом положении, а также игнорируется [факт] их актуализации по причине преобладания их бытия таковыми, – то такие вещи называются сущностно случайностными. В этом смысле имя того, что равно по степени, и имя того, что бывает в меньшинстве случаев, являются омонимами. Что касается их смысла с точки зрения их бытности естественными причинами, или причинами, основанными на воле, то они становятся также необходимосущими, а не случайными. Исчерпывающее исследование позволяет сделать заключение, что до тех пор, пока вещь не выходит за пределы возможного и её существование посредством каких-либо причин не будет необходимым, она не может возникнуть.

Словом, если произошло нечто неожиданное, что происходит довольно редко, а не часто, то причину, приведшую к этому, можно назвать "случайностью" или "удачей", если данная причина такова, что приводит к именно [такому событию], хотя не всегда и не часто видение. Если же ей вовсе не свойственно приводить к [подобному событию], то о последнем нельзя сказать, что оно произошло случайно. Так, например, обстоит дело с сидением кого-либо во время лунного затмения, ведь в этой ситуации нельзя сказать, что это является случайной причиной [затмения], так как, случайной причиной может быть только то, что приводит к [такому событию], хотя не всегда и не в большинстве случаев. Так, если бы действующий понимал порядок общего протекания и был бы способен при этом желать и выбирать, то он мог бы полагать эти движения своей целью, как, например, если бы человек, который пошёл на рынок, предполагая, что по дороге встретит должника, то он мог бы сделать это своей целью. В таком случае всё это выходит за рамки большей или меньшей степени вероятности, так как движение

знающего о встрече с должником, не подозревающим о [предстоящей встрече], в большинстве случаев является случайностью. Что касается движения незнающего в виду того, что он является незнающим, то иногда оно приводит к встрече с должником, а иногда нет, и не является случайностью относительно движения с дополнительным условием. Из всего сказанного выясняется правильность того, что было сказано нами относительно этих двух состояний, что есть нечто, происходящее случайно, хотя оно может происходить в большинстве случаев, однако некоторые не убеждены, что это так. Следовательно, утверждать о случайности чего-либо может кто-либо лишь со своей точки зрения. Примером этого может служить утверждение говорящего о том, что он намеревался увидеть кого-либо, и тот случайно оказался дома, хотя этот некто является одним из тех [людей], которые большую часть времени проводят дома. Однако этот утверждающий убеждён в своём мнении и в его предположении преобладает мысль о равной степени возможности нахождения и ненахождения этого человека дома. "Случайность" здесь сказывается с точки зрения убеждённости именно этого человека.

Однако "случайность" является как бы общим именем и сказывается в отношении причины, которая обладает этим качеством либо естественно, либо будучи основанной на воле. Далее, то, что связано с причиной, основанной на воле, проистекающей от свободной воли разумного существа, называется "удачей". То, что проистекает естественно, происходит само по себе, и это есть причина, которая в большинстве случаев не приводит к достопохвальной цели. Однако, когда определяют *удачу" и говорят, что она достигнута, то бывает и так, что она может обернуться неудачей. Следовательно, благоприятный случай – это такой, в котором актуализируются причины, способствующие достижению удачи. Неблагоприятный случай – это тот [случай], при котором возникают причины, затрудняющие достижение удачи. Следовательно, первые причины, как правило, приводят к благу, а вторые, как правило, приводят ко злу.

УПОМИНАНИЕ ДВИЖЕНИЯ⁹

Некоторые реально существующие вещи бывают актуальными во всех отношениях, а другие в одном отношении актуальными, а в другом – потенциальными. Невозможно, чтобы какая-либо вещь во всех отношениях была бы потенциальной настолько, что не имела бы актуальной сущности. Особенность каждой [вещи], обладающей силой, заключается в том, что она переходит из состояния потенции к противоположному состоянию действия, и то, что препятствует её переходу, не властно над ней. Далее, каждая категория, может переходить из потенциального состояния в действие, и это означает, что субстанция движется из одного вида этой категории к другому, от одной разновидности к другой.

Что касается категории субстанции, то переход человека к действию состояния осуществляется после пребывания в потенциальном состоянии. В категории количества переход развивающегося бывает от потенциального состояния в действие. Цель человека при переходе в категорию обладания заключается в том, чтобы потенциально быть одетым, обутым и вооруженным. Так же обстоит дело в категориях действия и [претерпевания].

Вместе с тем некоторые из этих переходов происходят либо сразу, либо постепенно. Переход из [потенциального состояния] в действие принято называть "движением". В каждой категории, где переход из потенциального состояния [в действие] происходит сразу, движения нет. Итак, движение есть первое завершение потенциального по отношению к тому, что является потенциальным. Это означает, что самодвижение является завершением и действием, так как против него имеется сила, ибо вещь [сначала] бывает потенциально движущейся, а затем становится действительной. Действие вещи осуществляется путём совершенства, а совершенством действия вещи является движение, однако её собственное совершенство от других совершенств отличается тем, что после его возникновения от него в движущемся остаётся что-то потенциальное. В других совершенствах дело обстоит иначе. Кроме того, движущийся при его помощи достигает другого потенциального совершенства.

Если у этого движущегося нет этого совершенства и нет движения по направлению к нему, то оно в этом случае не двигалось бы. Следовательно, потенциальная вещь, как таковая, служит другой потенциальной причиной. Эта другая причина обладает двумя силами, одна из которых стремится к этой другой вещи, а вторая создаёт другую вещь, имеющую два совершенства. Одно из них является направляющим, а второе создаёт другую вещь, стремящуюся к своему совершенству.

Когда вещь [приходит в движение], в ней появляется первое совершенство, [поскольку], она находится в потенциальном состоянии. Следовательно, стремление, называемое движением, является первым совершенством того, что не находится в абсолютно потенциальном состоянии, а скорее потенциально является этой вещью. "Движение" является именем с двумя значениями: одно из них это нечто непрерывное, которое мыслится у движущегося между началом и концом. Это значение не проявляется в конкретных вещах, следовательно, оно не возникает у движущегося, хотя и проявляется между началом и концом. Предполагается, что оно в каком-то смысле возникает, если движущийся находится в конце, и это постоянное умопостигаемое существующее здесь будет устранено с точки зрения бытия. Следовательно, оно не имеет сущности в конкретных вещах, и мы можем описать его форму в уме по причине какого-то отношения движущегося к двум местам, где одно место – то, которое он покидает, а другое – место его достижения. Или оно запечатлевается в представлении с тем, чтобы в нём запечатлевалась его форма при помощи ощущения. Оно также проявляется в другом месте – близком и отдалённом. Одновременно две формы подготавливаются в том плане, что превращаются в одну движущуюся форму, которая в бытии всегда не имеет реального проявления, как это имеет место в уме. Один движущийся не может существовать, одновременно двигаясь в двух направлениях, и нет нужды в этом.

Второе значение – это то, которое не имеет места в промежуточном состоянии движущегося, в начале пути и которое не достигает конца, и останавливается в промежуточной части так, что не обладает местом в какой-либо один из моментов,

который появится во время перехода движущегося к состоянию действия, существуя на этой границе. Следовательно, появление движущегося в любое предполагаемое время означает прохождение какого-либо расстояния, которое и является расстоянием между предполагаемым и началом, и концом, так что, если предполагается какая-то граница, то движущийся не находится на ней ни с одной из её сторон. Это промежуточное состояние есть форма движения. Она является единым неотъемлемым атрибутом движущегося, которая остаётся одной и той же. Да, здесь условно меняются границы, [между которыми наступают] промежуточные состояния.

То, что движущиеся находятся в промежуточном состоянии, обуславливается не тем, что пребывают именно на этой, а не на какой-либо другой границе, а упоминавшейся выше его характеристикой, то есть тем, какую бы ни предположить границу, она не бывает в них ни до неё, ни после. Наличие у движущегося этого свойства является чем-то одним, которое постоянно необходимо на какой-то границе, которая не описывается этим качеством без другой границы. Это значение [движущегося] существует действительно. Скорее всего, термин "движение" употребляется в отношении движения, которое осуществляется, и это в действительности является первым совершенством, а если прекратится, то это и есть второе совершенство. Итак, это второе значение является одним из значений движения, содержащимся в движущемся. Это значение существует в движущемся, которое пребывает в "теперь"¹⁰, так как в каждое предполагаемое "теперь", о нём можно сказать, что оно находится на промежуточной границе, в которой не оказывалось ни до того, ни после. Так что, говоря о том, будто всякое движение происходит во времени, под движением имеют в виду состояние, которое принадлежит вещи между началом и концом, которого она достигает, останавливаясь или не останавливаясь, как, например, обстоит дело с атмосферой, которая доходит до какого-то предела, но не останавливается на нём. Следовательно, это длительное состояние [находится] во времени.

Существование этого состояния зависит от существования предшествующего состояния, хотя в какой-то мере оно противоположно ему, так как вещи, существовавшие в прошлом, имели существование в одном из "теперь" прошлого, независимо от того, происходит это в настоящий момент или не происходит. Таким образом, говоря об этом движении, мы имеем в виду прохождение [расстояния] или подразумеваем первое совершенство, о котором уже упоминали, и оно является движением во втором значении. Его пребывание во времени будет означать не то, что оно должно соответствовать времени, а то, что здесь должно иметь место прохождение [расстояния], соответствующего этому времени. Следовательно, каждому движению присуще определенное время.

Что касается категорий, в которых переходы одних разрядов [движения] в другие происходят не сразу, то они называются "движение", ибо в категории "субстанция" движения не происходит, а объясняется это тем, что субстанциональная форма не допускает ни увеличения, ни уменьшения, поскольку она происходит мгновенно и [сразу] же исчезает. Между чистой потенциальностью субстанциональной формы и её чистой действительностью не существует промежуточного совершенства. Следовательно, в ней нет движения, так как субстанциональная форма не воспринимает ни увеличения, ни уменьшения. В самом деле, если бы она принимала увеличение и уменьшение, то субстанция существовала бы в промежутке между увеличением и уменьшением, при этом, сохраняя свой первоначальный вид или не сохраняя. Если она сохранять свой вид, то субстанциональная форма не будет изменяться, а изменится только какой-либо привходящий признак формы. Следовательно, то, что было неполным, увеличилось, а затем и исчезло, в то время, как субстанция не уничтожается. В таком случае мы имеем не возникновение, а превращение в нечто другое, что не является возникновением. Если же субстанция при увеличении не сохранилась, то последнее [увеличение] создавало бы какую-то другую субстанцию. Таким же образом обстоит дело в каждом "теперь", существующем с тенденцией увеличения. В этом случае создавалась бы новая субстанция, а первоначальная

субстанция устранялась бы, и между каждой субстанцией возникала бы возможность существования субстанций потенциально бесконечных субстанциональных видов.

С качествами дело обстоит противоположно этому. Другое объяснение заключается в том, что вопрос субстанциональной формы действительно не конституируется без принятия формы. Дело в том, что потенциально вещи не существуют сами по себе, а предмет, который действительно не существует, не может передвигаться от одного предмета к другому. Ибо, если субстанциональное движение существует, то оно имеет существующее движущееся, обладающее формой, при помощи которой оно становится действительным, а также становится действительно существующей субстанцией, ибо субстанция, которая до этого должна была стать движущейся, будет существовать и во время возникновения второй субстанции. Она не исчезает и не изменяется в своей субстанциональности, а изменяется в состоянии. Если субстанция будет не той, от которой происходит вторая субстанция, и не той, которую достигает вторая субстанция, то в таком случае исчезает первоначальная субстанция, ибо она превращается в промежуточные субстанции, которые актуально отличаются друг от друга.

Рассуждение о субстанции подобно рассуждению о той субстанции, в которой предполагалось движение. Эта означает, что либо изменения происходят полностью в природе субстанции весь этот промежуток времени, либо не происходит. Стало быть, изменения во второй субстанции происходят мгновенно или же происходят в определённый промежуток времени, сохраняя при этом первоначальный вид, и существуя в некоторых других видах без посредника. Из сказанного вытекает, что переход от одного вида к другому происходит мгновенно, так как первоматерия, которую мы рассматриваем, по своему составу нуждается в бытии актуальной формы, и если форма актуально будет существовать, то актуально будет существовать и вид.

Необходимо, чтобы субстанция, существующая между двумя другими субстанциями, была чем-то актуальным, не существующим акцидентально. В акциденциях, которые

представляются существующими между двумя качествами, дело обстоит иначе. Следовательно, при актуальном создании вещи они не нуждаются в движении. Предположение о том, что в субстанции есть движение, означает, что когда видят, что сперма постепенно создаёт животное, а семена – растения, то думают, что здесь имеется движение, а на самом деле это не так. Необходимо знать, что сперма создаёт животное акцидентально с другими созданиями, причём в них происходят превращения в количестве и качестве. Так, сперма постепенно превращается, оставаясь спермой, пока не достигает определённой границы, где от нее отделяется семенная форма, и превращается в сгусток крови. Точно таким же образом это состояние спермы сохранится, пока она не превратится в эмбрион, а далее в кости, сухожилия, хрящи и другие вещи, которые мы не постигаем. Далее это будет продолжаться таким образом, пока сперма не получит форму жизни. Однако в плане действия нам представляется, что это есть один из видов другой субстанциональной формы, поэтому думают, что в субстанциональности есть движение, а на самом деле это не так.

Что касается качества, то наличие движения в нём явное. Однако вопрос, связанный с другими видами качеств, независимо от того, являются ли они душой или телом или одновременно душой и телом или способом соучастия, существуют ли они по своей сущности, или привнесены, или возникают из чего-то привходящего в него, или увеличением, добавляемым к субстанции, благодаря которому она становится субстратом, то в ней существует потенциальное совершенство, ибо оно потенциально по отношению к какой-то субстанции. Данное движение называется превращением, однако формы во всех видах качеств, скорее всего, неидентичны [формам] других качеств в возникновении движения в них, так как они возникают мгновенно.

Что касается количества, то в нём также содержится движение, и оно происходит двумя способами. Один из них является добавляемым увеличением, при помощи которого субстрат развивается, а второй – уменьшением путём разложения. Когда уменьшается движение в субстрате, но его

форма в этих двух способах сохраняется, то этот процесс называется ростом и упадком. Иногда количество образуется не из-за добавляемого увеличения или уменьшения, а от того, что объект допускает больший или меньший объём разрежённости или плотности без отделения своих частей. Такое положение хотя и необходимо для превращения состава, которое и является [превращением] в качестве, [однако] это не является увеличением или уменьшением в количестве. Поскольку это состояние является одним из способов мгновенного перехода из состояния потенции в действие, которое является каким-либо совершенством, в том виде, как оно есть, то оно является движением. Если кто-либо скажет, что рост – это движение по положению, так как при этом изменяется положение, то ответ будет таким: если мы говорим, что рост – это движение по количеству, ибо оно не допускает вместе с ним существования движения по положению, это означат, что в объекте роста допускается два изменения – одно в количестве, второе в месте. Следовательно, в количестве одновременно существуют два вида движения.

Что касается соотнесения, то, скорее всего, переход из одного состояния в другое происходит мгновенно, хотя в некоторых случаях это может быть и не так. Настоящее изменение первоначально происходит в другой категории, в которой случается соотнесение, так как не бывает соотнесения, которому было бы свойственно соединять другие категории, и оно само по себе не реализуется. Если категория допускает увеличение или ослабление, как, например, тело, которое может быть более или менее горячим, следовательно, соотнесение может допускать это и в отношении себя. Таким образом, движение в некоей вещи, в которой происходит соотнесение, в первую очередь бывает сущностно, а потом акцидентально.

Что касается категории "где", то существование в ней движения очевидно, и переход вещи из одного состояния в другое без качественного изменения в ней называется перемещение "нукла".

Что касается категории "когда", то переход в ней из одного "когда" к другому, скорее всего, происходит мгновенно,

как, например, переход одного тела в другое или одного месяца в другой. Состояние "где" подобно состоянию соотнесения в том, что "где" не допускает перехода одной вещи в другую вещь, а в первую очередь, в качестве или количестве, при этом время будет сопутствовать этому изменению и по этой причине в вещи происходит смена. А то, что не изменяется, что мы объясним ниже, не происходит во времени. Тогда каким же образом время может быть движением?

Что касается положения, то в нём бывает движение. В самом деле, если каждое изменяющее какое-либо положение [тело] не будет отделено от совокупности его места, а будет изменяться лишь соотнесение его частей к частям его места, или будут постепенно изменяться его стороны, то сама эта смена уже является движением по положению, ибо любое движение – это смена состояния с данной характеристикой и наоборот.

Это движение относится к положению, которое изменялось не в отношении другой вещи, являющейся в свою очередь неизменной. Из этого не следует, что любое движущееся тело по положению устойчиво в своем месте. Из нашего утверждения по необходимости не следует, что всякое устойчивое тело в своём месте, требующее изменения своего положения, постепенно является движущимся по положению, и таково всякое движущееся по положению, более того, допустимо, чтобы вещь, только изменив своё положение, изменила бы и своё место. Скорее, смысл этого заключается в том, что она изменяет своё место. Цель есть бытие движущегося по положению.

Что касается доказательства того, может ли вещь, изменяя только своё положение, не изменять своего места, то возможность этого выясняется из движения небесных сфер. Оно бывает либо движением высших небесных сфер, которое не происходит на одном месте, – в противном случае, как могло бы происходить движение в одном месте? – либо не бывает на месте, однако в целом не отделяется от своего места, а изменяются лишь отношения его частей с теми частями места, с которыми оно соприкасается. Здесь будет только это изменение, а место остается постоянным, и это изменение является изменением этого отношения, и это отношение будет положением. Стало

быть, данное изменение будет изменением по положению. Кроме того, движение высшей небесной сферы не является движением на месте, так как небесная сфера не находится на одном месте. Более того, нет такого движения в качестве, количестве, субстанции и в других категориях, которое было бы движением по положению. Ибо, кто-либо мог бы сказать, что "не бывает движения по положению", и это означает, что ему нет ничего противоположного, [если] скажем, что нет большой нужды в бытии этой реальной противоположности, и в том, чтобы она была движением. Данный вопрос выясняется при наблюдении движения небесной сферы. Однако вполне вероятно, что, например, лежащий на животе противоположен, лежащему на спине. Если говорится, что нет движения по положению, то это потому, что переход от состояния сидения происходит мгновенно, а если вещь переходит от состояния вставания к сидению, то [всё равно] она будет находиться в состоянии вставания, пока сразу не перейдёт в состояние сидения. Точно так же обстоит дело и с качеством, изменение которого происходит мгновенно, но это не отражает того, что в качестве присутствует движение. Это означает, что во всяком положении, в котором сидение длится мгновение, переход будет качественным, ибо переход от состояния стояния к сидению происходит постепенно, пока не доходит до момента, который и есть сидение.

Если говорится, что каждая часть небесной сферы является движущейся на месте, то всё в небесной сфере является движущимся на месте, и, таким образом, небесная сфера в целом является движущейся на месте. Ведь мы говорили, что небесная сфера действительно не обладает частью, чтобы двигаться на месте, ибо части непрерывного только потенциально находятся на месте. В том случае, если мы предполагаем в непрерывном наличие частей, то [здесь] они не отделяются от своих мест, а каждая их часть отделяется от общего места, хотя все они находятся на месте, и часть места общего не является местом части общего. Скорее, возможно, она является частью места частного, так как часть – это место общего, частью не охватываемого, в то время как место, как будет показано, должно быть объемлющим. Следовательно, этим отвергается меньшая

посылка, а что до большей посылки, то она также несостоятельна, ибо если часть отделяется, то это не означает, что общее [также] отделяется от своего места, ибо любая часть иногда может обладать таким свойством, в то время как общее им не обладает. Это объясняется тем, что целостность является особой истиной, отличающейся от истины каждой единичной части. Разве ты не замечаешь, что всякая часть является частью общего, которое является частью, а каждая часть из десяти является единицей, когда само десять не является единицей.

Что касается категории "действовать" и "претерпевать"¹¹, то в ней не бывает движения. Следовательно, для того, чтобы действовать или претерпевать от какой-либо силы, изменяемое, должно действовать или испытывать воздействие другой силы, и необходимо, чтобы она распадалась на две силы. Этот вопрос выяснится позже. Движение не приводит к этому, а [приводит] к остановке того, что двигается. Следовательно, движение происходит в четырёх категориях: качестве, количестве, "где" и по положению.

Далее, движение связано с шестью вещами: движущимся, двигающим, объектом движения, исходной точкой движения, моментом завершения движения, временем.

Что касается связи движения с движущимися, то она бесспорна. Что же касается его связи с двигателем, то она существует, поскольку движение либо простирается от самого движущегося в силу того, что оно является естественным телом, либо оно простирается по какой-либо иной причине.

Если движение в движущемся происходило по его сущности, а не по какой-либо причине, то движение вовсе не отсутствовало бы, пока в нём существует само естественное движущееся тело. Вместе с тем, в большинстве тел движение отсутствует, хотя тело существует. Следовательно, движение не является сущностью движущегося. Кроме того, если бы сущность движущегося была причиной двигателя, так как оно было бы двигателем и движущимся [одновременно], то движение происходило бы от сущности движущегося. Однако движение в движущемся не должно происходить по его сущности, так как если существует сущность естественного тела, то оно является

движущимся. Следовательно, сущность движущегося не должна быть причиной движения. Ибо если существует естественное тело, постоянно находящееся в движении, то оно бывает таковым в том смысле, что движение добавляется к его естественней телесности.

Что касается вопроса о том, что движение не происходит извне или вопроса о том, что оно происходит извне, то мы говорим: недопустимо, чтобы сама вещь была бы причиной своего движения. Так, одна вещь не может быть двигателем и движимым, однако она может быть двигателем по своей форме и движимым по своему субстрату, или двигателем, взятым от другой вещи. Из этого также становится ясным, что вещь не может привести в движение свою сущность, и двигатель двигает не для того, чтобы двигаться. Следовательно, абсурдно было бы [утверждать], что двигатель есть движимый. Наоборот, он не есть движимый, так как он двигает для того, чтобы двигаться, и если он совершает движение с тем, чтобы привести в движение, то он совершает это благодаря свойству, имеющемуся в нем.

Смысл движения заключается в том, что в какой-либо вещи, движущейся потенциально, возникает актуальное движение. В таком случае какая-либо вещь переходит от состояния потенции в действие путём действительно существующего в ней движения. Следовательно, абсурдной была бы вещь, в которой наряду с действительно существующим движением существовало бы потенциальное движение. Так, если вещь сама горячая, то каким же образом она может подогреть саму себя, т.е., если она горяча в действительности, то каким же образом она может быть горячей в потенции, пока не приобретёт теплоту от источника тепла, т.е. от самого себя с тем, чтобы одновременно быть действительной и потенциальной?

Кроме того, телесная природа – эта природа субстанции, которая обладает длиной, шириной и глубиной. И это общее количество не делает необходимым движение, в противном случае не было бы самого соучастия. Если к этому количеству будет добавлена другая вещь, ради того, чтобы телесности стало присуще движение и чтобы она стала субстанцией, имеющей длину, ширину, глубину и прочие свойства вместе с двумя

вышеупомянутыми, то количество будет двигаться в соответствии с этими свойствами. Стало быть, в этом количестве есть начало движения, добавленное к условию, которое существует, то с помощью этого добавления возникает тело, а если оно возникает извне, то оно более очевидно.

Утверждение о том, что всякое движущееся имеет двигатель и что ни одно из тел не является движущимся по [причине] его сущности, является спорным утверждением. Это означает, что всякое движущееся допускает разделение, что мы объясним позже. Всякое движущееся делимо, оно имеет части, покоящиеся в природе тела и принадлежащие движущемуся. Всякое представление в природе какой-либо вещи допустимо, ибо оно является представлением, возможность которого следует из природы вещи. Поэтому представление части движущегося недвижимым только потому, что она является телом, является таким представлением, которое допускает, что эта часть не является этим общим. Части же всего того, что является движущимся по [причине] своей сущности, мы представляем недвижимым. И такое предположение не абсурдно, ибо части эти являются причиной неподвижности движущегося.

Когда мы представляем какой-либо тело в состоянии покоя [т.е. неподвижным], то необходимо [представить] неподвижность общего из-за наличия причины и следствия, так как покой, свойственный общему, является совокупностью частей в состоянии покоя. Следовательно, ни одно из тел не является движущимся по [причине] своей сущности. Что касается связи движения с тем, от чего оно происходит, и с тем, чем оно завершается, то она устанавливается из его определения, так как оно есть первое совершенство, появляющееся в вещи, с тем, чтобы при помощи этого совершенства достичь второго совершенства.

Далее, вещь обладает состоянием, которое предшествует этим двум совершенствам, и это состояние, таково, что из первого совершенства оно устремляется ко второму совершенству. То, с чего начинается движение, и то, чем оно завершается, иногда бывают противоположностями; иногда [они

находятся] между двумя противоположностями, из которых одна более близка к другой противоположности, а вторая более близка первой. Иногда они бывают противоположными и не находятся между двумя противоположностями. Однако таковыми бывают вещи, которые имеют отношение к противоположностями и в каком-то смысле противоположащим вещам, одновременно не соединяющимся вместе, как в случае с состояниями, имеющими место в небесной сфере. Это означает, что начало движения не противоположно его концу, но тем не менее они вместе не соединяются.

Иногда то, с чего начинается движение, и то, чем оно завершается бывают такими, что пребывание там и здесь продолжается для них некоторое время, так что в начале и в конце бывает состояние покоя, а иногда [они] бывают такими, что подобного пребывания не бывает, если предположить, что оно [пребывание] является каким-либо пределом в действительности, как в случае с той же небесной сферой, ибо в её движении мы наблюдаем уход одного из начал и устремление к другой цели. Однако она не останавливается ни в начале, ни в конце.

Иногда начало и конец движения возникают посредством какого-либо действия, что очевидно. То, от чего начинается движение, и то, чем оно завершается, бывает или потенцией, близкой к действительности, или далёкой от действия. Примером этого может служить движущееся в состоянии движения близком к потенциальности и имеющее два предела: один предел, который им предполагается и до которого оно доходит, чтобы представить его. Следовательно, воистину это предел в нём, во-первых, существует сам по себе и становится действительным, а во-вторых, он действительно появляется и прекращается с появлением предположения. В действительности движущееся само по себе имеет потенциальную границу и становится действительным в своих границах в том случае, если возникают действительное предположение и актуальное прекращение. Оно также имеет предел в будущем, который, будучи пределом, препятствует движению в силу какого-либо предположения или какой-либо причины, определяющей движение в

действительности, что не может в ней иметь предел движения. Наоборот, необходимо завершить [прохождение] какого-либо расстояния, чтобы достичь этого качества, которое ты можешь предположить здесь, как в качестве начала, так и в качестве конца. Словом, прекращение прохождения [расстояния] определяется посредством движения.

Всякое движение небесной сферы, предполагаемое в какое-либо время, имеет начало и конец. Иногда начало и конец в двух различных точках, которые считаются границей этого движения в этом определённом времени, различаются. Иногда одна точка представляется и началом, и концом. Началом она называется ввиду, того, что от неё проистекает движение, а концом из-за того, что оно в ней завершается и это происходит в точке в двух временах. Словом, нет необходимости считать начало и конец определёнными [вещами], ибо движение связано с началом и концом не с точки зрения того, что они действительно существуют, а поскольку они могут действительно и в каком-либо близком к действительности смысле существовать.

Что касается связи движения с категориями, в которых есть движение, то под этим мы не имеем в виду объект движения, а имеем вещь, возникающую посредством движения, ибо движущееся в момент движения описывается посредством двух вещей, одна из которых – оставляемая, другая – преследуемая вещь, имеющая свои категории, включающие "где", качество, количество, положение и т.д. Поэтому говорят: движение есть в этой категории. Что касается связи движения со временем, то она очевидна и подробно будет объяснена при рассмотрении времени. Относительно того, к какой из категорий относить движение, существуют различные [мнения], однако исследования приводит нас к тому, что оно относится к категории претерпевания.

УПОМИНАНИЕ ПОКОЯ

Следует знать, что между движением и покоем есть только противоположность лишённости и обладания, и не противоположность противодействующих. Следует рассмотреть,

какая из этих двух противоположностей существует между ними. Поэтому мы, не колеблясь говорим, что утверждение о существовании между движением и покоем противоположности, лишённости и обладания довольно спорно. Понятие "движение" здесь использовано в формальном значении, так как говорится, что оно является первым совершенством. Следовательно, движение – это обладание, а покой – лишённость.

Далее мы говорим, что неподвижное тело имеет два состояния, в одном из которых движение отсутствует, а во втором это состояние возникает в какое-либо время в одном определённом месте. Поскольку значение состояния покоя является первым значением, подразумевающим отсутствие движения, которому было бы необходимо второе значение путём подчинения, то в таком случае покой отсутствует. Если состояние покоя является вторым значением, которому необходимо первое значение, то в этом случае покой не является отсутствием движения. Если мы предполагаем, что покой противоположен движению – а это является его формальным значением, – и его определение заключается в том, что он указывает на свою формальность, то тогда даже противоположность между движением и покоем становится противоположностью противодействий. В таком случае мы говорим, что согласно [нашему] утверждению в "Книге диалектики"¹², нам необходимо выводить определение одной противоположности из определения другой. Поэтому сейчас, рассматривая этот вопрос, [говорим], что законы доказательства такого определения не допускают, кроме как с целью проверки, так как когда два определения противоположны, допускается, чтобы покой был обладанием, но когда они не противоположны, то значение покоя не является формальным значением двух существующих значений покоя, а скорее, это значение необходимо для значения покоя, в смысле отсутствия определения. Следовательно, первым делом постараемся найти для покоя описание, которое стало бы нашим утверждением, существующим какое-либо время в одном месте и не противоположным движению, а именно – наше утверждение

является первым совершенством в отношении того, что существует потенциально, поскольку оно и есть таковое.

Далее, если мы захотим вывести путём определения движения определение покоя, то не останется ничего, кроме как сказать, что движение является первым совершенством в отношении того, что актуально существует, поскольку таким оно действительно существует. Это не допускает того, чтобы покой явился необходимым пределом, поскольку покой, будучи таковым, не нуждается в том, чтобы быть первым совершенством, с тем, чтобы затем стать вторым совершенством для вещи. Это допускает умопостижение покоя как покоя. Вещь, не обладающая совершенством, отличается от вещи, обладающей таковым. Или же, когда мы говорим о нём, как о втором совершенстве, поскольку оно существует потенциально, то это также не является определением покоя, ибо условием сущности покоя является предшествование ему движения. Однако необязательно, что когда мы приводим противоположное совершенство, то движение непременно возникает, а покой в таком случае будет отсутствовать. Следовательно, нельзя выводить путём определения движения определение покоя, так как покой противоположен движению.

Вместе с тем, покой выступает как некое [определённое] состояние. Когда мы хотим путем определения покоя вывести определение движения, то говорим, что движение – это то, что не существует какое-либо время в одном месте, в которое проникло время или то, что связано со временем. Ведь движение в представлении предшествует времени. Если мы сделаем свой вывод в другом смысле и скажем, что покой – это бытие в одном "где", и бытие вещи в "до" и "после" находится в нём [покое], а движение является существованием в одном "где" без того, чтобы в нём были "до" и "после", то в этом случае мы используем временное "до" и временное "после", которые соединяются со временем, ведь время соединено с движением. В таком случае движение употребляется в своём значении. Отсюда выясняется, что нет причины для определения движения путём определения покоя, поскольку если определение движения употребляется в значении обладания, то определение покоя будет иметь значение

лишённости. В таком случае противоположность между движением и покоем будет противоположностью между лишённостью и обладанием, где покой есть лишённость, так как всякий вид движения является движением, которому противоположен покой. Рост имеет покой, который противоположен ему. С превращением дело обстоит так же. Кроме того, покой, который противоположен превращению, не является качеством, существующим в какое-либо время, а является покоем в качестве. Так же обстоит дело с покоем, противоположным движению без изменения его качества, который есть не какое-либо время существующее "где", а есть покой в этом "где". Следовательно, покой – это отсутствие движения.

УПОМИНАНИЕ МЕСТА¹³

Большинство [людей] используют термин "место" в двух значениях. Одно из них – это то, в чём вещь пребывает неподвижно. Но они не отличают, является ли это место неподвижным телом или наивысшей поверхностью неподвижного тела. А некоторые другие, немного отличающиеся от большинства, воображают, что оно [место] является наивысшей поверхностью неподвижного тела. Второе значение места – это когда определённая вещь объёмлет и другую вещь, как например, большой кувшин для вина и дом для людей. Словом, место – это то, в чём вещь пребывает, и не находится в подвижности как думают [некоторые], что стрела двигается на месте¹⁴.

Однако для вещи, называемой местом во втором смысле, мудрецы находили некоторые иные характеристики, как например, то, что находится на месте и отделяется от него посредством движения и не вмещает в себя вместе с этой вещью другую вещь, хотя и допускает перемещения этой вещи. Когда они хотели различать сущность этой вещи, то впадали в различные противоречия. Однако три мнения из них достойны рассмотрения.

Согласно одному из них, место – это имеющееся в [телах] расстояние [пространство], равное объёму вещи. Некоторые говорят, что расстояние существует в месте и между концами,

как например, сосуд, содержащий воду, есть постоянное соединенное расстояние, за которым следует помещённое в сосуде тело. Однако в этом вопросе они разделились на две группы. По убеждению одной, невозможно, чтобы он [сосуд] был пустым, незаполненным, скорее, необходимо, чтобы он не был свободным от содержимого. Другая не считает это невозможным, допуская, чтобы это расстояние иногда было бы свободным, а иногда заполненным. Они и являются сторонниками пустоты. Третья группа утверждает, что расстояние – это конец объемлющей поверхности, которая соприкасается с вещью, которую считают находящейся в каком-либо месте, и благодаря соприкосновению и несоприкосновению, занимающей другое пространство. Это является истинным мнением сущности места. Отсюда вытекает, что если место – это то, в чём пребывает только [одно] тело, и недопустимо, чтобы в этом месте с ним было другое тело, то в таком случае оно равно телу, а при [движении] тело может соединиться с ним или отделиться от него, и одному из них соответствует несколько мест. Точно таким же образом эти качества соединены в какой-либо вещи, о месте которой мы вели речь и которая по отношению к месту не состоит из первоматерии, формы или расстояния. Отсюда очевидно, что место не может быть ни пустым, ни полным и оно есть предел объемлющего тела. Следовательно, место – это поверхность, которая находится в конце объемлющего тела.

Место объемлет тело, равнообъемное самому себе и является устойчивым по отношению к движению. Перемещающееся тело может заполнять место, покидать его путём перемещений или достигать его также путём перемещения. Невозможно, чтобы в одном и том же месте находились одновременно два тела. Мы можем в этом смысле добавить другие предпосылки, в которых могут быть соединены вышеупомянутые качества. Следовательно, место есть поверхность объемлемого тела, соприкасающегося с объемлющим предметом. Итак, место и есть эта поверхность. Кроме того, в том или ином месте могут существовать в совокупном виде эти качества. Однако ни первоматерия, ни форма покидаемого расстояния могут

объединять эти качества. Следовательно, место е является вышеупомянутой вещью.

Иногда случается так, что место состоит из нескольких поверхностей, из которых образуется ещё одно место, как например, в случае с водой, находящейся в реке. Иногда случается и так, что некоторые эти поверхности являются движущимися акцидентально, а некоторые из них находятся в состоянии покоя. Имеет место и такое положение, что все эти поверхности двигаются по кругу по отношению к движущимся, как, например, движение одной небесной сферы по отношению к другой; или они двигаются не по кругу, как, например, постоянная вещь, которая находится в той сфере, где движется [другой] воздушный поток. То, что я говорю, необходимо рассматривать в том случае, когда вода находится на своём участке и в середине этого участка воды имеется другая вещь, которую объемлет вода. Итак, мы ещё раньше узнали, что место воды есть глубина кувшина. Следовательно, только она одна является её местом или же она есть внешняя выпуклая поверхность тела, находящаяся в середине участка воды, которая и составляет место воды. Кроме того, если бы вода была в форме, которую объемлет куполообразная поверхность глубина поверхности и две другие поверхности этой формы, то скорее всего, она была бы таковой, что в совокупности создала бы одну поверхность. Ибо совокупность создаёт одно место или же части составляют части места. Следовательно, части в отдельности не могут быть местом для общего, а там, где оно не образуется таким образом, оно не существует, то где только глубокая объемлеющая форма не могла быть местом воды, а скорее совокупность поверхностей, которые соприкасаются с водой со всех сторон, находясь в глубине кувшина с выпуклыми телами, которые находятся внутри воды, есть место воды. Однако здесь происходит то, что не имеется там, а именно: глубокий по форме сосуд объемлет не только одну форму, а объемлет все поверхности, составляющие одну поверхность. Далее дело обстоит иначе, ибо, напротив, глубина подобна пределу независимо от того, является ли она выпуклой поверхностью тела, находящегося в кувшине, или нет. Кроме того, здесь существуют

две равные поверхности, не образующие одну вещь, которая служила бы местом. Что касается этой формы, то она из совокупности соприкасающихся поверхностей создаёт одну поверхность, которая проникает в другую поверхность, и скорее всего из совокупности [поверхностей] создаётся одна поверхность, ибо совокупность бывает одним местом, или части являются частями места. Следовательно, ни одна часть в отдельности не может быть местом общего, и там, где всё не происходит таким образом, не бывает места.

УПОМИНАНИЕ ПУСТОТЫ

Объяснение пустоты заключается в том, что в упомянутых расстояниях она не существует. Это мы говорим тем людям, которые воображали, что это расстояние лишено какого-либо содержания. Необходимо сказать им, что это расстояние [объём] либо существует вместе с расстояниями [объёмами] объемлемого тела, либо нет. Ибо, если не существует оно, то не существует места вместе с помещающимся в нём телом. А если это расстояние существует вместе с расстоянием расположенного в нём тела, то оно либо обретает бытие, которое после объятия тела исчезает, либо нет, но, скорее, сливается с ним и становится тем, что оно есть. Ибо, если они сливаются, то здесь, кроме этого расстояния, больше ничего нет.

Точно так же обстоит дело, если за ними следует другое тело, которое не имело другого расстояния, кроме того, которое принадлежит другому телу. Если оно имеет расстояние, то оно не является расстоянием объемлемого тела. Следовательно, здесь между сторонами объемлющего тела существует место. Другое расстояние, которое существует в помещающихся телах, находится между сторонами объемлющего тела, которое отличается от них по числу. Однако смысл нашего высказывания: "Данное индивидуальное расстояние между сторонами объемлющего тела, разделяющее два предмета", подразумевает определённую непрерывную вещь, поддающуюся между двумя предметами одному делению, на которое можно указать, [как вот на это], всё, что находится между этой и той стороной, есть данное расстояние, и всё, что является расстоянием,

находящимся между этими двумя определёнными промежутками, непременно должно быть единым в качестве индивида и не должно быть чем-либо другим. Всё, что находится между этой и той стороной, является единым расстоянием, а не одним расстоянием и другим расстоянием. Однако расстояние, имеющееся между этими двумя сторонами, существует.

Кроме того, причиной невозможности взаимного проникновения тел не является их акциденция и первоматерия, так как если бы это было по причине первоматерии, то она не принимала бы не только протяжённости тел, но и их объёмности. Следовательно, проникновение невозможно при наличии объёмов. Если здесь существуют соединённые в одну линию объёмы, то было бы невозможным проникновение одних объёмов в другие, о которых говорится, что они находятся в каком-либо месте. Кроме того, если помещающееся тело находится в сосуде и заполняет его, то оно соприкасается с материей этого сосуда и его первоматерией или не соприкасается. Если оно не соприкасается с его материей, то тело, обладающее первоматерией, заполняет сосуд, но не проникает в него, ибо этот объём остаётся таким, как он есть, не совпадая с материей помещающегося тела. Ведь сущность помещающегося тела несвободна от материи. Если этот объём соприкасается с объёмом, находящимся в материи, тогда оказывается, что тело пронизано двумя равными объёмами одинаковой природы.

Известно, что вещи с одинаковой природой, не разделяющиеся на виды и различающиеся признаками своей субстанции, образуют множество не по своим индивидуальным сущностям, а лишь в той мере, в какой образуют множество занимаемые ими материи. Если материя одна, то она вовсе не может образовывать множества, следовательно, нет и двух расстояний. Если мы предполагаем два расстояния [объёма], что в материи образует множество, так как в ней возникают два объёма, свойства которых бывают в материи по причине проникновения одного из двух расстояний, тогда свойство другого объёма будет заключаться в том, что в него проникает другой объём. Но в материи мы находим только один способ

непрерывного соединения и разделения, и если в ней было бы только одно расстояние, то форма была бы данной формой.

Что касается мнения сторонников пустоты, которые считают объём бесконечным и неизбежно определяемым, поскольку пустота между небом и землёй, например, больше, чем между двумя странами, что является одним из свойств количества, то необходимо, чтобы пустота была или каким-либо количеством, или чем-либо ему подобным. Если она есть нечто, обладающей количеством, то является телом, а если обладает количеством, то является непрерывным количеством.

Далее, если в тело входит вода, то либо расстояние пустоты существует вместе с проникновением [тела], либо нет. Ибо, если расстояние не существует, то нельзя его назвать местом, так как местом называется то, что отделяет тело [от пустоты]. Кроме того, если это расстояние будет отсутствовать в случае проникновения полноты, то оно будет существовать, или не будет, пребывая то в потенциальном состоянии, то в действительном, и каждый раз бывая таким, то его способность быть потенциальным означает его существование до его возникновения в природе, допускающей его бытие. Этот вопрос будет рассмотрен в универсальной науке. Следовательно, это является природой, допускающей существование расстояния.

Это расстояние состоит из расстояния и материи, представляемой при помощи этого расстояния. Следовательно, пустота становится обладающей положением, на которое имеется указание, что и является телом. Таким образом, пустота есть тело. Если она будет существовать вместе с взаимопроникновением, то здесь одно расстояние [объём] будет проникать в другое, а это расстояние будет отрицать своё место.

Далее, мы утверждаем, что в пустоте недопустимо существование ни движения, ни покоя, в то время как всякое место имеет движение и покой. Следовательно, пустота не есть место, и в ней нет движения. Так, если бы в пустоте было естественное движение, то оно было бы либо прямолинейным, либо круговым. Невозможно, чтобы в пустоте было [только] прямолинейное движение, так как естественное прямолинейное движение оставляет одну сторону и стремится к другой. Поэтому

необходимо, чтобы естественное оставляемое было противоположно тому, что к нему стремится, в то время как в пустоте не существует различия ни стороны, ни места. Следовательно, в пустоте не может быть никакого движения, ни прямолинейного, ни кругового.

Мы говорим: невозможно, чтобы в пустоте было круговое движение, поскольку свойство пустоты таково, что она нигде не прерывается и не исчезает, однако за ней должно быть бесконечное тело. Это потому, что тело не может иметь протяженности до бесконечности. Ибо, если мы в пустоте предположим движущееся по кругу [тело] и предположим вне движущегося тела по кругу бесконечную линию в какую-либо сторону в пустоте, и предположим движение, охватывающее половину диаметра тела, которое становится параллельным с этой предполагаемой небесконечной линией, то в таком случае линия не прекращается, а неизбежно тянется до бесконечности и не пересекает линию, которую мы предполагали бесконечной. Если мы предположим эту линию вне её параллельности, то она пересекает линию и получает от неё и идёт параллельно с ней. Поскольку параллельность существует после непараллельности, то необходимо, чтобы существовало "теперь", которое является началом времени параллельности, и оно могло разделить время параллельности и непараллельности в одной точке. Отсюда можно предположить в одной точке существование множества точек так, чтобы между ними и центром движущегося тела можно было бы провести множество линий. Нет точки, которую мы предложили бы точкой пересечения двух линий, то есть я имею в виду эту бесконечную линию и предполагаемую линию, которая не имела бы предшествующей ей точки.

Всякому началу предполагаемой линии предшествует начало другой точки, которой также предшествует начало [точки], а это абсурд. Кроме того, если в пустоте есть движение, то оно или происходит во времени или не происходит. Невозможно, чтобы движение происходило вне времени. Ибо всякое движение происходит в какое-либо время и является движением в сопротивляющемся теле, равнозначным движению в пустоте. Следовательно, всякое движение в пустоте равнозначно

движению какого-либо сопротивляющегося тела. Пусть эта позитивная посылка сообразно предполагаемому объекту будет маленькой посылкой.

Далее, мы говорим: всякое движение в пустоте является движением при отсутствии несопротивляющегося тела. И всякое движение при отсутствии сопротивляющегося тела не равнообъемно движению в сопротивляющемся теле. Следовательно, ни одно движение, происходящее в пустоте, не равнообъемно движению сопротивляющегося тела. Пусть будет это большой посылкой, и добавим её к вышеуказанной посылке сообразно взглядам некоторых учёных. Таким образом, во втором определении происходит следующее развитие: всякое движение в пустоте равнообъемно движению сопротивляющегося тела. Ни одно из движений в пустоте не равнообъемно движению сопротивляющегося тела. Из этой посылки следует, что ни одно из движений в пустоте не является движением в пустоте, а это абсурд. Что до того, что в пустоте нет покоя, ибо в пустоте нет различия сторон, то нет чего-либо в пустоте, что оно лучше было бы по природе, или стремилось бы к нему по природе, чем что-либо другое, которое имеется в ней, и нет в ней места, которое было бы предпочтительнее покоя по природе, чем какое-либо другое место.

А что касается сомнения, которое существует в воображении сторонников [существования] пустоты, то оно сводится к тому, что тела разрежаются и уплотняются без взаимопроникновения. Следовательно, разрежение – это отдалённость некоторых частей [вещи] от других частей таким образом, что между ними сохраняется пустота. Уплотнение – это возврат частей [вещи] для заполнения пустоты и устремления разрежения. Это сомнение снимается тогда, когда мы узнаём, что уплотнение бывает двояко.

Первое – это уплотнение, которое существует по совокупности распространяемых в воздухе частей, которые проникают [в тело] с целью вывода воздуха из вещи, где части выполняют функцию уплотнения без того, чтобы здесь были пустоты. Второе – это когда различные части не соединяются, сама материя иногда уменьшается в объёме, а иногда

увеличивается без нужды в пустоте. Эти два [состояния] являются состояниями, происходящими в материи, и ни одно не предпочтительнее другого. Данный вопрос объясняется другой наукой.

Далее они говорят: мы видим, что сосуд, наполненный пеплом, вмещает такое же [количество] воды, и если бы здесь не было пустоты, то дело бы так не обстояло. Кроме того, они говорят: мы видим, как бочку наполняют вином, и далее такое же количество наливают в бурдюки, а далее кладут бурдюк в бочку, в которой умещается бурдюк и вино. Следовательно, если в вине не было бы пустоты, то дело не обстояло бы таким образом. Далее говорят, что растущий развивается путём проникновения в него чего-либо, и нет сомнения в том, что это нечто проникает не в заполненное пространство, а в пустоту. Ответ на это будет таким: вопрос, связанный с питанием, был рассмотрен в своё время. Словом, если питание проникает в пустоту, его объём в момент проникновения и до него остаётся одним и тем же. Кроме того, говорят, что движущийся либо двигается в пустоте, либо в заполненном пространстве. Однако если он двигается в заполненном пространстве, то в таком случае в заполненное пространство проникает иное заполненное пространство, следовательно, он двигается в пустоте.

Далее говорят, что если высосать воздух из чайника и поставить его перевернутым на воду, то в него проникает вода, если чайник заполнен водой, то в него больше ничего не вмещается. Ответ на вопрос состоит в том, что вещь может увеличить или уменьшить свой объём, о чем говорилось в объяснении характеристики разрежения и уплотнения. Эти два свойства происходят естественным и принудительным образом, кроме того, допустимо, чтобы тело согрелось естественным и принудительным способом. Точно так же обстоит дело в отношении увеличения и уменьшения.

Допустимо, чтобы воздух по своей природе требовал большего объёма. Далее, он по необходимости переходит в такое состояние, при котором его объём увеличивается так, что от него по принуждению отделяется какая-то часть без того, чтобы оставить после себя какое-либо тело, скорее, объём отделяемой

части покрывается потоком. Поскольку из-за невозможности пустоты и наличия полноты отделения этой части воздуха невозможно, по этой причине оставшийся воздух только расширяется и вбирает в себя объём всего первого [т.е. отделённого] воздуха. Такое расширение воздуха возможно, и субъект принудительно должен иметь силу, чтобы превратить это потенциальное состояние в состояние действия, то есть он должен притягивать воздух в каком-то направлении, хотя плоскость воздуха в другом направлении продолжает существовать, и принудительное действие субъекта становится причиной расширения и увеличения тела. В таком случае воздух подчиняется субъекту и будет сильно расширяться из-за необходимости притягивания воздуха путём высасывания. Когда будет прекращено высасывание воздуха из кувшина, то он возвратится в своё первоначальное состояние, и вода¹⁵, которая была высосана, займёт прежнее место, от которого начиналось её движение.

УПОМИНАНИЕ ВРЕМЕНИ

Время возникает с началом всякого движения, существуя с какой-то конкретной скоростью, медлительностью и с концом [движения]. Для конкретного расстояния имеется возможность прохождения именно этого расстояния этим же движением; большего расстояния, чем это расстояние, посредством быстрого движения; меньшего расстояния путём более медленного движения, так что разница в прохождении этого расстояния вовсе не определяется скоростью. Следовательно, здесь появляется определённая возможность соотношения движения и скорости.

Если мы предполагаем преодоление половины расстояния и предполагаем какую-либо скорость, то появляется другая возможность [прохождения] между началом этого расстояния и его концом, то есть, здесь так же возможно преодоление половины расстояния. Точно таким же образом, между этим концом предполагаемой половины имеется "теперь" и между первым концом расстояния также имеется возможность прохождения половины расстояния. Следовательно, возможность [прохождения расстояния] к половине и от половины равномерным, и каждая из них или является или не является

половиной предполагаемой возможности, или она не разделяется в то время, как всякое разделение есть величина или нечто, имеющее величину. Следовательно, эта возможность несвободна от какой-либо величины.

Итак, величина всякого разделяемого есть либо величина расстояния, а если это так, то равнообъёмные по расстоянию [вещи] равномерны в этой возможности, что на самом деле не так, либо оно [разделяемое] есть величина движущегося. Если это так, то большее движущегося было бы большим по величине, что на самом деле не так, либо оно есть само движение, или скорость, или медлительность, что фактически не так, поскольку движение представляет собой движение, случившееся в движении, согласующиеся по скорости и медлительности, но не согласующиеся по величине. Доказано, что существование какой-либо величины возможности совершения движения между предшествующим и последующим происходит таким образом, что эта величина требует определённого расстояния, и она не является ни величиной движущегося, ни величиной расстояния, ни самим движением, ни существующей самой по себе. Отсюда следует, что это количество преходяще и находится в каком-либо субстрате [объекте], или является обладателем какого-либо субстрата, и недопустимо, чтобы его первый субстрат [объекта] был материей движущегося, так как если дело обстоит так, то материя при его помощи становится большей или меньшей [по величине]. Следовательно, оно [количество] в субстрате существует при помощи другой формы, которая непостоянна, как чернота и белизна, в противном случае величина этой формы образовала бы в материи вторую постоянную величину. Итак, оно является непостоянной формой, которая и является движением из одного места в другое, из одного положения в другое, между которыми существует расстояние, более достойным из которых мы считаем движение по положению, а это и называется временем.

Движение соединяется со временем, чтобы разделяться на предшествующее и последующее. Предшествующее движение - это то, которое предшествует в расстоянии, а последующее - последует в расстоянии. Однако предшествующее и

последующее в движении не могут существовать вместе. Предшествующее и последующее в движении имеют особенность, которая объединяет их в том смысле, что они принадлежат движению, а не расстоянию. Предшествующее и последующее исчисляются движением. Следовательно, движение с его частями находится после предшествующего и последующего. Поскольку движение в расстоянии имеет предшествующее и последующее, то оно имеет число. По отношению к расстоянию оно также имеет величину. Отсюда, время есть это число и эта величина. Следовательно, время есть число движения, когда последнее разделено на предшествующее и последующее в отношении расстояния, а не в отношении времени. Уже установлено существование возможности какого-либо разделяющего, которое является величиной какого-то абсолютного движения. Ничто не существует в какое-то время или в каком-либо месте так, чтобы возникла необходимость существования времени в какое-либо время. Это время само по себе является какой-то величиной того, что имеется в его сущности. Предшествование и последование являются оными благодаря существованию предшествующего и последующего. Кроме того, во времени самом по себе что-либо одно бывает “до” или “после” чего-либо другого, тогда как в прочих вещах одни их части оказываются “до” или “после” в том смысле, что “до” – в них происходящее, а “после” не существует вместе с “до”, поэтому они существуют в вещах не сами по себе, а по причине их существования с какими-либо частями этой величины. Те из этих частей, которые соответствуют какой-либо части, являются “до”, которому предшествует “до”, которое и есть “до”, а те, которые соответствуют какой-либо части, являются “после”, о котором говорится, что оно является “после”.

Известно, что эти вещи являются изменяющимися, так как то, что не изменяется, не является ни минувшим, ни грядущим, и эта вещь не может быть “до” и “после” ради другой вещи, поскольку если дело обстоит таким образом, то “до” стало бы оным по причине его существование до другой вещи. В конце концов, эта вещь или другая вещь, к которой доходит постепенность, сама по себе является вещью, обладающей “до” и

“после”, то есть она сама по себе существует до соотнесённости, при помощи которой существуют “до” и “после”. Она и является той вещью, в которой первичным образом имеет место возможность изменения вышеупомянутым способом, а в другой вещи имеет место возможность изменения благодаря времени. Следовательно, эта вещь по своей сущности является определённой величиной вышеупомянутой потенции. Это и есть время, которое мы сделали именем значения, которое само по себе является величиной потенции. В ней первичным образом происходит вышеупомянутая потенция. Эта величина сама является тем, что по причине своей сущности принимает соотнесение “до” и “после”, более того, она разделяется на “до” и “после”.

Что касается вещи, которая обладает этим значением, то иногда она существует как “до”, так и “после”, а иногда совместно, и она остаётся самой собой. Что касается вещи, которая по своей сущности является “до” и “после”, хотя её относительно называют “до” и “после”, недопустимо, чтобы она оставалась той же самой вещью, так что после того, как она была “до”, она не стала “после”. Ведь значение, при помощи которого вещь становится “после”, возникает после того, как устраняется “до”. Вещь, обладающая “после”, остаётся существовать с устранением “до”. Время выражает эти [существования] “до” [чего-либо] и “после”. Ведь во времени по причине его сущности происходит “до” и “после”. Это мы и называем “временем”. Отсюда явствует, что время само по себе есть величина указанной потенции, так как известно, что время не является конституирующим свою сущность, поскольку оно, не имея постоянной сущности, возникает и устраняется. И существование всего того, что подобно этому, зависит от материи.

Время в материи опосредствуется движением. Так, если бы не было изменения, то не было бы ни времени, ни “до”, ни “после”. Как же им быть “до” и “после”, если не возникает что-либо одно, а затем другое? Ведь то, что представляет собой “до”, как таковое, исчезает только потому, что возникает нечто представляющее собой “после” как таковое. Если не существует разницы и изменения таким образом, чтобы что-либо исчезало, а

что-либо другое возникало, то не будет иметь места что-либо “после”, если не будет чего-либо “до”, и не может существовать что-либо “до”, если не будет чего-либо “после”. Следовательно, время существует всегда при постоянно обновляющемся состоянии, в противном случае, времени не было бы вообще. В самом деле, если бы что-либо просуществовало мгновение, не возникло бы возможности обновления вещей. Если же такая возможность была, то между ними были бы “до” и “после”. В самом деле “до” и “после” существуют при постоянно обновляющемся состоянии в то время, как мы предположили, что здесь не существует обновления состояния, а это абсурд. А если бы не существовало возможности постоянного обновления состояния между ними, то они бы сомкнулись друг с другом. Их смыкание бывает либо постоянным, и если оно бывает таковым, возникнет то, что мы предположили невозможным, что будет рассмотрено ниже. А если бы [их смыкание] было непостоянным, то мы вернулись бы к началу нашего рассуждения. Необходимо, чтобы во времени обновление состояния происходило либо контактно, либо постоянно. Ибо, если нет движения, то нет и времени, поскольку, как было сказано, время – это величина и оно связано с непрерывностью движения и расстояния. Следовательно, оно неизбежно имеет воображаемый отличающий признак, и именно он называется “теперь”. Это “теперь”, разумеется, не существует действительно относительно самого времени, и не из-за нарушения непрерывности времени, а существует оно для того, чтобы сила воображения представляла его [“теперь”] как некий отличающий признак в прямой протяжённости. А отличительный не может действительно существовать в прямой протяжённости, поскольку он является таковым. В противном случае, отличающий был бы бесконечным, а он может действительно существовать, если будет каким-либо образом нарушена непрерывность времени, которая не может быть нарушена, и вот почему. Если бы она была нарушена в начале, то должно было бы существовать время, у которого не было бы “прежде”. В этом случае оно должно было бы не существовать, а затем существовать. Но всё, что не существует, а затем существует, существует после небытия. Это

значит, что его небытие предшествует его бытию. Следовательно, у него по необходимости должно быть “прежде”, причем это “прежде” должно быть чем-либо иным, нежели вышеуказанное бытие. Итак, вещь, о которой говорится, что это [определённый вид] “прежде”, имеется налицо, и это время существует в наличии, и не переносится благодаря появлению “теперь”.

Следовательно, раньше этого времени существует какое-либо другое время, с которым оно связано, где первым является “до”, а вторым “после”, а этот разделитель соединяет их, что невозможно.

Точно так же обстоит дело, если предположить, что это “теперь” находится в конце, то “после” или могло бы существовать, или нет. Следовательно, необходимосущее выше всякой [возможности] лишённости бытия, но и абсолютная возможность также не устраняется. Если после “теперь” ничего не может существовать, то необходимосущее также не должно существовать, ибо невозможно, что-бы какая-либо вещь существовала вместе с небытием того, к чему восходят все вещи. Значит, у него должно быть “после”, а само оно должно быть “до”. Следовательно, “теперь” не есть разделитель. Ибо время по отношению к себе понятия “теперь” действительно не имеет, а имеет его потенциально, то есть близко к действительной силе. Это означает, что время предрасположено к тому, чтобы в нём всегда предполагалось “теперь” либо путём предположения, либо путём осуществления движения как общей границы, которая не разделяет, как, например, в случае с началом восхода и заката [солнца] и т.д. Это в действительности не является возникновением разделителя в самой сущности времени, а в его соотношении с движением, как это имеет место в соотнесённых отличающих признаках других величин. Например, часть тела путём параллельности и касания отделяется от другой части или предполагается, что в ней действительно образовалось какое-либо отделение само по себе, но это отделение проявляется соотносительно с другим [телом].

Если же это “теперь” происходит в этом отношении, то в его отсутствие время находится после него, ибо в противном случае не может быть существования времени во времени и

существование “теперь” в каком-либо “теперь”. Их исчезновение не находится в них самих, они полностью исчезают. Лучше было бы сказать, что “теперь” исчезает под влиянием времени, которое следует за ним. Для его исчезновения нет начала исчезновения, которое было бы первым “теперь”, в котором исчезло бы “теперь”, а между его бытием и исчезновением есть разделитель, который представляет собой нечто иное, чем его существование, и не больше.

Далее, ты узнаешь, что движущийся, находящийся в состоянии покоя возникающий и исчезающий, не имеют первого “теперь”, в котором бы они, передвигаясь, находились в состоянии покоя, возникали бы и исчезали, ибо время потенциально делится до бесконечности. Необходимо выяснить: есть ли общее “теперь” между двумя временами, при том, что одно из них имеет одно состояние, а другое – другое? Итак, может ли быть предмет свободным от этих двух состояний или же он будет иметь одно из них, ибо если бы эти две вещи имели противоположную силу, как, например, в случае соприкосновения и несоприкосновения, существования и несуществования и т.д., то невозможно было бы, чтобы вещь в предполагаемом “теперь” одновременно находилась в двух состояниях. Следовательно, она неизбежно должна находиться в одном из этих состояний, о, если бы мне знать в каком из них!

Далее мы говорим, что в существующей вещи обязательно пребывает нечто такое, что ее уничтожает. Эта существующая вещь, или может появляться в какое-либо “теперь”, и если взглянуть на её существование, то её состояние одинаково и не нуждается в том, чтобы соответствовать какому-либо отрезку времени. Не всё то, что есть таковое, будет описано в общем отличительном признаке, как, например, соприкосновение, квадратность и другие состояния, существование которых одинаково в каждом “теперь” [времени]. Или же вещь будет находиться в противоположном этому качестве и существовать в какое-либо иное время, а не в “теперь”. Следовательно, она будет существовать только во втором времени, где разделяющее “теперь” между ними существовать не будет.

Итак, в “теперь” имеются противоположащие, как, например, прерывание несоприкосновения и отсутствия движения. Отсюда явствует, что изменяющаяся вещь является движущейся, если она движется. Так же обстоит дело с соприкасающимися вещами. Следовательно, разделяющее “теперь” находится между двумя временами, так как оно не имеет начала разделения и движения. В нём имеются соприкосновения и отсутствие движения. Это “теперь”, упомянутое нами, взято в том смысле, что в нём заключено время движения после возникновения другого “теперь”. Кроме того, думают, что оно существует в другом качестве, а именно оно является также и стороной движущегося.

Пусть какая-либо точка своим движением и направлением движения создаёт какое-либо расстояние или какую-либо линию, более того, допустим какую-либо подобную линию. На этой линии предположим точку, которая не создаёт линию, а представляет нечто разделяющее её. Видимо, во времени и в движении, в смысле преодоления, существует нечто, при постоянстве чего возникают время и движение в смысле преодоления, и после появления времени предполагается в нём нечто. Ибо движение подобно точке, входящей в линию, но не создающей её, оно представляется возникшим после возникновения линии. Следовательно, линия представляется перемещающейся, благодаря непрерывному движению на непрерывное расстояние, которому соответствует непрерывное время. Перемещающейся является непрямолинейная сторона, создающая непрерывное движение, которому в пространстве соответствует точка, а во времени “теперь”. Под словом “создающая” я не подразумеваю линию расстояния, которую преходящий оставляет после себя, не движение в смысле преодоления, которое давно завершилось, и не время, которое давно прошло. Я имею ввиду перемещающееся с тем, что от него неотделимо. Следовательно, во времени всегда вместе с перемещающимся бывает “теперь” при преодолении того, что в действительности является движением, пока вещь, двигается, а в расстоянии имеется предел.

Что касается точки или чего-либо другого, то каждое из них является пределом. Поэтому правильно говорить, что “теперь”

своим движением создаёт время, и это “теперь” не является тем, что предполагается между двумя отрезками времени, которые оно связывает. Как, например, когда мы говорим, что точка, двигаясь, создаёт расстояние, но это не является той точкой, которая представляется в расстоянии. Если передвигать перемещающееся на какое-либо расстояние, то оно создаёт движение.

Кроме того, проходящий имеет вышеупомянутое значение, и если “теперь” будет продолжаться в начале и в конце движения, то возникает время. После времени из таких границ возникают определённые предшествования и последования. Как, например, точка существует в линии и так, что является общей двух соединяемых линий. Истинное исчисляемое – это такое исчисление, при котором вещи придаётся единство, а путём повторения – множество и число. Описанное нами выше “теперь” определяет время, так как если не будет “теперь”, то нельзя считать время путём предшествования и последования.

Предшествование и последование определяют время в другом плане, то есть они являются частями времени и их части существуют благодаря существованию “теперь”. Коль скоро предшествующее и последующее является частями времени, то каждая его часть имеет свойство разделяться, как, например, части линии. Следовательно, “теперь” предпочтительно своим единством, возникает, а единство благодаря исчислению. Стало быть, “теперь” исчисляется так, как исчисляется точка, которая не разделяется. А движение исчисляет время, чтобы благодаря расстоянию создавать предшествование и последование. Следовательно, “теперь” исчисляет движение посредством числа предшествований и последований. Отсюда следует, что движение исчисляет время таким образом, что по причине расстояния создаёт части количества времени, каковыми являются предшествование и последование. Время же исчисляет движение, поскольку само является его числом. Примером может служить то, что существование людей выступает причиной существования их числа, например, что их десять. То, что их десять, делает людей не существующими, а исчисляемыми, то есть предметами, имеющими число. Человеческая душа сама

создаёт число десять, таким же образом движение исчисляет время. Если бы не было движения, которое создаёт предшествование и последование по расстоянию, то у времени не было бы числа. Однако время исчисляет движение двумя способами: первый способ заключается в том, что оно [время] делает его [движение] чем-то, имеющим меру, а второй указывают количество посредством имеющегося у времени предшествующего и последующего. Указание на количество иногда бывает таким, что то, чем меряют, указывает на изменяемое, а иногда таким, что изменяемое указывает на то, чем меряют. Так, иногда расстояние указывает на меру движения “два фарсанга¹⁷ ходьбы”, а иногда движение указывает на меру расстояния и говорят: “На расстоянии полёта стрелы”. Но одно указывает на величину [расстояние], а другое на величину движения.

Время по своей сущности не является постоянным, и можно утверждать, что оно долгое или короткое, так как, по сравнению с предшествующим оно является числом. Также можно утверждать, что его мало или много, так как время по сравнению с предшествованием и последованием, есть число. Точно так же обстоит дело с движением. Поскольку движение бывает непрерывным и прерываемым, то говорят, что оно имеет свойства непрерывности и прерываемости. Однако эти свойства имеются и у других [вещей].

Одно из свойств движения заключается в том, что оно бывает быстрым и медленным. Нельзя полагать, что время только воображаемая вещь. Сущность времени заключается в том, что его можно постичь силой воображения, более того, оно реально существует в конкретных вещах, а именно: движение, в котором есть скорость и медлительность, обладает их количеством, с помощью которого оно может проходить расстояние, двигаясь быстро, но оно может преодолеть его двигаясь медленно. Следовательно, такие возможности возникают таким способом, о котором мы упомянули выше.

Однако время обладает более неустойчивым существованием, чем движение, и оно принадлежит такому роду вещей, которые могут существовать соотносительно с какими-то

вещами, а не с точки зрения того, что оно является соотнесённым временем, скорее, ему необходима соотнесённость. Если будет существовать соотнесённость, то где бы существовать вещам и границам расстояния. Вещь, имеющая свойство соответствовать расстоянию или проходить его, или быть величиной его прохождения, будет существовать каким-либо образом. Ибо, если хотят установить для времени какое-либо существование не этим путём, а путём получения, то оно может существовать только в воображении.

Сомневаясь, кто-либо может сказать, что если время имеет какое-то существование, то необходимо, чтобы за каждым движением следовало бы время, и, следовательно, всякое движение влечёт за собой время. Ответ на это будет таким: из нашего высказывания о том, что время является величиной всякого движения, логически не вытекает, что сущность времени связана со всяким движением. Это означает, что не обязательно, чтобы то, что определяет вещь, появилось в ней и существовало бы с её помощью. Часто бывает так, что что-либо соответствует вещи или не соответствует ей. Кроме того, из нашего утверждения, что сущность времени акцидентально связана с движением, логически не следует, что сущность движения акцидентально связана со временем, и сущность движения заключается в том, что в нём возникает время. Отсюда следует, что если сущность одной вещи связана с природой какой-либо другой вещи, природа этой первой вещи должна происходить из [природы] второй.

Относительно времени мы доказали, что оно связано с движением и является его формой [состоянием]. Относительно движения скажем, что оно измеряется временем, следовательно, из этих [предпосылок] логически не следует, что всякое движение связано со временем, соотносимым с ним, и не всё, что определяет что-либо, происходит во времени. Так что для всякого движения необходимо время, которое проистекает именно по причине его сущности.

Напротив, движения, которые имеют начало и конец, не связаны со временем. Тогда, каким же образом время может быть

связано с движением? Если бы оно было связано с ним, то оно отделялось бы двумя “теперь”, тогда как мы этого не допускаем.

Да, время существует благодаря движению через такое качество, с помощью которого существование связи времени с движением определяет и другие движения. И особенность этих движений заключается в том, что в них допустимо постоянство [непрерывность], но стороны в них актуально не обновляются. Именно эти движения и являются круговыми. Кто-то, сомневаясь, здесь может сказать, что если этого движения не существует, то исчезает время, так что другие, не похожие на это движение, будут без предшествования и последования. Также говорят, что тело, чтобы быть движимым не нуждается в движении другого тела, которому соответствует [какое-либо] время. Тело может двигаться и не иметь времени. Ответ на этот [вопрос] будет дан позже, но если не будет кругового движения круглого тела, то у прямого тела не будет сторон, а если не будет прямолинейного естественного движения, то будет принудительное движение. Таким образом, невозможно, чтобы существовали прямолинейные движения и не существовали круговые, хотя эти и не принадлежат к области невозможного. Следовательно, возможность всякого абсурда не может быть невозможной, более того, невозможность большинства невозможного выявляется только путём доказательства. А если мы опираемся на определённое время в воображении, которое не отрицает силы суждения, то мы обращаем внимания единственно в том, что допустимо в бытии. Следовательно, существование времени связано с одним движением, которое определяется временем, определяющим также и другие движения, существование которых невозможно без движения, создающего своим движением время, не иначе, как в воображении.

Это подобно тому, как величина, присущая определённому телу, измеряет само тело и прютивостоит телу, располагаясь параллельно ему. Нет необходимости использовать одно и то же измерение по отношению к телам, так чтобы оно было связано с двумя телами. Одно может быть связано с одним из них и может также измерять другое тело, которое не связано с первым. Непрерывность движения двойка: первая – в отношении

расстояния, а вторая – в отношении времени. Что касается движения, то оно по своей сущности есть не что иное, как какое-либо совершенство в потенциальности. В сущность этого значения не входит непрерывность, или оно измеряется так, или оно [движение] делимо. Следовательно, непрерывность движения – это нечто привходящее в него, и оно необходимо движению в отношении расстояния или времени. Словом, в случае, если мы не принимаем во внимание расстояние или время, то не можем наблюдать непрерывность движения. Ведь когда нам необходимо упомянуть расстояние или время, то ближайшей причиной непрерывности времени выступает обуславливаемая расстоянием непрерывность движения, а не непрерывность одного только расстояния. Если движение непостоянно, то оно не становится причиной постоянства времени, и эта непрерывность, в данном случае непрерывность времени и является причиной порождения времени. Отсюда выходит, что время не является чем-либо таким, в чём возникает специальная непрерывность, оно само является этой непрерывностью. Далее, если что-либо сделает время непрерывным в смысле порождения сущности его, то тогда непрерывность возникла бы во времени, а не в сущности времени.

Что касается смысла нахождения вещи во времени, то вещь может существовать только во времени, чтобы иметь значение предшествования и последования, а таковым является либо движение, либо обладающее движением.

Что касается движения, то предшествование и последование исходят из его сущности. Что касается движущегося, то оно возникает из движения, поэтому о видах, частях и пределах вещи говорят, что они находятся в вещи. Предшествование, последование, “теперь”, “часы”, “месяцы” – о них говорят, что временны. “Теперь” во времени подобно единице в числе. Предшествование и последование подобны чётному и нечётному в числе. Часы и дни подобны двум, трём и десяти в числе, а движение во времени подобно акциденциям, рассматриваемым в десятеричности. Движущееся же подобно субстрату в акциденциях, десяти в десятеричности.

Что касается покоя, то он не представляется всегда постоянно устойчивым, а представляется таким, что в нём по причине двух движений акцидентально возникают предшествование и последование. Таким образом, именно покой и является отсутствием движения, которому свойственно двигаться. Покой в каком-то смысле имеет значение предшествования и последования, следовательно, он акцидентально входит во время.

ОБЪЯСНЕНИЕ НЕОБХОДИМЫХ ЗНАЧЕНИЙ¹⁸

Объяснение вопроса акцидентальных признаков, происходящих в естественных телах и их состояниях, заключается в том, что они состоят из последовательности, соприкосания, смежности. Последовательными будут два таких предмета, между которыми нет ничего, что принадлежало бы к их роду. Соприкасающимися бывают такие два предмета, края которых находятся вместе в положении, на которые можно указать. Смежными бывают два соседних соприкасающихся предмета. Проникающими [предметы] бывают тогда, когда нечто одно входит в нечто другое, и они принимают в себя друг друга целиком. Примыкающими бывают такие два соприкасающихся предмета, которые примыкают одно к другому при перемещении так, что отделить их друг от друга бывает трудно. Непрерывное есть омоним, имеющий три значения. О двух из этих значений говорится в соотнесении с чем-либо другим. Что касается одного из этих двух значений, то оно означает две вещи, из которых одна перемещается, и вместе с ней будет премещаться другая вещь, и движение их будет взаимосвязанно. Это значение непрерывности более общее, чем упомянутое раньше. А что касается одного непрерывного, сказываемого само по себе, безотносительно к [другой вещи], то оно означает, что можно предположить вещи, части которых есть непрерывность в значении, то в нём можно предположить части между которыми есть непрерывность [связь] в первом смысле, т.е. между ними общая [граница], которая служит концом одной и другой части. Этот вид непрерывности описывается тем, что всегда относится к вещи делимой. Данное значение непрерывности не является конституирующим

значением её сущности, так как оно даёт понятие непрерывности лишь иногда, но это значение постигается взаимопроникновением, сжатостью, непрерывностью, совместностью и одинокостью не путём доказательства. Это значение является сопутствующей акциденцией непрерывности, которая необходима для выяснения его бытия в непрерывности в среднем термине. Совместимость сказывается по отношению к двум предметам, которые в своей совокупности находятся в одном месте. Каждый из этих двух предметов имеет свое собственное место, которое является частью их общего места. Две вещи не могут быть [одновременно] в одном месте, так, чтобы место каждой из них было бы идентично месту другого, в то время как они могут быть совместны во времени. Это невозможно по отношению к месту, но возможно по отношению ко времени. Одинокость сказывается относительно вещей, каждая из которых имеет своё собственное место, которое не является общим для других вещей.

УПОМИНАНИЕ СОСТОЯНИЯ ТЕЛ, ДВИЖЕНИЯ И ВРЕМЕНИ

Относительно делимости скажу, что телам свойственно всегда делиться до тех пор, пока деление не завершается неделимыми частицами, [которые] более не делятся. Это объясняется тем, что если деление завершилось бы неделимыми частицами, то одна частица из тех существующих частиц в непрерывном теле была бы соотнесена с другой частицей путём взаимопроникновения или касания, или непрерывности. Эта частица либо целиком принимает в себя другую частицу, либо нет. Если эта последняя принимает её в себя целиком, то тогда мы имеем проникновение. Если она принимает её в себя не целиком, то каждая из этих двух частиц будет принадлежать чему-то, что принимает другую частицу, или же они принимают в себя что-то общее. В первом случае – это соприкосновение, а во втором – непрерывность, ибо соотнесённость между ними является соотнесённостью проникновения, между ними здесь нет непрерывности, ибо эти частицы путём соединения и проникновения не увеличиваются.

Если соотнесённость есть непрерывность или примыкание, то каждое из них делится на нечто принимающее, что принимает в себя другую при её помощи, и на нечто принимающее, что при её помощи не принимает в себя другую. Следовательно, [тело] делимо, хотя оно предполагалось неделимым.

Если [два типа] соприкасаются друг с другом, тогда третье тело будет соприкасаться с одним из них, [и] это третье, по причине соприкосновения с этим телом, не может соприкасаться с другим. Каждое из этих трёх тел в этом соприкосновении встречается с таким телом, с которым другое не соприкасается. Следовательно, телоделимо, хотя оно предполагалось неделимым. Поэтому если жестянку, изготовленную из неделимых частиц, освещает солнце или же с одной из её сторон наблюдается какое-то состояние, которое не может происходить из-за освещения солнца на другой её стороне, то сторона, которая освещается солнцем, не является той стороной, которая не освещается им. Если кто-то может видеть одну сторону и другую сторону, будучи стоящим с одной стороны жестянки, [и будто] может видеть жестянку с её освещаемой стороны, то это невозможно. Из этого не вытекает, что освещаемая сторона, из [двух сторон], не является другой [по качеству], следовательно, она делима. Из всего этого выясняется несостоятельность мнения тех, кто считает что частица неделима. Например, если предполагается треугольник с прямым углом и что каждая из его сторон окружена прямым [углом], состоящим из десяти неделимых частиц, то хорда составит корень из двухста. Однако такое число либо невозможно, либо состоит из целых и дробных чисел, следовательно, частица делима, хотя она предполагалась неделимой. Или если предполагается квадрат, состоящий из этих шестнадцати частиц, где каждая его сторона составляет четыре [стороны], то в таком случае диаметр также состоял бы из четырёх частей, но это невозможно, поскольку диаметр всегда бывает больше. Или, если предполагается установить какое-то мерило на земле напротив Солнца, тень которого падала бы на землю, то теневая сторона непременно двигалась бы по движению Солнца. Далее, если мы предполагаем, что Солнце

двигает какое-то тело на небе, то необходимо, чтобы теневая сторона двигалась с меньшей скоростью, чем само это тело, как это известно. Следовательно, тело делимо, хотя оно предполагалось неделимым.

Кроме того, если мы проведём прямую линию, например, ходы через прямой угол так, чтобы эта хорда образовала корень совокупности квадратов двух сторон, каждая из которых составляет число пять, то этот корень будет равен пятидесяти. Далее, если мы продолжим эту хорду с одной стороны, то вторая сторона неизбежно будет меньше [первой] части. Или, если будет продолжена какая-то часть так, чтобы одна сторона образовала шесть частей, а вторая – четыре части, то возникает хорда корня пятьдесят два, а она на самом деле является корнем пятидесяти. Следовательно, частица делима, хотя она предполагалась неделимой.

Далее, если мы предполагаем в жернове прямую линию и что жернов совершает круговое движение, а также предполагаем, что эта линия составляет часть периферийной окружности, которая и есть ось [жернова], то необходимо предположить какую-то точку, которая, приближая центр жернова, двигается меньше, [чем] его части. Отсюда явствует, что если периферийный круг будет перемещаться меньше, [чем] часть, то по всему кругу они будут проходить одинаковое расстояние, а это невозможно, поскольку периферийный круг, который находится в этой стороне, больше. Следовательно, частица делима, хотя она предполагалась неделимой.

Далее, если мы предполагаем две линии, каждая из которых состоит из четырёх неделимых частей, и если мы их предполагаем параллельными и соответствующими и предполагаем в них две движущиеся частицы, одна из которых движется справа налево, а другая обратно при условии, чтобы они сначала находились близко друг к другу, а затем разошлись, то они либо встретятся и каждая из них будет находиться в одной из крайних [частиц], однако такого не может быть, так как каждая из них встретится с другой частицей, однако подобной встречи не может быть. Ибо, если каждая из них будет находиться во второй частице, то они уже не смогут встретиться,

или каждая из них будет находиться в третьей частице, однако подобной встречи не может быть. Следовательно, они в таком положении расходятся. Поэтому их встреча должна произойти так, чтобы каждая частица двух движущихся частей, вторая и третья частица каждой из двух линий делилась вместе с первой. Следовательно, частица делима, хотя она предполагалась неделимой.

Далее, если мы предполагаем линию из трёх неделимых частиц и предполагаем, что каждая из двух частиц движется от одной из двух крайних линий к другой линии, а другая в обратном порядке, пока каждая из них не встретит другую, то их встреча состоится таким образом, что каждая из них будет покоиться в средней частице, которая перемещается к этой середине благодаря своему совершенству. Следовательно, эти две частицы становятся взаимопроницающими и каждая из них проходит какое-то [расстояние], чтобы встретиться. Если дело обстоит таким образом, то средняя частица, две крайние частицы и две движущиеся частицы делятся. Мы не утверждаем, что частица не делится ни на половину, ни на треть, ни на четверть и т.д., а также то, что тело не может делиться на половину бесконечно. Следовательно, из этого утверждения не вытекает, что тело всегда потенциально может делиться до бесконечности. Мы думаем, что телу необходимо возникновение половины и другой половины для появления бесконечности в действительности. Даже если движущийся желает пройти какое-то расстояние, то он нуждается в преодолении половины расстояния, а до этого половины половины. Он также может обойтись без бесконечного времени, чтобы преодолеть бесконечные половины. Следовательно, движущийся никогда не может пройти расстояние и очень быстродвигающийся не догонит очень медленнодвигающегося. Напротив, мы говорим, что преодолимое расстояние может быть преодолено только подобными себе конечными сторонами, которые бесконечно делятся на половину в воображении и при предположении того, что их часть не имеет ни бытия, ни действия.

Далее, из этого утверждения не следует, что если бы тела делились на части до бесконечности, то горчичное зерно во время

деления было бы равно частям большой горы. Следовательно, мы говорим, что их части не делятся, а если они делятся вместе, то образуемые частицы равны в числе, и каждая частица горчицы будет меньше, чем частицы большой горы, и это будет продолжаться до бесконечности. А что касается возможности покрытия частями горчицы всей земли, то это является воображаемым делением.

Ты можешь ответить на их утверждение, что сомнительно, чтобы движение шара на гладкой поверхности происходило путём соприкосновения одной точки с другой, в результате которого образуется линия. Мы ответим им здесь следующим образом: из этого не следует, что шар соприкасается с поверхностью и линией, в каком бы состоянии не находилась точка, а они – в состоянии постоянства точки. Точно так же обстоит дело по отношению к покою. Точки при движении соприкасаются с линией во время движения, и, разумеется, линия актуально соприкасается с точкой только лишь в силе суждения, так как линия только воображается с воображением “теперь”, а “теперь” может существовать только лишь в действительности.

Приемлемо здесь то, что шар соприкасается с поверхностью в одно мгновение не иначе, как в одной точке. Но из этого вовсе не следует, что движение перемещается из одной точки в другую, соседнюю с ней, от одного “теперь” к другому. Если бы это было принято, то не было бы нужды и говорить о шаре и поверхности. Верно то, что здесь существуют соприкасающиеся точки, из которых составляется линия, и соседние “теперь”, из которых образуется время. Но если было принято, что шар соприкасается с поверхностью, если бы противоречие в отношении того, что движение и время не составляются из неделимых частиц, было подобно противоречию в отношении расстояния, и если бы из соседство точек следовало бы соседства мгновений, то использовать это при установлении существования последовательного ряда точек означало бы допущение постулирования первого искомого. Ибо данное доказательство обретает полный вид только тогда, когда говорят: в таком состоянии точка соприкасается с поверхностью в какой-либо одной точке, а в другом – в какой-либо другой, когда

состояния являются соседними. Следовательно, точки – соседние. Если это не было бы сказано, то опровержение не было бы полным. Мы решим этот [вопрос], если станет известно, что в части движения, покоя, расстояния не существует того, что является первой частью движения, покоя и расстояния. Мы думаем, что тела при чрезмерном уменьшении сжимают свою форму до такой степени, что всякое незначительное естественное тело всё ещё сохраняет свою форму. Если тело будет разделено, то исчезнет его форма. Это утверждение неправильно, поскольку разделение и предполагаемое деление не обязательно приводит к этому. Разделение и предполагаемое деление также не делают необходимым именно это деление. Однако, очень маленькая величина быстро подвергается изменению из-за воздействия внешних факторов, и её форма полностью уничтожается, и она не будет обладать маленьким объёмом. Уменьшение объёма вследствие быстрого претерпевания обусловлено внешними факторами.

Я говорю, что [внешние] факторы, которые существуют в смысле прохождения [расстояния], также потенциально разделяются до бесконечности и подчиняются расстоянию. Ведь в самом деле, если эти факторы завершились бы неделимым движением, то их расстояния были бы неделимыми, что невозможно, или они были бы делимыми. Следовательно, движение от своего начала и до места деления медленнее, чем движение от начала и до своего конца. Таким образом, предполагаемое движение делится в то время, как предполагалось, что оно не делится. Однако предрасположение времени к делимости в воображении присуще ему самому, так как время само есть величина. С актуально не конкретизируемым временем это бывает благодаря движению. Разница между наличным актуально, с одной стороны, и воображаемым и предрасположенным, с другой, заключается в том, что величины сами по себе готовы и предрасположены к тому, чтобы делиться в воображении до бесконечности. Ибо величины сами по себе созданы так, что в них возникает мнимое деление до бесконечности, и они предрасположены к нему. А что касается

того, что вне величины становится актуальным, то это происходит по другой причине.

Далее, рассмотрим деление всех этих вещей, которые мы упомянули, то есть движение, расстояние и потенциальное бесконечное время. Хочу подчеркнуть, что некоторое сущее в какое-то время имеет быстрое движение, ибо медленным движением в это же время проходит меньшее расстояние, следовательно, расстояние и быстрое движение делимы. Расстояние при делении подчиняется времени, а с делением расстояния делится и время. Поэтому всегда расстояние измеряется медленным движением, а время – быстрым. Поскольку всякое движение и всякое изменение являются временем, которое делится до бесконечности, то невозможно, чтобы движение имело нечто подобное, что было бы первым движением. Следовательно, движение неизбежно измеряется расстоянием, и это расстояние потенциально делимо. Если это расстояние делимо, каждая его часть, которая находится в нём, является предшествующей, а другая – последующей.

Итак, движение в первой части является началом движения. Тогда считать это движение таковым, каким оно является в начале движения, нелепо. Если движение делится на такое, которое непрерывно бесконечно, всякий раз, когда в нём [дедение] возникает первоначально, то это и есть начало другого потенциального [деления]. Точно так же обстоит дело с покоем. Что касается вещи, которую называют “прочной”, подразумевая здесь движение изменяемое скоростью, если оно естественное, и в медлительности, если оно неестественное, а принудительное, то оно стремится к покою двумя путями.

Что касается вопроса, о том, может ли вещь, неделимая на части, если она оуоществует, двигаться, то это невозможно, поскольку то, что не может делиться на части, не может двигаться, как, например, точка. Это явствует из того, что всякое движущееся первым делом является движущимся само по себе, и далее таким же образом, пока не преодолевается расстояние. Так, если то, что не делится на части, могло бы двигаться, то расстояние состояло бы из неделимых частиц, и точка была бы

расстоянием, так как она есть то первое, от чего отделяются, а такой ответ меня не удовлетворяет.

Дело в том, что это суждение охватывает как движущееся по сущности, так и движущееся по акциденции. Более того, такое суждение является общим для каждой вещи, которая ставится в какие-то положения [по отношению] к другой вещи, а затем постепенно отделяется, подобно расстоянию. Ибо, если действительно существующая точка находится в одной стороне какого-то движущегося, то своим акцидентальным движением очерчивает линию, которая постепенно с ней соприкасается и эта линия, не образуется из тех точек, и здесь не может быть речи о том, что эта точка сначала встретилась с подобной или сначала отделилась от подобной себе, а затем встретилась с другой точкой, подобной той точке, и так до тех пор, пока не завершится линия. Поэтому не говорят, что если она отдельно двигается сама по себе, то будет по своей сути иметь место, и она постепенно должна действительно составить линию, подобную ей самой, а это необязательно. Однако движение не имеет первичного движения до тех пор, пока это первичное движение не преодолеет что-либо неделимое, подобное ему самому. Скорее всего, соприкосновения будут происходить каждое мгновение, что предполагает нечто, похожее на самое себе. Мгновения не смыкаются, когда между ними есть постоянное время. Следовательно, всякий раз, когда мгновения предполагаются соприкасающимися с подобными самим себе, то будет нарушено то, что не соответствует их сущности, а именно линия. Убедительный аргумент этому заключается в том, что всякое движущееся и каждое изменяющееся в телесном состоянии, существует по своей сущности, а не благодаря тому, что они находятся в движении и обладают положением по своей сущности, которое относится к ним. Следовательно, точка обладает положением, отличающим и отделяющим её от положения линии, ибо линия может завершиться без этой точки, о чём мы ведём разговор. Отсюда получается, что каждая точка является чем-то отличающимся, и всякая точка может быть отделена от линии, и линия заканчивается без точки с помощью другой точки, а это абсурд. Следовательно, то что не разделяется

на частицы, не отделяется от своего положения. Всё, что не соответствует этому само по себе, не совершает движения на месте.

Точно так же обстоит дело с другими телесными изменениями. Всякое изменение, происходящее в превращении и росте, является разделением. Что касается роста, то он является добавлением к первоначальному устойчивому состоянию. Что касается превращения, то оно является влиянием превращающего по отношению к встречаемой вещи, от влияния превращающего возникает ранее встречаемая вещь. А что касается мнения о том, что некоторые превращения происходят сразу, то эти превращения не являются первичными превращениями тел, а чем-то соединяющимся с поверхностями, становящимися потом явными.

Что касается [вопроса] о прозрачности воздуха, то он будет рассмотрен ниже. Так, и с прозрачностью воздуха ничего не случается, а случается с видимым предметом. Если видимый предмет становится таким, что его можно видеть с помощью луча света, то это можно сделать с помощью воздуха, который передаёт его телу и называется “прозрачным”. Поэтому если человек находится в тёмной и глубокой пещере и между ним и видимым предметом будет находиться очень тёмный воздух, а видимый предмет при этом будет освещён, то тёмный воздух не воспрепятствует видению этого предмета.

УПОМИНАНИЕ КОНЕЧНОСТИ ТЕЛ И СИЛЫ

Движения и время бесконечны¹⁹. О том, что они бесконечны, говорится в прямом смысле и в переносном. То, что говорится в прямом смысле, иногда употребляется в смысле абсолютного отрицания, а иногда не в абсолютно отрицательном смысле. То, о чём говорится в абсолютно отрицательном смысле, означает вещь, лишённую понятия конечности, то есть она не имеет количества, подобно тому, как, например, говорят, что точка бесконечна. Также говорят, что голос невидим, поскольку он лишён значения, которое соединялось бы с ним, чтобы его видели, а именно – цвета.

Бесконечность, сказываемая не в абсолютном отрицательном отношении, находится в противоположной истинной конечности, а именно – природе и сущности вещи свойственно иметь конечность, а [в действительности] она не имеет её, и это происходит в двух случаях.

Один из них заключается в том, что вид вещи и её природа имеют конечность. Однако самой вещи это свойственно, подобно прямой бесконечной линии, а если это так, то не допустимо, чтобы линия была одной и той же прямолинейной линией, установленной как для конечности, так и для бесконечности. Но природа линии может быть бесконечной, когда мы проводим бесконечную линию. Это и есть одно из значений бесконечного, которые мы хотим исследовать. Бесконечное – это такая вещь, количество которой, сколько бы ты из него ни взял, всегда будет иметь то же количество, сверх того, что ты взял.

Во втором смысле бесконечность имеет два значения, где ей самой свойственно существовать бесконечно, однако она действительно не существует, как, например, периферия круга. Это означает, что она бесконечна, то есть в ней действительно не существует точки, которой завершалась бы линия. Она, напротив, непрерывна и не имеет деления. Однако в ней можно предположить точку, которая служит ей пределом и вследствие этого предположения она становится конечной.

О бесконечности в переносном смысле говорят в том случае, когда достижение её конца путём движения невозможно, как, например, путь между землёй и небом. О бесконечности в переносном смысле говорят ещё по отношению к чему-то сложному и трудному, хотя выполнение этого вполне возможно. Наша цель – исследование бесконечности в отношении того, что имеют естественные тела, а также количества сверх этого, в том случае, если взять некоторую часть их количества.

Что касается рассмотрения неестественных тел, то оно состоит в том, что могут ли они быть бесконечными в числе, в силе и т.д. Однако здесь не самое подходящее время об этом говорить, и ни одно доказательство, приведённое нами, не охватывает этого вопроса. Так, мы говорим: невозможно, чтобы какая-то величина или какое-то число в исчисляемых вещах

имели порядок по положению или по природе, которые действительно существовали бы и не были бесконечными.

Это значит, что если мы предположим бесконечную величину или исчисляемую вещь, обладающую бесконечным порядком, то все они актуально стремятся в бесконечность или во всех направлениях или в одном направлении. Если они стремятся в бесконечность во всех направлениях, то мы говорим, что надо предположить здесь некоторый предел, как, например, точки линии, линию в поверхности, или единицу в числовом ряду. Следовательно, приводимое для двух разрядов время будет общим. И мы сделаем такой предел, чтобы он был бесконечным в одном направлении.

Далее я рассуждаю так, что если из этого начала берётся определённая часть, как, например, АВ от АБ, где со стороны Б [число или величина продолжают до] бесконечности. Если взять величину, равную ВБ, и приложить ее к АБ, либо считать идущей параллельно ей, либо взять бесконечное отношение между ними, то ВБ или будет уходить в бесконечность так же, как АБ, или будет меньше АБ на величину, равную АБ, когда ВБ является частью АБ. В таком случае общее и частное будут одинаковы, особенно если АВ совпадает с ВБ до бесконечности. Следовательно, общее и частное совпадают друг с другом, что абсурдно.

Если ВБ меньше АБ со стороны Б, то ВБ конечная, а выделенная в АБ величина АВ [тоже] конечная, хотя она предполагалась как бесконечная. Кроме того, не может быть, чтобы тела, ограниченные по величине, были бесконечны по числу, ибо если бы они были соприкасающимися или различными и отдельными по отношению места, и мы представляли бы их соприкасающимися и встречающимися, то образованное их совокупностью тело стало бы со всех сторон меньше и ближе к среднему от первоначального объёма. Тело, обладающее конечным объёмом, а также тело с уменьшенным от первоначального объёмом покидают свое место по направлению к соприкосновению. Так, первый объём также оказывается конечным, а следовательно, число существующих тел в конечном объёме то же конечно, так как актуально существующие части

имеют место в каждом объёме и ограничены по числу. Нам необходимо подумать, что разделяемое тело, как правило, требует тела меньшего, чем оно само, по объёму. Обстоит ли это так в большинстве случаев, когда речь идет об увеличении? Однако разделение действительно не может происходить одновременно как в сторону увеличения, так и в сторону уменьшения.

Одна вещь может возникать после другой вещи, и её возникновение завершается пределом, меньшим предела вещи, от которой она возникает. Обстоит ли дело так по отношению и к большой величине? Отвечая на это, скажем, что это правильно с одной стороны, и неправильно, с другой. Оно правильно с той стороны, что ты можешь силой воображения [бесконечно] разделять конечное тело и ты можешь в воображении непрестанно брать части разделяемого и добавлять их к другому, в результате чего последнее становится больше своей первоначальной формы. Далее ты берёшь другую часть из оставшейся меньшей части и добавляешь к этому телу. Следовательно, это тело будет постоянно увеличиваться за счёт добавления, взятого от разделяемого. Однако эти увеличения не доходят до увеличиваемого так, чтобы стать совокупно равными увеличиваемыми и уменьшаемыми телами.

Однако такой вид увеличения не добавляет телу большой величины, хотя, определённый объём к нему и добавляется. С другой стороны, это неправильно в том смысле, что добавляемое к телу увеличение способствует его увеличению так, что у этого тела будет предел его увеличения. Хотя это неправильно, но и нельзя сказать, что это недопустимо в каких-либо иных случаях по отношению к уменьшению, ибо деление не нуждается в чём-либо вне тела. Рост и увеличение бывают либо добавлением чего-либо к первоначальному объёму, в этом случае должно быть так, чтобы материя тел была бесконечной, либо путём разряжения и расширения, которые беспредельны, а это невозможно, поскольку каждое разряжаемое должно разряжаться в пустоте или полноте, в то время, как полнота конечна, а пустоты, как известно, не существует. Она не существует, поскольку не допускается, чтобы какое-либо движение требовало направления,

не имеющего предела. Кроме того, как объясним ниже, необходимо знать, каким образом происходит разделение части, бесконечно увеличиваемой по числу, и в отношении того, что подобно этому. Следовательно, относительно того, что существует потенциально и действительно, мы можем сказать, что оно бесконечно. Ибо вещь, которая именуется бесконечной, означает, что какую бы из таких вещей ты ни взял, наряду с ней ты найдёшь нечто, существующее вне её и не повторяющее её. Следовательно, о бесконечности можно сказать, что она существует потенциально, но не в отношении целого, а в отношении каждой из его [частей].

Так, каждая из вещей, число которых бесконечно, существует потенциально, и бесконечного целого как такового не существует ни потенциально, ни действительно, кроме предположения по отношению к его части.

Что касается вещей, в отношении которых говорят, что они бесконечны, то имеется в виду нечто такое, что не достигает какого-либо предела, у которого оно остановилось бы и завершилось. Следовательно, они не завершаются, то есть не достигают конечной остановки. Правильнее было бы сказать, что бесконечность всегда существует действительно, так как разделение всегда актуально существует как нечто, не доходящее до такого предела, за которым нет другого предела в возникновении бытия. Словом, действительно бесконечное не лишено того, что потенциально, а это значит, что оно не заканчивается с исчезновением природы потенции. Природа потенции в нём всегда сохраняется, поэтому постоянство и сущность бесконечности связаны с каким-либо бытием потенциально, а эта потенция связана с природой материи, которая есть природа небытия без природы формы, являющейся действительно существующей.

Могут сказать, что бесконечное деление есть свойство, которое соединяется с количеством. Каковой же является форма? Ответ на этот [вопрос] следующий: деление сказывается в двух смыслах, первый – это разделение и прекращение, которые соединяются в количестве, благодаря предрасположенности материи, и второй – деление в том смысле, что в природе вещи

случается то, что отличает её от её же прежней природы. И это происходит так, что к её сущности добавляется определённая величина. Следовательно, в первом смысле мы имеем движение, а во втором в нём нужды нет. В первом случае мы имеем настоящее деление, которое изменяет состояние вещи, а во втором случае это лишь нечто воображаемое. В одном смысле величина сама по себе вовсе не воспринимает деления, так как воспринимающий должен остаться вместе с воспринимаемым. Если это случится, то исчезает первая величина, ибо первая величина является только этой конкретной непрерывностью, в которой нет чего-либо, кроме этого конкретного исчезновения, поскольку сама величина не является непрерывной вещью благодаря какой-либо в ней непрерывности. Поэтому, если наличествует разделяющая прерывность, то исчезает первая величина, и действительно возникают две другие величины, которые существовали потенциально. Если бы две величины существовали действительно, то в одном непрерывном действительно существовали бы бесконечные непрерывности. Мы не отрицаем, что деление, воспринимаемое материей, воспринимается по причине существования количества, и если мы говорим, что форма – это количество, которое подготавливает материю для деления, касающегося материи, то это не означает, что эта предрасположенность принадлежит форме.

Второе деление величина принимает по причине самой себя. Таким образом, стал известен способ существования бесконечного. Так, число оказывается таковым при удвоении, в то время как со стороны единицы оно конечно, величина же оказывается таковой при делении пополам и уменьшении, тогда как при удвоении она обнаруживает свою конечность, поскольку с точки зрения того, что она является величиной, она обладает удвоением, а ввиду того, что она имеет число, она – единица. То, что бесконечность якобы действительно имеет место только по отношению бесконечного увеличения и удвоения тел и вещей. Также думают и в отношении деления величин.

Время также бесконечно относительно прошедшего и будущего, так как всякий раз, когда время завершается в начале прошедшего или в конце будущего, необходимо, чтобы это

прошедшее время имело “раньше”, а это будущее “после”, о чём будет сказано.

Что касается вопроса о возникновении и уничтожении, то они, думается, являются непрекращающимися состояниями. Следовательно, думаю, что они связаны с бесконечной материей. Сюда же относятся и бесконечные существа. Известно, что какая-либо вещь в одном из этих состояний существует бесконечно, как мы упоминали об этой вещи. К этому относится существование бесконечности в воображении, во втором – она не останавливается у какого-либо предела. Отсюда нельзя логически вывести, что живые существа существуют бесконечно, скорее, они бесконечны в воображении. Тот, кто думает, что всё то, что конечно, конечно по отношению к другой вещи, заблуждается. Отсюда, из нашего высказывания явствует, что вещь конечна, нельзя понимать, что она конечна по отношению к [другой] вещи. То, что необходимо понять из нашего утверждения, – это то, что вещь соприкасается [встречается] с другой вещью. Становится ясным, что всякое тело конечно. Если тело было бы бесконечным не в купе и не частично, то не существовали бы ни прямолинейное, ни круговое движение, или тело не совершало бы прямолинейного движения, ибо при прямолинейном движении меняется место.

Бесконечное тело занимает место со всех сторон, и оно не оставляет места, пока не поменяет его. Бесконечное тело существует только в одной стороне, и в нём возможно представить свободное пространство. Однако если оно движется к свободному пространству, то оно либо оставляет какое-либо свободное [пространство] с противоположной стороны, где бесконечная сторона оказывалась бы конечной, либо нет. Следовательно, в отношении прямолинейного движения не допускается, чтобы оно было естественным и принудительным. Ибо естественное движение – это такое движение, которое тяготеет к естественному “где”, а всякое “где”, как это выясним ниже, есть какой-либо предел, и всякий предел есть что-либо ограниченное, между тем как в ограниченном неограниченное, не перемещается и не стремится к нему.

Принудительное движение противоположно естественному “где”, но если нет естественного “где”, то нет и принудительного “где”.

Далее, бесконечное тело, как выясним это ниже, неделимо, если оно совокупно не совершает кругового движения, или предположим, что оно совершает какое-либо движение, в результате которого возникает невозможное, которое было нами изложено при рассмотрении пустоты [свободного пространства]. Если мы выясним, что не совершается определённый круг, то предполагаемая его часть должна совершать какую-либо другую кривую [круг] так, что при этом движущееся, путь и состояние, всё оставалось бы бесконечным, а это невозможно. Кроме того, если части этого тела не совершают естественного движения, то они не могут находиться в месте, необходимом другим частям, совершающим движение, противоположное началу движения, с тем чтобы уподобиться частям этого тела. При объяснении и этого вопроса высказываются необоснованные вещи. В частности, говорят, что “если бы тело совершало круговое движение, то оно имело бы круглую форму, и обе половины его диаметра были бы бесконечны. [Если] удвоится бесконечное, то расстояние между предполагаемой движущейся линией, которая находится вне центра, и линией, перемещающейся к центру и от него, будет бесконечным. Следовательно, это расстояние должно продлеваться в бесконечное время, а это абсурд. Невозможно также сделать бесконечное с точки зрения того, что это бесконечное имеет место в другой природе, которая является существующей стихией, как утверждают некоторые, или не является стихией.

Если оно предполагается существующим, поскольку оно таковое, то оно либо делимо, либо неделимо. Под [словом] “бесконечное” мы подразумеваем, что его природа такова, что сколько бы от него ни взяли, если оно делимо, оно не делится на другую природу. Это значит, что предполагается, что здесь нет природы, кроме бесконечной природы, поскольку она бесконечна. Следовательно, каждая его часть должна быть в природе целого, ибо природа части, ограниченной делением, также бесконечна, а это невозможно.

Если тела будут рассмотрены с точки зрения влияния и подверженности влиянию, то увидим, что всякое тело действует или испытывает воздействие во времени. Претерпевающее действие конечно. Часть, претерпевающая воздействие, может испытывать воздействие от части воздействующего тела. А если бы часть конечного тела оказывала воздействие на конечное тело или на его часть во времени, то отношение этого времени ко времени, в котором действует бесконечное тело, было бы подобно отношению бесконечной силы к конечной, ибо чем больше тела, тем больше их сила и тем короче время их действия. И тогда действие бесконечного тела должно было бы осуществляться не во времени, тогда как было предположено, что оно протекает во времени.

Если бы тело, претерпевающее действие, было бесконечным, то отношение претерпевания действия его части к претерпеванию действия всего его было бы подобно соотношению двух отрезков времени. И тогда претерпевание действия каждой из его частей должно было бы происходить не во времени, а претерпевание действия меньшей из его частей осуществлялось бы быстрее, чем большей, потому что меньшая часть требовала бы меньшего времени, и воздействие осуществлялось бы быстрее, чем то, которое осуществляется не во времени.

Таким же образом, если мы предполагаем бесконечное как испытывающее воздействие во времени, то отсюда следует, что оно должно испытывать воздействие не во времени, тогда как было предположено, что это происходит во времени. Из этого становится понятным, что чем больше величина стихий, которые оказывают друг на друга воздействие во времени, тем сильнее действия, которые все бесконечны. Следовательно, ни одно тело не располагает силой, которая бесконечно приводила бы в насильственное и естественное движение, как, например, тяжелое и лёгкое движение²⁰, поскольку для этого требовалось бы, чтобы его действие не протекало во времени, но невозможно, чтобы какое-либо время не осуществлялось во времени, ибо чем интенсивнее сила, тем короче [занимаемый её действием] отрезок времени. Следовательно, если сила бесконечно интенсивна, то

она достигнет бесконечно малого размера. Из этого явствует, что недопустимо существование какого-либо бесконечного тела, какого-то бесконечно движущегося по природе тела и какого-либо стихийного тела, бесконечно воздействующего или подвергающегося воздействию. Таким образом, мы должны рассматривать состояние силы, принадлежащей телам. Также мы должны решить, имеется ли бесконечная телесная сила или не имеется?

Мы говорим, что силы сами по себе имеют количества, которые существует акцидентально. В противном случае относительно вещи, в которой есть сила, или относительно вещи, против которой есть сила, то есть скорость, множество и продолжительность, вещь, которая находится в бесконечности, — это тело. Так, если бы тело было бесконечным, то его сила [тоже была бы] бесконечна, и невозможно, чтобы тело было бесконечным, а его сила конечна. Это объясняется тем, что тело, обладающее большой величиной, должно иметь значительную и большую силу. Тогда как, если оно бесконечно, то его сила должна быть бесконечной. Однако известно, что совокупность сил двух действующих двигателей составляет больше, чем сила одного из них. Ибо целое способно на то, на что способна единица, и на сверх того, так как оно имеет [другую] силу, которую не имеет единица [часть].

Точно так же обстоит дело с большой силой, которая более значительна и интенсивна. Следовательно, всякий раз, когда что-то становится больше в объёме, становится больше и его сила. Вывод здесь таков: то, что становится бесконечным по объёму, обладает силой, увеличивающейся до бесконечности.

Точно так же, если тело бесконечно, то сила, принадлежащая этому телу, относительно вещи в которой есть сила, бесконечна, то есть вещь, в которой есть бесконечная сила, является сущностной вещью, сила которой бесконечна. Если было бы тело, в котором сопоставляемая сила конечна, то сила действия в какой то части тела должна иметь отношение к той части тела, в которой есть та сила. Так, если будет удвоена часть испытывающего воздействие и часть действующего, чтобы предполагаемое претерпевающее осталось конечным и получило

бы по отношению к нему от бесконечного тела совокупность конечных частей, то было бы это как отношение части претерпевающего ко всем претерпевающим, а это бывает как отношение силы предполагаемого бесконечного тела к силе всего бесконечного тела. В таком случае, сила конечной части этого бесконечного тела будет равна всей силе тела, которое отделяет бесконечные части своей силы, содержащейся в бесконечных частях вне этого тела, что абсурдно, в то время как необходимо, чтобы сила тела по отношению к нему должна была бы быть больше части. Итак, ясно, что если бы тело было бесконечным по отношению к величине, то оно было бы бесконечным в отношении своей способности. Однако бесконечного тела не бывает, и, следовательно, невозможно, чтобы существовала бесконечная телесная сила, следовательно, телесная сила конечна.

Далее рассмотрим, может ли быть в конечном теле сила, которая была бы бесконечной по скорости, продолжительности и множественности, или нет. Мы говорим, что любое конечное тело, сила которого бесконечна, не может быть конечным телом, ни по силе своей, ни по скорости... Отсюда, если тело бесконечно, и его сила также бесконечна, то такого рода действия тела происходит не во времени, в то время, как всякая скорость происходит во времени, поскольку любая скорость – это преодоление определённого расстояния или чего-то. подобного ему, и всё это происходит во времени. Если движение происходит от бесконечной силы, то оно происходит либо в каком-то “теперь”, что невозможно, так как расстояние и подобное ему не могут быть преодолены в “теперь”, либо во времени. Следовательно, времени равно какое-то действие, происходящее от бесконечной силы, которое повторяется, чтобы стать отношением времени ко времени, подобно отношению силы к определённой силе. Отсюда, бесконечная сила это та, что способна быть равной силе, которая конечна по отношению к тому, на что она способна. Ты можешь объяснить этот вопрос примерами и предложениями из области продолжительности и множественности.

Так, если бы эта бесконечная сила, имеющая множественность и продолжительность, существовала бы в каком-то теле и делилась бы, как делится тело, то она либо была бы способна на то, что способно целое по множественности и продолжительности в конкретно взятое “теперь”, что говорит о том, что в них имеется одна и та же сила. Отсюда следует, что целое не имеет преимущества перед частью, и тогда часть будет способна на что-то из того, на что способно целое, или не будет способна ни на что из того. Думаю, часть неизбежно будет обладать какой-то силой, однородной с силой целого, ибо сила, например, распространяется по всему обладающему его телу, то есть сила совершает либо то, на что она способна, либо что-то иное, на что способна часть, меньшая по сравнению с ней.

Однако часть может совершать действие бесконечное по множественности и продолжительности в конкретно взятом “теперь”, когда целое и частное одинаковы в отношении того, на что они способны, но это нелепо, ибо то, на что способна часть, меньше того, на что способно целое, которое также способно на это меньше. Вместе с тем, если то, на что способна часть, меньше того, на что способно целое, то оно не зависит от связи с конкретно взятым “теперь”, а обусловлено чем-то другим.

Если же оно меньше бесконечного в том отношении, в каком оно бесконечно, то бесконечное будет превышать его именно в этом отношении; тогда другое в этом отношении будет конечно, и тогда данная часть будет иметь конечную силу в отношении продолжительности действия. Однако пропорциональное отношение конечного тела, взятого в целом к данной части, будет выражаться конечной величиной. Следовательно, пропорциональное отношение силы, имеющейся у целого, к силе, имеющейся у части, также будет выражаться конечной величиной. Отсюда, она не может быть бесконечной, так как она не имеет отношения к бесконечному, а ограничена тем, на что способна. Следовательно, то, на что способно целое, имеет пропорциональное отношение к тому, на что способна часть. Значит, время у целого также ограничено.

Так же обстоит дело в отношении величины целого, если она равномерна. А если его величина неравномерна, то нельзя

использовать именно это доказательство. В самом деле, если любая множественность меньше другой множественности, то она не должна быть конечна. Иногда допускается, чтобы в последующем были другие бесконечные вещи, однако некоторые из них посредством бесконечных быстрых и медленных движений выглядят меньше других по объёму, ибо вещи, имеющие быстрые темпы, неизбежно больше вещей, имеющих медленные скорости.

Точно так же обстоит дело в бесконечных десятичных, которые больше бесконечных сотых и тысячных.

Что касается непрерывного времени “теперь”, то оно является временем, которое считается как “теперь”. Однако если бесконечное неравномерное множество способно составить какой-либо разряд, то оно способно составить и один бесконечный разряд, следовательно, оно не может переходить в различные разряды. Если каждая множественность в нём неравномерна в порядке, то из этого не проясняется свойство времени. Становится ясно, что в теле невозможна бесконечная по интенсивности, продолжительности и множественности сила. Если возражая, имеют в виду движение небесной сферы, которое объясним ниже, говорят, что “оно бесконечно и проистекает из телесной силы”, то мы отвечаем, что это движение проистекает из причины, которая постоянно является двигателем небесной сферы, и эта причина есть та самая бесконечная сила, но она не покоится в теле. Это [состояние] может допускать бесконечную силу, которая находится в теле и постоянно приводит в движение это или другое тело. Сущность нашего мнения относительно необходимости бесконечной силы заключается в том, что невозможно, чтобы какое-то тело имело силы, через которые оно постоянно воздействовала бы на то, что соприкасается с ним. Скорее, оно имеет силы, через которые совершает прерывное воздействие издали на то, что соприкасается с ним, из того, что требует само конечное, как, например, когда оно бывает отталкивающим, притягивающим, превращающим.

Мы должны рассмотреть состояние движения и времени в их конечности и бесконечности в том плане, происходят ли в них временное начало и временной конец или уже это несвойственно

им. Так, мы говорим: если предположить, что движения не существовало, а потом оно появилось, то это значит, что оно до момента возникновения не существовало и было возможно-сущим, а если оно не было возможно-сущим, а было невозможно-сущим и затем отсутствовало, то возможность его бытия является чем-то существующим, но не по своей сущности, а скорее, оно является чем-то дополнительным, а именно – оно существует в какой-то вещи и пребывание её в движении не допускается. Ибо существующее свойство не предполагает несуществующее тело и не находится в действующем. Следовательно, возможность существует в том, чему свойственно двигаться, и то, чему свойственно двигаться, существует раньше существования движения. Если оно существует, но не двигается, то движущая причина, состояния и условия, благодаря которым происходит приведение в движение из двигателя в движущееся, не должно существовать, а возникать позже, ибо изменится состояние до этого движения и возникнет нечто необходимое, которое не существовало, отчего разговор о нём подобен разговору о движении. Следовательно, до этого движения есть начало движения, для возникновения которого есть бесконечные причины, имеющие соответственный порядок и существующие либо вместе, либо последовательно. Если эти движения существуют вместе, то возникает нелепая ситуация, а если существуют последовательно, то каждое из них остаётся какое-то время или последовательно в мгновениях. Если они остаются какое-то время, то здесь есть движение после движения по смежности, которое не прекращается, и оно либо существовало раньше данного движения, либо оно не является движением. Выходит, что когда движения не имели начала, то мы создали их, что нелепо. Если же остаются мгновения, а затем последовательно будут следовать без посредства времени [другие] мгновения, то это также невозможно. Отсюда следует, что если в теле возникает какое-то состояние, которого раньше не существовало, то возникает причина этого состояния в теле, и оно является отношением, которое не существовало [раньше]. Это отношение есть отношение бытия к небытию для какого-то предмета или состояния.

Что касается движения, то оно делает необходимым близость, отдалённость или параллельность и противоположность, а что касается возникновения, то оно является движением, которого раньше не существовало. А что касается воли, то она создана. Возникновение это имеет непрерывную постепенную причину, и оно возможно только путём движения, которое постепенно регулирует время. Следовательно, сохраняется непрерывность из-за невозможности последовательности мгновения. Так, если не было бы движения, которое переводило бы что-либо из чего-либо другого, то причины и следствия происходили бы одновременно. Ибо созданная вещь становится необходимой и предпочтительной, потому что она есть постоянносущая, и эта вещь либо по своей натуре становится необходимой и предпочтительной, либо по какой-либо причине, приводящей в неё. Если её возникновение происходит по причине её природы, то она отличает бытие вещи от настоящего её состояния, а если она возникает по причине какого-то приводящего признака, то она сама по себе не имеет причины, а возникает вместе с этим приводящим признаком и в конце концов становится необходимо-присущим ей. Если она устойчивая, то необходимо, чтобы с ней было следствие без другого следствия, а если она создана неограниченной, то об этом будет тот же самый первый разговор. Ибо, если причины и состояния, при помощи которых причины становятся причинами, бытие которых устойчиво и создано или не создано, то бытие созданных [вещей] не может только с их помощью осуществляться. Ибо, если устойчивая [вещь] всегда является причиной, то не будет следовать, если она создана, то для её возникновения есть причина, которая является другой причиной. Следовательно, в причинах и состояниях причин есть причина, бытие которой не постоянно, а переменчиво.

Переход одних вещей в другие может происходить только путём движения и во времени. Следовательно, время само по себе не совершает какого-либо действия, тогда как движение – это приближение и удаление. Так оно является причиной в каком-то смысле или же оно приближает причину. Это становится ясным всякий раз, когда мы предположим для

движения начало, как это было с этим свойством [характеристикой], в котором есть движение. Значит, абсолютное движение является основой начала творения.

Как было изложено выше, недопустимо, чтобы время само по себе было первым предшествующим или чем-то первым, кроме сущности Создателя. Все доказательства говорят о том, что время бесконечно, то есть оно не имеет ни начала, ни конца. Время – если оно является временем, всегда есть первое, следовательно, время не должно иметь “прежде”. Иначе, это значило бы, что его вначале не существовало, и лишь затем оно возникло. Но всё, что отсутствует, а затем появляется, существует после небытия, а это значит, что его небытие предшествует его бытию. Следовательно, у него необходимо должно быть “прежде”. Стало быть, этому времени предшествует другое время.

Кроме того, если время это конец, то существует ли после него возможность необходимо сущего или нет? Если после него нет возможности существования необходимо сущего, то необходимо сущее устраняется, что нелепо, а если после него есть возможность существования необходимо-сущего, то это время есть “после”, то есть позже того, когда оно предполагалось, что является концом, а это нелепо.

Кроме того, перед движением, которое предполагается первым, неизбежно предполагается десять и более того бесконечных движений, так как возможность этого не является состоянием, которое было бы первым. Невозможно, чтобы время несколько большего было подобно времени несколько меньшего, скорее, оно увеличивается. Стало быть, время допустимо, если оно допустимо в отношении допустимости существования бесконечных движений.

Сомневаясь, кто-то может сказать, что если допускается существование одного движения до другого, то возникает необходимость утверждения существования бесконечных движений в прошедшем времени. Следовательно, движение, принадлежащее, например, времени потопа и нашему времени, больше и меньше тех бесконечных движений, которые конечны. Стало быть, то, что бесконечно, является конечным. Ответом

будет то, что движения, о которых указывают согласно “теперь”, не существуют, а отсутствуют. Если говорится, что движение бесконечно, это значит, что оно не имеет определённого бесконечного количества, а если мы представляем любое число путём движения, то видим, что этому числу предшествует другое число, принадлежащее движениям, следовательно, они отсутствуют. Отсюда, относительно отсутствующих [вещей] допустимо говорить, что онилибо бывают большими и меньшими, конечными и бесконечными и устраняют акциденции, либо позволительно сказать, что отсутствующие [вещи] вместе бесконечны и некоторые из них меньше других, как, например, отсутствующие явления, которые в будущем могут проявиться в виде затмений луны, которые в свою очередь меньше, чем обороты луны. Далее, вращение нескольких небесных сфер меньше чем [вращение] одной небесной сферы, несмотря на то, что они бесконечны. Также, если можно сказать, что будущее общее едино, то не было бы необходимости в общем и целом. Точно так же обстоит дело по отношению к прошедшему, не требующему ни общего, не целого. Однако нельзя говорить “целое будущее” и “целое прошлое”, ибо “целое” не существует ни в будущем и ни в прошлом, оно не может быть ни больше, ни меньше, не бывает ни конечным, ни бесконечным, хотя утверждают, что оно бесконечно в смысле абсолютного отрицания.

Конечность также отрицается по отношению к несуществующей вещи. Нет основания кому-то утверждать, что прошедшее полностью входит в существование, наоборот, каждое из прошедшего является составной частью существования. Таким образом, можно допустить, что каждая [вещь] может быть составной частью существования будущего, и здесь суждение о частном не идентично суждению о целом в будущем так, чтобы будущее являлось составной частью существования тогда, когда оно будет иметь целое, а конечные [вещи], которые будут существовать в каждом из них, в таком случае, будут считаться вторыми после небытия первого, которое не имеет целого, так как под целым [совокупностью] понимается “соединение”, хотя оно совокупно не существует, ибо каждое из

них существовало отдельно в какое-то время и в другое время не существует, а если захотят этого, то можно его представить таким образом. Следовательно, было сказано, что бесконечность существовала в догадке, а в бытии – что-то другое, кроме бесконечности, не существует.

Кроме того, кто-то, сомневаясь, может сказать: пусть, например, существование движения, котороепредполагает “теперь”, будет связано с существованием бесконечных движений, и что оно не может быть связано с бесконечным, в противном случае оно не может существовать. Ответ будет таков, что под словом “зависимость” я имею в виду то, что две вещи в какое-то время отсутствуют, и условие существования одной из них в будущем заключается в том, что до неё существует второе отсутствующее существование, которое зависит от первого. Если дело обстоит так, что условием существования вещи, которая отсутствует в прошедшем, является существование бесконечных вещей в определённом порядке, которые до этого все отсутствовали, существование этой вещи берёт начало тогда, когда возникают для этого необходимые условия, в таком случае невозможно, чтобы существовала вещь, бытие которой зависело бы от существования бесконечных несуществующих вещей. Здесь мы имеем в виду то, что без существования до вещи бесконечных последовательных вещей и без существования какого-то времени, в котором отсутствовали бы все эти вещи, данная вещь не может существовать. Что и есть наша искомая цель. Следовательно, как же здесь можно использовать посылку силлогизма на опровержение его самого.

Далее, сомневаясь, кто-то может сказать, что всякое из этих движений действительно существует и что бесконечное также действительно существует. Затем, если утверждают, что движение сотворено и, следовательно, все движения в целом созданы, мы ответим, что это сомнение исходит из незнания разницы между каждым и “всем”, так как если каждая вещь имеет какое-то качество, то необязательно, чтобы все вещи обладали этим качеством и всё существовало, а вещь не должна иметь всё. И если всё обстоит так, то целое будет частью, так как каждая часть и в отдельности является частью.

УПОМИНАНИЕ МЕСТА ТЕЛ И НАПРАВЛЕНИЯ ДВИЖЕНИЙ

Как стало ясно, есть тела, которые конечны по величине и завершаются пределами, называемыми поверхностями. Другие завершаются одним концом, который окружает их, и это тело называется шаром, а поверхность, которая окружает тело, называется сферической поверхностью. Некоторые тела завершаются множеством пределов, которые окружают тела, и эти тела называются по имени тех поверхностей. Эти поверхности называются ровными поверхностями, и каждая из этих сферических ровных поверхностей неизбежно конечна, а их пределы называются линиями. Однако сферическая поверхность завершается одним пределом, который существует потенциально, а не действительно. Он переходит в действительный путём предположения и называется круговой линией, которая становится общей для двух сторон непредпожительной поверхности. Ибо поверхность как будто является бесконечной поверхностью по причине отсутствия действительности её конечности.

Что касается ровной поверхности, то некоторые тела завершаются одним пределом, который окружает их, и эта поверхность называется кругом и линией, которые и являются пределом круговой линии. То, чем завершаются во множестве действительные пределы, которые окружают тела, также называются по имени нескольких линий, которые окружают тела, и эти линии называются прямыми линиями. Эти линии неизбежно также бывают конечны, и их пределы называются точками. Вместе с тем, круговая линия завершается одним пределом, который существует потенциально, а не действительно, и переходит в действие предположительно, становясь общим между двумя сторонами линии, которая не предположима. Ибо линия по причине действительного отсутствия её конечности как будто является бесконечной линией, тогда как прямая линия доходит до двух действительных пределов, которые ограничивают её. Следовательно, тело как таковое, обладает или одним пределом, а именно сферой, или

множеством пределов, а именно несколькими поверхностями. Поверхности бывают или сферическими, или ровными. Что касается линии, то она бывает круговой или прямой. Сторона означает то, что примыкает к пределу вещи. Точка не имеет стороны, поскольку не обладает пределом, она сама по себе абсолютный предел. Что касается линии, то она – одна протяжённость, обладающая двумя сторонами, примыкающими к её двум пределам, так как линия имеет только два предела. Следовательно, круговая линия существует потенциально, а прямая – действительно.

Что касается поверхностей, то они также являются одной протяженностью, и их стороны иногда существуют за счёт их максимальных пределов, каковыми является точка. В этом смысле их стороны становятся потенциально бесконечными, так как точка, которая завершает их, потенциально бесконечна. Иногда поверхности существуют благодаря своим близким пределам, а именно – линиям. Следовательно, стороны линии в этом смысле будут зависеть от числа существующих в ней пределов. Что касается окружности, то она имеет потенциально одну сторону, а именно – объёмлющую его линию. Что касается поверхностей со множеством сторон, то их стороны зависят от числа того, что их окружает. Что касается тела, то оно также имеет протяжённость, и его стороны иногда существуют за счёт его максимальных пределов, а именно – точек. В этом смысле стороны тела потенциально становятся бесконечными, если завершающая их точка будет потенциально бесконечной.

Иногда тело существует благодаря своему ближайшему пределу, а именно – линии. Поверхности в том смысле становятся его направлениями благодаря соответствующему числу пределов. Что касается шара, то он действительно имеет одну сторону, а именно – сторону сферической поверхности, которая объёмлет этот шар. Что касается тела со множеством поверхностей, то их стороны зависят от числа поверхностей, которые объёмлют их. Что касается причины известного суждения о том, что всякое тело имеет шесть сторон, то здесь существует два мнения: одно из них общепринятое, а второе – мнение людей посвящённых.

Смысл общепринятого мнения заключается в том, что [первым] в силе воображения людей представляется, что животное и особенно человек окружён с двух сторон: имеет две руки, спину, живот, голову. Что касается первой стороны, то она в начале движения является сильной стороной, а левая сторона является той, что противоположна правой стороне. Человек обладает верхом и низом, и его верхняя часть – эта та часть, которая находится над головой, а нижняя часть – эта та часть, которая примыкает к его ногам. Однако у четвероногих живых существ верх находится в той части, которая примыкает к спине, а низ – в той, что примыкает к животу, а также к его ногам. Человек имеет переднюю и заднюю стороны. Передняя сторона это та, благодаря которой человек естественно двигается, там же находится чувство зрения, а задняя сторона противоположна передней. Так, у людей нет больше сторон, кроме названных, где длина – расстояние от его головы до ног, ширина – с правой стороны до левой, а глубина – с передней части до задней. Поскольку во внимание принимались эти конечности, то эти измерения также производились согласно этим конечностям, так как измерения в действительности не могут быть выявлены без принятия тех конечностей, от которых начинается и к которым сходятся все протяжённости. Исходя из этого, представляется, будто этих сторон шесть, и кроме этих, других сторон не знали, поскольку, кроме них, не было другого суждения. Следовательно, люди воспринимали именно такое число сторон.

Суть мнения людей посвящённых заключается в том, что в телах имеется возможность трёх перпендикулярных пересечений, кроме них, другие невозможны, при этом каждое пересечение завершается в двух сторонах линии, в которой совершается пересечение. Следовательно, имеется шесть направлений. Однако этих пересечений бывает только три и не более, если вообще предполагается одна протяжённость и если будет установлено какое-либо положение, необходимое по природе. Если будет установлено, что место этой первой протяжённости находится в другом месте, а не в том, что параллельно с ним, то появляется три прямых пересечения, которые по числу различаются от

прежних, тогда возникают другие стороны, отличающиеся по числу от прежних.

Таким образом, это было упоминанием места тел, всякое же движение происходит на какой-то протяжённости, и оно называется расстоянием. Отсюда явствует, что протяжённость бывает или прямой, или сферической, следовательно, движение бывает либо прямолинейным, либо круговым. Что касается места направления прямолинейного движения и его определения, то это обстоит так, как я говорю.

Мы до этого говорили, что направление существует совместно с расстоянием, и оно определяется либо в теле, либо не в теле. Невозможно, чтобы в пустоте можно было определить какое-то направление, следовательно, определить его можно в каком-то теле и это тело должно иметь шарообразную форму и никакую другую. Это объясняется тем, что совершающий прямолинейное движение покидает одно место и стремится к другому. Следовательно, каждое место из этих двух или определяется отдельным телом, или два места определяются посредством одного тела. Так, если определение двух мест осуществляется одним телом, то это возможно в отношении одного места, а именно – одно из двух мест будет находиться предельно близко, а другое – далеко. Предел же дальности одного тела не определяется так, как определяется предел его близости, а именно – тело определяется, кроме тех случаев, когда оно находится на периферии или в центре, дабы одно тело могло одновременно составить два предела. Необходимо, чтобы определяемое тело было периферийным, а не телом, служащим в качестве центра. Если оно будет выполнять роль центра, то его близость может быть определена, а дальность – нет. Более того, периферийное тело – это такое тело, в котором одинаково определяются его близость и дальность. А если одно тело, определяющее два места, бывает не таким, о каком мы говорили, а именно – если оно не является периферийным телом, то нельзя определить два места, поскольку если возможно определить его близость, то нельзя определить его дальность.

Также нельзя утверждать, что одно тело, находящееся в одном месте, может определить два направления, ибо два

направления по природе противоположны. Цель нашего рассуждения состоит в том, что одно тело определяет один вид направления, поскольку этот вид является основным. Значит, всё то, что находится вблизи этого тела, находится с ним в одном направлении. Стало быть, противоположно этому должно быть всё то, что находится вдали от него.

Следовательно, возвращаясь к сказанному, отметим, что противоположное телу должно быть периферийным, и два направления определяются при помощи двух тел. Стало быть, одно тело бывает периферией, а другое – центром, или же не должно быть таковым. Если одно тело будет периферийным, а второе будет находиться в центре, то периферийного тела будет достаточно для определения расстояния между ними.

Если тела в центре не будет, то определение центра осуществляется акцидентально. Если близость и дальность бестелесны, и одна из них подобна периферии, а другая – центру, то с их помощью нельзя определить два направления. В самом деле, каждое из двух тел должно по своей природе соответствовать какому-то направлению, и оно должно стремиться к нему. Отношение этого тела к тому, что находится вне его, должно быть единым однообразным отношением, и со всех сторон состояние тела по отношению к тому, что вне его, должно быть одинаковым. Следовательно, для тела недопустимо иметь одно направление вне себя, в котором возможно движение тел, и другое направление, в котором нет этой возможности, так как оно является единой однообразной поверхностью единого однообразного тела, в котором можно представить другое определённое тело, движущееся к первому телу и приближающееся к нему. Такое состояние порождает единообразное овладение и повторяется это с тем, чтобы одно тело было внешнее, а другое – внутреннее, в противном случае, нельзя с помощью этих двух тел определить два направления.

Как нами было сказано выше, при определении направления встречается такое определяющее тело, положение которого не похоже на положение периферии и центра, движение каждого из этих тел будет происходить в том направлении, которое ближе к нему. Если мы представим, что движущееся

тело находится в направлении одного из двух тел, в направлении, которым не следует другое тело, то будет происходить движение в направлении, близком к первому телу. Это тело будет двигаться именно в этом направлении, а не в противоположном, так как его движение стремится в направлении второго тела, у которого определяющее направление противоположно направлению первого. Невозможно, чтобы движение происходило только в одном направлении и не имело противоположного. Из всего этого можно сделать вывод, что существует сферическое тело.

Далее отметим, что это тело по природе не может совершать прямолинейного движения. Так, тело, которому свойственно совершать прямолинейное движение, не может определять направление, так как его природа либо требует нахождения в данном направлении, либо не требует того, чтобы оно находилось в этом направлении. Если его природа не требует того, чтобы тело находилось в данном направлении, то каким же образом оно может определяться направлением? Допустимо, чтобы оно не находилось в этом направлении, если этого не требует природа тела. Однако нельзя сказать, что в теле есть возможность движения в этом направлении, и это направление само до себе существует, и его требует каждая часть тела. Если дело обстоит так, то в таком случае это направление само по себе определялось бы чем-то иным, а не данным телом, тогда, как было предположено, оно определяется именно данным телом, а это нелепо.

Мы утверждаем, что тело должно быть одной и той же вещью и её природа должна быть единой. Далее, тело может быть составлено из разных тел. Дело в том, что нет необходимости существования одного и того же тела в некоторых, если его не существует. Так, нельзя предположить какую-либо часть этого тела, если оно не находится в этом направлении, а в некоторых направлениях может существовать другое тело, противоположное по природе первому. Следовательно, недопустимо, чтобы это периферийное направление было разделено на тела, различные по виду без необходимости. Такая необходимость не возникает, если определяющей периферию является одно тело, так как одно тело не имеет частей. Если же в

нём происходит деление на части, то это происходит по внешним причинам, и тогда мы говорим, что расположение различных по виду тел, находящихся в самом отдалённом месте объемлемого тела, не должно исчезать. В противном случае эти тела будут возникать в этой периферии и будут выходить за её пределы, и определение направления будет существовать до этих тел. Из всего этого явствует, что определяющее периферию должно быть одним телом, и оно не должно исчезать разве что при круговом движении. Если дело обстоит так, то внутри тела по природе нет направления, кроме того, которое устремляется от него к центру и от центра к нему, и того направления, которое возникает акцидентально и пределы которого не различимы, так как принадлежат одному телу. Следовательно, нельзя определить их пределы посредством различных определений так, чтобы некоторые из них были ближним пределом, а другие – дальним.

Надо сказать, что тело, совершающее круговое движение, совершает его не относительно своего центра, а в направлении внешнего центра. Это значит, что для тела можно определить направление, в сторону которого оно будет совершать движение, и направление, от которого оно будет двигаться, где одно из них будет [направление] вперёд, а другое – назад.

Что касается правой и левой сторон, то они используются по отношению к животному, так как в его природе нет чего-либо, что сделало бы необходимым различение этих двух направлений, подобно тому, как различаются правая и левая сторона животного.

Что касается верхней и нижней части движущегося, то сторона, которая находится в направлении земли, является его нижней частью, а то, что противоположно этому, – есть его верхняя часть. Определение верхней и нижней части движущегося происходит из его сущности, как это имеет место у животного, и не по его движению, как это имеет место у тяжёлых и лёгких тел, а осуществляется по сравнению с другими телами. Другое движущееся совершает круговое движение относительно своего центра, который оно охватывает.

Так, первое, что определяется в теле, исходя из его сущности, это – две его оси и его место. Для определения двух

осей и места необходимо тело, совершающее круговое движение. А если в нём есть другое тело, то ему будет определено направление, в котором оно двигается, и направление, которое противоположно первому. При определении этого тела, оно не нуждается в том, чтобы иметь данное движение, так как даже в состоянии покоя оно будет иметь это направление. Если его движение исчисляется исходя из того, что имеется в нём и между его частями, или между точками, предполагаемыми в нём и между подобными ему, которые имеются в движущемся и двигаются вокруг него, будут рассмотрены как отношения, то в этом случае для него также определяются другие стороны. Так, если по направлению движения тела мы предположим три точки, то средняя точка, удаляясь от одной точки, приблизится к другой, и то направление, откуда средняя точка начала своё движение по отношению к горизонту, от которого точка начинает своё движение, предположим началом движения по природе, а противоположное направление будет противоположно этому направлению, то в таком случае будет определён восток и запад. Поэтому здесь будет определено одно направление в сторону меридиана, а второе, – которое идёт вглубь и стало быть направление в сторону меридиана является направлением, к которому направлено движение вверх. Оно является пределом данного направления, так как здесь находится самое близкое место, в котором восходит, и оно, мало помалу отделяясь от неё, удаляется, пока не исчезнет. Предел, к которому стремится движущийся, это [направление] вперёд, а противоположное ему – [направление] назад. Следовательно, меридиан по сравнению с восходящим поднимающимся движением есть перед, а то, что противоположно ему, есть зад. Поскольку восток – это сторона, от которой начинается движение, то она более подходит быть правой стороной животных, а Запад будет их левой стороной. Осталось определить две оси и расстояние длины. Наиболее подходящие два полюса – т.е. которые сопоставляются с человеком, который сам совершает круговое движение – это Южный полюс в наилучшем положении. Наилучшим для него движением является движение вниз, которое и указывает на

Северный полюс. Следовательно, эти стороны определяются этим телом, поскольку оно совершает сферическое движение.

Что касается стороны поверхности, которая следует за землёй и противоположна ей, то она принадлежит телу не потому, что оно совершает движение при её помощи, а поскольку она является телом, подобным ей по форме и положению.

УПОМИНАНИЕ СОСТОЯНИЯ ДВИЖЕНИЯ, ЕГО АКЦИДЕНЦИЙ И РАЗЛИЧАЮЩИХ ПРИЗНАКОВ

Движение бывает единым и множественным. Движение бывает единым либо по числу, либо по виду, либо по роду. Движение единое по числу – это такое непрерывное движение, время, расстояние и субстрат которого едины. Ибо если бывает множественной одна из этих вещей, то становится множественным их движение. Ровное движение лучше других движений, поскольку в нём нет противоречия и оно редко происходит на месте. Естественное движение может в конечном счёте усилиться, принудительное – замедлиться. Естественное движение существует в небесном движении. Наилучшее движение – это непрерывное единое движение, которое происходит кругообразно или прямолинейно. Если предполагается существование углового непрерывного движения, то самое лучшее – это полное движение. Самое лучшее полное движение – это то движение, которому свойственно увеличение без противоречия. Такое движение – ровное движение, и если оно совершает один круг, в нём ничего не увеличивается, а повторяется. В прямолинейном движении дело так не обстоит, поскольку оно прямолинейно. Прямолинейное движение конечно из-за того, что не остаётся более расстояния, которое можно было бы преодолеть, как, например, в случае со сторонами мира. Круговое движение не принимает увеличения, поскольку оно является только линией круга.

Прямолинейное движение не принимает увеличения не по причине своей прямолинейности, а по другой причине. Что касается кругового движения, то оно завершается одним кругом, и движение начинается вновь. Следовательно, одно движение будет по числу одним; что касается движения по виду, то оно

происходит в тех вещах, которые конституируют суть его бытия, и оно становится в них тем, что оно есть.

Точно так же обстоит дело в отношении начала движения и его конца. Говоря о том, что в теле есть движение, мы подразумеваем..., положение, качество и количество, но не время. Поэтому, если какое либо из этих названных свойств будет различаться, то движение будет различным по виду. Это значит, что если будут различаться тело, в котором есть движение, тело, от которого начинается движение, и тело, которым завершается движение, то виды движения будут различаться, как, например, в том случае, когда одно движение может осуществляться от начала до конца по прямой, а другое – по кругу. В отношении того, от чего происходит движение, они могут быть одинаковыми, но в отношении того, от чего они отправляются и к чему направлены, могут быть разными, как, например, в случае с движением вверх и движением вниз. Поэтому, если в отношении какой-нибудь из этих вещей условия и состояния, связанные с ними, будут разными, то и движение не будет единым по виду. Ибо если все движения являются движениями по месту, качеству и количеству, то движение будет единым по роду, и если движение происходит в низком роде, то все они едины по низкому роду.

Некоторые движения бывают быстрыми, а другие медленными. Быстрое и медленное движения не различаются по виду, иначе, если они оба происходят в любом из разрядов движения, допускающего большую или меньшую степень, тогда как отличительный признак не допускает это? Более того, непрерывное движение постепенно переходит от быстроты к медлительности, ибо они являются соотносимыми вещами, а не принадлежат к среднему движению. Кроме того, быстрота и медлительность по отношению к прямолинейному и круговому движениям сказываются не с соучастием имени, а однозначным образом. В самом деле, быстрота и медлительность в движении определяются единым и являются величинами. Кроме того, “больше” в прямолинейном движений, в котором потенциально имеется стремление, является величиной. В круговом движении таковым является движение, тогда как время не различается.

Следовательно, они здесь сказываются с соучастием имени по отношению к прямолинейному и круговому движениям. Мы называем быстрым того, кто преодолевает определённое расстояние или более длинное за короткое время или же того, кто преодолевает подобное [расстояние] в течение ещё меньшего времени. Если мы хотим сопоставить быстрое и медленное движение, то необходимо учитывать то, в чём оно происходит. Ибо, если возможно сопоставление двух вещей, в которых есть движение, в отношении увеличения и уменьшения, интенсивности и спада, то возможно сопоставление между двумя движениями, ибо невозможно каждые два существующих противоположных значения, входящих в один вид, соединять совокупно в одном субстрате, так как между ними существует большая разница, следовательно, они противоположны. Белизна и чернота, рост и убыль, разрежение и уплотнение, движения, происходящие от начала прямой линии и до её конца, которые действительно существуют в этом качестве, являются противоположностями. И отличительные признаки этих противоположных движений должны быть противолежащими и противодействующими. Эти отличительные признаки неизбежно относятся к некоторым вещам, связанным с движением. Следовательно, противоположность двух движущихся предметов не создаёт необходимую противоположность этих движений. Ибо случается и так, что противоположные предметы могут совершать одно и то же движение по виду, и они не могут быть противоположными из-за противоположности двух двигателей. Они также не должны быть противоположными из-за противоположности времени, так как противоположность не присуща природе времени. Противоположные предметы также не должны быть противоположными из-за “теперь”, в котором совершается движение, противоположное другому “теперь”, в котором совершается другое движение. Ведь то, в чём пребывает движение, иногда бывает единым, но движения могут быть и противоположными. Остаётся признать, что движения могут быть и противоположными из-за противоположности, сохраняющейся от начала и до конца движения, как, например, в случае с чернотой и белизной. Следовательно, противоположные

движения – это те движения, которые противоположны друг другу по сущности, как в случае с чернотой и белизной, или противоположны из-за какого-то привходящего признака. Например, две стороны непрерывного расстояния между небом и землёй противоположны не потому, что они являются двумя сторонами или двумя точками, а потому что одна из них является верхом, а другая низом. Например, две стороны прямой линии противоположны не потому, что они [есть] две стороны и две точки, а потому, что они являются началом и концом движения. Итак, сопоставление каждой из них с движением противоположно и является противоположностью одной относительно другой. Понятно, что начало и конец прямой линии противоположны друг другу, однако противоположность не является противоположностью двух соотносимых предметов и противоположностью неимения и обладания. Следовательно, оно является противоположностью противоположащих вещей.

Что касается непрямолинейного движения, то вполне вероятно, что одна и та же вещь может быть началом и концом непрямолинейного движения. Следовательно, здесь в начале и конце нет противоположности и противоположения. Стало быть, то, от чего начинается движение, и то, чем оно завершается, не являются противоположными, тогда как движение вверх и движение вниз противоположны. Противоположность движения, обуславливаемая началом и концом, возникает из-за того, что две стороны противоположны в том плане, что одна из них является верхом, а другая низом.

В общем движение, у которого есть противоположность, это такое движение, которое преодолевает путь от одной действительной стороны к другой действительной стороне. Противоположным этому движению является то движение, которое начинается от его конца и направлено к его началу. Из этих принципов явствует, что прямолинейное движение не противоположно криволинейному, ибо если противоположность обуславливалась бы прямизной и кривизной, то та и другая либо были бы противоположностями, либо нет. Следовательно, прямолинейное движение не может быть противоположным из-за противоположности ровности и кривизны. В самом деле,

ровность и кривизна не являются противоположными, так как их ближайший субстрат не один, и поэтому недопустимо, чтобы что-то из субстратов ровности и кривизны превратилось в другое состояние, как это изложено в “Книге исцеления”, и не исчезало. Так, если они не противоположны, то это не обусловлено противоположностью движений. Но мы доказали, что то, в чём происходит движение, не является причиной противоположности движения. Следовательно, их противоположность происходит не из-за прямоты и кривизны. Остаётся признать, что противоположность существует между началом и концом движения. Если бы противоположность прямолинейного движения происходила по причине начала и конца движения, то одно и то же движение было бы причиной противоположности бесконечного количества разных движений, так как эта конкретная прямая линия, в которой происходит это прямолинейное движение, является хордой двух различных линий, являющихся потенциально бесконечными. Одна же сторона имеет одну противоположную, находящуюся от неё в крайнем удалении. Отсюда явствует, что формы прямоты и кривизны для чувственного восприятия не противоположны, так как если бы абсолютно прямолинейное движение было противоположно абсолютно круговому движению, то одно определённое прямолинейно движение так же было бы противоположно одному определённому прямолинейному движению, ибо одна вещь может иметь только одну противоположность. Это происходит потому, что находящийся в удалении от данной вещи предмет обладает противоположной природой, именно это и есть расстояние. Следовательно, одна вещь может иметь только одну противоположность, так как то, что более одного, по своей природе не может быть определённо противоположным другой вещи.

Если в отдаленной вещи нет различия, то не существуют и противоположности. Когда индивиды не могут быть противоположными, то допустимо, чтобы они находились в общих сторонах бесконечной дуги. Мы говорим, что движение, которое происходит по направлению от одной стороны дуги к другой, и то, которое противоположно этому, при том, что дуга

остается одной и той же, также не являются противоположными. Это станет ясно, когда будет выяснено, что круговое движение, по положению совершающее полный круг, в каком-то смысле не имеет противоположности, так как оно действительно не имеет стороны. Если же в нём будет предположена сторона, то она является действительным переходом из конкретного положения, таким образом начало и конец в круговом движении не могут быть противоположными из-за природы их начальности и конечности.

Противоположность же в движении происходит, как мы упомянули, в начале и конце движения, но не во всяком движении, а в таком, которое имеет такие начало и конец движения, при которых они не идентичны друг другу так, чтобы было возможно противодействие между началом и концом с точки зрения их сопоставления с движением. А это происходит тогда, когда начало и конец существуют благодаря прямолинейному движению, где непрерывность в движении не возникает из-за начала и конца, конец не есть начало, и, следовательно, они есть то, что не соединяется. Если дело обстоит таким образом, то понятно, что находящиеся в одной дуге не противоположны, так как начало движения, происходящего в этой дуге в силу того, что оно является круговым движением, бесконечно и изменяется сущностно. Это мы предполагаем по причине прекращения и остановки движения, в противном случае допустимо было бы движение в направлении одного и того же начала, каковым является одно непрерывное движение, которое необратимо.

Что касается кругового движения по положению и особенно того, которое происходит в теле с одинаковыми частями, т.е. в теле с одинаковой природой расположения частей, то оно является таким движением, множество и различие которого определяются по числу. Это так, поскольку всякое совершаемое в них движение начинается с какого-то положения, если оно действительно предполагается, и кончается другим положением, если оно действительно предполагается, и между ними существует разница только по числу.

Иногда движущееся в середине имеет положения, кои предполагались, тогда их различие по отношению к своему противоположному будет только в числе. Начало, конец и середина, предполагаемые в этих движениях, будут различаться только по одному показателю, а именно: по числу. Те вещи, которые различаются только по числу, не являются противоположными, хотя их соединение и невозможно. Причина существования противоположности в покое заключается в существовании противоположности в сущности той вещи, в которой находится тело в состоянии покоя, как, например, покойверху и покойвнизу, которые противостоят, как противостоят верх и низ.

Что касается противодействия движения и покоя, то их можно рассмотреть несколькими путями. Это значит, что если всякому движению, с точки зрения того, что его половина есть покой, создать противодействующее ему, которое и является отсутствием этого движения, поскольку оно является этим движением, то необходимо сделать движущееся вверх движущимся вниз, а это невозможно. Если кто-то рассматривает противодействующее покою как нечто проникающее в движение и уничтожающее его, то необходимо, чтобы покой противостоял движению сверху; не всякое бытие есть последующее, а наоборот, иногда оно есть предшествующее.

Некоторые движения связаны друг с другом, а некоторые нет. Мы говорим, что если движения, различные по роду, сменяют друг друга в одном месте, то, несомненно, они не являются одним движением. А что касается движения одинакового по роду, как, например, превращение и превращение, перемещение и перемещение, то сомнительно назвать их непрерывными движениями, как, например, движение камня вверх и вниз, движение дуги, например, по своей хорде. Что касается движений, в которых есть начало и конец, то предполагается ли в них какая-то связь, которая была бы для одних началом движения, а для других концом, как например, какая-то точка, которая является концом расстояния, или какое-то качество, которое есть конец движения, или какая-то величина и т.д. Мы говорим: нельзя сказать, что два движения

беспрерывны, а правильнее было бы сказать, что между ними есть определённое время. Это объясняется тем, что всякое тело движется посредством какого-то стремления, которое приводит его к цели и определяет его количество. Поэтому, если какое-то тело достигает своей цели, то нет сомнения в том, что стремление, которое вело тело к цели, существует в момент её достижения. Следовательно, нельзя, чтобы это достигающее какого-то предела тело достигло его без причины. Это стремление является естественным и не исчезает, ибо движение, от которого должно происходить стремление, всегда существует, и если стремление исчезает, то его исчезновение есть само существование другого стремления. Стало быть, если возникают два движения от двух стремлений и если будет существовать другое стремление в другом направлении, то это стремление не будет тем стремлением, которое было бы одновременно причиной соединения и разъединения, а скорее возникло бы неизбежно другое стремление, которому принадлежало бы первое возникновение. Невозможно, чтобы существование второго стремления было бы только в момент “теперь”, в котором исчезает существование первого стремления. Следовательно, “теперь”, в котором исчезает начальное стремление, отличается от “теперь”, достигающего стремления, так как без существования начального не может быть достигающего стремления. Достигающее может существовать только с одним “теперь”, ибо вещи по своей природе не могут одновременно существовать и не существовать. Поэтому их природа требует, чтобы в них действительно существовала необходимость. Следовательно, другое “теперь” – это такое начальное стремление, которое отличается от второго. Стало быть, существование двух стремлений есть в двух “теперь”, и между ними есть время.

Нельзя сказать, что два стремления соединяются. Следовательно, как же можно говорить, что в какой-то вещи может одновременно существовать и не существовать совпадение [движений] с каким-то направлением.

Некоторые движения предшествуют друг другу, а некоторые следуют друг за другом. Далее мы отметим: движение

в отношении места и положения предшествует остальным движениям. Некоторые из этих движений – круговые. Движения в отношении количества, – я имею в виду рост, – в своём существовании не нуждаются в движении к месту пребывания растущего в силу того, что какая-то вещь извне проникает в растущее. Движение в отношении места не нуждается в движении в отношении количества, а движение в отношении качества, то есть разрежение, сгущение и прочие превращения, происходит не всегда, так как оно может быть между противоположными вещами. Это движение будет, безусловно, иметь причину, которой не существовало ранее и которая либо приведёт к следствию, либо нет. Однако данная причина может появиться и диктовать после волевого воздействия. Все эти состояния осуществляются посредством воли, но эти телесные превращения не могут происходить от телесной причины. Они происходят только после того, как перестают действовать непосредственные причины. Движение в отношении места также не нуждается в движении в отношении количества. Точно так же прямолинейное движение в отношении чего-то тяжёлого может появиться только после существования тяжёлого кругового движения по положению в отношении чего-то тяжёлого, так как прямолинейное движение бесконечно не может быть прерывным. Следовательно, для того, чтобы существовать, оно нуждается в том, чтобы через него осуществлялись какие-то движения. Однако относительно кругового движения по положению в отношении чего-либо тяжёлого дело обстоит иначе. Мы находим здесь один постоянный двигатель.

Возникновение различных отношений между движущимся и другими телами является причиной движения. Оно по праву предшествует всем другим, так как возникает после действительного совершенствования субстанции, и оно по какой-то причине не выводит субстанцию из состояния субстанциональности. Кроме того, ничего из её сущности не исчезает, а исчезает её связь с какой-то вещью извне, так как тело, в котором есть круговое движение, само является предшествующим телом. С этим телом объединяются все естественные движения других тел, т.е. я имею в виду полное

круговое движение. Далее круговое движение не допускает ни увеличения, ни прибавления или уменьшения в силе, как это имеет место в естественных движениях, которые увеличивают скорость, в движениях по воле, в середине которых скорость увеличивается, а в конце, без сомнения, уменьшается. Эти движения состоят из разрядов и частей.

Мы утверждаем: движущий и движущийся называются так из-за их сущности быть абсолютным или частным. Кроме того, говорят, что некое тело движется каким-то образом, оно по своей сущности полностью или частично является движущимся без того, чтобы его движение было необходимо для приведения в движение другой вещи. Или же их движение абсолютно акцидентально, как, например, в отношении находящегося на корабле, когда говорят, что он движется вместе с кораблём. Некоторые виды движения не описываются таким образом, как, например, белизна, если говорится, что она двигается. Некоторые другие виды движения обладают таким качеством, как, например, движение гвоздя, вбитого в корабль. Так, если движение существует в сущности вещи, то оно происходит в её природе не извне и не по какой-то воле и называется “естественным движением”. Движение, которое происходит по причине воли, называется “движением по воле”. Иногда, по причине извне, происходит принудительное движение, как, например, в случае подъёма камня, и называется оно “принудительным движением”. Что касается естественного движения, то, говоря “естественное движение”, мы не имеем в виду, что движение исходит от природы, которая пребывает в том состоянии, которое у неё имеется. Ибо природа есть сущность устойчивая и неизменная, а то, что является устойчивым и неизменным, существует вместе с существованием природы. Движение, являющееся естественным, постоянно исчезает и непрерывно возрождается. Движение, рассмотренное нами в другом смысле, также требует того, чтобы что-то исчезало. Если же природа требует для себя того, чтобы что-то исчезло, то требуется, безусловно, чтобы исчезало нечто внешнее по отношению к природе. Если дело обстоит так, то пока не случается чего-то внешнего по отношению к природе, природа не требует того, чтобы оно исчезло по природе. Стало

быть, естественное движение может проистекать от природы, если возникает какое-то неестественное состояние. Однако никакого неестественного состояния быть не может, если ему противостоит какое-то естественное состояние, ибо одно различается от другого, и тогда это другое состояние – естественное. Следовательно, неестественное состояние будет исчезать для достижения естественного. Всякое же естественное движение при отсутствии препятствий завершается достижением естественной цели. Когда эта цель достигнута, тогда то, что движется, уже не может прийти в естественное движение при помощи воли, так как движение заключается в том, что нечто исчезает и сохраняется, тогда как естественная цель не является тем, что исчезает или остаётся по природе. Значит, всякое естественное движение совершается в поисках покоя в отношении “где”, в отношении количества, в отношении качества или в отношении положения. Стало быть, всякое движение, не имеющее покоя, не является естественным. Следовательно, непрерывное круговое движение не является естественным. Как же оно может быть таковым, когда посредством этого движения удаляются от “где” и “теперь”, существующих естественным образом, и в то же время посредством этого движения стремятся к ним.

Невозможно, чтобы природа избегала вещей, которые по природе стремятся к ней. Следовательно, круговое движение происходит либо из-за внешних причин, либо от силы, которая проистекает не по природе, а по воле, иногда то, что происходит по воле может и не различаться между собою, если не будут различаться причины препятствия, цели и акциденции. Если цель одной из них будет достигнута движением одной воли, следовательно, нет необходимости в действии другой воли, и никакая преграда не может воспрепятствовать тому, чтобы простое тело, обладающее способностью совершать круговое движение, имело душу. Допустимо, чтобы в простых телах было живое существо, но недопустимо, чтобы простые элементарные тела, подверженные разделению и соединению друг с другом, имели душу. В самом деле, если бы эти простые элементарные тела не соединялись бы друг с другом, не уравновешивались и не

противостояли бы воздействию противоположных тел, то в них не вселилась бы жизнь. Следовательно, если простое тело не имеет по природе противоположного себе, то оно более подходит для того, чтобы вдохнуть в него жизнь. Необходимо знать, что вещь называется естественной, когда она обладает свойством. Естественной вещь называется не в сравнении с самою собой, а в сравнении с общей природой естественных вещей. Под выражением “естественная сила” мы подразумеваем всякую силу, исходящую из сущности вещи, которая движется не по воле и является чисто естественной или подобной душе растения. Первый пример – это движение камня вниз, происходящее не по воле и имеющее одно направление. Второй пример – это движение растущего в направлении роста, что происходит так же не по воле, но имеет различные направления.

Относительно способа существования естественного движения отметим, что всякая описываемая характеристика, принадлежащая телу, безусловно, ему и принадлежит, поскольку это для него естественно. Тело обладает чем-то естественным, как, например, пространством, ибо тело не может существовать, не занимая какого-либо пространства. Что касается места и положения, имеющего определённый порядок, дело обстоит так, как оно обстоит с формой, ибо всякое тело конечно, и всякое конечное обязательно имеют какую-то форму, подобно тому, как качество различает телесность. Это так, поскольку всякое тело имеет какие-то качество и форму, которые различают неизбежно телесность. Поэтому всякое тело, подвергаясь воздействию извне, либо приобретает некую форму легко, либо с трудом, либо вовсе не принимает, и тогда всё это не относится к телесности. Так же обстоит дело с другими вещами, которые непосредственно связаны с телом.

Так, мы говорим, что тело из этих вещей имеет нечто естественное и необходимое, так как принуждение и насилие происходят по причине извне. Можно узнать сущность вещи без того, чтобы в ней возникали причины её существования, кроме тех причин, которые неотъемлемы от её природы. Нет необходимости в том, чтобы умопостижение тела было связано с действием принудительного фактора. Если дело обстоит так, то

природу тела можно предполагать существующей в том виде, в каком она существует. В таком случае на неё не будет оказывать воздействия что-либо извне. Если представить принудительное действие прекратившимся, то тело сохранит свою природу, и оно обязательно будет иметь “где” и другую фигуру. Всё это окажется в теле либо по его природе, либо по какой-то причине извне. Однако представим, что извне не будет действовать какая-то причина, значит, остаётся признать, что эта причина исходит из его природы. И то, что существует, существует до тех пор, пока существует его природа, и если не будет вмешательства какого-либо внешнего фактора, то оно будет существовать. Если же его природа испытает воздействие внешнего фактора, то есть в него проникнет какая-то иная вещь, то удалить эту вещь возможно только принудительным путём. Если же его природа такова, что не воспринимает этот внешний фактор; то не возникает надобности в принудительном удалении. Нельзя сказать, что эти состояния в вещи происходят от принудительных факторов. Однако принудительное действие не есть акцидентальное, возникающее после субстанциирования вещи, когда возможно существование вещи, но невозможно существование этих акциденций. Следовательно, можно представить сущность вещи без каких бы то ни было акциденций, так как они не являются, как было упомянуто, сутью бытия и конституирующими суть бытия вещи. Ибо точно так же фактор силы – это такой фактор, который появляется извне и создает такое состояние, которое без этого принудительного фактора не может существовать. Нет необходимости в том, чтобы подобные вещи происходили от сути бытия вещи или же от неотъемлемого признака сути бытия. Следовательно, представление тела без принудительного фактора возможно по сравнению с природой самого тела, и оно невозможно без “где”, которое свойственно ему, или без невозможного участка по сравнению с природой тела. Стало быть, природа тела требует, чтобы у каждого тела был [естественный] участок, т.е. участок, в котором нет фактора силы, и при отсутствии этого фактора силы оно могло бы находиться на своём участке. Точно так же обстоит дело с формой, качеством и прочим. Таким же образом обстоит дело с

положением частей, если тело действительно имеет части. Следовательно, у каждого тела есть естественный участок, и если оно обладает местом, то его пределом является это место. Это место является формой, при помощи которой оно субстанцируется, или это место является преобладающей формой, требующейся телу.

Если участок, который занимает тело, зависит от него, и оно не будет покидать участок, то у него не будет естественного движения, перемещающего его в этот участок.

Точно так же обстоит дело в отношении качества или количества. Если тело имеет участок, который может покинуть с тем, чтобы избежать фактора силы, то оно возвращается к нему по природе, если ему не препятствует какой-либо принудительный фактор. Далее, если тело неотделимо от своего участка, а первоначальное его возникновение будет вне этого участка, то оно по природе достигнет этого участка, если ему не воспрепятствует фактор силы. Если качество тела таково, что его возможно отделить от него с помощью силы, как, например, холод в воде, то при устранении фактора силы вещь может вернуться в свое естественное состояние. Так, с прекращением действия силы тёплая вода по природе превращается в холодную.

Если у тела есть отделимое от него путём силы количество, как, например, когда воздух при нагревании, будучи разрежаем силой, расширяется, или когда при охлаждении, будучи уплотняемым силой, сжимается, то с завершением действия силы субстанция возвращается к своему первоначальному объёму. Если у тела есть количество, которое в начале его существования не возникает, и его первоначальное бытие является несовершенным бытием, и которое затем совершенствуется путём воздействия, то тело, естественно, будет двигаться посредством питания для совершенствования первоначального объёма.

Так же обстоит дело если части тела воспроизведены принудительным путём, как, например, кусок дерева, гниющий под воздействием силы, и если мы не ломаем и не раскалываем его на щепки, оставляем его, то оно движением возвращается в первоначальное состояние. Стало быть, естественное движение

требует естественного участка и избегает неестественного, но не вообще, а путём особого целого порядка частей, и особого положения тела, которое порождает движения.

Поскольку направление само по себе не является искомой целью тела, то таковой является само движение. Целостность, присущая простому телу, направлена к естественному движению, в котором находятся его собственные части. Однако целостность есть там, куда направлено движение, и тяготение происходит в направлении цели, которую мы исследовали, а другое недопустимо. Ибо, например, если вода тяготела бы только в сторону и к концу во время своего спуска вниз, то она не могла бы остановиться при достижении земли и не могла бы течь по земле, и не могла бы земля оседать в ней. Нельзя также говорить, например, что земля и вода требуют одного направления и одного пространства, однако земля является преобладающей и предшествующей.

Точно так же обстоит дело с воздухом и огнём, которые тяготеют к одному направлению и к одному пространству, но огонь преобладает и предшествует в таком состоянии. В самом деле, в одном месте не могут по природе находиться два тела, и воздух не может занимать то пространство, к которому тяготеет огонь, ибо он не может быть подобным огню. Вместе с тем, если мы протянем свои руки поверх струи воздуха, то мы ощутим отталкивание вверх. Точно так же обстоит дело, если мы задерживаем воздух под водой. Из этого понятно, что нельзя сказать: движущийся тяготеет только к одному направлению.

Также нельзя сказать, что движущийся требует только одного места, так как место есть поверхность тела, объемлющего это место. Естественное место – это поверхность тела, которое по природе объемлет это место. Если бы тело, находящееся в естественном движении, тяготело только к одному месту, то влага должна была бы оставаться в воздухе, где находилась, так как влага находится на поверхности естественного тела, которое объемлет этот воздух. Также и поднимающийся огонь тяготел бы к тому, чтобы его охватывала поверхность небесной сферы. Такое тяготение, однако, невозможно, поскольку часть

поверхности небесной сферы может соприкасаться только с какой-то частью огня.

Далее, нельзя сказать, что движущийся тяготееет полностью только к одной стихии. Например, если комок земли тяготел бы к целостности земли, то камень, посланный сверху в колодец, примкнул бы к его стене и не упал бы вниз, а поднялся бы вверх, так как соединение с целым здесь есть наиболее близкое расстояние. Если мы представим себе, что целостность земли изменила своё положение, то в этом случае отличие одной стороны от другой обуславливалось бы или природой, что невозможно, или из-за изменения целостности претерпела бы изменение другая сторона, и тогда движение было бы не естественным, а целостно возникло бы с ней, хотя мы её движение предполагали естественным. В упомянутом примере естественное движение в каком-то смысле является тяготением.

Что касается отталкивания, то оно возникает вследствие противоположности вышеупомянутых вещей. Оно имеет место тогда, когда имеется естественный порядок, но место неестественно, а также, если место – естественно, но порядок – неестествен. Но нельзя предполагать, что движение есть только удаление от чего-то и не есть тяготение к чему-то, в противном случае без тяготения не было бы и конкретного направления, к которому бы тело устремлялось. Состояние воды, например, таково, что если её природа не вызывала бы в её субстанции какого-то тяготения, то от неё не возникало бы тяготения и отталкивания в отношении того тела, с которым она соприкасается. Если же в самом теле не возникает тяготение, то оно не может возникать и в другом теле, как в случае состояния воды, где её естественная форма, благодаря охлаждению, исходящему от неё в другое тело, создает холод, и если этот холод первоначально не исходил бы от неё самой, даже если она и оставалась бы в прежней форме, то она не могла бы охладить другое тело. А если в воде будет использована внешняя температура, то она будет совершать противоположное своему действию и обжигать. Таким образом, если будем увеличивать температуру воды, то в ней возникнет свойство, которое сделает обязательным её огненную форму, и она станет выполнять

функцию огня, то есть обжигать и подниматься вверх. Стало быть, в одном теле невозможно пребывание двух сил, природа которых противоположна, где одна из них – это форма, а другая – нечто привходящее. В самом деле, эта форма первоначально не способна к движению вверх и обжиганию, но обретает эту способность благодаря чему-то привходящему, при исчезновении которого возникает нечто противоположное ему, являющееся действием, от которого будет исходить первичное действие. Это именно так, поскольку форма также является началом движения вверх.

Не следует думать, что это свойство имеет место благодаря только чему-то привходящему, наоборот, оно происходит от воды, смешанной с огненными частями, которые, отделяясь, поднимаются вверх, и тогда вода становится холодной. Здесь нет причины, по которой не допускалось бы отталкивания огня от холодной воды. Здесь нет необходимости в том, чтобы вода двигалась бы в направлении движения огня. Вода двигается вместе с огнём только по необходимости. То, что достойно здесь выяснения, это факт того, что всякое естественное тело является началом движения по положению и в отношении места. А посему говорим, что всякое тело либо допускает перемещение со своего места, в котором пребывает под влиянием силы, либо нет. Если оно допускает такое, то оно в своей сущности либо стремится к какому-то участку пространства, либо нет. Однако всякое тело имеет естественное место или естественные участки, и природа его требует пребывания тела именно там. Прочие тела отличаются в этом смысле, но не по причине телесности, а потому, что в теле имеются начало и сила, которые готовят его для движения в направлении к данному месту. И поскольку эта сила требует этого места, то её телесность как таковая не препятствует перемещению и движению.

Следовательно, сила тела и сущность его силы не имеют чего-то противоположного, чтобы стремиться к другому участку, поскольку в одном теле с одинаковыми частями нет двух противоположных сил, обуславливающих необходимость наличия сил, требующих совершения двух взаимопротивоположных действий. Это так, поскольку силы

являются таковыми, благодаря наличию в них действия, и если эти действия будут мешать друг другу, то и их природа будет мешать друг другу, и их существование одновременно в одном теле станет невозможным. Ведь в теле, имеющем какую-то силу, обязательно есть начало какого-то исходящего действия, если нет какого-либо иного препятствия. Если тело, от которого исходит это действие, таково, что, вопреки отсутствию препятствия извне, от него не исходит действия, то в таком случае в нем нет силы.

Далее, если в теле есть две противоположные силы, то возможно возникновение двух противоположных действий, а это нелепо, стало быть, невозможно, чтобы в простом одиночном теле или в большинстве сложных тел были две противоположные силы, одна из которых требовала бы себе места, а другая нет. Кроме того, тело принимает движение, поэтому если оно вынуждено покинуть своеестественное место, когда оно противодействует принудительному действию извне, то оно должно двигаться в сторону своего естественного места. Отсюда явствует, что не всякое тело является началом какого-то стремления к своему перемещению из существующего положения “теперь”, ибо это не происходит во времени, но это невозможно. Необходимо, чтобы его перемещение происходило не во времени из-за различия в скорости его движения со скоростью того, что замедляет его движение. Если бы стремлений вообще не существовало, то движение во времени не происходило бы. Из сказанного явствует, что на тело, приводимое принудительно в прямолинейное и круговое движение более сильным или более слабым телом, оказывается разное воздействие. Следовательно, ясно, что сильное будет подчиняющим, а слабое – подчиняемым. Отдаление не свойственно телу как таковому, а свойственно в том смысле, что требует нахождения в каком-то месте и положении. А это есть то самое начало, которое мы хотим объяснить. Оно объясняется тем, что принудительно перемещающееся по месту тело, имеет начало своего стремления, и если это тело допускало бы перемещение из своего места, оно давно стало бы явным, а если оно не допускает перемещения, то, значит, безусловно, имеет силу, при помощи

которой удерживается на своем месте, не покидает его и будет с ним связано и эта сила бестелесна.

Так, мы утверждаем, что в этом теле также есть начало движения, и это объясняется тем, что данное тело имеет по числу какое-то положение по отношению к тому, что оно объемлет, или вокруг того, что оно охватывает, и тому подобное. Стало быть, этим положением оно обладает либо по причине, существующей в его сущности и естественной форме, или по причине, которая бытует вне его природы. И невозможно, чтобы это было потребностью его сущности, так как ни одна предлагаемая в теле часть, ни различные стороны, которые соприкасаются с ним, не лучше одна другой, то есть, нет части, которая была бы лучше именно другой части в соприкосновении, так как соединение в природе тела, которое требует этого же самого положения, неодинаково. Не бывает так, чтобы только некоторые одинаковые вещи по природе заслуживали быть таковыми, а некоторые другие нет, наоборот, это свойство допустимо для каждой из них. Такое положение не подобно частям тела, допускающим разделение, ибо каждая предполагаемая часть предназначена определенной вещи, так как она в начале своего существования находилась в этой вещи или в самом близком месте от того, в чём она существует естественным образом, либо первоначальное её существование было бы в этом месте, или перемещение в это место в ней происходило путём принудительного действия. Следовательно, принадлежность каждой части существующему участку определяется не путём абстрактной природы, не принудительной, а отличительноприродой, придающей ей особый смысл.

Что касается тела, которое не приемлет перемещения со своего места, то оно не равносильно этой сущности, и такое объяснение для него не применимо. Если дело обстоит так, то ни одна часть этого тела не имеет ничего, что в отдельности по природе принадлежало бы ему. Принудительное состояние, создающее причину бытия этого тела, также не является естественным. Если бы здесь также возникала какая-та принудительная причина, требующая некую природу подобно природе, являющейся причиной принадлежности частей, стихий

своим участкам [пространств], то её природа была бы такова, что независимо от существования или отсутствия или исчезновения данной причины она всё равно не была связана с нею. Стало быть, эта причина по своей природе будет в каждом случае различна, и эта природа такова, что может допускать параллельности и соприкосновения. Следовательно, природа тела допускает перемещение по положению. Отсюда явствует, что у всякого воспринимающего переход от какой-то вещи, которая есть “где”, и положения, есть начало движения и естественное “где”. Стало быть, в этом теле должно быть начало движения по положению. Необходимо знать, что цель такого толкования заключается в том, что во всяком теле проявляется движение, либо не имеющее по природе своего начала, а возникающее по какой-то причине извне, либо оно возникает от какой-то души, которая двигает это тело согласно какой-то цели и создаёт в нём стремление, которого раньше не существовало. Стало быть, тело не может двигаться по этой причине без того, чтобы не было в нём начала, предшествующего стремлению. Следовательно, разговор о первоначальном движении, проистекающем от стремления души, подобен разговору, в котором стремление происходит по причине извне. Как ты знаешь, животная душа различает не более одной силы, однако движение, передаваемое ею своему телу, исходя из большего и меньшего своего объёма, отличается.

Как ты знаешь, движение тела животной души отличается по количеству, хотя её сила едина. То, что тяжелее, имеет большее сопротивление. У всякого естественного тела есть начало движения. Так, у тела, не покидающего своего естественного места, есть некоторое начало кругового движения по положению. Поэтому мы говорим: у одного и того же тела не может быть начала прямолинейного движения и начала кругового движения. Даже если оно находится на своём естественном месте, то двигается по положению, а если оно не находится на своём естественном месте, то оно двигается прямолинейно в сторону этого места. Это значит, что если оно не находится в своём естественном месте, то должно обладать двумя стремлениями, одно из которых направлялось бы к

прямолинейному движению, а другое – к иному. Но тогда в его субстанции совмещались бы существующие противоположные вещи. Следовательно, у тела, имеющего определённые стороны, есть начало кругового движения, но нет начала прямолинейного, так как эти два начала не могут соединяться. Ибо, как стало очевидно из его состояния, части не могут покинуть своего естественного положения. Что же касается находящихся в нём [движении] тел, то у них есть начала прямолинейных движений от части к части. Таким образом, там где есть сторона, по природе существует три разновидности движения: одно вокруг середины, другое – от середины, третье – к середине.

Что касается движения по воле, то оно также имеет различные стороны, как, например, первое движение. Иногда движения животных также различны. Естественное движение иногда существует не относительно с собственной природой вещи, а под воздействием каких-либо обстоятельств извне. Ибо при соприкосновении с огнём воспламенение серы естественно, так же естественно притягивание железа магнитом в случае его приближения к нему. Естественное движение и движение по воле являются общими в том смысле, что используют в отношении себя понятие “движение на месте со стороны двигателя”, потому что эти движения не происходят извне.

Что касается принудительного движения, то оно таково, что его двигатель находится вне движущегося и не соответствует его природе. Это движение находится либо только вне природы, как, например, приведение в движение камня, токанием по земле, либо оно противоположно движению по природе, как, например, приведение в движение камня вверх или нагревание воды. Иногда движение, независимое от природы, происходит в количественной форме, как например, увеличение костей из-за опухоли или отяжеления тела из-за приобретённой тучности, или увядание, обусловливаемое болезнями. Однако увядание, возникающее по причине преклонного возраста, с одной стороны, естественно, а с другой – нет. Оно естественно относительно природы общего, то есть оно нечто такое, в чём необходимо действует природа общего, но оно относительно природы этого престарелого [человека] не должно быть естественно, так как оно

имеет место по причине бессилия природы его тела и управления им. Похоже, что здоровье, возникающее после кризиса, появляется с помощью естественного изменения, а то, что таким образом не возникает, таковым не является. Естественная смерть так же естественна, с одной стороны, но смерть убитых недугом, конечно, неестественна. Принудительное движение на месте, иногда возникает под влиянием отдельного движущегося, иногда вместе с ним. Иногда оно осуществляется, притягиванием, а иногда отталкиванием.

Что касается движения, связанного с перенесением, то оно походит больше на акцидентальное движение. Принудительное вращение, видимо, осуществляется через притягивание и толкание. Скатывание же, возможно, происходит иногда по двум причинам, а иногда возникает от естественного стремления, сопровождающего притягивание и толкание. Движение, осуществляющееся вместе с двигателем, подобно движению бросаемого и скатываемого тела. Относительно причины данного вопроса высказывали разные мнения. Однако истина заключается в том, что имеется сила, которую приобретает движимое от движущего и которая называется “стремлением”. Она сохраняется в нём до тех пор, пока её не погашает мелкое дрожание, передающееся [телу] в результате соприкосновения. Чем слабее это дрожание, тем сильнее естественное стремление, то есть оно сводит на нет приобретённое стремление, и брошенное тело продолжает двигаться в направлении, соответствующем его естественному стремлению. Если движение в вещи осуществляется акцидентально, то оно является такой вещью, от которой не может быть осуществлено отделение “где”, положения, количества и качества, скорее, она будет соединяться с другой вещью. Если будет изменено её состояние, то она будет стремиться к соединению с другой вещью. Такое состояние в вещи бывает акцидентально, и эта сочетающаяся вещь, которую называют акцидентально движущейся, как было упомянуто выше, происходит по природе, и мы либо предполагаем в ней это движение по сущности, либо это движение несвойственно ей в отношении “где”, положения. Поэтому вещь, которая существовала раньше, является

акцидентально движущейся, и она сама по себе находится в месте, имеет какое-то положение и воспринимает движение. Но она не покидает своего места и не меняет положения, его покидает та вещь, которая находится в этой первой вещи, как, например, перевозимая в сундуке вещь находится в состоянии покоя, не изменяя своего места. Также и человек, плывущий на корабле, двигается вместе с кораблём, хотя сам он неподвижен. Это и есть движение на месте.

Что касается движения по положению, примерам его может служить соединение одного шара с другим посредством гвоздей, клея, естественным способом или же другими путями. Так, движение внешнего шара с целью изменения отношения его частей с внешними вещами является таким изменением, которое составляет сущность движения по положению, ибо у внутреннего шара, соединённого с первым, дело обстоит так, что он будет следовать за внешним шаром так, что каждая его часть будет неотличима от другой части, и будет перемещаться [с ней]. Однако его движение акцидентально, так как при перемещении отношение между частями внутреннего шара и внешним не изменяется, подобно изменению отношения частей внешнего шара с частями его места. Такие силы движения мы знаем по движению воздушных потоков по высоте, происходящих вместе с движением Луны, ибо это движение не происходит принудительным путём. Это значит, что можно представить Луну движущейся без приведения её в движение чем-либо в отличие от сферы огня. Однако каждой части высотной поверхности огня определена часть небесной сферы, как, например, тело, которое по природе двигается в направлении своего естественного места, достигая его, прочно стоит там. То, что прочно приклеено или прибито гвоздями при движении того, к чему оно приклеено или прибито, движется вместе с ним, перемещая при этом то, что соприкасается с ним. Стало быть, движение высотного воздуха по сравнению с [движением] небесной сферы является акцидентальным движением по положению. Именно в этом же смысле происходит движение каждой небесной сферы по отношению к движению другой сферы, находящейся над ней.

Что касается прочих акцидентальных движений, то им свойственно двигаться самим по себе. Ибо говорят, например, что вещь акцидентально чернеет, так как то, что связано с чернотой, не есть эта, вещь, а есть другое тело, соединяющееся или смешивающееся с ним. Или же оно есть какое-то тело, в котором оно возникает, или оно является телом, которое само находится в субстрате и не берётся во внимание, как, например, когда говорят, что растение – чёрное, ибо первым субстратом черноты является не какая-то субстанция с растительностью, а определённая субстанция растительности, которая возникает в вещи, как, например, движущимся свойственно двигаться акцидентально и сущностно. Что касается примера акцидентально движущегося, которому несвойственно сущностно двигаться, то дело обстоит так, что совпадение сочетающего не есть сочетание какого-то тела с другим телом, а есть нечто из существующих вещей какой-то формы в первоматерии, или является каким-то привходящим в тело признаком, по причине которого тело приобретает качество, сущностно ему принадлежащее. Стало быть, оно становится для него подобным “где”, которое находится в теле, и как положение для положения тела. Если у тела возникает другое место, то изменяется преследуемое направление, а когда в теле появляется другое положение, то изменяется и его положение. Тогда говорят, что оно перемещается из “где” и из своего положения.

Относительно тела иногда говорят, что оно чернеет акцидентально, так как оно не является первичным субстратом для черноты, а его первичным субстратом является нечто такое, что пребывает в самом теле, но не как таковая его часть, а лишь как поверхность. Ибо убеждаемся, что первый субстрат черноты – поверхность, и благодаря именно ей существует тело. Так обстоит дело с движущимся акцидентально. Что касается подробностей относительно движущегося акцидентально, то они известны из Комментария о движущемся акцидентально. Что касается самодвижущегося тела, то оно бывает или таким, что приводится в движение посредством чего-то, как, например, молоток, благодаря столяру, или таким, что двигается непосредственно. Посредник иной раз бывает единичным, другой

раз множественным. Иногда оно движется по собственной инициативе, скорее, благодаря существующему ранее движению, называемому инструментом и орудием. Иногда оно движется по собственному побуждению. Несмотря на это, посредник, поскольку он является посредником, имеет другое начало, приводящее его в движение, и он, скорее всего, есть двигатель, однако это такой двигатель, который преследует некую цель, как, например, некое искомое, или отрицательную цель, как, например, то, чего боятся, и то, чего избегают. Некоторые двигатели приводят тело в движение так, что и сами приходят в движение, другие – так, что сами остаются неподвижными. Движение двигателя, который приводит в движение, происходит посредством соприкосновения, как только завершается его состояние покоя. Одни двигатели существуют, благодаря тому, что двигаются потенциально.

Ввиду невозможности существования бесконечного числа тел, невозможно, чтобы одновременно существовало бесконечное количество движущихся тел и чтобы всякий двигатель двигался сам. Следовательно, движение восходит к какому-то неподвижному двигателю и к первому двигателю, который двигается, так как ни в движении, ни в приведении в движение, ни в причинности и следствии нет оборота, так как оборот обязывает вещь быть началом вещи. Это начало есть начало движения вещи.

Начало движения первого двигателя, который двигается либо в самом движении, и в таком случае он двигается сам по себе, или он не находится в нём, и в таком случае в нём нет начала движения, однако, как известно, во всяком теле есть начало движения, если двигатель находится отдельно от движущегося и совершаемое им движение совпадает с началом движения тела, то положение может быть таковым, что это движение либо возникает от них одновременно путём соучастия, в то время как начало движения в теле может только в отдельности быть двигателем, либо оно в отдельности не может быть движением. Стало быть, если это начало в отдельности не может стать двигателем, то в теле не будет существовать начала движения.

Мы как-то говорили, что начало движения является движением, а это абсурд. Ты знаешь, что всякое тело имеет начало движения. Так, если начало движения в отдельности может быть движением, то двигатель, который существует отдельно от движущегося, не является тем двигателем, который есть начало движения. Это приведение в движение происходит несколькими путями: либо двигатель даёт начало движению тела для того, чтобы тело посредством этого начала стало движущимся, либо он даёт телу другую силу, благодаря которой оно будет двигаться, либо двигатель является двигателем [сам по себе], поскольку является целью и началом движения, либо и тем, и другим. Такое состояние имеет место тогда, когда движение двигателя, который находится отдельно от движущегося, подобно началу движения тела и происходит одновременно с ним. Но если движение двигателя к движущемуся, который находится отдельно от движущегося, противоположно началу движения тела, то оно является принудительным фактором, независимо от того, является ли оно телом или нет, так как здесь существует постоянное движение, пока существует Небо, и это движение будет явным. Следовательно, существует Перводвигатель, сила которого бесконечна, и Он не является телом и не находится в нём.

УПОМИНАНИЕ РАЗРЯДОВ СИЛЫ²²

Простые движения принадлежат простым телам. Первым делом мы говорим: силы, относящиеся к телам, постигаются тремя способами. Тело бывает либо единым и не состоит из двух [других] тел и имеет только одну силу; либо оно бывает одним и в нём нет составляющих, однако оно имеет две силы; либо тело состоит из тел, каждое из которых имеет специально какую-то силу, причём либо в результате смешивания и взаимодействия этих сил друг с другом образовалась одна общая смешанная сила, либо они друг с другом не взаимодействовали.

Что касается существования сил первого и третьего разрядов, то они возможны, а что касается силы второго разряда, то она по сути является простым телом, обладающим двумя силами. Этот разряд также постигается несколькими способами.

Один из них заключается в том, что две силы являются двумя вещами, но ни одна из них не является формой вещи, а следует за её формой или привходит в неё извне. Существование такой вещи возможно, однако не вообще, поскольку одна только сила может быть причиной одного чего-то привходящего.

Конечно, допускается, чтобы из одной простой природы, поскольку она есть форма, исходила действующая сила, как, например, от природы воды исходит чувственно воспринимаемый холод. В природе воды, с точки зрения материи, возникает другая претерпевающая сила, как, например, влажность по отношению к воде. Также возможно, чтобы природа воды, исходя из места тела, породила силу стремления, а исходя из качества тела – силу нагревания. Словом, такое состояние допустимо, но так, чтобы один из привходящих факторов предшествовал другому и становился причиной другого, как, например, теплота огня по отношению к силе стремления вверх, или же форма служит сущностной причиной одного из привходящих факторов, как, например, наличие формы огня является сущностной причиной теплоты, а другая форма исходит от неё под влиянием привходящего фактора из-за её свойства быть причиной стремления.

Если тело оставляет своё естественное место, то это происходит либо вследствие действия двух акцидентальных факторов, а не по причине, исходящей из его формы, либо это невозможно. Отсюда известно, что если тело находится в своём естественном месте, то невозможно, чтобы причина его движения не существовала, поскольку она является причиной его движения, так как причина есть не только форма тела, но и является чем-то другим. Следовательно, в действительности, одна вещь не может быть и причиной движения к естественному месту, и причиной покоя.

Стало быть, от одной силы исходит только одно действие, и одно естественное действие может исходить только от одной силы. Если дело обстоит так, и естественное действие едино не по виду, а по роду, как, например, движение воды и земли вниз, то единство силы существует по роду, а не по виду. Если

естественное место одно по виду, то его начало также одно по виду.

Иногда силы бывают такими, что одна из них будет формой, а другая – привходящим фактором. Допустимость этого была выяснена. Иногда от силы возникают две вещи, от совокупности которых образуется одна форма в теле, благодаря которой тело становится единым. Осуществляется это несколькими способами.

Один способ заключается в том, что каждая из вещей в отдельности в состоянии сделать материю существующей субстанцией действительно. Таким образом, невозможно, чтобы другое тело не могло конституировать материю и быть акциденцией. Получается, что каждое из них есть и форма, и акциденция, а это невозможно. Следовательно, совокупностью этих двух вещей является форма, так как каждая из них есть часть формы, а это значит, что каждая из этих двух частей сама по себе не может различаться посредством целой вещи, как это имеет место в понятии рода и отличающего признака в простых вещах. Это то, существование чего нельзя отрицать. Стало быть, из каждой из них в отдельности не исходит какого-либо специального видového действия, а из родовой идеи исходит родовое действие, качество которого существует в смысле отличающего признака. Например, из неё исходит абсолютное движение, которое касается её вида при участии отличающего признака, или же две части существуют так, что одна отличается от другой, как, например, части сложных вещей. Такое невозможно, так как каждая из двух частей в отдельности обуславливает бытие материи. Тогда материя оказывалась бы предшествующей этим двум частям, однако часть вещи оказывается предшествующей совокупности частей, так как совокупность образуется из них и совокупность действительно обуславливает бытие материи, как было предположено. Следовательно, эта часть [вещи] предшествует материи. Отсюда следует, что каждая часть предшествует вещи и обуславливает бытие её материи, а следовательно, и саму материю, тогда как материя предшествовала вещи, а это абсурд.

Когда мы решили этот [вопрос], то сказали: как ты узнал из того, что говорилось выше, естественное движение предполагает существование трёх естественных родов: движение от середины, движение к середине и движение вокруг середины.

Под движущимся от середины не следует понимать то, что двигается от объемлющего середину. Если оно двигается из другого места и удаляется посредством своего движения от середины, то оно является движущимся вокруг середины. Нет необходимости в том, чтобы движущийся к середине двигался к самой середине и обязательно завершал своё движение в самой середине, ибо даже если он не приблизится в своём движении к середине, то всё равно останется движущимся к середине.

Для движущегося вокруг середины не обязательно, чтобы середина выступала в качестве центра, ибо если середина не есть для него центр, а расположена внутри, то он всё равно является движущимся вокруг середины, так как некоторым образом движется вокруг неё. В этом виде движения вокруг середины иногда происходит так, что движущийся иногда приближается к центру, а иногда удаляется от него. Это происходит не потому, что он двигается от середины и к середине, так как посредством своего движения он сущностно не стремится к приближению или отдалению от середины, а потому, что он двигается по своей орбите. Однако может случиться и так, что одна часть его орбиты будет находиться в близости от середины, а другая – в отдалённости. Части его орбиты также потенциально находятся вблизи и вдали от потенциально бесконечного числа вещей, и его движения направлены только для сохранения своей области.

Далее, если бы его движение в направлении близости и отдалённости преследовало достижение первой цели, то оно завершилось бы в случае достижения цели, и не покидало бы её. Это движение совершалось бы путём движения через самые близкие расстояния, каковыми являются не кривые, а прямолинейные протяжения. Следовательно, движущееся по природе к середине называется “движением к естественному месту”, а движущееся в результате принудительного действия от него имеет такое свойство, что, если оно покидает своё естественное место и не подвергается уничтожению и ничто ему

не препятствует, то возвращается к середине и находится под всеми телами, как, например, земля.

То, что не является движущимся в результате принудительного действия, есть движущееся в направлении середины, однако не достигающей её, так как она не является целью движения, а середина есть тот предел, которого желает земля.

Бывает и так, что относительно тяжёлое оказывается движущимся от середины, и его движения не противоположны, поскольку они завершаются в одной крайней стороне и в одном конце. Подобным образом, например, обстоит дело с водой. Когда она возникает в участке [пространства] воздуха или огня, она двигается к середине, и если она в действительности двигается в участке [пространства], занимаемого землёй, то она по природе движется по нему, пока не зальёт поверхность земли.

Движущееся по природе от середины – это то, что называется “лёгким”, и движущееся от него в результате принудительного действия – это то, чему свойственно возвращаться в направлении естественного места середины, если оно покидает свое и если оно не подвергается уничтожению и ничего ему не воспрепятствует. В этом случае оно будет двигаться вверх, достигая самые отдаленные пределы движения естественных тел. Стало быть, оно будет двигаться над всеми телами, совершающими прямолинейные движения, как, например, огонь.

Что касается того, что остаётся неподвижным даже в результате принудительного действия, то это то, что отклоняется в своём движении от середины, но не достигает максимального предела, так как оно вовсе не желает того предела, которого оно желает. Бывает и так, что этот неподвижный предмет в результате принудительного движения называемого “лёгким”, в сравнении с тяжёлым, иногда движется от середины, а иногда к середине. Эти два вида движения не являются противоположным, так как оба они завершаются в одном пределе. Под каждым из слов “тяжёлый” и “лёгкий” мы подразумеваем две вещи, одна из которых, не будучи в естественном для неё участке [пространства], должна двигаться по своему естественному

стремлению в ту или другую сторону. Если под “тяжёлым и лёгким” имеется в виду естественное стремление, то тела, совершающие прямолинейное движение, всегда были бы тяжёлыми и лёгкими. Вторая обладает этим стремлением действительно. Если это так, то природные тела, находящиеся в своём естественном положении, не будут действительно ни тяжёлыми, ни лёгкими. И движущееся вокруг середины не оказывается каким-либо действительно лёгким и тяжёлым, и не оказывается каким-либо потенциально тяжёлым и лёгким.

Выше нами было доказано существование тела, совершающего круговое движение, и здесь же было установлено, что круговое движение тела предшествует в бытии движению других тел. В самом деле, природа этих тел такова, что они не могут запечатлеваться в своих “где”, которых они желают, кроме как занятие ими своих естественных мест. Находясь в своих естественных местах, они достигают своего участка пространства с помощью тела, которое сущностно предшествует всем другим. Круговое движение является самым совершенным среди двух простых движений, а то, что более совершенно, есть более предшествующее, и поэтому круговое движение предшествует прямолинейному.

Самое предшествующее простое движение должно быть у самого предшествующего простого тела, так как естественные простые движения должны быть у простых тел. Если сложные тела имеют начало простого естественного движения, то это либо исходит от силы, которая возникает в результате смешивания сил, и их цели совпадают с целями простых сил, либо они мешают друг другу и не двигаются; либо же одна из них будет преобладающей. Следовательно, это есть сила несложного, а простого предшествующего тела. Если движение совершается одинаково, то оно будет состоять из нескольких движений, тогда как каждое простое движение происходит от простой силы. Такое движение не происходит от смешанных сил, а смешиванию необходима такая предрасположенность, которая давала бы возможность принять какую-то силу, от которой исходит какое-то другое движение. Стало быть, это движение в

действительности не является естественным, так как оно подчинено целям первичных естественных сил тела.

Далее, движение этой силы направлено к определённом месту, и этим местом обладает естественное простое тело, и эта сила также по природе приводит сложное тело в движение в направлении этого простого тела. Ибо естественное тело, находящееся в этом месте, существует в этом сложном теле. Стало быть, если движение соответственно простому телу не будет существовать, то по природе одно и то же место требовало бы множества тел, а это невозможно. Так, если естественное простое движение принадлежит простым телам, то простые движения либо прямолинейны, либо круговые, так как расстояния бывают либо прямолинейными, либо круговыми.

Что касается кривых движений, то хотя у них и есть конец, однако они не возникают до необходимости, так как в этих концах возможно возникновение других бесконечных кривых движений. Что касается прямолинейного движения, то с ним дело обстоит не так. Отсюда явствует, что прямолинейные и круговые движения принадлежат простым телам, подобно тому, как естественные движения простых тел бывают либо прямолинейными, либо круговыми.

Прямолинейного движения не может быть без наличия стороны, а сторона не существует по природе без периферии. Периферия же может существовать без кругового движения, о чём было сказано выше. Стало быть, когда существует прямолинейное естественное движение, то существует и круговое движение.

Тела, в которых имеется стремление к круговому движению, будь их много или же оно одно, образуют род, по своей природе отличный от тел, находящихся в естественном для них прямолинейном движении, как было сказано выше. Однако эти тела, если для них по природе требуются различные местоположения в то время, как направление движения различны, то они скорее всего различаются по виду. И если тела возникают с другими телами в одном участке [пространства] в воображении, то и те, и эти, например, не будут двигаться или лишаться движения; или будут двигаться от середины; или же

некоторые из них будут в состоянии покоя, а другие будут двигаться от середины. Всё это происходит по природе, следовательно, они сущностно различны по природе. Стало быть, движущийся к середине является одним родом, а движущийся от середины – родом, противоположным первому. Однако, если тела после этого будут существовать различными по природе так, что одно тело будет требовать естественного места другого тела или места под ним, то одно тело будет двигаться дальше, другое ближе, третье сохранит своё стремление, а четвёртое потеряет его. Всё это в телах существует по природе, следовательно, они по природе различны по виду.

Как было сказано выше, поскольку небесная природа противоположна природе начала этих движений, то необходимо, чтобы они проявлялись в видах вещей, связанных с этим различием. Так, теплота и холод являются двумя свойствами, проявляющимися в лёгкости и тяжести. Стало быть, если в материю проникает нагревание, то она становится легче, и если она становится легче, то это значит, что она нагрелась. Следовательно, только горячее может быть легким.

Бывает и так, что если материя сильно охлаждается, то тяжелеет, а если тяжелеет, то становится холодной, значит, холодное, может быть только тяжёлым. Следовательно, тепло и холод проявляются в тяжести и лёгкости.

Тело, у которого есть начало кругового движения, ни горячее, ни холодное. Утверждают, что воздух поднимается из сферы воды и поступает в сферу огня, стало быть, одно тело имеет противоположное движение, хотя оно противоположно своей сущности, следовательно, противоположность движения не порождает противоположности природы тел. В ответ на это скажем, что в действительности эти два вида движения не противоположны. И добавим, что в одной вещи иногда происходят противоположные действия в противоположных состояниях. Стало быть, тело иногда двигается, а иногда нет. Противоположность становится необходимостью тогда, когда в одном состоянии возникают противоположные движения, и из этого мы узнаём, что в нём есть противоположные начала. А если состояния противоположны, то начало силы стремления этих

двух движений должно быть единой формой, единой силой, требующей одного и того же местонахождения. Так, два различных или противоположных движения в отношении одного места происходят в двух противоположных состояниях. Эти тела противоположны не по форме, даже если они возникают в противоположных состояниях, а, скорее, в силу своих движений по природе, которые исходят из какого-то участка [пространства], и между их движениями есть предельные различия.

УПОМИНАНИЕ СУЩНОСТИ ПРОСТЫХ ТЕЛ

Доказательство их существования, расположения формы и других качеств, которые по природе им присущи, а также отличие небесной сферы от них.

Что касается Неба, то оно является простым объемлющим телом, движущимся в силу природы своей по кругу и определяемым сторонами прямолинейного движения, где с ним связаны движение, время и их продолжительность. Если движение этих тел является душевным и совершается по необходимости, то оно простое, соответствующее сущности природы тела. Если бы оно не соответствовало природе тела, то было бы прерывным, так как его тело потребовало бы движения, исходящего от него самого, а не другого движения или покоя. Если бы движение состояло из прямолинейного и кругового движения, которых требуют огонь и земля, как, например, вращение расплавленного слитка, в котором возникает внешняя теплота, способствующая его поднятию вверх, и тяжесть, способствующая опусканию вниз, при этом круговом движении, то дело обстоит бы так, как я его описываю.

Так, если у одного тела возникнет два стремления в двух направлениях, они либо будут препятствовать друг другу, либо одно из них будет преобладать, либо части тела будут различны, как в простом теле, ибо в устойчивой части тела будет преобладать теплота, которая поднимает его вверх. И если оно окажется вверху, в нём возникнет стремление к естественному участку [пространства], и оно будет сопротивляться потребности нагревания и возвратится вниз. В отношении того, что находится

внизу, возникнет то, что возникло первоначально в отношении поднимающегося вверх, когда ему препятствовало спускающееся. Когда возникает круговое движение, тело не будет находиться на своем месте, а будет двигаться между своим местом и верхней точкой [круга]. Если в небесном движении по указанной выше причине возникло бы круговое движение, то оно возникло бы между двумя сторонами – верхом и низом, а не вокруг середины, так как отношение середины к движущемуся от него и движущегося к нему одинаково.

Кроме того, круговое движение совершается в том направлении, в котором есть огонь, и в том направлении, в котором есть земля. Тогда, как же будут определяться направления до появления тела, совершающего круговое движение? Если это движение возникает от какой-то смешанной силы, то оно возникает в соответствии с преобладающей [силой]. В таком случае, это движение будет препятствовать тем движениям, от которых получается смесь. Из этих ложных положений логически вытекает, что небо не имеет естественного места. Дело в том, что оно не находится в общем участке [пространства] между своими простыми телами, который является участком [пространства] сложных тел. Оно также не находится в участке преобладающего тела, следовательно, оно может находиться там только вследствие какого-то принудительного действия. Что касается естественной формы неба, то она должна существовать постоянно, и является сферической, не допускающей устранения естественной фигуры или её изменения. Если же оно допускает это устранение, то происходит оно путём расширения и приведения в принудительное прямолинейное движение. Всякий раз, когда небо со своего места вынуждено совершать принудительное прямолинейное движение, оно должно двигаться по прямой, так как по природе оно имеет прямолинейное движение. То, что не имеет стремления, как известно, не допускает принудительного движения. Стало быть, в нём есть начало прямолинейного движения, тогда как было доказано, что его нет. Здесь можно провести аналогию с тем, что всякое сферическое пронизываемое тело обладает стремлением к прямолинейному движению, а то,

что не имеет такого стремления, не обладает проникаемостью. У небесного тела, однако, нет стремления к прямолинейному движению. Следовательно, оно непроницаемо. Ранее было определено, что по природе совершающее круговое движение, не является ни лёгким, ни тяжёлым. Это значит, что оно также ни горячее, ни холодное.

Почему мы говорим, что небесное тело также не сухое и не влажное? Дело в том, что влажное тело таково, что быстро принимает некую форму и становится проникаемым, а сухое тело противоположно этому, поэтому мы не допускаем в нём проникания и прочих видоизменений, кроме кругового.

Далее мы говорим, что небесное тело не может возникнуть и подвергнуться уничтожению, ибо всякое возникающее и исчезающее тело имеет некоторое начало прямолинейного движения. Дело в том, что если оно является чем-то сотворённым, то должно находиться по природе в своём специальном естественном месте или в другом месте. Так, его сотворение в другом месте бывает либо таким, что оно по природе там и остаётся, следовательно, оно будет отличаться от его естественного места, являясь таковым по природе, а это нелепо. Либо оно по природе неизбежно будет двигаться к своему месту посредством прямолинейного движения. При его сотворении в его естественном месте оно либо сталкивается с другим телом, помимо себя, либо не сталкивается. Если оно появляется в своём месте и полностью занимает его или будет находиться там с другим телом аналогичной природы, то это значит, что его место до этого было пустым, а это нелепо. Если оно находит своё место занятым другим телом, то мгновенно его оттуда выталкивает и занимает своё место. Таким образом, его место является таким, что оно будет двигаться в его сторону и посредством движения займёт его. Следовательно, этот участок будет такой вещью, к которой направлено движение для её познания. Стало быть, он является одним из тех участков, к которому направлено прямолинейное движение. В этом случае это место есть либо предел направления, либо нет. В обоих случаях участок тела нуждается в том, чтобы быть определённым не тем телом, которое его занимает, а другим, занимающим

другой участок. Следовательно, местом этого тела может быть участок, который тело по природе может или занимать или отклоняться от него. Стало быть, тело находится в состоянии прямолинейного движения в сторону этого участка. Это сотворённое тело и есть то самое тело, которое по природе занимает своё место. Следовательно, в этом теле есть некоторое начало прямолинейного движения. Если виды движения таковы, что некоторые из них невозможны, а некоторые другие делают необходимым начало прямолинейного движения, то во всяком созданном теле есть некоторое начало прямолинейного движения. Значит, всякое тело, у которого нет начала прямолинейного движения, не является сотворённым телом.

Небесное тело, в котором по природе есть некоторое начало кругового движения, не имеет начала прямолинейного движения, следовательно, небесное тело не является сотворённым. Значит, это тело не создано другим телом и в участке [пространства] другого тела, а оно сотворено из ничего и поэтому не нарушает течения времени. По этой же причине оно не нуждается в другом теле, которое определяло бы его направление, а само определяет направление, и, следовательно, не покидает своего участка [пространства]. Если же оно покидает свой участок, то не является сущностно определяемым своего направления. Кроме того, если оно сотворено из другого тела, то это тело должно иметь какую-то материю. Эта материя до возникновения формы субстанции небесной сферы должна быть либо свободной от формы, что нелепо, либо должна иметь другую форму. Эта другая форма противоположна субстанции небесной сферы и не соединяется с ней. Но невозможно, чтобы она была противоположна форме небесной сферы, поскольку форма небесной сферы не имеет противоположности. Если бы она имела противоположную форму, то вещь, вытекающая из формы небесной сферы, также имела бы противоположную форму, так как вещь, вытекающая из противоположной формы, не может совпадать с вещью, вытекающей из формы небесной сферы. Между ними существовало бы только противоположность.

Однако вещь, вытекающая из формы небесной сферы, не может иметь противоположную себе вещь, поскольку имеет круговое движение. Следовательно, форма небесной сферы не имеет противоположной формы. Скорее, эта другая форма является привходящей, сопутствующей вещью и невозможно, чтобы эта другая форма не соединилась с формой небесной сферы. Эта другая форма является формой, конституирующей материю небесной сферы. Стало быть, возникновение этой формы означает не возникновение небесной сферы, а совершенствование её субстанции.

Далее, рассмотрим, воспринимает ли небесная материя, обладающая этой формой, прямолинейное движение и другие виды движения, или нет. Если она не допускает этого, оставаясь вместе с этой формой на определённом участке пространства, и не допускает акциденций, связанных с прямолинейным движением, то это значит, что материя небесной сферы существует до возникновения своего участка. Если же небесная материя допускает прямолинейное движение и не остаётся в определённом участке, пространства, то в этом случае было бы невозможно определить, какой-то участок пространства, а это нелепо. Словом, невозможно, чтобы не существовало того, при помощи чего определяются направления прямолинейных движений, в случае, если прямолинейные движения существуют. Скорее, истина заключается в том, что материя небесной формы зависит от её формы и не допускает противоположности – таков смысл их утверждения о том, что форма небесной сферы является элементом. Отсюда следует, что материя небесной сферы не является возникающей и исчезающей материей. Если материя была бы предрасположена к [принятию] другой формы, то в природе этого тела была бы заложена приемлемость возникновения и уничтожения в прямолинейных движениях, в результате чего возникли бы вышеупомянутые невозможности.

Тот, кто думает, что опровергнет это утверждение тем, что, как мы видим, [множество] вещей возникает из противоположных вещей, субстанциональные формы образуются из небытия, как, например, человечность и лошадочность и другие вещи, то он, во-первых, не знает, что цель нашего

утверждения состоит не в том, что субстанция из своей противоположности создаёт совокупность. Смысл нашего утверждения в том, что субстанциональная форма возникает в первоматерии через себе противоположное.

Кроме того, он не знает, что наше утверждение касается не всех субстанций, а тех, которые состоят из материи и формы. Не все сложные субстанции имеют это свойство, а только те субстанции простых тел, которые имеют только простые материи и формы. Ибо материя до образования из неё простого тела либо не имеет формы, что невозможно, либо имеет форму, которая не устраняется. Следовательно, второе тело или же не простое по форме, а сложное, или же если оно простое, то его простота получает завершение посредством первой формы. Это второе тело есть нечто неотъемлемое, привходящее, которое необязательно для конституирования первого тела. Стало быть, здесь мы наблюдаем превращение и совершенствование, а не образование. А если здесь имеется форма, которая с появлением второй формы устраняется, то она будет противоположна второй форме. Поэтому всё то, что соединяется друг с другом, является противоположным, ибо в материи одновременно могут находиться нечто одно и нечто другое, что не является первым, например, вкус и цвет.

Всё то, что не соединяется друг с другом, но воплощается в материи, не является противоположным, ибо формы человечности и лошадожности, обладающие этими своими качествами, не являются противоположными. В самом деле, хотя материя и принимает эти две формы, однако она не принимает их первичным образом по причине некой общей силы [способности] или двух совпадающих друг с другом сил. Напротив, каждая из них нуждается в материи для того, чтобы её предрасположенность нашла существование в вещах. Так, если появляется предрасположенность одной из них [к существованию в вещах], то устраняется другая. Напротив, их совместная предрасположенность должна быть у них первичным образом с тем, чтобы они были противоположными, или же их предрасположенность была бы [создана] посредством одной общей силы. И после всего этого между ними не должно быть

большей противоположности, чем противоположности этих двух форм.

Мы говорим, что форма небесной сферы и её природа есть душа, присущая ей, и это движение – её естественный выбор. Известно, что душа не имеет противоположного, и если она является материальной формой и не имеет противоположного, которое исчезало бы по причине души, в то время как материя вообще не может отделяться от формы, то материя не может отделиться и от этой формы.

Мы говорим, что небесное тело не допускает роста и превращений, ведущих к изменению его природы. Ибо то, что допускает рост, допускает в своей природе возникновение и превращение, ведущие к изменению субстанции, в то время как природа является причиной возникновения чего-либо, как, например, при сильном нагревании вода теряет свою форму. Поскольку нам стало известно, что небесная форма не создаётся, то она и не-уничтожима. Она находится в материи [небесного тела].

Кроме того, всё, что уничтожается, образуется, и всё, что образуется в качестве тела, уничтожается. Кроме того, недопустимо, чтобы вещь образовывалась в качестве тела и не уничтожалась в то время, как форма телесной вещи уничтожалась бы вследствие ее материальности и вновь не возникала бы тело, в том, что материя, соединяющаяся с этой формой, либо должна соединяться с формой небесной сферы, либо нет. А если она не сочетается, то материя с точки зрения своей природы может допускать, чтобы эта форма в ней или существовала, или нет. Если эта форма в ней возникнет, хотя она не является необходимой для её природы, то она неизбежно возникнет в ней, и это не является невозможным. Следовательно, в природе материи либо возможно возникновение формы, либо нет. Давайте подумаем, может ли материя постоянно иметь эту форму или нет?

Представляется, что материя не может постоянно иметь эту форму, так как она не обладает силой сохранять её в себе. Следовательно, эта материя либо может не иметь эту форму постоянно, либо она может не обладать силой для её сохранения.

А это происходит двояким образом. Невозможно, чтобы материя всегда могла сохранять эту форму или всегда была бы в состоянии не сохранять её. То, что в состоянии совершать вещь, это то, что если её существование предполагается, то, возможно, от неё истекает либо ложь, либо невозможность. Следовательно, в ней это не случится, и далее предполагается, что в двух состояниях в ней не произойдёт невозможного. Однако предполагается, что в ней не всегда будет наличествовать существование формы и её несуществование, так как это невозможно. Невозможно, чтобы форма одновременно существовала и не существовала. Следовательно, эта форма не всегда может существовать в этой вещи. Из этого вытекает, что существование формы в ней необходимо, а несуществование её невозможно. Точно так же обстоит дело с материей и состояниями, а это абсурд и противоречит нашему предложению. Следовательно, материя вовсе не способна всегда иметь форму, и потому ни одна материя по природе не может бесконечное время сохранять свою форму. Из этого явствует, что материя не может бесконечное время лишаться своей формы, и вещь, которая не уничтожается, не может быть сотворена. Вещь, которая сотворается, обязательно уничтожается.

Никто не может сказать, что здесь появилось невозможное, так как ты предположил для противоположащего существование противоположащего, когда мы предположили существование чего-то сомнительного, чтобы выявить абсурд. Как нам стало известно, существуют некоторые противоположные друг другу части, все прозрачные и в которые проникает свет. Среди этих частей имеются видимые тела, по своей сущности излучающие свет, как например, Солнце, Луна и звёзды. Некоторые из них находятся по положению выше других, так как, по нашему наблюдению, некоторые из них закрывают друг друга, некоторые изменяют свой вид, а некоторые не делают этого. Мы наблюдаем, что некоторые классы звёзд в движении, которое свойственно им, сохраняют положение, которое соответствует другим, а другой класс звёзд противоположен этому. Некоторые звёзды двигаются с Востока на Запад, а затем с Запада на Восток. Следовательно, эти звёзды не принадлежат

небесным сводам, которые их перемещают. Всё это не относится неизбежно к роду несотворяемой субстанции.

Как стало тебе известно, состояние сотворенных вещей таково, что они не проникают в несотворённые вещи, которые являются простыми телами. Сотворённые вещи являются сложными телами и имеют сферическую форму. К числу таких тел принадлежит Луна, которая кроме света, также обладает цветом. Когда Луна перестаёт излучать свет, то, как показывают наблюдения, она по мере своей близости, дальности и прочих положений получает свет от Солнца. Когда Земля входит в пространство между Луной и Солнцем, Луна подвергается затмению. Прочие звёзды, по моему предположению, освещают сами себя и не получают света от Солнца. В противном случае, их свет изменился бы согласно изменению их положения. Что касается пятен, которые имеются на Луне, о которых сторонники “спектрального созерцания” утверждают, что они всегда имеют одну форму, которая не изменяется, то следует отвергнуть все умозрительные мнения, за исключением того, которое приведено в “Книге исцеления”, и оно следующее. Причиной существования этих пятен является то, что в небесной субстанции существуют такие тела, которые расположены близко к Луне. Природа этих тел заключается в том, что при движении они сохраняют одинаковое положение между Луной и центром, и в силу своей незначительности не могут наблюдаться в отдельности. Их можно видеть только в совокупности в особом виде совместной формы, которая либо вообще не имеет света, либо свет слабее света Луны и по сравнению с ней представляется тёмной при отсутствии света. Вероятно, исходящий от каждой звезды свет имеет самостоятельный цвет и в соответствии с этим цветом также различается её чувственно-ощущаемый свет. Свет некоторых звёзд близок к красоте, а некоторых к свинцовому цвету, а иных к зелёному. Луч и свет могут существовать только в теле, которому свойственно иметь цвет. Обычно сияние различается по цвету, к которому примешивается свет, как, например, огонь, дым которого порождают различные цвета пламени из-за различия цвета сгорающих веществ.

Что касается вопроса, связанного с законами, упомянутыми в разделе о различных взглядах, людей на движения звёзд, небесной сферы и их состояния покоя, то в этом плане звёздам в сущности должны быть присущи движения, которые свойственны им самим, как это стало известно тебе из состояния небесных тел, которые расположены в своих местах из-за непроницаемости в данном теле. Некоторые звёзды называют подвижными, где порядок их расположения по отношению друг к другу определяется путём определения отношения некоторых из них к другим. Также известно, что каждая звезда имеет свою самостоятельную небесную орбиту и каждой свойственно специальное движение. Второй вид звёзд называется неподвижными, однако относительно их невозможно сказать что-либо однозначное, находятся ли они в одной или нескольких сферах, где одна расположена выше другой.

Всё то, что связано с движением этих звёзд в плане долготы и широты, исследуется в науке астрономии. Необходимо знать, что каждая небесная сфера и звезда в том положении, в котором они находятся в большем или меньшем скоплении должны иметь между собой дистанцию, как того требует всеобщий порядок, другое недопустимо. Однако человеческая способность далека от постижения всего этого, она познаёт только те цели, которые являются легкодоступными вещами, как, например, познание склонения, апогея, перигея, и состояния Луны при удалении Солнца и др.

Что касается огня, воздуха, воды и земли, то они являются простыми телами, по природе совершающими прямолинейное движение от середины и к середине, называемыми лёгкими и тяжёлыми. Так, огонь и воздух совершают движение от середины и называются лёгкими. Что касается огня, то он вообще лёгкий, а воздух не абсолютно лёгкий. Вода и земля совершают движение к середине и называются тяжёлыми, земля вообще тяжёлая, а вода не абсолютно тяжёлая. Лёгкому необходимо быть горящим, а тяжёлому – холодным. Всякое горячее и холодное либо влажно, либо сухо. Можно удовлетвориться тем, что существуют огонь, воздух, вода и земля.

Мы говорим, что существующие у нас тела разделяются на две части, одна – это тело, которое стремится вниз, другая – тело, которое стремится вверх. Тело, стремящееся вниз, либо имеет чрезмерное действие и с лёгкостью не принимает определённой формы, или наоборот. Стало быть, таким телом либо является земля или то, в чём преобладает землистость; либо оно является текучим, влажным, либо тем, в чем преобладает влажность; либо оно есть вода или то, в чём преобладает водянистость.

То, что стремится вверх, сжигает, стало быть, таким телом бывает либо огонь, либо то, в чём преобладает огненность. Некоторые из них не обжигают или же в них преобладает это свойство. Стало быть, таким телом бывает либо воздух, либо то, в чём преобладает воздушность. Исследование по этому вопросу, если того захочет великий Аллах, будет [предпринято] позже. Бывает и так, что земля оседает под водой, но бывает и так, что по природе земля плавает над водой. Другой раз видим, что воздух, находясь под водой, в результате сильного стремления выходит из-под воды и, высвободившись, не стремится более в какую-то сторону. Случается и так, что огонь независимо от того, существует ли он в чистом, невидимом виде, или смешан с землёй, поднимается вверх, сияя над всеми телами.

Некоторые думали, что огонь простое [тело], спокойное в своём естественном месте и не сжигает. Что касается пламени, то [предположим, что] оно есть крайнее состояние огня. Однако такое предположение неверно, так как интенсивность сжигающего находится в теплоте пламени, и она должна иметь какую-то причину. Её причиной может быть только простой огонь, который зависит от [природы своей] материи. Пламя, конечно, не есть чистый огонь. Оно состоит из холодной стихии, которую окружают холодные вещи. Далее, если бы эта огненная небесная материя не была сжигающей, то не воспламенялись бы дымообразные вещества, превращаясь в метеориты, кометы и огромные [небесные] глыбы. Огню необходимо постоянное движение, а земле – покой. Движение огня происходит благодаря соприкосновению с поверхностью небесной сферы. Каждая часть огня должна быть частью этой поверхности, и её связь с

поверхностью осуществляется по природе. Следовательно, отсюда следует, что движение небесной сферы и движение огня не являются ни насильственными, ни естественными движениями, и в сущности самого огня нет движения. Оно подобно какому-то акцидентальному движению, поскольку определенная вещь непременно связана с чем-либо.

Некоторым небесным явлениям присуще подобное движение, и это происходит двояко: одно движение противоположно [движению] центра двух сфер и, находясь внутри, как бы выходит наружу. Если же оно двигается снаружи, то необходимо его движение вовнутрь. Другое движение не противоречит [движению] центра двух сфер. Оно едино с этим движением, не различаясь по объёму. Следовательно, всегда необходима ось, которая входила бы снаружи с двух сторон. Стало быть, из внешнего движения вытекает внутреннее движение. Что касается состояния покоя земли, то оно происходит из-за её отдалённости от неба, а также по другой причине, которая сделала необходимым её покой, а именно: различия состояния тела, совершающего сферическое движение, и движения по положению, что должно проявляться при движении, ибо если все состояния тела будут одинаковыми, то приводящий в движение будет противоположен этим состояниям.

Связь этого движения с состояниями осуществляется только в каком-то месте или в каком-то направлении. Место и направление не могут принадлежать только одному телу, поскольку место существует в теле, в котором оно обозначает его предел. Что касается направления, то оно должно сопоставляться с какими-то пределами либо в пустоте, либо в полноте. Однако пустота невозможна, а полнота необходима. Далее, это тело и есть определитель направления прямолинейных движений. Об этом будет сказано позже в отдельной главе, где речь пойдёт о том, когда в этом теле не будет существовать какое-то иное тело, совершающее прямолинейное движение, и другое тело, которое окружало бы его и было бы тождественным ему. Стало быть, в нём неизбежно есть начало кругового движения, и оно принадлежит к роду этого тела и обладает той же природой, о чём мы ведём здесь рассуждение. Следовательно, это тело своей

изменчивостью движения не может сравниться с телом, которое находится вне его. Итак, в итоге остаётся сказать, что у этого тела должна быть связь с телом, находящимся внутри его в состоянии покоя. Это второе тело должно двигаться вокруг него, дабы в их отношении наблюдалось противоречие. Так, если оно движется, то возможно возникновение противоречия с состоянием покоя другого тела. Что касается находящегося в состоянии покоя, то его отношение к движущемуся также будет отношением противоречия, дабы его отношение с движущимся было отношением противоречия свойства, а именно отношением тела, находящегося в состоянии покоя. Стало быть, круговое движение этих тел должно происходить вокруг какого-то тела, которое по природе покоится в центре. Таковым является Земля.

Что касается видов этих тел, то их четыре, и они также являются сферическими. Что касается огня, то он по природе движется в сторону небесной сферы. Следовательно, он должен двигаться к небесной сфере посредством однонаправленного стремления, и, вместе с тем, он есть простое тело, требующее простой сферической сферы и занимающее сферическое место. Точно такую же форму будет иметь то, что находится внутри него. Однако такому телу свойственны возникновение и уничтожение, и с ним будет соединяться то, что с ним [способно] смешиваться, и отделяться от него то, что с ним не [способно] смешиваться. Бывает и так, что оно с трудом соединяется, хотя этого изначально требует его природа, как, например, земля, которая по природе с трудом принимает определённую форму и с трудом расстаётся с ней. Вместе с тем, она подвержена возникновению и уничтожению. Так, если что-то от неё убавится, то она уже не остаётся в своей первоначальной форме. Однако воздуху не присуще такое качество. Что касается поверхности земли или какого-то иного тела, то это убавление происходит вследствие соприкосновения с чем-либо. Поверхность того, что является текучим и влажным, должна сохранять свою естественную сферическую форму, как, например вода. В самом деле, если поверхность воды была бы прямолинейной, то плывущий корабль, издали был бы виден полностью тому, кто находится в море. Однако из-за своей отдалённости он кажется меньше, чем

есть. Тем не менее, дело обстоит так потому, что сначала показывается одна его часть, а другая нет, так что вначале появляется его мечта, а потом становится видимой его передняя часть. Кроме того, если вода обладала бы прямолинейной поверхностью, то была бы ближе к центру движущегося к ней по природе, чем её две крайние стороны. И эти две крайние стороны должны были бы стремиться к середине, чтобы иметь к ней одинаковое отношение. Это отношение не имеет чего-либо препятствующего в природе воды, которая бы равномерно двигала эти части к центру. В таком случае, расстояние её поверхности от центра бывает одинаковым, следовательно, сферическим. Что касается сухого тела, то оно убавляется, однако его убавление не сравнимо с убавлением текучего тела, которое из-за своей влажности приобретает её форму. Следовательно, сухому телу необходимо, чтобы убавление было сферическим по форме. Что касается влажного тела, то убавление необходимо ему из-за того, что оно следует за сухим телом и связано с ним, а не потому, что оно следует за влажным телом. Однако сухое тело, то есть земля, хотя оно и таково, не может полностью лишиться сферической формы в результате этих убавлений. Стало быть, эти сферы являются такими, что некоторые из них входят в некоторые другие или же тождественны другим сферам, и их совокупность составляет одну сферу. Как же иначе, когда стремление к периферии одинаково и отдаление от неё к середине также одинаково, тогда как середине необходима сферическая форма. Мы говорим: необходимо составить из природ одну сферу, дабы мир был одним миром, а не множеством миров. Предположим посылку для разъяснения состояния естественных участков простых тел, так как сложные тела следуют за простыми в своих законах. Посему мы говорим: естественное пространство простых тел – это участок, который требуют эти тела, и они являются состояниями, которые по положению и форме допустимы в естественном теле. Некоторые из этих простых тел находятся в некоторых других изначальных сферических образах, согласно естественному соседству.

Далее, всякий неестественный участок тела является естественным по отношению к другому телу, так как без естественного тела не может быть и участка [пространства], подобно тому, как нет естественного тела без естественного участка [пространства]. Следовательно, нет другого участка, кроме того, который имеет место в таком виде.

Возвращаясь к своему объяснению, отметим: если бы миры были множественными, то естественные участки [пространства] необходимо имелись бы у каждого рода тел миров, так что если бы предполагались изначальные расстояния между ними, то они соединились бы в то, что представляет собой сферу. Следовательно, будет совокупность тел миров, между которыми либо пустота, либо заполненность. Внутри них будет какое-то иное тело, ибо пустота по необходимости невозможна. Что касается заполняющего тела, то оно либо неизбежно будет находиться в своём естественном участке, либо вне его – в участке пространства, являющегося естественным участком другого тела. Во всяком случае его участок [пространства] будет сферическим. Однако это будет невозможно, если мы предположим, что совокупность не объединена в одной сфере. Следовательно, нет множества сферических участков для различных родов тел. Значит, объединяющий участок – один, и совокупный участок тоже один. Это то, что мы хотели определить.

Далее, если сделать каждый мир в форме, подобной другому миру так, чтобы в каждом мире были земля, вода, воздух и огонь, то получится, что тела, совпадающие по виду, будут по природе стремиться к естественным неодинаковым по положению местам. Несостоятельность этого мнения мы уже отметили. Более того, было бы необходимо, чтобы место земли являлось таким местом, в котором она могла бы соединяться как одна и та же вещь, и заполнить его. Так обстоит дело в отношении каждого из элементов. И если дело обстоит так, то земля, например, либо не может возникать во всех местах, следовательно, не имеет естественного места, что невозможно, либо её естественное “где” имеется везде. Мы объяснили невозможность этого. Естественное место [земли] – одно и то же.

В других местах она может находиться принудительным образом. Стало быть, каким образом Земля отделяется от непроницаемых тел и тел, определяющих направление? Что может быть разграничителем между ними? Случается и так, что одна природа может естественным образом двигаться по природе в противоположном направлении. Следовательно, форма мира соединяется с одной материей, в результате чего в мире возникают существующие вещи. Стало быть, мир – единый, совершенный и определённый, и в нём существуют разряды простых природ, существование которых возможно. Так, сферическое и прямолинейное движения непрерывно продолжаются в мировом пространстве, и в нём же происходит порождение вещей. Создатель этого мира сообразно своей мудрости может довести этот единый мир до необходимого совершенства, согласно возможности, заложенной в природе бытия мира, без того, чтобы сделать мир множественным.

УПОМИНАНИЕ ВОЗНИКНОВЕНИЯ, УНИЧТОЖЕНИЯ, ПРЕВРАЩЕНИЯ, РОСТА И УВЯДАНИЯ²³

Возникновение и уничтожение существуют в сложных и простых телах постольку, поскольку они таковы. Поэтому до этого было отмечено, всякое возникающее, подвергаемое уничтожению, имеют начало прямолинейного движения, и эта целостность отражает частность, где одни из тех, что имеют начало прямолинейного движения, подвержены возникновению и уничтожению.

Так, некоторые простые тела имеют начало прямолинейного движения, а некоторые простые тела возникают и подвержены уничтожению. Кроме того, если одно из четырёх простых тел не является возникающим и уничтожающимся, то ясно, что оно в своём естественном месте находится в состоянии покоя, в “где” и положении одновременно, и данное тело принадлежит к предполагаемому месту по принудительной причине либо эта принадлежность уже была определена в начале возникновения во времени, поэтому оно принадлежит к этому месту, либо перемещается к нему. Если дело обстоит таким образом, и если не было бы перемещающего или

насильственного воздействия, то это тело не могло бы принадлежать какому-либо месту, и мы не могли бы определить то, что предполагалось извечным, а это невозможное. Так же обстоит дело с каждым телом.

Если бы земля или одна из стихий была извечной, то не было бы необходимости в том, чтобы все тела всегда перемешались под действием насильствующего фактора. Но это допустимо в отношении некоторых частей, и необходимо, чтобы они имели положение, которого требует насильственный фактор, если он является извечным. Если тела являются возникающими и уничтожающимися, то необходимо, чтобы движения, происходящие в начале их возникновения, возникали в том, месте, в котором происходит их возникновение от некоторых причин, поскольку их бытие связано с этим местом. Так, происходит первоначальное возникновение вещи в данном месте или в другом участке, в котором возникает естественное приведение в движение, в результате чего это место становится их местом расположения.

Наблюдения также убеждают нас в том, что эти тела превращаются друг в друга и некоторые из них происходят от других. Мы далее видим, что текучая вода затвердевает, а алхимики превращают твердые тела в жидкие, а жидкие – в твёрдые. Чистый воздух, как мы знаем, без присоединения к нему паров, сгушаясь, превращается мгновенно в облако, и туманы стремятся в его сторону. Если мы симметрично поставим стеклянный кубок на снег или на лёд, то на его внутренней поверхности будут постепенно накапливаться капли до тех пор, пока он не наполнится ими. Также мы видим, как вода путём нагревания превращается в воздух; воздух, приближённый к сильному огню, превращается в огонь, масло бальзамового дерева тоже мгновенно превращается в огонь.

Далее, наблюдение также убеждает нас в том, что сложные вещи превращаются друг в друга, как, например, пшеница превращается в кровь, а кровь – в кости и мозг и т.д. То, что принадлежит к этой категории, постоянно сохраняет видовую принадлежность к субстанции с точки зрения этой субстанции, как, например, вода нагревается, и это её свойство постоянно, и

это есть превращение. А то, что не сохраняется во время изменения своей видовой принадлежности, как мы это показали на примерах, является возникновением. Следовательно, абсолютное возникновение является субстанцией, а ограниченное возникновение, как, например, то, что было белым, а затем стало чёрным, есть превращение.

Говорят, что наиболее благородной стихией является абсолютное возникновение, а ему противоположно ограниченное возникновение.

Далее, всякое возникновение подвергается уничтожению, так как нельзя, чтобы тело происходило не от тела. То, из чего возникает тело, не может быть ни чем иным, как субстанциональной материей, в то время как субстанциональная материя не может абстрагироваться индивидуально. Следовательно, возникновение бывает в теле, обладающем формой, и возникновение происходит только после уничтожения тела. Таким образом, стало ясно, что эти тела принимают возникновение и уничтожение, и всякое тело приемлющее полностью или частично возникновение и уничтожение, не является извечным. Так, в том, что тело полностью принимает возникновение и уничтожение, нет сомнения, а если оно частично принимает это, то оно соучаствует в [конституировании] его свойств. Следовательно, природа свойств тела подвергается имеющему начало возникновению и уничтожению, а их природа существует ввиду возникновения некоторых из них от других.

Что касается способа бытия, возникновения, исчезновения и превращения, то между ними появляется действие и претерпевание действия.

Под действием в этом месте я подразумеваю движение в качестве, а под претерпеванием движение в теле. Далее, действие и претерпевание происходят между телами, чему предшествовало соприкосновение. Также принято в этом месте выделять специально соприкосновение, так как одно из тел оказывает влияние, но само не подвергается ему. Поэтому говорят, что оно соприкасается с телом, подвергаемым влиянию. Следовательно, когда происходит встреча и соприкосновение, то и возникает

действие и претерпевание действия. Поэтому всякий раз, когда происходит большее соприкосновение, то претерпевание будет более возможным. При встрече элементарные тела оказывают друг на друга действие, причём каждое из них, действуя своей формой, претерпевает действие своей материей, как, например, меч своей остротой рубит, а затупится и взбугрится его железо. Каждое тело воздействует на противоположное себе в смысле схожести вида и рода, имеющего соучастие в его материи. И это претерпевание постоянно будет продолжаться до тех пор, пока не произойдёт одно из двух: либо одно тело берёт верх и превращает его в свою субстанцию, что по отношению к виду победившего тела будет возникновением, а по отношению к побеждённому уничтожением; либо дело не завершается победой одного тела над другим, ведущей к преобразованию субстанций второго тела, а тем, что качество этого последнего испытывает такое превращение, когда действие и претерпевание действия стабилизируются, и возникает равноподобное качество, именуемое “смесью”, и это соединение называется “смешением”, ибо если смешивания не происходит этим способом, то оно не называется смешением.

Перипатетики сходятся во мнении, что смешения не произойдет, если две простые вещи сохраняются. Так, если бы простые вещи сохраняли первоначальное состояние, то не было бы необходимости в соединении с ними мясистости или костистости и они не имели бы ощущения от чувств, была бы скрытой простота сложной вещи, в то время как эта простота существует в ней, так, что если бы чувство зрения имело чрезвычайную способность постижения, то мы видели в мясе отдельно воду, огонь, землю и воздух. В таком случае мясо в действительности не является мясом, а соответствует видению каждого человека в отдельности. Они [также] говорили, что если не уничтожается одна из них, то тогда не уничтожаются обе, так как нельзя сказать в отношении двух смешанных [вещей], что они не являются уничтожающимися и нерастущими.

Далее Аристотель говорит, что у смешанных вещей сила стабильна, и под этим он подразумевает действующую силу, которая является формой, не имея в виду, что они существуют

потенциально, как это имеет место в претерпевающих вещах, существующих в сущности материи. В отношении материи он не имел в виду указывать, что претерпевание принадлежит ей, хотя она подвержена уничтожению, а это может быть тогда, когда сохраняется её сила, которая является её сущностной формой.

Что касается силы, которая понимается в смысле предрасположенности и материи, то она может уничтожаться и вновь возникать в материи, либо просто уничтожается. И если бы эти вещи уничтожались, то они были бы устойчивыми с помощью этой силы, ибо уничтожающаяся потенциально вещь есть вещь, которая существовала первоначально и ныне возвращается к этому состоянию.

Однако комментаторы колебались в этом месте из-за разногласия в понятии различия между собственными формами данных тел и между их качествами. Они думали, что все или некоторые эти качества являются формой этих тел, однако они являются субстанцией, которая не воспринимает большей и меньшей степени, и не вникали в суть вопроса, а именно в то, что каждая стихия имеет субстанциональную форму, благодаря которой она есть том, чем она является. За их формами следуют завершения, относящиеся к категориям качества, количества, “где”, и для каждого тела из этих стихий выделяются холод, теплота с точки зрения этой формы, и сухость, влажность, с точки зрения материи, сочетающейся с формой. По мере [существования] естественного количества, естественного движения и естественного покоя от этих форм в теле могут проистекать силы, из коих одна будет соотноситься с теми, что претерпевают действия, такие, как теплота, холод, другие с действователем, как, например, естественная сухость и естественная влажность, а третьи – с окружающими телами, такими, как естественное движение и естественный покой. Например, от воды в силу её субстанции проистекает холод, и если не встречается никакого препятствия, то по своей природе она движется вниз. Если по природе ему не будут препятствовать, то это качество будет усилено при помощи чего-либо, заставляющего его нагреваться, и в результате будут

усилены его движение и стремление, благодаря чему-либо заставляющему, и в ней возникает чуждое стремление.

Если бы чувствуемый холод был формой водности, то вода при кипячении потеряла бы форму, однако дело обстоит не так, и вода во время кипячения и после него остаётся таковой, если бы чувственно воспринимаемая влажность была формой водности, то в замерзшем виде она выходила бы из природы воды и становилась бы либо другой стихией, либо стала бы сложной вещью, но здесь дело так не обстоит. Следовательно, природа является не стремлением, а началом стремления, природа воды также является началом этих упомянутых качеств.

Поскольку это установлено, мы говорим: сущностная природа стихии сохраняется в смеси. Что касается качеств, то они не являются завершёнными, но и не уничтожаются полностью, следовательно, эта степень превращения является той величиной, которую обуславливает смесь. Так, завершения, которые имеются в каждом виде элемента, действительно не существуют, а существуют в близкой потенциальности, как, например, сила огня во время подъёма, но не как сила воды при подъёме. Следовательно, элементы не существуют в своём первоначальном состоянии и не сохраняются в абсолютной форме, как они есть, они полностью или частично не уничтожаются. Так, каждая стихия, с точки зрения своего вида, например вода, является естественным телом с каким-то качеством и, с точки зрения своего второго завершения, например, является действительно холодной. Она является одной из завершённых основ мира, с точки зрения того, что изменяется при помощи смеси и становится стихией в сложном теле.

Чем меньше бывают составные части, тем ближе они оказываются к смешению, так как каждая часть будет более предрасположенной для претерпевания, и каждая часть будет оказывать большее влияние на другую.

Что касается влияния большого на большее, то оно является таким, что между ними из-за противоположности затрудняется возникновение претерпевания. Кроме того, если стихия в сложном [теле] не остаётся, а устраняется формой [элементов], то при преобладании в [смеси] огня последний

осуществлял бы в ней равноподобное действие, ибо с помощью толчения и перегонки его можно было бы разложить на дистиллирующий и выправляющий элементы, которые не устойчивы в огне, с одной стороны, и на неподдающийся перегонке землистый (остаток) – с другой.

Далее, если в каждой части предрасположенность везде одинакова, то заметим, что эти элементы, если соединяются, то возникает то, что является устраняющим их субстанциональную форму. [В таком случае] либо допускается, что огонь, например, устраняет форму земли, либо нечто другое извне, которому свойственно устранить форму земли. Если они соединяются, то огонь либо вовсе устраняет форму земли, либо огонь устраняет форму земли, тогда как её огненность будет существовать, либо он будет устранять её, тогда как её огненность не будет существовать. Если форма земли устраняется и огненность отсутствует, то устранение огненности в форме земли будет происходить только после исчезновения огненности или же вместе с исчезновением огненности земли. Причиной исчезновения огненности в этом месте является земля, и в итоге рассуждения по этому вопросу мы пришли бы к заключению, что при уничтожении огня землёй они взаимно уничтожают форму друг друга, что нелепо. В таком случае существует какая-то другая вещь извне, которая устраняет формы каждого из них, если они соединены. Если существует необходимость для устранения формы огненности и придания ей другой формы, в то время как земля существует или не существует, то мы вернулись бы к исходному пункту рассуждения. Если бы для устранения огненности земли не требовалась, то можно было бы обойтись без смеси в исчезновении второй огненной формы и придании другой формы. Допустимо, чтобы от простых тел возникали живые существа без посредства смеси.

Что касается превращения, то предложенное высказывание в данном случае не подходит, ибо огонь, например: если даже является причиной нагревания материи земли, в то же время действительно остаётся огнём, и нагревание происходит благодаря [наличию] в нём жара. А если жар уменьшается, то это происходит потому, что в действительности

[огонь] воспринимает холод при помощи своей материи от земли. Следовательно, он воздействует посредством какого-то состояния и претерпевает при помощи какой-то материи. Состояние, которое действует на материю, будет существовать, и материя будет существовать, следовательно, это происходит на самом деле. Кроме того, эта смесь существует в нескольких вариантах: либо горячее из простых тел нагревает холодное до такой степени, до какой холодное охлаждает горячее, и в результате получается нечто промежуточное между количеством холода и количеством жары. Таким же образом обстоит дело с влажностью и сухостью, и такое смешивание называется умеренным абсолютным. Если состояние становится умеренным в одном из двух противоположных, и будет преобладать в другом или во всём, то эта смесь также будет выходить [за рамки] умеренного и станет называться преобладающей или преобладающей, вытекающей из двух противоположностей. Таким образом, тепло будет сухим или холод сухим, или холод влажным, или тепло влажным. Стало быть, всего существует девять разновидностей смесей, одна из которых умеренная, а восемь не являются таковыми.

Сомневаясь в существовании формы стихии в смеси после того, как возникает другая форма в результате соединения в смеси, говорят: каким же образом может быть в одной и той же вещи две формы? Что касается роста, то это нечто иное, увеличение, поскольку не бывает без увеличения того, что соединяется с растущим, которое не двигается полностью в сторону увеличения относительно дающего ему постоянное пропорциональное увеличение, способствующее совершенству вещи. Бывает, что поступающее, распадаясь, превращается в разновидности того, во что оно поступает. То, во что оно поступает, бывает изначальной вещью, простирающейся во все стороны и предназначенной для совершенства вещи. Поступающее должно входить в то, во что оно поступает, проникая через образываемые им в его толще полости, вследствие чего то, во что оно поступает, увеличивается во все стороны в должной для его вида пропорции так, что данный индивид сохраняет свой вид. Следовательно, растущий в

действительности есть этот увеличенный вид в его естественной величине, которая подобна его материи и величине. Этот растущий и является тем, что называется “пищей”. Она является питающим и обуславливающим рост в той степени, в какой она потенциально подобна тому, что должно заменить распавшееся путём превращения в его вид. Оно обуславливает рост в той степени, в какой содержит величину, прибавляющуюся к величине того, что растёт. Так, пищей всякого индивидуального тела служит соответствующая ему пища. Начало превращения пищи существует в питающемся, так как равноподобная сила находится в нём. Началом роста является то, что вливается в растущее, и то, что приводит к увеличению количества, также [должно быть] и в растущем. Однако количество пищи является чем-то изменяющим количество употребляющего её, следовательно, количество пищи является началом роста и находится в пище.

УПОМИНАНИЕ ВИДОВ СТИХИИ²⁴

К возникающим и исчезающим принадлежат четыре простых тела. Относительно их возникновения друг из друга, их порядку, способу возникновения всего сущего от них, мы говорим, что стихии не могут состоять из одного [элемента]. Дело в том, что здесь, как известно, действие и претерпевание действия не осуществляются противоположными силами и исходят не от одной, а от нескольких разных форм, которые делают необходимыми эти разные формы, которые в свою очередь, делают необходимыми разные виды. Следовательно, стихии должны состоять из множества предметов, и их число непременно должно быть конечным. Ясно, что стихии должны иметь формы, от которых исходят качества, при помощи которых между ними происходит взаимодействие. В результате [этого взаимодействия] из них путём смешения возникают сложные тела, ибо качества, проистекающие от их форм, являются чувственно воспринимаемыми вещами и предшествуют взаимодействующим качествам. Следовательно, чувства зрения, слуха, обоняния и вкуса не входят в состав этих качеств, а предшествуют им. Скорее, это осязаемые качества, которым

присуще прямолинейное движение. И нет тела, в котором не существовала бы какая-то противоположная крайняя сторона этих качеств или не была бы противоположна ему, или не принимала бы его или не была бы противоположна ему. Эти качества, следовательно, являются первыми видовыми отличиями первых тел, тогда как первые тела образуются без [участия] других тел.

Что касается других качеств, предшествующих прочим качествам, то те, которые не являются осязаемыми качествами, как, например, фигура, тяжесть, лёгкость и прочее, не допускают видовых отличий, при помощи которых тела могут быть стихиями. Эти качества таковы, что при их помощи происходят действие и претерпевание действия, через которое осуществляется смешение. К самим предшествующим качествам относятся тепло, холод, влажность, сухость, а что касается прочих, таких, как нежность и грубость, вязкость и хрупкость, безвлажность и мокрость, твёрдость и мягкость, неровность и ровность, то они относятся к качествам [смешения]. Два из этих четырёх являются действующими качествами, а два – претерпевающими. К действующим качествам относятся тепло и холод, поскольку они действительно могут воздействовать.

Так, говорят, что тепло разъединяет различное и объединяет одинаковое, а холод такое качество, которое объединяет подобное и неподобное. К разрядам пассивных [претерпевающих] относятся влажность и сухость. Поскольку они пассивные качества, то говорят, что влажность – это такое качество, при помощи которого тело легко растягивается и принимает форму, и легко же расстаётся с ней и не держит её, а сухость – это качество, при помощи которого тело с трудом принимает другие очертания и с трудом же расстаётся с ними.

Тёплое или холодное оказывают действие на влажное и сухое, и поэтому тёплое и холодное описывается как активные качества, а влажное и сухое – как пассивные. Из состояния этих четырёх качеств и сущности их определения необходимо знать: разъединение и объединение относятся к теплоте, и они существуют в сравнении со сложными вещами, а не простыми, поскольку тебе известно, что сложные вещи не имеют частей,

которые одинаково подвергались бы претерпеванию от тепла во время приведения в движение, в противном случае они были бы простыми вещами. Так, тёплое разъединяет что-либо путём приведения в действие [силы], возникающей в различных частях. Лёгкое и тяжёлое также неодинаково приводятся в действие, ибо сложное обладает различным предрасположением. Следовательно, первое превращение частей чего-то происходит путём нагревания.

Так, всякая часть, в которой нагревание происходит быстрее, является более быстрой. Случается и так, что некоторые части или поднимаются к верхнему участку [пространства] быстрее, а некоторые другие медленнее, или вовсе не поднимаются. Следовательно, если теплота совершает это действие, случается так, что по необходимости различные вещи отделяются и каждая направляется к тому участку [пространства], который ей соответствует.

Не следует думать, что огонь разъединяет воду. Разговор о том, что тепло объединяет одинаковые [тела], неверен. Дело в том, что огонь не разъединяет воду, а если какая-то её часть превращается в воздух, то она разъединяет часть [воды] от воды, которая не соответствует её природе, и далее из этого следует, что с этим воздухом смешиваются водные части и поднимаются вместе с воздухом вверх, и совокупность этого составляет испарение. Также не надо думать, что огонь не разъединяет золота, и разговор о том, что тепло разъединяет одинаковые [тела] неверен, так как смешение в субстанции золота и тесная связь между простыми телами очень сильны. Поэтому всякий раз, когда что-то из неё [воды] пытается подняться вверх, то её природа заставляет [это что-то двигаться], и в результате этого происходит вращение и кипение. Следовательно, огонь производит различное влияние, однако здесь существует препятствие. Из сущности нашего разговора о том, что тепло и холод являются активными качествами, а влажность и сухость пассивными, необходимо знать, что тепло и холод являются противоположными, и они воздействуют друг на друга; влажность и сухость также являются противоположными, но ни одно из них не воздействует на другого. Так, мы не видели,

чтобы влажность путём изменения увлажняла бы сухость, а сухость осушала бы влажность, скорее, это происходит посредством смешения с мокростью и сухостью.

Что касается тёплого и холодного, то они влияют друг на друга через изменение без проникновения и смешивания. Если вода замерзает, то это не из-за её сухости, которая повлияла на её влажность, а из-за холода. Таким образом, холод – это то, что делает необходимым сухость, а тепло противоположно холоду и делает необходимыми влажность и текучесть. Стало быть, влажность и сухость испытывают воздействие тепла и холода, но ни те и ни другие не действуют на другое, тогда как тепло и холод воздействуют друг на друга, а также на влажность и на сухость. Так, допустим, что влажность и сухость воздействуют друг на друга, однако здесь мы под действием и претерпеванием действия не имеем в виду такой способ действия и претерпевания действия, который имеется между влажностью и сухостью, ибо такой способ не имеет места при [выработке] определении, так как разъяснение этим способом приводит к кругу, а в определениях и описаниях применяют другой способ, а именно – действие и претерпевание действия осуществляются между вещами неодинаковыми по роду, как это мы объяснили в отношении действия тёплого и холодного. Мы не говорим, что тёплое – это то, что нагревает холодное, и огонь появляется в результате нагревания тёплого. Наоборот, мы объяснили, что для них, как было сказано выше, существует другое действие, которое невозможно во влажности и сухости, более того, этим способом у них осуществляется только претерпевание. Влажность же обуславливается тем, что легко принимает очертание, а сухость с трудом, тогда как обе они являются претерпевающими. Стало быть, тепло и холод есть два качества, через которые субстанция предрасположена как к действию, так и претерпеванию, ибо тёплое как таковое, не предрасположено к холоду. Как же не так, если устраняется холод? Влажность и сухость являются двумя качествами, при помощи которых субстанция становится предрасположенной к претерпеванию, поскольку обладает этими двумя качествами.

Далее, стало ясно и явно состояние действенности тепла и холода, а не влажности и сухости, что становится понятным из соприкосновения каждых двух качеств. Если будут совершенствоваться эти четыре качества, являющиеся первичными, то от них возникают четыре правильных смеси. Следовательно, в простых телах существует тело, качество которого подчиняется теплу и сухости, и другое тело, природа которого подчиняется влажности, холоду и сухости. Стало быть, они являются стихиями, и бытие указывает на правильность того, что было сказано, так как сухое, как видим, нагревается и охлаждается, влажность также нагревается и остывает. Этими качествами являются огонь, воздух, вода и земля. Эти качества в сущности явные, однако трудность вопроса заключается в сухости огня, которая не проявляется так явно, как другие качества. В объяснении этого вопроса мы говорим: “Известно, что огонь не допускает ограничения и пределов, так как ограничение невозможно по отношению к ощущаемой вещи, ибо чувственно воспринимаемый огонь является не чистым огнём. Однако в телах, которые не находятся в своих естественных местах, случается и так, что они сохраняют свои формы, соответствующие движению, как, например пьющаяся вода. Однако познание этого осуществляется путём какого-то сопоставления, а именно: известно, что огонь – тёплый, вдобавок к этому он либо влажный, либо сухой. Если он влажный, то это явствует из субстанции воздуха, где он [огонь] занимает место там, где находится место воздуха. Стало быть, он не должен подниматься из [своего] участка [пространства] воздуха к другому участку. Однако дело обстоит как раз наоборот, следовательно, огонь – тёплый и сухой, но сила огня – тепло, а сила воды – холод, сила воздуха – влажность, сила земли – сухость. Тем более вода и земля по сравнению с воздухом – сухие, ибо холод требует застывания и сгущения, и если бы не было внешнего тепла, то вода [всегда] была бы застывшей. Однако вода по сравнению с землёй – влажная, и она либо сама по себе текучая, либо под влиянием наименьшей причины извне сильно предрасположена к текучести. В сущности холод, в силу которого застывает вода, является не чем иным, как холодом,

существующим в воздухе и исходящим от земли и воды. Если бывает так, что холод делает невозможным движение воды, то это значит, что в его природе преобладают вода и земля, и этому способствовал воздух либо путём охлаждения, либо прекращением нагревания. Следовательно, первоначально замерзает верхний слой воды по причине удержания тепла в её нижнем слое. Это будет продолжаться до тех пор, пока замерзание не охватит воду полностью.

Вода по своей природе среди других элементов наиболее предрасположена к принятию воздействия холода. Самый лучший признак данного качества воды – лёд. Природа воды и земли – это два [свойства], которые притягивают холод из воздуха, и этот холод, возвращаясь, оказывает содействие природе воды в создании качества холода в самой воде в таком объеме, который ведёт к замерзанию. Огонь и воздух по сравнению с замерзающими веществами разрежаемы и влажны, но огонь по сравнению с воздухом – сух, ибо менее чем воздух предрасположен к принятию очертания и непрерывности при соприкосании.

Известно, что каждое из этих качеств отличается от другого сущностно отличительным признаком, так как каждое из них имеет естественное место, которое по порядку отличается от места другого. Поскольку известно, что естественное движение этих качеств противоположно из-за существования центра и периферии, то естественные движения одинаковых по форме тел, по природе вида не различаются, так как не различаются их основные силы. И каждое из них [видов] имеет свою собственную форму, обязательную для качеств, существующих в теле. Вполне вероятно, что огонь, например, получил форму для своей материи при помощи движения небесной сферы, поэтому его природа не имеет противоположного. А если бы в природе данного тела было что-то противоположное материи, то приведение в движение, которое имеет место здесь, устраняло бы эту противоположную природу путём чрезмерного нагревания, которое подготавливает материя огня для получения формы огненности. Вполне вероятно, что движение не проникает в форму материи, а она по природе – тёплая.

Таким же образом обстоит дело и с прочими четырьмя качествами.

Божественный промысел делает необходимым, чтобы огонь находился в этом участке [пространства], который близко находится к этому движению. Если бы здесь не было тепла огня, то всякий раз, когда представляется, что здесь возникнет огонь из того, что является элементарными телами, не являющимися огнём, и из того, что превращается в огонь в участке другого огня, предполагается, что если здесь нет его участка пространства, то он находится в следующем за ним участке пространства, и огненность будет увеличиваться до тех пор, пока не уничтожится то, что не является огнём.

Нельзя думать, что покой также охлаждает, подобно тому, как нагревает тепло. Дело в том, что покой, как явствует, есть отсутствие движения. Отсутствие причины является причиной отсутствия следствия, и причина какой-то другой вещи не противоположна покою. Так, если движение делает необходимым тепло, то нет движения, которое не порождало бы тепло. Или же оно делает необходимым холод, в таком случае тело нуждается в какой-то другой причине. Похоже, что недвижущееся тело, находящееся в состоянии покоя, имеет большую предрасположенность для принятия силы холода от вещей, которые дают их материям формы. Такое тело наименее предрасположено для принятия тепла, наоборот, оно нуждается в близости тепла с тем, чтобы соприкоснуться с ним, или в движении, дабы быть предрасположенным к принятию тепла. Следовательно, это тело получает от Дарителя формы того, что предназначено ему. Следовательно, эти четыре [качества] являются стихиями, которые возникают и исчезают. Простые и сложные тела относятся к ним.

Что касается простых тел, то некоторые из них образуются от других, и они имеют общий элемент, который в действительности является первым элементом. Вместе с тем некоторые из них легко, а некоторые с трудом превращаются друг в друга. Превращение тел, которые легко превращаются друг в друга, происходит при участии одного из двух качеств, как например, превращение воздуха в воду. А превращение тех,

которые превращаются с трудом, происходит отдельно в этих двух качествах, как, например, превращение земли в воздух. Каждое из этих качеств имеет какой-то признак, который допускает увеличение и уменьшение в своём качестве. Это значит, что каждый из них в своём естественном или акцидентальном качестве может увеличиваться или уменьшаться и при этом сохранить свою форму и видовое качество.

Однако увеличение и уменьшение имеют две крайние сохраняемые границы, и если тела будут переходить эти границы, то из материи устранился полная готовность её формы принимать другую форму. Если материи свойственно быть полностью предрасположенной для принятия формы, то эту форму она получит от Дарителя форм. По этой причине одинаковые материи имеют различные формы. И все они проистекают от Дарителя форм. Необходимо знать, что способность – это одна вещь, а полная предрасположенность – другая, и в материи все противоположности существуют потенциально. Однако они связаны с одной из противоположностей, и с точки зрения различных явлений, кои в ней происходят, полная предрасположенность её будет связана с одной вещью. Так, трущийся и движущийся специально готовы для принятия тепла, так как и предрасположенный по природе может принять и холод.

Что касается растительных и животных сложных вещей, то каждая из них обладает своим темпераментом, который принимает увеличение и уменьшение в какой-то мере, которая акцидентально определена двумя крайними сторонами. Если он переходит этот предел, то устраняется его предрасположенность связи со своей формой. Так обстоит дело со сложными телами, смесь которых различается из-за различия в количестве элементов. Вода, например, с лёгкостью приобретает определённую форму; земля, приобретая форму, сохраняет её, воздух, разрежаясь, способствует возникновению проходов и пор; огонь способствует приготовлению пищи и равномерному смешению элементов в смеси. В некоторых сложных вещах преобладает земля, в других – вода, в третьих – воздух, в четвёртых – огонь. Преобладание иногда бывает потенциальным,

иногда оно случается в количестве, другой раз имеет место в качестве, а иногда бывает в обратном порядке. Видимо, преобладающий в количестве есть преобладающий, стремящийся в сторону преобладающего участка [пространства], и преобладающий в качестве является преобладающим в действии и претерпевании действия. Как правило, в большинстве случаев, под влиянием внешних причин в природе сложных тел преобладает то, что не является преобладающим. Следовательно, эти факторы, усиливая это непреобладающее качество, превращают его в преобладающее качество в других частях тела, в результате чего становится очевидной его сила.

Возникновение, уничтожение, превращение являются вещами, появляющимися в начале, и каждое появляющееся в начале имеет причину. Поэтому, как стало известно, движение на месте предшествует всему остальному. Следовательно, движение на месте имеет близкие и дальние причины, сильные и слабые качества, и начало всех движений, как было разъяснено, исходит из кругового движения. Стало быть, небесные сферические движения, близкие и отдалённые к силам высотных тел являются наиболее подходящими причинами для возникновения и уничтожения. Движение, направленное на сохранение системы кругового движения и скорости, оставшись [без внешней силы], неизбежно замедляет своё влияние и становится неравномерным, а это и есть первое движение.

Для образования некоторых возникающих вещей достаточна часть оборота небесной сферы, а некоторым другим необходим её полный оборот, иные вообще нуждаются в нескольких оборотах, прочие же не могут обойтись без повторения совокупности оборотов, дабы совершилось их возникновение.

Так, всякий возникающий предмет подвержен уничтожению и имеет время для своего роста, [его] остановки и исчезновения, в котором он завершает свою жизнь. Ибо каждый возникающий предмет имеет свой период времени, который он заслуживает в силу способности, осуществляющей управление его телом. Эта способность является конечной телесной силой, действие которой по необходимости может иссякнуть. Если она

была бы бесконечной, то не могла бы сохранить влажность на какое-то определённое время по причинам внешним и внутренним, поглощающим эту влажность, или по причинам, препятствующим этому. Всякая сила, принадлежащая телу, и всякая материя имеют предел, который требует каждая из них и который не дозволяется переступить. Это имеет место тогда, когда их причины являются необходимыми, каковым является естественный срок. Однако случаются и другие причины в результате появления уничтожающего или потери полезных помощников, вследствие чего эти силы прекращают своё действие в определённый срок времени.

Некоторые сроки бывают естественными, а некоторые неестественными, и все они обладают определённым количеством. Все земные состояния связаны с небесными движениями, даже воля и желания людей, т.е. они являются состояниями, которые неизбежно возникают после того, как их не было раньше. И у всякого возникающего после того, как оно не существовало, есть причина возникновения, и это возникающее приобретает движение, в частности, сферическое движение.

Так, наша воля обусловлена небесными движениями. Движения и состояние покоя, наблюдаемые на земле, совершаются в определённом порядке и обладают определёнными целями и предпосылками. Это и есть предопределение, которое сделало необходимым непреложный приговор. Непреложный приговор Аллаха – это первичное, единственное, высочайшее, божественное действие по отношению ко всему, от чего берут начало предопределённые вещи. Если случается так, что одна форма возвращается к той, какой она была, то все вещи возвратятся к первоначальной форме. Однако каким-то образом нельзя доказать возвращение одинаковой формы, так как в различных вещах тогда может происходить всеобъемлющее возвращение, когда отношение некоторых специальных [собственных] возвращений друг с другом является отношением числа к числу, ибо если не будет отношения возвращения данного отношения, то и не произойдёт всеобъемлющего возвращения, так как отношение возвращения

небесных движений является упомянутым отношением. Кроме того, всеобъемлющие возвращения могут произойти, хотя их отношения не являются упомянутым отношением. Однако мы никоим образом не в состоянии изменить это положение.

Причина возникновения и уничтожения, говорим мы, заключается в том, что всякий возникающий предмет имеет материю и форму, действующую [причину] и цель, касающиеся его, и всё это берётся индуктивным способом и определяется по положению. Что касается совокупности возникновения и уничтожения, их непрерывности, то их ближайшей действующей общей причиной являются небесные движения. Этой причине предшествует [только] то, что является двигателем небесных движений. Общая материальная [причина] является первым элементом. Общей формальной причиной является та форма, которая имеется в материи и которая в состоянии принять другую форму без того, чтобы эта другая форма соединялась с первой. Целевая причина – это сохранение вещей не по числу, а по виду, поскольку материальный элемент, принимая одну форму, избавляется от другой, поэтому, когда возникает вещь, то уничтожается другая вещь. Так, существующие вещи не могут сохраняться индивидуально, их виды могут быть сохранены посредством размножения, вспашки земли и последовательной смены, связанной с возникновением и уничтожением. Этому всему предшествует божественное великодушие, которое предоставляет для сущего то, что оно в состоянии принимать и по мере своей возможности сохранять его. Его сохранение осуществляется или индивидуально, как это имеет место в отношении небесных тел, или посредством его вида, как в случае с элементами.

Отметим, что в большинстве случаев эти четыре элемента, видимо, не существуют в своём чистом и неподдельном виде, так как силы небесной сферы, проникая в них, создают в низких холодных высотах тепло, которое смешивается с ними. В результате они становятся парообразными, дымообразными, и к ним примешиваются огненность и воздух. В больших высотах также поднимаются водяные пары и частицы земли и смешиваются с небесными телами.

Что касается огня, то он, видимо, в своём пространстве остаётся чистым, так как его участка не достигают дымы и пары. Если же они достигают его участка, то быстро превращаются в огонь.

Что касается воздуха, то, видимо, в нём существуют три парообразных слоя. Тот, который находится вблизи нагретой земли, нагревается в силу близости нагретой земли лучами Солнца. Природе воздуха наиболее близок слой чистого воздуха. Пар поднимается до какого-то предела, а дым переходит этот предел ещё выше, так как он обладает более лёгким движением и сильным свойством проникновения, благодаря существующего в нём сильного тепла. Под паром я имею в виду то, что поднимается из влажности, а под дымом то, что поднимается из сухости. Что касается воды, то она целокупно составляет море, и без моря она не может считаться целокупной ни в недрах, ни поверх её. Вода не имеет слоёв, в отличие от воздуха, так как она быстро смешивается с тем, что с ней смешивается, ибо её глубина и плотность не аналогичны глубине и плотности воздуха. Поэтому вода полностью смешивается с вещами и проникает в них. Солнце притягивает то, что находится в недрах земли, и приводит его в движение, чтобы вывести его на поверхность моря. Наибольшее влияние вода испытывает со стороны земли, а если бы не было недр земли, то наружная часть моря и то, что расположено ниже его поверхности, было бы наиболее близко к природе воздуха. Однако это не так, и вся вода в море либо солёная, либо солоноватая. Причина солёности морской воды – горькая, жгучая землистость. Доказательством этого может служить то, что ты можешь получить соль из медленно сжигаемой горсти земли. Кроме того, причина солёности пота и мочи заключается в водяной горечи, и она из-за своей солёности похожа на морскую воду. Далее, в этом ты можешь убедиться, когда профильтруешь и дистиллируешь её, отчего она становится пресной. Рассказывают, что Эмпедокл^{24a} говорил: “Солёность воды бывает по причине того, что море является потом земли”. Возможно, его комментарий сводится к тому, что пот – это влажность, исходящая из тела, и она становится солёной в результате сжигающей материи, исходящей

из тела и смешивающейся с влажностью. Морская вода становится солёной почти таким же способом. Поскольку земля сильно горячая, то она становится не солёной, а солоноватой. Поэтому солёность воды имеет определённую цель, а именно: сохранение воды от порчи. Если бы вода не была бы солёной, то она бы портилась, и порча воды распространилась бы по всей земле, и возникла бы всеобщая эпидемия. Из всего этого явствует, что части воды принимают смешение, которое происходит из земли, и являются проходом для того, что проникает от небесных сил. Следовательно, море не имеет слоёв.

Что касается местонахождения моря по природе в одном месте, исключая другое, то оно не является обязательным. Скорее, истина заключается в том, что море перемещается в таком промежутке времени, которое точно не могут установить ни история, ни человек за свою жизнь, ни предания, передаваемые из одной эпохи в другую, исключая незначительные места его и маленькие острова, так как море берёт своё начало от рек и родников, которые, иссякая, уходят в землю. Следовательно, из родников отделяется материя рек и их русел. Случается так, что море уходит под землю, исчезая в своем участке, а вместо иссякшего моря появляются новые родники и реки в тех регионах, где вода выходит на сушу. Так, когда проходят десятилетия, скорее периоды, море перемещается из одного места в другое. В этом ты можешь убедиться после наблюдения за оставшимися следами высохших русел в долинах. Так же обстоит дело с горами, ибо некоторые из них, разрушаясь, рассыпаются и возникают новые. Более того, в камень превращается вода, протекающая по комьям и глыбам, когда по ним протекает смешанная с глиной вода, они, принимая оседающую на них глину, превращаются в камни. А когда-нибудь состояние гор неизбежно меняется, однако история не может точно установить это.

Следует знать, что море по природе находится в спокойном состоянии, и движения, которые происходят в нём, происходят из-за ветров, возникающих на его дне, и ветров, которые дуют на его поверхности. Или же его движения происходят из-за того, что в проливе, где вода подвергается

давлению со стороны, она в силу своей тяжести, движется в ту или иную сторону. Следовательно, она движется в ту сторону, где глубже. Или же она будет двигаться в результате силы, вливающих в море рек, особенно, когда эти реки проходят через узкие места, делая их глубокими. Бывает и так, что эти реки уходят в пещеры,

Что касается земли, то, видимо, её внутренняя часть далека от её наружной части, которая наиболее близка к её изначальной природе и в неё не проникает влияние небесных явлений и осадков, так как осадки не могут проникать в эту часть. Видимо, земля имеет три слоя: один слой – это более чистая земля, который покрывает различные слои земли и воды, то есть смеси глины; второй слой – тот, который не покрыт водой и подвержен внешнему влиянию, каковым являются Солнце, суша и горы; третий слой – это тот, над которым простирается море.

УПОМИНАНИЕ ДЕЙСТВИЯ И ПРЕТЕРПЕВАНИЯ ДЕЙСТВИЯ, КОТОРЫЕ ОТНОСЯТСЯ К ПЕРВЫМ ЧЕТЫРЁМ КАЧЕСТВАМ, И УПОМИНАНИЕ О ТОМ, ЧТО ПОСЛЕ НИХ СЛЕДУЮТ ВЕЩИ, ПОДЧИНЯЮЩИЕСЯ СМЕСИ

Этим первичным качествам свойственны действие и претерпевание действия, которые относятся к ним и являются общими для всех тел. Некоторые эти качества возникают у того, кто оказывает действие, а другие – у того, кто испытывает воздействие. Из тех качеств, которые бывают у того, кто оказывает действие, одни связаны с теплом, другие – с холодом, третьи – с тем и другим вместе. К качествам, связанным с теплом, относятся такие, как спелость, варение, жарение, испарение, обращение в дым, воспламенение, плавкость, а к качествам, связанным с холодом, такие, как недоспелость, несварение, незрелость, неспособность обращаться в дым, невоспламеняемость, тугоплавкость, незатвердевание, что является растворением, и залеснением. К общим качествам же относятся такие, как гниение, затвердение многих из тел, застывание и засушивание.

Что касается претерпевающих вещей, то некоторые из них, противоположны действиям, исходящим из этих воздействующих на качества, как, например, обстоит дело со способностью к созреванию, варению, жарению, печению, испарению, обращению в дым, воспламенению, плавкости, затвердению, а некоторые из них не противоположны этим действиям. Так, некоторые эти качества, проявляются в сопоставлении одного из этих качеств с другим, как, например, качество сухости существует при сравнении со смачиванием, пропитыванием, вымачиванием и жидким состоянием, а влажное – высыханием, плавлепнем, приводящим к высыханию.

Некоторые другие качества не существуют в паре друг с другом. К таким относятся те, что связаны только с влажностью и то, что связаны только с сухостью, и те, что связаны только с их соединением. То, что относится только к влажности, это – ограничение, быстрое соединение и быстрое проникновение. А качества, присущие только сухости, это – ломкость, разбиваемость, раскальваемость, несоединяемость и несклеиваемость. Эти качества свойственны также предметам мягким, ковким, усыхающим, упругим, плотным, заплесневелым, растяжимым и раскальвающимся. Так, качества, существующие в элементах и действиях и относящиеся к ним, являются лёгкостью и тяжестью, вдобавок к тем качествам, которые были упомянуты выше, и кроме них, нет других качеств.

Что касается цвета, вкуса, запаха и претерпеваний, которые исходят от сложных вещей, то они не существуют в простых вещах ни в чистом виде, ни в смешанном, как, например, притягивание магнитом железа, янтарём соломы, скамонием желчи или как, например, действия и состояния, которые принадлежат минералам, растениям, животным. Жизнь также входит в эту категорию.

Известно, что эти вещи появляются в этих телах в результате смеси, а не по причине того, что являются отношениями, происходящими между смешивающимися вещами, как предполагают некоторые, не потому, что они существуют в элементах, существуя в них и становясь явными благодаря смеси, как утверждают другие, и не потому, что эти вещи являются

самой смесью. Следовательно, какая-то смесь присуща какому-то действию, как, например, действие, присущее осязанию, это одно, а зрению – другое, как полагают третьи. Дело в том, что каждая смесь в силу различия, существующего между ними, не может выходить за рамки границы с другими смесями. И она неизбежно бывает осязаемой, если соприкоснется с чем-либо, она остается одной и той же при соприкосновении с чем-либо, не испытывая никакого воздействия от него. Однако, если бы смесь воспринималась не органом осязания, а зрением, обонянием, то это абсурдно, ибо здесь смесь является осязаемым качеством, тогда как цвет неосязаем.

Точно так же обстоит дело с вещами, перечисленными выше. Нельзя утверждать, что зрение представляет собой какую-то особую смесь, недоступную для прочих органов осязания. Всё осязаемое имеет известное отношение к теплу или холоду, к влажности или сухости. Однако цвет не может постигать осязаемого вкуса и запаха. Следовательно, эти качества не являются смесью. Однако, благодаря различным смесям, материя различается в отношении предрасположенности к принятию чего-то одного, а не чего-то другого: в одном случае, например, к покраснению, в другом – к пожелтению, в третьем – ко вкусу, в четвёртом – к запаху. Наоборот, некоторые смеси предназначены для роста, другие для речи, а затем путём смеси в сложных телах образуется предрасположенность для действия активных сил, которые проистекают по природе от них, не относящихся к простым телам, как например, притягивание магнитом железа и т.д. Следовательно, эти силы являются такими силами, от которых образуется то, что является их природой, так как они представляют собой начало движений того, что сущностно находится в них. Некоторые силы являются началами движения вещей и оказывают воздействие на них путём свободы выбора. Следовательно, смесь становится действительно существующей по мере готовности материи принять форму и какое-то специальное качество. Принятие ею формы не является какой-либо действующей причиной, и смесь не нуждается в определённом положении, которого у неё раньше не было с совершенствованием предрасположенности, как например, душа,

жизнь и т.д. То, что принятие формой смеси подобно этому вызвано причинами, принуждающими её к определённому положению, которое она имела раньше, если данное явление происходит при существовании этого положения, как, например, поспевание смоковницы под воздействием солнца, если оно будет светить над ним.

Так, истинное мнение об этом заключается в том, что сложное тело предрасположено со своей смесью к принятию формы или какой-то специальной силы, которое оно получает от Дарителя форм. Проистекание силы от него происходит по причине его великодушия, и здесь он не скупится по отношению к тому, кто этого заслуживает и готов к этому.

Что касается этого проистекания по отношению одного, а не другого, то это является полной предрасположенностью, которая появилась у него благодаря его смеси. Следовательно, все эти вещи производят свои действия потому, что им принадлежат эти активные силы, которые являются даром великого Аллаха, а смесь приготавливает всё это. Кроме того, если тело, от которого проистекает специальное действие не является специальным, отличающимся от тела, от которого не проистекает такого специального действия, то не проистекает от него и само специальное действие. Это так, поскольку телесность проистекает только при помощи телесности, ибо первичным образом от смеси не исходят действия, так как действия, проистекающие от силы смеси, зависят от силы смеси.

Кто-то может сказать, что смесь делает необходимой как готовность, так и неготовность к [принятию формы], соответствующей четырём качествам. Кроме того, допускается необходимость других сил, хотя они не сходны с четырьмя качествами. Однако здесь произошло то действие – разногласие, подобно тому, как от какого-то тепла происходит, тогда как от другого тепла исходит поспевание. Что касается вещи, которая находится вне природы тепла или общей природы, которая происходит от тепла, и другой вещи из числа [четырёх] качеств, то это действие не является именно действием тепла, а подобно притягиванию магнита.

Что касается предрасположенности, то она является такой вещью, которая [действительно] принадлежит материи, ибо материя предрасположена к принятию всякой вещи, и в ней находится сила принятия всякой вещи. Однако бывает и так, что нечто из наличествующего в ней оказывается несовместимым с чем-то другим в ней появляющимся. В таких случаях говорят, что в материи нет к этому предрасположения, а бывает и так, что оказывается совместимым, и в таких случаях говорят, что в материи есть к этому предрасположение. Всё это имеет место не потому, что качество оказывает в ней какое-то действие, а потому, что материя сама по себе такова.

Случается и так, что при одних величинах качества подходят для чего-то, а при других нет. Смесь не делает в материи необходимым предрасположенностью, которой у неё раньше не было, но она существует в материи. Бывает, что соединению материи с тем, к чему она предрасположена, мешает какое-то качество, и если это качество вступает в противоречие с материей, то в результате предрасположенностью избавляется от этой помехи, так как в материи образуется состояние, которого у неё раньше не было. Следовательно, смесь является акцидентальной причиной предрасположенности в смысле причины устранения помехи.

Далее, если тела, соединяясь, смешиваются, то иногда в некоторых из них образуется лишь своя смесь. Так, нельзя, чтобы всякая смесь была такова, чтобы подходила для формы вида и его свойства. Кроме того, некоторые из смешений, используемых для увеличения смеси, используются для увеличения простого качества смеси, через которое не осуществляются действия и естественное претерпевание, как, например, какой-то цвет и т.д. Некоторые из них используются для увеличения силы претерпевания или действия, или видовой формы. Некоторые из них используются в смеси в качестве силы, которая не совершает своего действия подобно действию души. Та из этих действующих и претерпевающих сил, что не является душевной, называется свойством. Эти свойства подчиняются разновидностям существующих сложных вещей, так как они сами являются различающими признаками разновидностей

свойств. И если, например, говорится, что это лекарство действует своей субстанцией, то под этим имеется в виду, что оно действует той формой, при помощи которой стало разновидностью. А если говорится, что оно действует своим качеством, то подразумевается, что оно действует путём использования элементов или своей смесью. Так, скамоний своей огненной субстанцией нагревает, но не уравнивает желчь, ибо уравнивает её сила, содержащаяся в её видовом качестве, которое скамоний готов принять через смесь. В большинстве случаев эти силы являются отличительными признаками для вида и они часто бывают свойствами. Нам трудно назвать признак, который отличал бы их от этих сил. Однако слово “свойство” в этом месте физиками используется в том значении, которое в логике употребляется в значении видового отличия.

УПОМИНАНИЕ МИНЕРАЛОВ И ИХ ПРИЧИН²⁵

Что касается [образования] камней, то нельзя, чтобы это была чистая земля, ибо чистая земля не подвергается окаменению, так как преобладание сухости в земле придаёт ей не плотность, и наоборот, рассыпчатость²⁶. Камни образуются двумя способами: один из них при помощи солнца в результате высыхания вязкой глины под воздействием солнца, в которой преобладает землистость, а второй – в результате застывания воды в субстанции, в которой преобладает водность.

Что касается образования камней первым способом, то это вполне зримо. Часто вязкий глинозём высыхает и превращается сначала в нечто среднее между камнем и глиной – в рыхлый камень, а затем превращается уже в камень. Второй способ образования камней заключается в том, что вода может застывать, или падая, капля за каплей и непрерывно стекая, каменеет.

Что касается минеральной силы, которая имеется на земле или в природе земли, то она возникает подобно тому, как возникает соль, если в этой силе потенциально преобладает земля, и при помощи тепла земля превращается в камень. Камни возникают либо там, где преобладает окаменелая минеральная

смесь, либо в результате землетрясений и затмения Луны в камень обращается всё, что подвергается их воздействию. Некоторые камни образуются от огня, когда он гаснет. В большинстве случаев во время грозы возникают железные и каменные тела, и происходит это благодаря причине, присущей огненной субстанции, которая угаснув, становится холодной и сухой.

Что касается образования гор, то оно также подобно образованию камней. В большинстве случаев они возникают из вязкого глинозёма, который высыхает в течение длительного времени, которое нельзя точно установить. Наивысшее тепло удерживается под морями. Затем в результате постепенного ухода воды, время которого нельзя точно установить, появляется глина, способствующая окаменению и такая глина всегда вязкая.

Причина возникновения высоты [гор] двояка. Первая причина заключается в том, что в результате сильных землетрясений поднимаются некоторые массы земли, вследствие чего внезапно образуются холмы. Вторая причина заключается в том, что на одних участках земли появляются углубления, поскольку высушивающие ветры и углубляющие воды, затрагивая одну часть земли, не затрагивают другие её части, в результате чего там, где проходит поток, образуется углубление, а место, где поток не проходит, остаётся в виде возвышенности. Далее, потоки продолжают непрестанно углублять первоначальные русла, вследствие чего образуются высокие горы.

Что касается причин раздробления, увеличения и разницы частей при окаменении и т.д., то это ты можешь узнать, опираясь на свой ум.

Что касается пользы от гор, то она заключается в задержке паров, которые благодаря задерживанию их горами, под влиянием тепла превращаются во влажные облака, поднимающиеся над водами²⁷, образующимися в результате стремительного выхода на поверхность земли родников. Минеральные субстанции образуются от удерживаемых в земле паров. Причины возникновения облаков кроются в горах. Некоторые из них образуются в результате удерживания пара,

который является материей для [образования] облаков. В горах имеется [также] холод, который и является причиной удаления паров из гор, поэтому, как мы видим в большинстве случаев, дождливые облака образуются в горах, и некоторая часть облаков остаётся, а часть направляется в другие места.

Причина образования родников²⁸ также в горах, где они насильно задерживают пары так, что последние, сгущаясь, превращаются в воду, которая, накопившись, с силой устремляется наружу. Земля, на которой покоятся горы, скорее всего, полна воды. Горы в нагнетании паров и принуждении их к прорыву в виде родников напоминают перегонный куб, сделанный из железа, стекла или чего-то другого, которое не даёт рассеяться и раствориться ни одной толике пара. Недра земли подобны водянистой тыкве. Родники напоминают змеевики и патрубки, имеющиеся в перегонном кубе. Долины и моря напоминают вместилища, поэтому большинство родников, как мы наблюдаем, прорываются в горах, в их окрестностях или в твёрдой земле. Если исследовать [происхождение] известных долин во всём мире, то можно увидеть, что они возникли благодаря горным источникам.

Причина образования минеральных субстанций также связана с горами. Горы, нагнетая пары, распространяют их в другом месте, не давая им рассеиваться, при этом они, смешиваясь с земной субстанцией, образуют минералы. Поэтому большинство минералов, как мы наблюдаем, образуются от этих паров. Если эти пары, образовавшиеся под рыхлой землёй, сосредоточиваясь, будут двигаться к поверхности земли им не будет сопротивляться природа, подобная горам, то происходит землетрясение. Иногда минералы сгорают из-за силы своего движения, вследствие чего вместе с дымообразной материей образуется огромный огонь, а иногда от них появляются родники. Родники появляются и в том случае, когда парообразная материя прорывается на поверхность земли. Иногда при образовании минералов издаются звуки, которые различаются согласно различию мест, в которых происходит землетрясение.

Что касается минеральных субстанций, то они приблизительно разделяются на четыре разряда: камни, плавкие

тела, серные вещества и соли. Что касается камней, то они являются нековкими и обычным способом не плавятся, а поддаются плавлению лишь с трудом. Их материя также водная, и их отверждение вызывается сухостью, которая превращает их водность в землистость, и поэтому они плавятся лишь с трудом. В них нет живой маслянистой влаги, и по этой причине они не ковки.

Что касается плавких тел, то они ковкие и их материей является водная субстанция, настолько прочно соединённая с землистой субстанцией, что она не может от неё освободиться. Водная субстанция после того, как подвергается действию тепла и доводится им до необходимого уровня, замораживается холодом. В число плавких тел входят и такие, которые ещё не отвердели в силу своей маслянистой природы и поэтому поддаются ковке. Что касается серных веществ, то их водность подвергается сильному окислению из-за землистости и воздушности под окисляющим воздействием тепла так, что становится маслянистой, а затем затвердевает под воздействием холода.

Что касается соли, то она смешана с очень тонким и горячим дымом, в котором много огня, и она застывает, благодаря сухости.

Что касается купоросов, то они являются сложными телами, состоящими из солевых субстанций, сернистых субстанций и камня. В них содержится сила некоторых плавких тел.

Что же касается ртути, то она является ковким элементом или подобным ему. Ртуть – это как бы вода, находящаяся в смеси с весьма разряжённой сернистой землистой субстанцией, и своей белизной она обязана чистоте этой водной субстанции, а также примеси воздушной субстанции. [Особенность] ртути заключается в том, что она твердеет от воздействия паров, поэтому похоже на то, что ртуть является исходным элементом всех плавких веществ, так как все они при расплавлении становятся ей подобным, так как она связана со всеми этими веществами в силу общности их субстанций. Однако по способу образования эти тела отличаются от ртути в силу различия

[способов] образования самой ртути или того, что подобно ей, а также по причине различия того, что к ней примешано таким образом, что делает её твёрдой. Если же ртуть чиста и то, что, смешиваясь с ней, делает её твёрдой, является силой белой незагрязнённой и непережжённой серы, то образуется серебро. Если же ртуть при своей чистоте и белизне ещё имеет красящую огненную, тонкую, непережигающую силу, то от её затвердения образуется золото. Далее, если ртуть обладает хорошей субстанцией, но сера, которая делает её твёрдой, оказывается не чистой, а обладает сжигающей силой, то от неё образуется медь. Если ртуть некачественна, суха, разрежена и землиста, а сера в ней низкопробна, то от неё образуется железо. Что касается калайского олова, то, вероятно, его ртуть – высшего качества, но сера низкого, и смесь их слабая, и отдельные элементы в ней располагаются как бы послойно, поэтому оно как бы “скрипит”¹. А что касается свинца, то видимо ртуть его некачественная, тяжёлая, а сера в нём низкопробная, мёртвая и слабая, и по этой причине его затвердение неустойчиво. Возможно, алхимики, прибегающие к ухищрениям, в состоянии сделать ртуть твёрдой при помощи серы, делая это состояние похожим на естественное. Однако искусственные состояния не сходны с естественными по своей подлинности, а бывают похожими и приближающимися к ним, но отступают в этом от естественного, хотя они [алхимики] прилагают большие усилия.

Что касается притязаний алхимиков на способность устранять окраску и качества некоторых этих субстанций и на придание [новых] окрасок и качеств другим [субстанциям], то мы, не будучи достаточно сведущими в этом, не должны настаивать на отрицании или принятии этого. Более того, я полагаю это не-

¹Феномен “скрипит” в современной химии объясняется как трение кристаллов).

возможным, так как нет способа, благодаря которому смесь разлагалась бы на другую, ибо эти чувственно воспринимаемые состояния, вероятно, не являются элементами, посредством которых эти тела стали бы видами. Скорее, они являются

акцидентальными, и их неотъемлемые отличительные признаки неизвестны. А раз цели её создания или же уничтожения, – что же касается возможности устранения этих окрасок и таких акцидентальных признаков, как запах – приятный или неприятный, то мы, не будучи достаточно осведомлены в этом, не должны их отрицать, ибо никаких доказательств невозможности этого не существует.

Вероятно, соотношение, которое существует между элементами в составе каждой субстанции перечисленных тел, различное. Если дело обстоит так, то превращать их друг в друга можно было бы лишь путём разложения этого состава, а затем соединения в желаемый состав. Но это невозможно путём плавления, пока его соединение будет сохранено.

УПОМИНАНИЕ НЕБЕСНЫХ ЯВЛЕНИЙ И ИХ ПРИЧИН

Возникновение всех небесных явлений обусловлено возникновением испарения и дыма. Так, если небесное тепло влияет на земляную сырость, то от неё поднимется испарение²⁹, особенно, когда ей оказывает содействие удерживающееся под землёй тепло. То, что поднимется от субстанции влажности является испарением, и оно осуществляет медленный тяжёлый подъём, а то, что поднимется от субстанции сухости, является дымом, и оно осуществляет лёгкий и быстрый подъём.

Далее, испарение – горячее и влажное, а дым – горячий и сухой, нередко, когда то, что способствует испарению, бывает простым, поскольку одно из них в большинстве случаев бывает преобладающим. Испарение и дым, смешиваясь, поднимаются от земли, но максимальный подъём испарения доходит до близкого предела. Если дым сильный, то, отделяясь от испарения, он поднимается и достигает предела огня. Испарение составляет материю облака, дождя, снега, росы, льда, и в нём можно видеть отображения, которые существуют на небе, например, ореол, радугу, солнечные всплески, падающие звёзды и т.д. Дым же составляет материю ветра, грома, метеоров, падающих звёзд, комет и огромных [небесных] тел. Так, облака являются плотной парообразной субстанцией, которая плавает в воздухе, или же эта парообразная субстанция составляет нечто промежуточное

между воздухом и водой, и по причине этого, облака, рассеиваясь, поднимаются вверх или же, сжимаясь, соединяются и попадают на землю в виде дождя. Возникновение облаков этими двумя названными способами замечено уже давно. Облака становятся таковыми в результате сгущения, непрерывного следования друг за другом в течение долгого времени и медленности движения, где они начинают капать, подобно выдавливаемой влаге. К этому их иногда вынуждает ветер, препятствуя подъёму их испарений вверх. Под воздействием ветра, препятствия гор, встречного ветра и по причине сильных холодов, облака сгущаются. Что касается паров, то они в большинстве случаев поднимаются и возносятся в холодном воздухе и охлаждаются, чему способствует выделяющийся из них сухой горячий дым.

Когда пары охлаждаются путём сухости, они сгущаются в облака и далее, превращаясь в воду, тяжелеют и устремляются [вниз] в виде проливных дождей. Роса возникает не из облаков, а из медленно поднимающегося вверх испарения, материя которого слабая. Под влиянием ночного холода роса сгущается, превращаясь в воду, и мельчайшими частями тяжело спускается на землю. Роса может хорошо осаждаться лишь при соединении одной её части с другой.

Подобные облака под воздействием холода сгущаются, и в это время в них собираются капли, которые замерзают и создают пузырьки, выпадающие в осадок в виде хлопьев. Это и есть снег. Из подобных облаков, создающих росу, возникает лёд. От облаков, после замерзания и превращения воды в большие капли, возникает град.

Град в большинстве случаев проявляется не зимой, а весной и осенью, так как зимний град, если бывает сильным, выполняет роль снега, и облака, замерзая, не имеют времени сгуститься в виде пузырьков, а если он [град] слабый, он имеет никакого воздействия.

Весной и осенью облака обычно не сгущаются, так как находятся под воздействием тепла. Следовательно, они не замерзают и могут превратиться в снег, даже если их окружает горячий воздух, и сильные горячие ветры внезапно загоняют

холод внутрь этих облаков. Подобные облака осенью и весной иногда превращаются в капли дождя. Они обладают свойством быстро замерзать по причине разрежённости и отсутствия тепла. Иногда эти облака, замерзая, превращаются в большие капли.

Что касается ореола радуги, солнечных явлений и метеоров, то они проявляются в том, что представляют собой отображения, и я здесь под отображением подразумеваю то, что чувство находит образ какой-то вещи, похожей по форме на другую, известную ему, как, например, находят изображение человека в зеркале. Однако это изображение не является настоящим отпечатком в материи этой второй вещи, отображающей первую вещь и видится вместе с ней. Ибо изображение человека по настоящему может быть запечатлено в зеркале лишь тогда, когда оно имеет определённое место, и когда изображение перемещается и вместе с ним перемещается [взор] наблюдателя, в то время как само зеркало остаётся неподвижным. И не может быть так, чтобы от органов зрения исходил какой-нибудь зрительный луч, распространяющийся на гладкое [тело], являющееся зеркалом, и затем, отражаясь от него, прямолинейно проходил бы так, что встречаясь с чем-нибудь, что отражается от него, и воспринимался бы органом зрения. Это абсурдно. Сущность данного вопроса заключается в том, что созерцаемый предмет, если встречается с органом зрения, и между ними будет находиться прозрачное тело, и созерцаемый предмет будет действительно светиться, то изображение его формы будет отображаться в зрении без того, чтобы эта вещь исходила и встречалось бы в промежуточном прозрачном теле, и проникала бы в органы зрения. Его образ возникнет путём отображения в самом органе зрения, а промежуточная прозрачная [среда] оказывается передатчиком в том смысле, что может передать отображение в орган зрения. Причиной передачи отображения является падение света на вещь, обладающую способностью отображаться без принятия его. Эта причина из ряда естественных действий, не нуждающихся в соприкосновении между действующим и подвергаемым воздействию, между ними достаточна параллельность в положении. Так, если тело, обладающее способностью отображать, является гладким, то в

орган зрения также будет передаваться форма другого тела. И отношение этого гладкого тела с органом зрения осуществляется без того, чтобы оно принимало в себя что-либо, а причиной передачи формы какой-либо вещи является специальное отношение передачи формы, возникающее между гладким телом и органом зрения. Подобное объяснение данного вопроса приведём позже, если того пожелает Аллах.

Ореол представляет собой полную или неполную белую окружность, которую можно видеть вокруг Луны и других светил, и если их закрывает тонкое облако, то из-за своей тонкости оно не сможет покрыть его. Ореол является формой, вид которой различен в зависимости от положения наблюдателя по отношению к свету Луны или свету другой вещи или она может различаться не из-за различия в положении, а по причине передачи.

Так, само отображение звезды вместе с ореолом передаётся не по прямой линии, соединяющей наблюдателя и наблюдаемый предмет, ибо по прямой передаётся [изображение] самого предмета, а не его отображение, между тем как то, что передаёт отображение предмета, по необходимости отсутствует на параллельных прямых, тянущихся между ним и наблюдателем. Если все части облака или их большинство предрасположены к передаче этого отображения так, что отношение каждого зеркала, я имею в виду каждой части облака, которое было бы на его месте, к наблюдателю, звёздам или Луне со всех сторон было бы одинаковым, то наблюдаемый ореол должен был бы быть круглым, так как внутренность и наружность этой окружности таковы, что не имеют сияния, подобного сиянию, исходящему от света и отражающемуся в органе зрения. Возможно, ореол как во внутренней части, так и снаружи тёмнен, поскольку всё то, в чём уменьшается сияние белого, если оно располагается рядом с белым предметом, видится чёрным. Кроме того, сила луча скрывает объём облака, который она не может закрыть и представляется так, будто здесь ничего нет. Ореол отличается от радуги тем, что ось окружности ореола одновременно достигает органа зрения и наблюдаемой вещи с двух сторон. Ореол становится поясом этой оси, и центр его окружности находится

на этой линии между наблюдателем и наблюдаемым предметом. Что касается дуги, то наблюдатель и Солнце одновременно находятся на линии оси, но центр окружности зоны не находится между ними, тогда как дуга нечто иное, как полуокружность, а ореол составляет целую окружность.

Что касается радуги, то вещь, которая может быть зеркалом для возникновения этого изображения, является влажный воздух, в котором распространены мелкие частицы прозрачной чистой воды, как, например, морозящий дождь. Мутное облако непригодно быть зеркалом, как вышеупомянутый воздух. Если оно будет находиться сзади цветного тела, то оно не может быть зеркалом. Подобно тому, как если кристалл будет покрыт с одной стороны, то он станет зеркалом той стороны, где он не покрыт ничем, а если не будет покрыт и будет установлено с его тыльной стороны неограниченно прозрачное пространство, то он не будет зеркалом. Так, необходимо, чтобы сзади этого влажного воздуха было нечто такое, что не было бы прозрачным, либо гора, либо тёмные облака с тем, чтобы эта вещь отражалась от прозрачных светящихся водяных частей, находящихся в воздухе. Поэтому чувство ошибочно предполагает, что эта вещь бывает в мутных плотных облаках, так как она не растворяет этот влажный воздух и то, что имеется позади этого плотного облака. Однако вершина этой горы наблюдается тогда, когда сзади неё облако, а её нижняя часть находится между наблюдателями за горой, как бы висящей в воздухе. Если вместо горы были бы облака, то можно было бы подумать, что всё это происходит в облаках. Всё это можно наблюдать во время разбрызгивания мелких частиц лопастями мельницы, если на них падают лучи солнца, и вёслами во время гребли в море. В результате возникает окружность различных цветов и кажется будто кто-то, взяв воду, брызжет ею на солнце или вокруг светильника. Такое представление также можно видеть вокруг свечи в бане, по причине влажности воздуха бани. Такое же впечатление создаётся у сонного человека, когда проснувшись, он смотрит на светильник, и это из-за влажности его глаз.

Что касается очертаний дуги, то они должны быть круглыми, как округлость солнца. Если солнце находится на

горизонте, то оно должно видеться как дуга полуокружности, поскольку положение дуги непохоже на положение ореола, параллельного с землёй. Так что всё то, что нам представляется, мы видим в определённом порядке. Однако положение дуги является положением сечения по отношению к горизонту, но не параллельно ему. Когда солнце находится на горизонте, то неизбежно половина представляемой окружности отсутствует, ибо когда поднимется солнце, то обязательно поднимется ось сферы, и дуга разделится пополам, а когда солнце поднимется высоко, то дуга перестает существовать. А если высота солнца достигнет какого-то предела, то дуга существует. Поэтому допустимо, чтобы дуга в зимнее время появлялась в полдень, однако летом, в это время она не появляется. Это происходит из-за небольшой высоты подъёма солнца в полдень, в зимнее время, в то время как летом высота его подъёма больше.

Что касается цвета дуги, то она является белой и святающейся, так как то, что находится между ней, далеко от яркого света, она невидится, подобно ореолу, поэтому представляемый свет видится какого-то тёмного цвета, в результате чего возникает красно-пурпурный [цвет] и т.д.

Что касается необходимости существования трёх цветов, их различия и порядка, то надлежит исследовать их причины, а то, что было сказано по этому [вопросу] предшественниками, не убедительно.

Что касается дуги, появляющейся ночью, то она появляется иногда в редких случаях, так как она в своём образовании нуждается в сильном ярком свете, чтобы отражался её образ. Ибо формы, вещей, обладающих слабым цветом, могут отражаться тогда, когда воздух для этого будет иметь сильную предрасположенность. Что касается Луны, то она обладает сильным светом, когда находится в состоянии полнолуния, а это случается один раз в месяц. Её появление и полная предрасположенность редко соединяются в воздухе, поэтому её дуга образуется в редких случаях.

Что касается солнечных явлений, то они воспринимаются как Солнце, являясь гладкими вещами, и когда они находятся рядом с Солнцем, видны их очертания и цвета.

Метеоры также воспринимаются как Солнце, так как они видятся прямо рядом с Солнцем, находясь не выше и не ниже, но рядом – справа и слева от него. Причина такого положения заключается в том, что они являются или маленькими кусками больших крупных тел и поэтому видятся, или место наблюдателя таково, что кривизну он воспринимает как прямую.

Что касается ветра, то он возникает от сухого пара, который является дымом, и бывает так, что множество дымов поднимаются вверх, но бывает и так, что эти дымы после охлаждения спускаются вниз, поскольку их дальнейшее проникновение задерживает движение высотного воздуха. Поэтому иногда они спускаются вниз, подобно движению этого воздуха в своём направлении, а иногда в другом направлении. Когда они находятся в состоянии подъёма и в состоянии соединения материи с ними, то воздух препятствует их прямолинейному спуску вниз, и они стремятся то в одну, то в другую сторону. Иногда причиной спуска ветра может быть другой ветер, который встречается с первым. Случается и так, что иногда ветер, встречаясь с другими дымами, соединяется с ними, как, например, в случае соединения родников в долинах, и в таких случаях в результате соединения друг с другом, возникают сильные продолжительные ветры, сила которых порой влияет на другие, особенно когда их охлаждает холод и задерживает от подъёма вверх и заставляет двигаться и стремиться вниз, увлекая одного за другим. Иногда ветер дует только вследствие движения воздуха, если воздух разрежается и, нагреваясь, расширяется. Однако в действительности ветер образуется от дыма, и материя ветра не есть материя дождя. Дело в том, что в большинстве случаев они препятствуют друг другу. [Обычно] в годы обильных ветров уменьшается [количество] дождей. Но случается и так, что дождь способствует возникновению ветра, так как влажность земли предрасположена к этому, поскольку от неё поднимается дым, ибо влажность содействует рассеиванию сухого [испарения] и поднимает его вверх. Бывает и так, что ветер оказывает содействие возникновению дождя, когда ветер собирает облака, или холод загоняет их внутрь ветра, или же он оказывает содействие для

рассеивания того, что имеется в нём от дыма. Если ветер холодный, он также оказывает этому содействие своим охлаждением. В большинстве случаев дождь намачивает дым и тот, отяжелев, замерзает и не может подняться вверх для соединения с другими дымами. Если нижняя часть дыма не будет увлажнена, то его движение ослабевает. Ветер, в большинстве случаев, рассеивая облака своим теплом, разрезает их материю или своим движением охлаждает их.

Что касается причин возникновения грома, то он возникает от поднимаемого дыма, сопровождаемого влажным паром, который, оставаясь в нём, охлаждается из-за холода дыма. Этот дым задерживается плотным влажным паром, вынуждающим его сжиматься по причине его плотности и давления. Плотные слои облаков не дают грому ускользнуть вверх, вследствие чего, концентрируясь в ветрах, он направляется в ту сторону, которая более подходит для его спуска или разряджения там. В большинстве случаев сильные ветры образуются в облаках, а затем направляются в разрежённые части облаков. Таким направлением и стороной является Земля, так как она более горячая, чем направление вверх, являющееся более холодным. Плотные облака не дают ветру подниматься вверх, если же плотные облака удерживают ветер, то от него исходит звук, называемый “громом”. Иногда в разрежённом тонком воздухе слышится сильный звук, а как же бывает это, если случается в плотном облаке?

Поскольку этот дым является сухим, разрежённым, предельно пригодным для воспламенения, то в результате быстрого движения он быстро воспламеняется в огонь. В результате сильного трения с плотным телом он превращается в молнию. Иногда воспламенение происходит вследствие задержания воздуха и отсутствия холода. Молния не может быть без сопровождения грома, так как она происходит от ветра, странствующего в облаках, а затем, воспламенившись, освобождается. Гром и молния происходят в одно время, так как в большинстве случаев причиной их возникновения является движение ветра, которое создаёт звук и воспламеняется, но гром слышится после молнии. По известной причине в большинстве

случаев молния является причиной возникновения грома, ибо воспламенённый ветер затухает в облаках и из-за этого затухания по известной причине слышится звук.

Что касается удара грома, то он представляет собойдвигающееся с большой скоростью, воспламенённое облако, которому не свойственна разреженность молнии, так как лучи молнии обычно долго не сохраняются, а рассеиваясь, затухают. Удар грома – это двигающееся с большой скоростью облако, которое доходит до Земли и оно само имеет звук. Звучом обладает его воспламенённое тело в том месте, где оно окончательно образуется. Однако состав удара грома различен. Иногда он может быть простым. Следовательно, удар молнии это тонкое вещество, проникающее в разряжённые тела. Однако он не сжигает их и не оставляет в них следа. Иногда удар молнии бывает сильным и плотным настолько, что, проникая в разрежённые тела, он оставляет в них чёрный след. Удар грома также может расплавить, встречающиеся [на его пути] плотные тела. Рассказывают, что он расплавляет золото в ступке, при этом не сжигая его, если только этого не произойдёт в самом процессе плавления.

Что касается падающих звёзд и того, что им подобно, то их материя состоит из разряжённого дымообразного испарения. Если они достигают сжигающего воздуха и воспламеняются, то в них наблюдается такое воспламенение, в силу которого они разлетаются в стороны в виде горящих частиц. Таким образом, воспламеняясь, они рассеиваются и можно видеть их в виде звёзд, куда-то летящих. Случается так, что они остаются в воспламенённом состоянии определённое время, обладая каким-то размером, а иногда оставляют после себя искры. Такое наблюдается тогда, когда их материя плотная. Иногда же этот дым возгорается из-за окружающего его холода, и далее, нагреваясь из-за сильного мороза, который охватывает его, загорается, а иногда, сжимаясь от холода, двигается вниз и загорается благодаря движению. Причина этого заключается в затухании и исчезновении воспламенения из-за уничтожения его материи и освобождения от прозрачного огня. Если материя плотна и является тяжёлой, то он замедляет своё превращение в

чистый огонь, и когда отсутствует холод, он исчезает. Он также не может быстро подниматься в том месте, где сила огня сильна.

Случается и так, что загорание и воспламенение падающих звёзд продолжается долгое время либо в форме расплавленной вещи, либо хвоста, либо в форме какой-то звезды, которая мало-помалу, разрежаясь, наконец, исчезает. Иногда их движения обусловлены движением воздуха, зависящим от движения небесной сферы. Падающие звёзды имеют начало и конец. От этих звёзд в воздух поднимается плотное, толстое и влажное дымообразное вещество, которое не загорается, а скапывается вместе, в результате чего можно видеть это скопление в виде огромных знаков, появляющихся накануне больших событий, которые имеют место в мире, как, например, потоп, который является преобладанием одного из четырёх элементов мира над всеми или над некоторыми элементами, так как он является одним из элементов, который возобладали благодаря своему качеству. Возможно, потоп мог бы произойти по причине соединения [множества] звёзд в каком-то состоянии, которое вызвало преобладание одного из земных элементов (т.е. воды) обжитого мира. Этому способствуют земные причины, а ветры делают его необходимым. Одна из таких причин связана с водой, поскольку моря перемещаются внезапно в другое место из-за причин, связанных с воздействием мощных ураганов. Другая причина связана с приливами, обильными дождями и чрезвычайными явлениями, происходящими в воздухе и достигающими воды. Огненность возникает в результате воспламенения, происходящего в результате сильных ветров. К земным причинам относится чрезмерное истечение природных обстоятельств, которое происходит в определённое время в населённых местах суши, или интенсивное уплотнение холодной затвердевшей и окаменевшей земли. К воздушным причинам относится чрезмерное движение ветра. Всё это невозможно, и нет доказательств невозможности этого, и есть факты, свидетельствующие в пользу их возможности.

КНИГА О ДУШЕ

РАЗЪЯСНЕНИЕ О ДУШЕ¹ И ДОКАЗАТЕЛЬСТВО ЕЁ СУЩЕСТВОВАНИЯ

После рассмотрения растений и животных как возникающих и уничтожающихся предметов, поскольку растения и животные являются субстанциализированными вещами, состоящими из формы, которая есть душа и материя, которая есть тело и его органы, необходимо разъяснить сущность души, чтобы лучше знать вещи, прежде всего, с точки зрения их формы.

Растение имеет общие с животными силы души, которые заключаются в способности роста, питания и размножения. Однако растение неизбежно отличается силами души, которые свойственны его роду и присущи его видам.

Мы, конечно, не узнаем из разных видовых отличий родового смысла растительной души. Относительно растительной души мы можем сказать, что она участвует в животной душе, как животная душа участвует в растительной, так же обстоит дело с отношением души животного к человеческой душе и душам других животных. Мы не можем заниматься разъяснением сущностных видовых отличий одной души от другой, одной растительной души от другой, одной животной души от другой из-за трудности этого вопроса. Для этого необходимо говорить о душе в отдельной книге с указанием всех вопросов, связанных с ней.

Далее, рассматривая [состояние] растительную и животную души самое большее, что мы можем сказать, – это то, что они связаны с их телами и свойствами их телесных действий. По нашему наблюдению, тела обладают способностью питаться, расти, размножаться, воспринимать чувствами, двигаться по воле. Это им присуще, не благодаря обладанию их телесности, ибо если бы дело обстояло так, то так бы оно и было, поскольку все тела обладают принципами действий, исходящими из их телесности. То, из чего исходят эти действия, и всё, что является первопричиной проистекания действий, которые многообразны и лишены воли, мы называем душой. Это слово является носителем данного понятия не с точки зрения своей субстанции, а в смысле какого-то отношения, которым она обладает, а именно по причине того, что она является началом этих действий.

Уже установлено существование какой-либо вещи с точки зрения того, что она имеет какую-то акциденцию. Постараемся через акциденцию, которой обладает какая-либо вещь, исследовать ее сущность.

Мы говорим: “Нет такой вещи, в которой нельзя было бы увидеть существование души, и существование её совершенствуется по мере приобретения ею растительной и животной души, составляющих основу вещей. И эта вещь

состоит из сущностных компонентов, которые в свою очередь подразделяются на два вида: первый – это то, благодаря чему вещь действительно становится тем, чем она является; второй – это то, благодаря чему вещь потенциально становится тем, чем она является. Тело принадлежит ко второму виду, и если бы душа принадлежала ко второму виду, то возникла бы необходимость в наличии другого совершенства, которое также смогло бы быть началом действительности всех действий, и оно вновь называлось бы душой. Остаётся сказать, что душа должна быть тем, благодаря чему растение и животное действительно становится растением и животным.

Если бы душа была телом, а тело – это какая-то форма, о которой мы уже упоминали, т.е. субстрат, сущность души нетелесна, она является частью растений и животных, какой-то формой или подобна форме, или же является совершенством. И лучше было бы сказать, что душа является совершенством. Это означает, что душа есть начало по отношению к исходящим из неё действительным действиям, так же как и начало для умопостигаемых и чувственно воспринимаемых форм, которые она принимает, поскольку вещи, проистекающие из души, частью относятся к движению, ощущению и восприятию и в основе своей равны. Если же мы скажем, что душа – основа, подразумевая только что-то одно, не назвав другого, то этим мы не сможем обозначить сущность души. Подобное рассуждение является ни серьезным, ни верным, чтобы опираться на него и понимать с его помощью что-либо.

Когда мы говорим, что душа является совершенством, то при этом имеем в виду два её значения: первое – это сила, посредством которой совершенствуется восприятие животного как совершенства, а второе – это сила, от которой проистекают действия животного, она есть также совершенство. Отделившаяся душа – это совершенство, так же как и не отделившаяся. Поскольку душа описывается как совершенство, то было бы лучше, если бы она описывалась, как сила. Кроме того, её можно назвать формой относительно материи, которая пребывает в ней. Затем из души образуется или растительная душа или животная, соотносительно с растительной и животной субстанциями для

совершенствования рода, при помощи чего вещь становится определённым видом по отношению к другим видам.

По отношению к материи вещи [форма] связана с чем-то далёким от сущности определённой субстанции, и с чем-то при помощи которого вещь становится потенциальной; или вещь имеет отношение с чем-то, к чему не соотносятся действия; по отношению совокупности субстанций, форма является завершённой вещью, оторванной от своей сущности; и по отношению к чему-то, что существует актуально; и по отношению к чему-то соотносится с определёнными действиями. Следовательно, коль скоро душа описывается как совершенство, было бы предпочтительнее, чтобы она описывалась как форма.

Совершенство бывает двояким. Первое совершенство – это то, при помощи чего вид вещи становится актуальным, как, например, форма для меча. Второе совершенство – это состояние, которое обуславливает вид вещи при совершении действий и изменений в процессе совершенствования действия, например, действие рассекания, присущее мечу и тигру, и рассуждение и выбор, присущие человеку. Общеизвестно, что первое необходимо для вида, чтобы он стал актуально тем, что он есть, и он становится актуальным благодаря наличию близкой потенции через достижение совершенства. Следовательно, душа есть первое совершенство, поскольку всякое совершенство – это завершение какой-то вещи, которая представляет собой тело не в материальном смысле, а в родовом, но это также и завершение какой-то вещи, которая не является телом. Стало быть, душа – это совершенство не искусственного тела, а естественного, но и не всякого естественного тела. Душа не может быть совершенством огня и земли, она является совершенством естественного тела, от которого благодаря органам возникают вторые его совершенства, которые участвуют в жизненных процессах, таких как питание и рост. Таким образом, душа есть первое совершенство естественного тела, которая осуществляет жизненные функции через органы.

Необходимо знать, что если произносится слово “душа” по отношению к небесной форме и по отношению к растительной, животной и человеческой душе, то под этим

подразумевается её общее значение. Так, определение, которое охватывает души, существующие в нашем мире, не включает в себя небесную форму, ибо небесная форма не совершает действий посредством каких-то органов. Кроме того, жизнь, существующая в нашем мире, несхожа с той, которая присуща небесным формам. Небесная форма не питается и не растёт, и её движения не одинаковы с нашими движениями, её чувства, которые возникают для восприятия вещей, подобных воспринимаемым видам и изменениям в них, не идентичны с нашими чувствами. Кроме того, речь, которая относится к небесной форме несхожа с речью, которая имеется в обладающем материальным разумом, более того, разум здесь есть разум в актуальности, а разум в актуальности не конституирует душу, которая в нём существует, т.е. он является частью определения души. Однако нам ещё не стало ясно, является ли душа субстанцией или нет?

Исходя из нашего определения, душа есть совершенство. Более того, мы узнали, что поскольку есть душа и понятие “душа” употребляется не с точки зрения её субстанциональности, то и она управляет телами, вступает с ними в отношения, соотносится. Поэтому тело соотносится с душой подобно тому, как, например, строение соотносится со строителем, хотя определение строителя не ограничивает пределы определения того, что является человеком. Вопрос о душе рассматривался в естественной науке потому, что она имеет связь с материей и движением, но чтобы познать сущность души ей необходимо посвятить, скорее всего другое отдельное исследование.

Прежде чем приступить к этому, необходимо доказать основание существования души, принадлежащей нам, путём соотношения её с чем-либо другим. Необходимо представить, что кто-то из нас был создан сразу совершенным, парящим в воздухе или пустоте, и что состав воздуха воздействовал на нас таким образом, чтобы мы стали нуждаться в чувствовании, лишил нас зрения и видения внешнего [мира], наши органы были разделены таким образом, чтобы они не соприкасались и не мешали друг другу. Стало быть, нет сомнения в том, что мы в этом случае можем установить существование своей сущности, не будучи,

вместе с тем, в состоянии доказать существование своих органов и внутренних чувств, скорее всего, будет установлена наша сущность, а не сущность этих воображаемых органов, которые являются частью нашей сущности, но не её условием.

Известно, что установленное – это нечто иное, нежели то, что не установлено, т.е. сущности, существование которых установлены, имеют свойства установленного [в том смысле, что этот человек] есть сам по себе иной, нежели его тело и его органы, которые были не установлены. Тогда для устанавливающего, есть средство для установления существования души как чего-то иного, нежели тело. Отсюда этот человек понимает это, а если бы он это забыл то пришлось бы повторно рассмотреть этот вопрос.

Добавим, что в первой главе “Книги исцеления” рассказано о сущности души, где разногласия и противоречия по этому вопросу приведены одновременно в двух местах, что касается нас, то мы здесь ограничимся разъяснением истинного мнения и добавим к тому, что было сказано выше: душа не есть тело.

В отношении наших душ можно допустить то, что они являются человеческими душами и самостоятельно существуют благодаря своей сущности и не должно быть сомнений в том, что она [душа] субстанция. Что же касается других душ, например, растительной и животной, то они не обладают самостоятельным существованием посредством своей сущности, и поэтому относительно своей сущности они не являются субстанциями.

Мы знаем, что ближайшая материя, благодаря тому, что в ней существуют души, является особой смесью и особенным состоянием, и материя продолжает актуально быть живой до тех пор, пока в ней есть душа. Именно душа определяет конкретную смесь и конкретное состояние материи. Душа, бесспорно, является причиной возникновения растения и животного соответственно той смеси, которая им присуща, так как душа есть начало размножения и роста. Стало быть, вещь, обладающая душой, есть то, что она есть благодаря своей душе, являющейся причиной её оживления; вещь по своей природе не может иначе быть живой как по причине души, и тело также по своей природе

не может быть живым без участия души, душа присоединяется к нему таким образом, что она принимает большое участие в его сохранении и конституировании его существования, подобно тому как акциденции, существование которых необходимо обуславливает существование субстрата вещей, принадлежащего [вещам], вместе с тем актуально неконституирует их субстрат, стало быть, бытие души в теле идентично существованию акциденции в субстрате. Следовательно, душа есть субстанция, так как является формой, не присутствующей в субстрате. Если бы душа отделялась, то возникла бы необходимость, чтобы её отделение при помощи другого состояния возникло по причине тайной мысли субстрата или по причине появления в ней неорганической формы, как, например, противолежание смеси, соответствующей данной душе.

Далее, материя, присущая душе, отделившись от неё, разумеется, не сохранится в своём виде, либо исчезнут вид и субстанция, формой которой была её душа, либо душа после себя оставит в ней какую-то форму. Стало быть, материя актуально остаётся сообразной своей природе, и это естественное тело не будет таким, каким оно было прежде, а будет иметь другие формы и акциденции. Бывает и так, что изменению могут подвергаться некоторые её части. Следовательно, здесь материя не будет сущностью, которая сохранилась бы после отделения души, а будет субстратом данной души, в противном случае она была бы субстратом чего-то иного. Кто-то может сказать: “Мы допускаем, что форма растительной души, как мы упоминали, является причиной образования её ближайшей материи, но что до животной души, то, похоже, растительная душа конституирует [образует] её материю, а за этим следует конституирование животной души. Стало быть, животная душа появляется в материи, которая конституируется сама по себе, и эта душа является причиной образования этой материи, в которую вселилась эта животная душа. Следовательно, животная душа существует только в субстрате. В ответ на это мы говорим: “Для растительной души в абсолютном смысле нет иной возможности существовать, кроме как для питания тела, и у растительной души нет другого способа существования, кроме как “родового

понятия”. Но всё это существует только в воображении. Что же касается существования души в конкретных вещах, то оно разнообразно. Вещь, для которой растительная душа является причиной существования, есть нечто общее, что-то неопределённое, тело питающее, растущее и абсолютное в родовом отношении, не образующее видов.

Что же касается [животного], обладающего способностями ощущения, различения и движения по воле, то источником его происхождения является не растительная душа, как таковая, а поскольку к ней добавляется другой отличительный признак, посредством которого она становится другой природой. А это будет иметь место только в том случае, если эта природа будет животной душой. Позже мы увидим, что душа едина и от неё в органы проистекают силы, причём действия некоторых из них происходят после действия других, исходя из предназначения органа. Так, душа, присущая всему животному, соединяет все элементы его тела; она составляет и строит их в таком порядке, при котором тело могло бы существовать, и она сохраняет это тело сообразно необходимому порядку так, чтобы не одолели его никакие внешние изменения, пока душа продолжает существовать в нём. И если бы это было не так, то тело не могло бы сохраниться в надлежащем состоянии.

Так как душа господствует над растительной силой, то сила роста то усиливается, то ослабевает, когда в душе появляются суждения, влекущие за собой проявление неприязни или любви, но суждения эти лишены телесности. Случается это тогда, когда в душе возникает согласие [подтверждение], которое не оказывает влияния на тело, поскольку согласие есть убеждение, более того, это убеждение влечет за собой претерпевание радости или горя. Всё, что возникает в теле, является ничем иным, как продуктами усвоения тела, и это возникает в теле в силу питания и роста, и в результате возникающих в душе акциденций проявляется радость. Однако разумная радость – это напряжение, и силы роста и питания усиливают в душе действия, которые противоположны разумной радости, т.е. возникает акциденция – разумная печаль, которая является не тяжестью, а слабостью и бессилием в такой степени,

что они уменьшают действия души и иногда в какой-то степени могут уменьшить смесь. Всё это должно убедить нас в том, что душа соединяет силы восприятия и силы употребления пищи, и в этом она едина, а вовсе не обособлена от этих сил. Отсюда явствует, что душа совершенствует тело, в котором она находится, и сохраняет его наилучшим образом, отделяя и различая одну часть тела от другой, ибо каждая часть тела имеет отдельное место и заслуживает того, чтобы существовать отдельно от соседней части. В действительности тело сохраняет как оно есть, то, что по отношению к нему является чем-то вне его природы, и это нечто есть душа в животном. Следовательно, душа есть совершенство, которое конституирует своё тело, и душа также совершенствует вид и подобное ему. Ибо вещи, различающиеся посредством души, различаются и по видам, именно по виду, а не по индивиду. Стало быть, душа не акциденция, которая не различается по виду, и которая не участвует в конституировании материи; душа – это совершенство, подобное субстанции, а не акциденции. Из этого логически не вытекает, что душа является или не является отвлечённой, поскольку всякая субстанция не является отвлечённой. Следовательно, форма, первоматерия не являются отвлечёнными.

УПОМИНАНИЕ СИЛ ДУШИ, ИХ ОПРЕДЕЛЕНИЕ И ДОКАЗАТЕЛЬСТВО СУЩЕСТВОВАНИЯ

Представляется нужным разъяснить, что различные действия души определяются различными её силами и прежде всего отметим, что душе свойственны различные по характеру действия, и одни из них различаются или силой, или слабостью, как, например, различия в степени проницательности и непроницательности; другие – в лишении и обладании, как, например, различие в степени сомнения, размышления, проведения в состояние движения и покоя; третьи – в отношении противоположных вещей, как например, различие родов белого и чёрного; четвёртые различаются в отношении рода, как, например, различия в восприятии цвета и вкуса, а также различия в самом восприятии и побуждении к движению. Рассмотрим

например, является ли началом этих действий единая сила? Допустимо, что каждая степень уменьшения и увеличения имеет отдельную силу, более того, с одной силой случается так, что она совершает либо более сильное действие, либо более слабое, или по своему выбору, или согласно деятельности органов, или из-за препятствий извне, которые различаются по количеству. Точно так же обстоит дело в отношении лишения и обладания.

Как будет рассмотрено в разделах об универсальных высказываниях, началом этих действий является единая сила. Что касается различия действий по роду, то они подобны восприятию и побуждению к движению и восприятию по отношению к другому восприятию. Вполне допустимо, что одна сила иногда воспринимает движение, а в другой раз совершает его, или иногда по своей сущности воспринимает умопостигаемые вещи, или посредством органов воспринимает чувственно-воспринимаемые вещи, а в другой раз каким-то органом воспринимает созерцаемые и слышимые вещи. Иной раз у неё появляется аппетит, если случается встреча со сладкой вещью; при встрече с болью она приходит в гнев; иной раз растёт, другой раз питается, иногда размножается согласно состоянию материи и различных состояний тела. Однако истинное мнение заключается в том, что если сила является сущностно таковой, то лучше было бы назвать её и силой по отношению к какому-либо предмету, и невозможно, чтобы она была началом какой-то иной вещи, отличной от этой. И поскольку она является причиной вещи, то она является в ней и началом. Если бы она была началом другой вещи, то она не была бы сама собой с точки зрения того, что она есть начало первой вещи. Стало быть, силы как таковые, могут быть только началом определённых действий в первом смысле.

Но иногда бывает, что определённая сила, как таковая, служит началом множества действий во втором смысле, так как она выступает как второстепенная сила, как, например, сила зрения сначала воспринимает все цвета, а затем – белый и черный. Или, например, сила воображения крепко держится за формы материальных вещей, абстрагированные каким-то неполным образом, а затем воспринимает такие акциденции этой

вещи, как цвет, вкус, звук и величина. Иногда она [сила] может быть началом существования множества действий или несуществования действия, истекающего от неё сообразно тому, соединяется ли она с другой силой или нет, как, например, совокупление, которое соединяется с силой вождения, благодаря мотиву, исходящему от [силы] представления или разумной силы, и эта сила представления приводит в движение [силу] вождения, а если бы она не соединялась с силой вождения, то она не приходила бы в движение.

Вполне допустимо, чтобы множество действий имели какое-то начало из-за множества органов, которые существуют в душе, ибо двигательная сила одного органа совершает лишь одно определённое движение. Иногда начало множества действий может быть сообразно различным восприимчивым. Однако, если действия будут различаться не этим упомянутым способом, а родом как, например, различие между растительным действием, которое представляют силы питания, роста и размножения; животным действием, которое представляют чувства, воображение, движение по воле и человеческое действие, которые являются представлением непостижимых вещей, постижением рассуждений и познанием Вселенной; различием прекрасного и безобразного, – то недопустимо, чтобы сила, существующая в других вещах, была одна. Стало бы, если бы силы души были одной силой и если бы действия растения истекали от силы, из которой первоначально происходят действия животных, то отсутствовали бы растительные тела и органы животных, которые питаются, но не чувствуют того, что есть твёрдое и мягкое, или отсутствовала бы сила, или материя не претерпевала бы действия силы. Абсурдно было бы сказать, что материя не подвергается воздействию тепла, холода и не изменяется от воздействия сильных вкусов и сильных запахов. Всё это должно быть по причине отсутствия в ней действующей силы, но при существовании питательной силы. Следовательно, эти две силы различны.

Кроме того, побуждение к движению души происходит либо в результате абсолютного перемещения, при котором каждое тело воспринимает абсолютное перемещение, либо путём

сокращения и расширения. Так, в наших телах имеются органы, которые более способны для этого, нежели мускулы, и в них имеется сила питания, которую невозможно привести в движение. Стало быть, причина заключается, конечно, не в самих органах, а в том, что они потеряли [двигательную] силу. Некоторые нервы имеют лишь силу ощущения, в некоторые же проникает сила движения, но ни одна из них без движения не предпочтительнее других. Например, глаз не уступает языку, который ощущает близлежащие [вещи], однако глаз их [вкус] не воспринимает.

Сущность человеческой силы, которую мы объясним ниже, также свободна от запечатлевания в материи. Что до действий, относящихся к животному, то все они не могут совершаться без какого-либо органа. Следовательно, ощущения [чувства], представления, как и другие материальные силы, отличны от двигательной силы, хотя и возникают из неё. Из всего того, что мы сказали, вытекает, что существует две группы сил, которые мы упорядочим и перечислим ниже.

Известно, что всякая сила обладает действием, противоположным первому действию, и мы перечислим все душевные силы по порядку. Силы, относящиеся к душе, разделяются на три рода: один из них – растительная душа, которая является первым совершенством естественного инструментального тела, поскольку оно размножается, растёт и питается. Второй род составляет животная душа; она – первое совершенство инструментального тела в том отношении, в каком оно воспринимает единичные [частные] вещи и двигается по воле. Третий род составляет человеческая душа; она – первое совершенство естественного инструментального тела в той мере, в какой оно совершает действия по осмыслённому выбору и рассуждению с точки зрения того, что она постигает универсальные вещи. Необходимо сделать “первое” условием описания “второго” [совершенства] и рассматривать растительную душу, как часть животной, а животную как часть человеческой души. Следовательно, более общее берётся в определении частного, особенно когда мы хотим дать определение души, а не силы души, которая относится к душе

сообразно её действию. Стало быть, ты позже узнаешь разницу между животной душой и силой восприятия и приведением в движение, и между разумной душой и силой, существующей в вышеупомянутых вещах, как различие и прочее. Если наша цель – определение этих особых сил, то мы можем удовлетвориться уже приведёнными определениями.

У растительной души имеется три силы: сила питающая, которая изменяет какое-то тело, отличное от того, в котором она сама находится, и восполняет то, что в теле разложилось и что она приращивает к нему; сила роста – это сила, которая увеличивает тело, в котором она находится пропорционально его размерам по длине, ширине и глубине так, что доводит это тело до совершенства; сила размножения – это сила, которая берёт от тела, в котором она находится, некоторую часть, потенциально подобную ему, и производит в ней с помощью других подобных ему тел такие действия созидания и смешения, при помощи которых она становится актуально подобной самому телу.

У животной души имеется две силы: – движущая и воспринимающая. Движущая сила разделяется на две части: на движущую часть, которая побуждает к действующему началу. Движущая сила по отношению к побуждению является силой вожеления. Это такая сила, которая при запечатлевании искомой и неискомой формы в воображении, о котором речь пойдёт позже, приводит в движение движущую силу, выступающую как действующее начало. Сила вожеления имеет два вида: один называется силой страсти, которая побуждает к движению, посредством которого приближаются к формам вещей, представляющимися полезными в поиске удовольствия; второй вид называется силой гнева, и это такая сила, которая побуждает к движению, посредством которого тело отвергает вещь негодную или представляющую вред. Что касается движущей силы, то она пребывает в нервах и мускулах. Ей свойственно вызывать сокращение мышц, сжимать сухожилия и связки, соединяемые с органами по направлению к началу, или расслаблять их или растягивать в длину, когда сухожилия и связки располагаются противоположно началу.

Воспринимающая сила делится на две части: на силу, воспринимающую извне, и силу, воспринимающую изнутри, составляющие пять или восемь чувств. К ним относятся: зрение – это сила, расположенная в полном нерве, которая воспринимает, запечатлевающиеся в хрусталике формы тел, имеющие цвет и передаваемые через актуально прозрачные тела к поверхностям гладких тел; слух – это сила, расположенная в нерве, который рассеян по поверхности слухового канала; она воспринимает форму, которая передаётся посредством колебания воздуха, сильно сжатого между ударяющим телом и телом, испытывающим удар и сопротивляющимся этому, от чего возникает звук. Затем, когда колебание воздуха доходит до слухового канала, в полости которого заключён неподвижный воздух, оно производит такое колебательное движение, волны движения которого приходят в соприкосновение с нервом [и мы слышим звук]; обоняние – это сила, расположенная в двух соскообразных отростках передней части мозга, которая воспринимает передаваемый ей запах, втягивающийся в нос воздухом и содержащийся в примешанном к воздуху паре, или запах, запечатлённый в воздухе, благодаря превращению последнего под воздействием того или иного пахучего тела; вкус – это сила, расположенная в нерве, который распространён по всему языку, она воспринимает растворяющиеся вкусы тел, соприкасающиеся с языком, и примешивается к сладкой жидкости, в которой содержит преобразующую смесь; осязание – это сила, расположенная в нервах кожи и мускулов всего тела и его мясе, которая воспринимает всё, что соприкасается с телом, и оказывает на него воздействие, благодаря противоволожностям, преобразующим смесь или форму состава [сочетания]. По мнению некоторых, эта сила, видимо есть не другой вид, а скорее, род для четырёх или более сил, рассеянных вместе в коже тела. Одна из этих сил различает противоположность тёплого и холодного, вторая – противоположность влажного и сухого, третья – противоположность твёрдого и мягкого, четвёртая – противоположность шероховатого и гладкого. Однако, то обстоятельство, что они собраны в одном органе, даёт такое представление, что они едины в своей сущности. Некоторые,

воспринимающие силы изнутри, воспринимают формы чувственно-воспринимаемых вещей, а другие – идеи чувственно-воспринимаемых вещей.

Разница между формой и идеей заключается в том, что форма – это нечто воспринимаемое одновременно, внутренним и внешним чувствами. Однако форма вначале воспринимается внешним чувством и затем передаётся [при его помощи] внутреннему чувству, как, например, овца воспринимает форму волка, т.е. его очертания, фигуру и цвет. Это воспринимается внутренним чувством овцы, чему предшествует восприятие его внешним чувством.

Идея же является тем, что воспринимается душой от чувственно-воспринимаемой вещи, не будучи воспринимаемой сперва внешним чувством, как, например, восприятие овцой враждебной идеи, заключённой в волке, или идеи необходимости бояться волка и бежать от него, что также не воспринимается внешним чувством. К числу воспринимаемых сил изнутри относится сила фантазии, которая есть общее чувство. Эта сила расположена в первой передней полости [желудочка] мозга, которая сама по себе [самостоятельно] воспринимает все формы, запечатлевающиеся во внешних чувствах.

Затем следует сила представления, которая расположена в передней полости мозга; она сохраняет то, что общее чувство принимает от пяти частных чувств, и то, что продолжает оставаться в нём после исчезновения этих чувственно-воспринимаемых предметов. Так, восприятие относится к другой силе, нежели к той, благодаря которой осуществляется сохранение. Это можно видеть на примере воды: вода обладает способностью принимать отпечаток и очертания, но она не обладает способностью сохранять их.

Далее следует сила, которую применительно к животной душе называют воображающей, а применительно к человеческой – мыслительной. Это сила, расположенная в среднем желудочке мозга, около червеобразного отростка, которой свойственно по воле сочетать и разъединять то, что есть в представлении.

Далее следует догадка – это сила, расположенная в конце желудочка средней части мозга, и она воспринимает

невоспринимаемые чувством идеи единичных чувственных предметов. Например, существующая в овце сила, которая выносит решение о том, что от этого волка следует бежать, а этого ягненка нужно приласкать. Видимо, догадка существует в воображаемых вещах так, что сочетает и разъединяет их.

Затем следует сила памяти, которая есть запоминающая сила, расположенная в конце желудочка мозга; она сохраняет невоспринимаемые чувством идеи единичных чувственных предметов. Отношение силы памяти к силе догадки подобно отношению силы, называемой воображением к общему чувству, и отношение этой силы к идеям подобно отношению этой силы к чувственно-воспринимаемым формам.

У разумной человеческой души имеется две силы – сила, познающая и сила, осуществляющая практические действия. Каждая из этих двух сил называется разумом соответственно своему названию и значению. Так, практическая сила является началом движения человеческого тела, побуждающим его совершать единичные осмысленные действия, в соответствии с мнениями, свойственными ей условно. Эта сила действует в соотношений с животной вожделяющей силой, животной воображающей силой, силой догадки и сама по себе. Её отношение с животной вожделяющей силой заключается в том, что в ней возникают свойственные человеку состояния, благодаря которым она быстро действует и претерпевает действие, как, например, бывает со стыдом, застенчивостью, смехом, плачем и тому подобным. Её отношение с животной воображающей силой и силой догадки заключается в том, что она использует их, когда занята рассмотрением возникающих и уничтожающихся вещей, изучением человеческих искусств. Наконец, у неё есть отношение к самой себе, заключающееся в том, что между нею и теоретическим разумом рождаются общераспространённые мнения без доказательства, например, те, согласно которым ложь безобразна, а благодеяние прекрасно, и тому подобные исходные посылки, выделяющиеся из чистых первичных разумных [посылок]. Если эти действия будут доказаны, они становятся разумными и тогда эта сила должна господствовать над другими силами тела, чтобы не испытывать

воздействия этих сил. Напротив, эти силы должны подвергаться действиям практической силы и подавляться ею, чтобы тело не вызывало в практической силе ограничение претерпевающие состояния, возникающие под воздействием естественных вещей, страдательное состояние, которые вызываются дурными нравственными качествами, более того, необходимо, чтобы она вообще [не] подвергалась действиям и не была подчинённой, а была господствующей и имела добродетельные нравственные качества. Нравственные качества, существующие в нас, относятся к практической силе, так как человеческая душа, как будет сказано позже, есть единая субстанция, имеющая две стороны: одна – это то, что выше её, другая – то, что ниже её, для каждой из этих сторон человеческая душа имеет силу, посредством которой регулируется связь между нею и этой стороной. Эта практическая сила связывает душу с тем, что ниже её, а именно – с телом и управлением.

Что касается умозрительной силы, то ей свойственно осуществлять связь души с тем, что выше, чтобы претерпевать действие и приобретать от него пользу. Наша душа, имеет как бы два лица: одно лицо, обращённое к телу; необходимо, чтобы это лицо вообще не поддавалось тому или иному воздействию, обусловленному природой тела; другое лицо, обращённое к высшим началам; необходимо, чтобы это лицо постоянно получало от них то, что там есть, и испытывало их воздействие. Следовательно, из того, что находится ниже, возникают нравственные качества, а из того, что выше, порождаются науки.

Умозрительной силе, которая также называется познающей умозрительной силой, свойственно получать впечатление от универсальных форм, отвлечённых от материи. Если эти формы будут отвлечёнными сами по себе, то она просто воспринимает их; а если нет, то она будет их абстрагировать, чтобы у них не оставалось никакой связи с материей, но как это будет делаться, мы объясним позже.

Умозрительная сила имеет разные отношения к этим формам; иногда её отношение бывает абсолютно потенциальным. Это имеет место тогда, когда сила, принадлежащая душе,

принимает нечто из совершенства, которое соответствует этим формам. В этом случае она называется материальным разумом.

Материальный разум существует у каждого из индивидов. Материальным его называют лишь потому, что он подобен предрасположенности первой материи, и будучи субстратом всякой формы, он не обладает той или иной формой сам по себе.

Иногда отношение умозрительной силы является отношением того, что находится в возможной потенции, а именно: оно состоит в том, что в материальной силе возникают из умопостигаемых вещей первые умопостигаемые, которые являются посылками, в которых суждение происходит путём приобретения, а не так, чтобы подтверждающий осознавал, что ему допустимо воздержаться в какое-то время от их принятия, как, например [убеждение] в том, что целое больше части. Она есть сила, посредством которой воспринимают вторичные умопостигаемые вещи, пока материальный разум на пути перехода в актуальное состояние не получит какое-либо значение, и такая величина называется разумом по навыку.

Иногда её отношение носит характер совершенной потенциальности, которое заключается в том, что приобретаемые формы появляются после первичных умопостигаемых вещей, однако их не рассматривают и актуально к ним не возвращаются, а скорее, они как бы хранятся в нём [в разуме], так что он при желании рассматривает эти формы актуально, осмысливая их и осмысливая то, что они уже им осмыслены.

Далее, он называется разумом в актуальности, так как познаёт, когда хочет, не затрудняя себя приобретением [извне], хотя можно было его назвать разумом в потенциальности соотносительно с разумом, следующим за ним.

Иногда отношение умозрительной силы к формам носит характер абсолютной актуальности, а заключается она в том, что умопостигаемая форма присутствует в разуме, последний же актуально её созерцает, и актуально умопостигает, и тогда возникает то, что называется приобретённым разумом.

Приобретённым разумом называется лишь потому, что, как мы выясним позже, разум в потенциальном состоянии переходит в актуальное состояние только по отношению к

какому-то разуму, находящемуся всегда в актуальном состоянии, и когда разум в потенциальном состоянии определённым образом соединяется с разумом, находящимся в актуальном состоянии, в нём актуально запечатлевается определённый вид форм, приобретаемых от того разума, так что эти формы оказываются приобретёнными извне. При этом приобретённый разум завершает род животных и входящий в этот род человеческий вид. В приобретённом разуме человеческая потенция уже уподобляется первым началам всего существующего. Эти силы главенствуют друг над другом или предшествуют друг другу. Так, приобретённый разум – это правитель, которому служат все и который есть конечная цель.

Далее, деятельному разуму служит разум по навыку, а разуму по навыку материальный разум через имеющиеся в нём предрасположенности.

Практический разум служит всем этим [перечисленным разумам], так как связь с телом направлена на совершенствование и очищение умозрительного разума, в то время как практический разум управляет этой связью.

Далее, практическому разуму служит сила догадки, а сила догадки – это, с одной стороны, память, а с другой – иные животные силы. Воображающей силе служат две силы, различающиеся между собой по своему происхождению. Сила вожеления служит побуждением, ибо она побуждает её [воображающую силу] определённым образом к движению; а сила воображения предоставляет ей, хранящиеся в ней формы, готовые для сочетания и разъединения. Этими двумя послушными силами можно управлять. Что касается силы воображения, то ей служит общее чувство, а общему чувству служит двигательная сила в мускулах, то есть животная сила. Далее, животной силе служат двигательная и растительная силы, из которых первой и главной является сила размножения. Растительной силе служит сила размножения, а сила питания служит им обеим. Им служат четыре естественные силы: одна из них пищеварительная, которой служит, с одной стороны, схватывающая [сила], а с другой стороны, притягивающая, и всем им служит сталкивающая сила. Затем всему

перечисленному служат четыре стихии, причем теплу служит холод, так как он и подготавливает материю к теплоте и сохраняет то, что подготовила теплота, так как холод находится в силах, входящих в естественные акциденций, и оказывает пользу тому, что следует после. Теплу и холоду служат сухость и влажность. На этом заканчивается рассуждение о степенях сил.

УПОМИНАНИЕ СИЛ, ОТНОСЯЩИХСЯ К РАСТИТЕЛЬНОЙ ДУШЕ

Нам бы хотелось познать эти силы с точки зрения их действия. Первая среди них – сила питания, определение которой было изложено выше.

Что же касается пищи, то она является веществом, которому свойственно уподобляться² природе тела, о котором говорят, что оно есть его пища и добавляют в неё то количество, которое уже разложилось, или больше или меньше [этого количества]. Посему мы говорим: пища не всегда преобразуется в природу питающегося тела сразу, она претерпевает сначала определённое превращение из-за какого-то качества, благодаря которому она предрасполагается к превращению в субстанцию питающегося тела с тем, чтобы в нём действовала сила вследствие притягивания питательной силы, которая есть пищеварительная сила. Действие этой силы заключается в том, что она подготавливает пищу для равномерного распространения [по всему телу], после чего в животных, имеющих кровь, питательная сила, путём первичного преобразования, превращает пищу в кровь и смеси, от которых образуется тело. Каждому органу принадлежит особая питательная сила, находящаяся в нём, которой свойственно восполнение того, что в теле разложилось, и которая превращает в нечто подобное ему и приращивает её к нему. Пища нужна не только для восполнения того, что разложилось, но и для роста. Питательная сила действует на всём протяжении жизни индивида.

Что касается силы роста, то это такая сила, которая в начале существования животного производит действие, которое

распределяет пищу противоположно потребности силы питания, ибо сила питания сама по себе должна давать [пищу] каждому органу сообразно с его большой или малой величиной и распространять её в этом органе.

Сила роста лишает пищи одну часть тела с тем, чтобы удовлетворить потребность в ней для увеличения другой части, и приращивает её в последней. Если бы всё зависело от действия питательной силы, то части тела оказались бы одинаковыми. Однако сила роста распределяет пищу для силы питания, более того, она, распределяя эту пищу, направляет её туда, где [сила] роста требует увеличения в длине и уменьшения в ширине или увеличения некоторых органов, исключая увеличение других, вопреки тому, чего требует сущность питательной силы. Силе роста в этом служит питательная среда, как распространяющаяся питательная сила действует по указанию силы роста, которая стремится довести рост до полного завершения.

Что касается силы размножения, то она обладает двумя действиями: одно действие направлено к тому, чтобы создать семя, придать ему определённую природную фигуру; второе действие заключается в том, что она при вторичном преобразовании придаёт его частям свойственные им формы: силы, размеры, величины, фигуры, шероховатость, гладкость и то, что связано с этим, подчиняясь указанию единоличного во всём могуществе. Так, питательная сила оказывает помощь силе размножения посредством пищи, а сила роста служит ей путём сходного удлинения [части тела]. Это действие совершается ею при возникновении вещи, затем продолжается действие силы питания. Когда заканчивается действие силы роста, сила размножения сразу же побуждается к порождению семени и спермы, чтобы в них поместилась сила, относящаяся к их роду вместе с двумя подчинёнными силами. Словом, цель питательной силы заключается в том, чтобы сохранить субстанцию индивида, тогда как назначение силы размножения ограничивается тем, чтобы сохранить вид, так как любовь к жизни – это вещь, проистекающая от Бога, могущество которого возвышается над всеми вещами. То, что не может существовать в качестве индивида, а может существовать в качестве вида, то в нём

возникает сила, которая привлекает взамен старого вида другой вид с тем, чтобы сохранить свой вид. Инструментом этой первичной силы являются инстинктивная теплота и совершенство, существующее в ней в результате творения. Что же касается претерпевающих качеств, то их первичным органом является влажность, которой свойственно создавать и приобретать внешнюю форму, за ней следует сухость, которая сохраняет внешнюю форму и придаёт [ей] устойчивость.

УПОМИНАНИЕ СИЛЫ ВОСПРИЯТИЯ ПУТЁМ УНИВЕРСАЛЬНОГО РАССУЖДЕНИЯ

Мы говорим: похоже, что всякое восприятие – это возникновение каким-то образом формы воспринимаемого предмета, ибо восприятие материальной вещи является восприятием её формы, каким-то образом отвлечённой от материи. Но отвлечение бывает разных видов и разной степени: у материальной формы благодаря материи бывают состояния и положения, принадлежащие не ей самой по себе, а постольку, поскольку она является данной формой. Отвлечение от материи иногда бывает отвлечением со всеми материальными связями или с некоторыми из них; иногда же отвлечение бывает полным, когда от материи и от сопутствующих признаков, свойственных ей, отвлекаются идеи. Человеческая форма, например, или суть бытия человека, составляют определённую природу, в которой, несомненно, одинаково принимают участие все индивиды, и она по своему определению есть нечто единое, что акцидентально имеется в том или ином индивиде, и оказывается чем-то множественным, но эта множественность не определяется человеческой природой. Если бы человеческой природе было свойственно быть необходимо множественной, то не существовало бы человека, о котором можно было бы высказаться в единственном числе. Если “человечность” как таковая существовала бы в Зейде, то её не было бы в Амре. Следовательно, одной из определяемых материей акциденций “человечности” есть этот вид множественности и делимости. Кроме того, у “человечности” случаются и иные акциденции, а именно тогда, когда появляются в какой-то материи, имея

определённое качество и количество, “где” и положение. Но все эти [акциденции] чужды природе человека. Дело в том, что если человечность как таковая обладала бы этим или любым другим количеством, качеством, “где” и положением, то каждый человек должен был бы быть общим как для данного, так и для другого человека. Если эти акциденции принадлежат человечности в другом смысле и в другом отношении количества, качества, “где” и положения, то было бы необходимо, чтобы каждый был общим [для другого].

Следовательно, человеческая форма сама по себе не требует, чтобы в ней было соединено нечто из имеющихся у неё сопутствующих признаков, наоборот, её сопутствующие признаки определяются со стороны материи, так как они уже оказываются соединёнными с той материей, с которой соединена человеческая душа. Так, чувство воспринимает от материи форму вместе с этими сопутствующими признаками и возникшими отношениями между ними и материей, и когда эти отношения с материей исчезают, прекращается и это принятие. Дело в том, что чувство не может полностью отвлечь форму от материи, оно нуждается также в бытии материи, чтобы данная форма существовала в ней.

Что касается представления, то оно основательно освобождает от материи отвлекаемую форму, так как берёт её из материи, так что форма, существуя в представлении, не нуждается в материи, ибо если бы даже материя или скрылась, или исчезла, форма осталась бы устойчива в своём существовании и представлении. Представление принимает форму, полностью нарушая связь между нею и материей, однако это не значит, что представление отвлекает форму от материальных сопутствующих признаков, тогда как чувство не отвлекает её полностью от материи, и её отвлечение, разумеется, не исходит из-за сопутствующих признаков материи. Ибо форма, существующая в представлении как таковая, существует сообразно чувственно-воспринимаемой форме: какое-то количество, какое-то качество и какое-то положение. Форма, конечно, в представлении не может быть представлена в таком состоянии, которое было бы общим для всех индивидов этого

вида. Ибо представляющий человек является одним из людей, и вполне возможно, что существуют люди, представляющие не таким образом, каким представляет данный человек.

Что же касается силы догадки, то она иногда переходит эту ступень отвлечения, так как эта сила принимает значения [идей], которые по своей сущности нематериальны, хотя и бывает, что они пребывают в материи, потому что такие понятия, как фигура, цвет, положения являются вещами, которые присущи лишь телесной материи.

Что же касается добра и зла, друженности и недруженности, которые сами по себе нематериальны, [то] иногда случается так, что они могут быть и материальными. Стало быть, сила догадки воспринимает нематериальные вещи, которые берёт от материи, подобно тому, как она воспринимает так же чувственно невоспринимаемые вещи [идей], хотя они являются материальными. Так, этот вид [отвлечения] более глубок и близок к простоте, чем два предыдущих. Несмотря на это, этот вид не отвлекается от сопутствующих признаков материи, так как сила догадки берёт эту форму как нечто единичное сообразно с материей и соотносительно с ней и со связью с чувственно воспринимаемой формой, окружённой сопутствующими признаками материи и с соучастием в ней представления.

Что же касается силы, в которой устойчивые формы либо формы того сущего, которое вовсе нематериально и не бывает, чтобы оно было материальным, либо форма сущего материальна, но во всех отношениях освобождены от связей с материей, то ясно, что она воспринимает формы для того, чтобы, восприняв их полностью, во всех отношениях отвлекать [их] от материи. Что же до того, что свободно от материи само по себе, то это ясное дело. А что касается того, что существует в материи либо потому, что его существование или материально, или акцидентально, то упомянутая сила отвлекает его не только от материи во всех отношениях, но и от его сопутствующих признаков, взяв его столь отвлечённым, что оно становится подобным человеку, о котором высказывается по отношению ко многим, так что эта сила берет множественное как нечто единое и отделяет его от

всякого материального количества, качества, “где” и положения. Если бы она не отвлекала “человека” от всего этого, то нельзя было бы сказать это в отношении всех. Вот чём отличается восприятие того, кто руководствуется чувством, от восприятия того, кто руководствуется разумом.

Далее, ощущающий актуально может стать подобным чувственно воспринимаемому тогда, когда ощущение – какое-то претерпевание, которое является [отвлечённым] принятием формы чувственно воспринимаемой вещи и превращением её в актуальное сходство с чувственно воспринимаемой вещью. Чувствующий потенциально подобен чувственно-воспринимаемому в потенциальности, и чувственно-воспринимаемая вещь реально есть то, посредством чего чувствующий представляет форму чувственно-воспринимаемой вещи. Стало быть, чувствующий в каком-то смысле есть тот, кто чувствует свою сущность, а не чувственно-воспринимающее тело, ибо оно представляется благодаря своей форме, что близко чувственно-воспринимаемой форме. А что касается того, что находится вне чувственно-воспринимаемого тела, то оно есть представляемая форма, которая является отдалённой чувственно-воспринимаемой формой. Стало быть, она чувствует себя, а не снег, чувствует себя, а не холод, если мы подразумеваем ближайшее ощущение, при котором нет посредника.

Чувствующий испытывает действие чувственно-воспринимаемого предмета не посредством движения, так как нет здесь перехода от одной противоположности к другой, а посредством завершения, я имею в виду то завершение, которое, будучи в потенциальном состоянии, перешло в актуальное без того, чтобы действие устранилось и перешло в потенциальное состояние. Поэтому мы говорим, что каждое чувство воспринимает свой чувственно-воспринимаемый предмет и отсутствие его. Свой предмет оно воспринимает само по себе, а отсутствие предмета воспринимает так, например, как темнота воспринимается глазом, а молчание – слухом и т.д.; и такое восприятие потенциальное, а не актуальное. Что же касается восприятия того, что оно воспринимает самое себя, то это не относится к чувству, ибо восприятие – не цвет, который можно

увидеть, или звук, который можно услышать. Это нечто воспринимается только благодаря действию разума или силе догадки, как это станет очевидным позже, если того пожелает Аллах.

УПОМИНАНИЕ ЧУВСТВА ОСЯЗАНИЯ

Первое из чувств, благодаря которому животное становится животным, – это осязание. Всякое существо, обладающее животной душой, имеет чувство осязания. Вполне возможно, что животное одну за другой может утратить иные силы, кроме осязания, но не наоборот, ибо чувство осязания по отношению к прочим силам животных таково же, как и отношение питательной силы к остальным силам земной души. Скорее, душа одну за другой может потерять другие силы [кроме остальных], но не наоборот. Причина того, что осязание имеет такое значение заключается в том, что в первую очередь животное состоит из осязаемых качеств, так что смесь его образуется именно осязающими качествами, и непригодность смеси зависит от противоречия, происходящие в них. Чувство – это дозорные души, а передовой дозор должен быть представлен силой, которая отстраняет пагубное и сохраняет полезное. Чувство должно находиться впереди дозорных, указывающих на вещи, от которых происходит польза, исходящая из смеси, или вреда, проистекающего от пагубного. Осязание – одно из чувств, которое имеется у каждого земного существа.

Что касается движения, то по своему характеру оно является близким к чувствам животного, а также есть некоторые виды чувства, предшествующие [движению] то животное не лишено этого свойства. Стало быть, всякое существо, обладающее осязанием, по своей сущности имеет какое-то волевое движение либо целостно, либо частично. Разумеется, невозможно, чтобы животное имело чувство осязания и не обладало силой движения, иначе как же мы будем знать, что оно имеет чувство осязания, когда мы наблюдаем, что некоторые [животные] избегают осязаемое, а другие стремятся к нему. Мы наблюдаем, что ракушки и прочие живые существа, которые по нашему предположению, вовсе не имеют движения, обладают

движением сокращения и растяжения, искривления и протяжения, хотя они и не покидают своего места, и поэтому мы знаем, что они чувствуют осязаемый предмет.

Осязаемые вещи являются тёплыми и холодными, влажными и сухими, шероховатыми и гладкими, тяжёлыми и лёгкими, твёрдыми и мягкими, липкими и хрупкими и т.д. Условие чувственного восприятия сущностно заключается в том, что ощущение возникает через чувственно-воспринимаемое с претерпеванием, исходящим из него, в реальности же то, что имеется в чувственно-воспринимаемом, не является ощущением, если бы не стало проявляться то, что исходит от чувств в чувствующем, то чувственно-воспринимаемые вещи не ощущались бы. Но чувственно-воспринимаемая вещь в сущности есть то, благодаря чему в ощущаемом органе начинает проявляться качество, равноподобное с тем, какое есть у чувственно-воспринимаемой вещи, затем это качество ощущается.

Такое состояние есть теплота, холод, влажность, сухость и шероховатость, гладкость и бугристость, удаление в определённом направлении от тяжёлого и лёгкого, ибо тяжесть или лёгкость суть некоторые стремления: растяжение также представляет собой стремление в каком-то направлении. Есть и другие разновидности чувственно-осязаемого, а именно те, которые относятся к разъединению непрерывного посредством удара, и это не является чем-то из перечисленных вещей, и причина ощущения в нём заключается в том, что животное рождается благодаря смеси, относящейся к элементам. Животное также возникает путём сочетания [элементов]. Точно так же обстоит дело со здоровым состоянием и болезнью, ибо им принадлежит то, что относится к смеси, и то, что относится к состоянию и составу. Кроме того, некоторые смеси пагубны, а некоторые составы даже губительны. Более того, осязание есть ощущение, посредством которого оберегаются от того, что портит смесь. Точно так же осязание является смесью, при помощи которой оберегаются от того, что уничтожает сочетание. Стало быть, посредством осязания воспринимается разъединение

непрерывного и его противоположность, а именно – возвращение к восстановлению.

Другой разновидностью чувственно-осязаемого является осязаемая услада, например, удовольствие от совокупления и прочее. Причина этого заключается в том, что всякое противоположное состояние, принадлежащее телу, ощущается при изменении и перехода к нему, а не воспринимается оно, когда данное состояние наступило и стало устойчивым, так как чувственное восприятие представляет собой некоторое мучительное состояние или связанное с ним, тогда как страдательное состояние возникает тогда, когда что-то исчезает и появляется что-то другое.

Что до устойчивого [состояния], то оно не вызывает страдательного состояния, оно существует одновременно в благоприятных и неблагоприятных смесях. Ибо, когда утверждаются неблагоприятные смеси, первоначальные смеси исчезают, и неблагоприятные смеси становятся первоначальными и через них чувственно не воспринимаются [те, что были раньше]. Вот почему чувственно не воспринимается жар чахотки, хотя он сильнее жара лихорадки. Если бы первоначальные [смеси] существовали, а затем исчезали, и возникали бы противостоящие им смеси, то они бы ощущались и назывались бы неправильными разнородными смесями, а то, что находится в устойчивом состоянии, – неправильными однородными смесями.

Болезненное и спокойное состояния также свойственны осязаемым вещам. В этом смысле осязание отличается от прочих [органов] чувств, ибо другим чувствам не свойственны ни удовольствие, ни боль, как, например, зрение, которое не испытывает удовольствия и страдания от цветов [красок], напротив, от этого страдает или испытывает удовольствие душа. Некоторые [чувства] испытывают удовольствие и боль через одну из ощущаемых вещей, как, например, ухо, которое испытывает боль от слишком громкого звука, и оно испытывает боль не от того, что слышит, а постольку поскольку осязает, поэтому в нём возникает осязаемая боль, кроме того, у уха также исчезает осязаемое удовольствие.

К особенностям осязания относится то, что органами при помощи которых происходит ощущение через соприкосновение, являются нервная ткань и нерв тогда, когда имеется посредник.

К особенностям осязания также относится то, что вся кожа, охватывающая тело, осуществляет чувственное восприятие через осязание, и ни одна его часть не отделяется при этом, это ощущение есть дозор, который осуществляет [контроль] над поступающими в тело образами вещей, ускоряющими его порчу. Из каких бы органов не поступали такие образы вещей, необходимо, чтобы всё тело стало чувственно-воспринимающим через осязание, и поскольку к другим чувствам без соприкосновения и издали приходят какие-то образы вещей, то достаточно, чтобы в качестве органа восприятия служил один орган.

Когда орган ощущает то, что может принести вред, душа узнаёт об этом, она остерегается этого и вместе с телом стремится уклониться от вреда. Если бы органом осязания был один из органов, то душа воспринимала бы приносимый вред через соприкосновение с ним.

Далее, силы осязания, по-видимому, многочисленны; каждая из них отличается тем, что имеет свою противоположность, так, сила, воспринимающая тяжёлое и лёгкое, иная, нежели та, которая воспринимает тёплое и холодное. Ибо, каждый род этих первичных действий, относящихся к ощущению, необходимо имел бы свою собственную силу, однако эти силы, поскольку они равномерно распространены по всем органам, считаются одной силой, как, например, если бы осязание и вкус были бы распространены по всему телу, подобно тому, как они распространены по всему языку, то их можно было бы считать одной силой. Поскольку же они различаются за пределами языка, то их различие должно быть признано. Разумеется, не обязательно, чтобы каждая из этих сил имела свойственный ей орган, они могут иметь и один общий для них орган и вполне возможно деление органов чувственно-воспринимаемых.

Мы говорим, что относительно осязания существует единое мнение. Если сам естественный орган является

посредником, поскольку необходимо, чтобы каждый посредник был лишён по своей сущности качеств того, что он доставляет, то когда он что-то воспринимает и передаёт, он передаёт нечто новое. Из этого возникает страдательное состояние, а через ощущение же страдательного состояния возникает только благодаря чему-то новому.

Так же обстоит дело и с органом осязания. Кроме того, среда которая не является, например, ни горячей ни холодной, бывает двойкой, во-первых, она не имеет вообще никакого отношения ни к одному, ни к другому качеству; во-вторых, если она имеет отношение и к тому и к другому, то в ней наблюдается соразмерность. Стало быть, среднее есть ни тепло, ни холод, а соразмерный посредник.

Далее, невозможно, чтобы орган осязания был вообще свободен от смеси и умеренности, чтобы он чувственно воспринимал то, что выходит из той меры, которая определена ему. Однако из смесей, осязаемых телом, та, что ближе к умеренности, является более благоприятной для осязания. Поскольку человек наиболее близок к умеренности, чем все другие животные, то он обладает наиболее нежным осязанием.

Поскольку осязание – первое из чувств, и земное животное не может быть лишено его, и поэтому противоположности оно может различать лишь при умеренном сочетании [элементов]. Стало быть, из всего этого явствует, что у простых и близких к ним тел вовсе не имеется ни чувства, ни жизни, кроме [способности] к росту, имеющейся у некоторых близких к ним простых тел [образований].

УПОМИНАНИЕ ЧУВСТВА ВКУСА И ОБОНЯНИЯ

Вкус – чувство, по приносимой им пользе следующее за осязанием, и благодаря его действиям конституируется тело, а именно – возникает желание к пище и к её выбору. Вкус имеет сходство с осязанием в том смысле, что он также воспринимается через соприкосновение³. Так, действие вкуса осуществляется лишь через безвкусную слюнную жидкость, которая, ощущая вкус, обладает свойством передавать его в неискажённом виде, будучи сама лишена вкусовых качеств. Если же примешивается к

ней какое-то горькое вкусовое качество у любителей острой пищи или кислое у тех, у которых в желудке имеется кислая смесь, то слюна примешивает по вкусу то, что превращает их в соответственно горькое или кислое. Слюна нужна для того, чтобы облегчить прибытие субстанции чувственно-воспринимаемого предмета к тому, что чувственно воспринимает, независимо от того, примешивается к ней чувственно-воспринимаемая вещь или она изменяется от вкусовых качеств. Что касается чувства вкуса, то оно осуществляется через соприкосновение с чувственно-воспринимаемым предметом. Если чувственно-воспринимаемое способно вступить в более глубокое соприкосновение без [участия] этой влаги, то вкус может появиться, но путь этой влаги не одинаков с путём посредника органа зрения, который не может встретиться с органом зрения без посредника, так, что если даже оно соприкасается с органом созерцания, то оно не может его воспринимать.

Что же касается обоняния, то человек не воспринимает запахи настолько сильно, чтобы они могли возникать в его воображении устойчиво, как это имеет место с чувственно-воспринимаемыми вкусовыми качествами, напротив, навыки запахов у него довольно слабые. Запахи у человека имеют два смысла: один из них – запах “приятный и неприятный”, в этом случае говорят “приятный запах”, “дурной запах”, не представляя отличительных признаков названия; а второй – в смысле, соответственном вкусовым качествам, когда говорят “сладкий запах”, “кислый запах”, как, например, запахи, которые по привычке связывают с относящимися к ним вкусовыми качествами и определяются по ним. Отпечатки запахов воспринимаются почти как несущественные представления, как это бывает у человека со слабым зрением, который созерцает какой-то образ издалека.

Вместе с тем, человеку свойственно создавать скрытые благовония путём растирания, называемое “ингаляцией”. Что касается многих животных с отличным зрением, то они довольно сильны в восприятии запахов, например, муравьи, которые не нуждаются в том, чтобы им передавался этот запах с помощью

обоняния. Посредником в обонянии служат тела, не обладающие запахом, например, воздух и вода, и запах вещей, имеющих запах, может передаваться или через посредника, который смешивается с телом, обладающим запахом и растворяется в нём, или через посредника, передающего запах обоняемого тела и не смешивающегося с ним, или через соединение и превращение этих двух состояний.

УПОМИНАНИЕ ЧУВСТВА СЛУХА

Рассуждая о слухе, мы должны поведать о звуке, его сути бытия и о том, что такое эхо. Так, мы говорим, что звук – это нечто такое, что возникает при ударе и разрывании чего-то, но не от всякого удара и разрывания, а от такого, при котором ударяемое тело как бы сопротивляется, и движение ударяющего по ударяемому было бы сильным ударом. Звук также возникает не от всякого удара, а от такого, который производится по твёрдому телу путём интенсивного движения, например, когда одну из двух частей отрывают от целого, ибо всякое ударяемое [тело] соприкасается с какой-то вещью.

Необходимо, чтобы то, что стремится к соприкосновению, освободило для себя место в другом теле, которое соприкасается с ним, и всякое отделяемое от вещи освобождает место для другого. Вещь, в которой происходят эти движения, есть, без сомнения, нечто влажное и текучее – либо вода, либо воздух. При каждом ударе и отрывании возникает движение воздуха, сопровождающее его или подобное ему, либо постепенно, либо сразу, путём образования воли и привлечения силы. Здесь по необходимости должно при возникновении звука непременно существовать что-то, а именно: сильное движение воздуха или что-то подобное ему.

Но звук – это не сам удар и не само разрывание, это явление, возникающее от описанного движения, которому он подчиняется и которое сопровождает. Когда колебания воздуха или воды доходят до слухового канала, в полости которого заключён застоялый воздух, они вызывают в нём колебательное движение. Сзади в ухе находится перепонка, по которой

проходит чувствительный к звуку нерв, воспринимающий этот звук.

Необходимо [здесь] исследовать удар и ударяемое. Так, мы говорим: во время удара должно быть одно движение, а другое следует за ударом. Стало быть, движение, возникающее до удара, иногда происходит в одном из двух тел, которое двигается в сторону второго, а иногда в обоих, но необходимо, чтобы каждый из этих двух располагался против другого в качестве ощущаемого. Так, если один из двух отталкивается, когда он соприкасается, тем более во время, которое не ощущается, то звука не возникает. Ударяющий и ударяемый производят звук вместе. Однако из них наиболее способен к этому тот, который прочнее и сильнее в сопротивлении, ибо его доля в этом сильнее, движение, следующее после удара, изменяет давление между ними. Как известно, плотность способствует силе сжатия воздуха таким образом, что воздух не распространяется в щелях чего-то шероховатого. Плотность же больше способствует этому тем, что воздух не проникает в щели чего-то разряженного. Иногда ударяемое тело бывает сильно влажным и мягким, однако когда его сильно ударяют и заставляют промежуточный воздух проникать в него и раскалывать его за короткое время, то оно сопротивляется этому. Промежуточный воздух, стало быть, не может быть противоположной точкой отталкивания; более того, он сопротивляется ударяющему, ибо ударяющий толкает его так, чтобы он проникал в тело в очень короткое время. Однако это действие не под силу ни воспринимающему, ни ударяющему. Следовательно, удар не может быть разорванным, он противостоит ударяющему тогда, когда промежуточный воздух сжимается и в нём появляется сопротивление. В этом ты можешь убедиться, если будешь наблюдать за своими действиями, проводя кнутом по воде, ты можешь рассекать её без особых усилий. А если ты ускоришь свои действия, то вода будет оказывать сопротивление. Точно так же обстоит дело и с воздухом; скорее, вполне возможно, что иногда часть самого воздуха может оказать сопротивление, а другая становится сжатой между нею и тем, что препятствует ударяющему. Более

того, вполне возможно, что воздух будет состоять из трёх частей: одна часть ударяет, как ветер; другая сопротивляется; третья часть оказывается сжатой в промежутке между двумя частями сообразно состоянию колебания. Так, твёрдость и плотность не есть причина возникновения этого колебания – это свойственно им постольку, поскольку они способствуют сопротивлению. Первопричина – сопротивление. Звук образуется от колебания влажного текучего тела, сжатого между ударяющими и сопротивляющимися телами.

Что касается эха⁴, то оно возникает от колебания, вызываемого названным колебанием. Когда это колебание сталкивается с каким-нибудь препятствием, таким, как гора или стена, и отражается от них, оно опять должно оказаться сжатым между колебанием, устремляющимся, чтобы удариться об стену или гору, и тем, обо что ударяется другой воздух и от чего он отражается, отскакивая под его давлением назад и принимая фигуру и состояние первого. Кроме того, при бросании шара об стену необходимо следует, что воздух между ними сжимается, благодаря колебанию, и шар возвращается обратно. Стало быть, эхо возникает, благодаря колебанию второго сжатого воздуха, и поэтому оно бывает сообразно его качеству и состоянию. Вполне возможно, что эхо есть у каждого звука, хотя его не слышно, подобно тому, как у любого света есть отражение.

По всей вероятности, причина того, что эха не слышно в помещении и домах, заключается в том, что при небольшом расстоянии между звуком и отражателем звука мы слышим их не в двух разных временах, а одновременно, подобно тому, как мы слышим звук удара одновременно с самим ударом, хотя на самом деле он происходит после удара. Но если отражатель звука находится далеко, тогда время между двумя звуками ощутимо разделено, и если это тело твёрдое и гладкое, то оно фиксируется благодаря влиянию отражения, происходящему от тела по причине силы отскакивания, и [эхо] продолжает существовать продолжительное время. Точно так же обстоят дела в банях. Повидимому, это и есть причина того, что в степи голос певца звучит слабее, чем под крышей, где его голос усиливается вследствие увеличения эха, воспринимаемого одновременно со

звучом. Следует помнить, что колебание не есть движение переноса именно этого воздуха, а скорее, это такое же состояние, как состояние колебания воды, наступающее из-за чередования ударов, следующих один за другим, с перемежающимися состояниями покоя. И это колебание, производящее звук, быстрее, однако оно не способно усиливать удар.

УПОМИНАНИЕ ЧУВСТВА ЗРЕНИЯ

Здесь необходимо решить два вопроса: первый – относительно света, прозрачности и цвета; второй – каким образом происходит связь между чувством и чувственно-воспринимаемым предметом. Рассматривая первый вопрос, мы говорим, что здесь существует две вещи: первая – это качество, которое орган зрения воспринимает благодаря солнцу и огню, и при этом не говорится, что оно чёрное, белое, красное или какого цвета сущности этой вещи свойственно качество, которое мы называем светом; второе качество данной вещи – это её воздействие на тела, в результате чего появляется чёрный, белый и зелёный [цвета], и оно приобретено от других тел, которые мы называем “цветом” и “светом”. Вещь, которую мы называем “светом”, подобна солнцу и огню, и этот свет – это такое явление, которое видится благодаря своей сущности. Ибо тело, обладающее этим качеством, когда находится между зрением и чем-то, как, например, воздухом и водой, то его обязательно можно увидеть без нужды в существовании преграды, которой недостаточно для видения воздуха и воды в том виде, в каком они существуют, и того, что подобно им, находящегося между ними и зрением, скорее, нельзя обойтись без вещи, именуемой “светом”, который покрывает тело, чтобы в этом случае его можно было увидеть. И этот свет появляется в нём благодаря влиянию, производимому телом, обладающим светом, и если оно воспринимает свет, и между ними имеется тело, которому несвойственно скрывать влияние светящегося [тела] в [теле], воспринимающем свет, как, например, воздух и вода, то это тело способствует и не препятствует распространению света.

Так, тела первичным образом [можно разделить] на два разряда: тела, которым несвойственно вышеуказанное скрывание

и которые мы называем прозрачными, и тела, которым свойственно⁵ скрывать, как, например, стена и горы. Так, тела, которым свойственно скрывать, бывают такими, что их можно видеть, не испытывая потребности в наличии чего-то ещё, кроме прозрачной среды – таковы светящиеся тела, как, например, солнце и огонь, которые непрозрачны, а скорее, скрывают для восприятия то, что с их обратной стороны. Всё это станет ясно тебе из наблюдения того, как тень этой лампы закроет другую лампу, ибо одна из них препятствует второй, оказать действие в отношении того, что находится между ними. Точно так же зрение не позволяет видеть то, что находится сзади него.

Некоторые другие тела испытывают потребность в наличии чего-то ещё, чтобы иметь это качество – таковы цветные тела. Свет как таковой есть качество первого разряда. Ибо стена не может быть светящимся телом, чтобы что-то можно было видеть сзади неё, она сама по себе [также] не освещается, поскольку является потенциально цветным телом, тогда как цвет действительно возникает благодаря свету. Так, если свет падает на какое-то тело, то в нём действительно возникают белизна, чернота, зелень и тому подобное. Ибо при отсутствии света чёрное бывает только тёмным, но потенциально является цветным. Если мы актуально имеем в виду цвета, то вещь, представляемая белой, чёрной, красной, желтой и тому подобным, а также белизна и краснота, не может быть таковой, если только она не будет обладать этим качеством, если не будет освещена. Нельзя полагать, что белизна, краснота и тому подобное в той форме, в какой мы их видим, действительно существуют в телах, поскольку темный воздух воспрепятствует их видению, так как сам по себе воздух не бывает тёмным, а таковым бывает то, что требует освещения. Хотя в самом воздухе нет светящейся вещи, однако он не препятствует восприятию освещаемого и не покрывает цвета. Представь себя в какой-то пещере, в которой есть воздух, сообразно тому качеству, которое ты предполагаешь тёмным, свет падает на тело, которое находится в том месте, которое не освещается, то ты можешь увидеть это тело и при этом тёмный воздух, расположенный между тобою и телом, не будет оказывать тебе никакого вреда,

скорее, в этих двух случаях воздух для тебя не представляется ничем.

Что касается темноты, то это такое состояние, при котором нельзя видеть чего-либо, а именно – это означает, что качества, которые существуют в непрозрачных телах, не становятся освещающими, они являются потенциально тёмными и их нельзя видеть, и невозможно видеть воздух, и тебе представляется, что если ты закроешь глаза или прикроешь их, то тебе кажется, что видишь бесконечную темноту. Такое же состояние можно наблюдать, когда смотришь на темный воздух, дело обстоит не так, когда ты не можешь видеть с закрытыми глазами и когда воздух тёмный, или же когда ты увидешь что-то тёмное, и думаешь при этом, что ты не видишь.

Словом, темнота – это отсутствие света относительно того, что требует освещения, а именно вещи, которую можно видеть, ибо свет и то в чём есть свет, можно увидеть, прозрачное, разумеется, нельзя видеть, ибо тёмнота существует в том месте, которое требует освещения, и оба места являются непрозрачным телом. Стало быть, тело, которое имеет цвет, если не будет освещено, то станет тёмным, и в нём не будет цвета в действительности, и нельзя предполагать, что здесь есть цвета, однако они чем-то прикрыты. Воздуху несвойственно прикрывать, хотя он может обладать и таким качеством, при котором его можно видеть тёмным, если цвета действительно будут существовать. Однако, если человек называет различные качества, существующие в телах, которые при освещении одного из них ты можешь увидеть белым, другое красным по цвету, то всё это бывает по общности имени. Ибо белизна в реальности есть то, что существует сообразно качеству, которое можно видеть, и это качество не существует само по себе, и между тобою и между ним есть прозрачное [тело], которое ты не видишь. Прозрачное иногда может быть таковым действительно, иногда потенциально, и оно не испытывает необходимости в том, чтобы быть действительным в превращении в самое себя, а, наоборот, нуждается в другом превращении и другом движении, отличных от его превращения и движения. Примером этого может служить путь и выход: путь и выход становятся

действительным путём и выходом только тогда, когда по ним идёт путник и выходящий.

Что касается превращения, в котором потенциально нуждается прозрачное, чтобы действительно стать прозрачным, то нужно подвергнуть цветное тело освещению, при котором в нём появляется действительный цвет.

Что касается движения, то светящиеся тела двигаются без того, чтобы в них происходило превращение, и если появится одно из двух [качеств], то передаётся созерцаемое и оно становится актуально прозрачным, благодаря существованию другого [качества].

Некоторые люди думают, что свет, исходящий из светящегося тела и падающий на тела, не является качеством, которое возникает в них, скорее, свет – это мельчайшие тела, отделяемые от светящегося тела в [разные] стороны, которые при перемещении падают на тела и освещают их.

В “Книге исцеления”⁶ приведены об этом доводы учёных и их опровержение и выявлено, что этот свет является не чем иным как самим цветом, ибо совершенно очевидно, что тех, кто думал, что этот свет не есть цвет, вводило в заблуждение сверкание, сопровождающее цветные предметы. Однако данное сверкание в самом созерцаемом предмете есть нечто, происходящее в зрении в сравнении менее светящегося с более светящимся. Сила цвета зависит от интенсивности влияния светящегося предмета. Стало быть, освещение, проистекающее от лампы, меньше освещения, происходящего от луны. Освещение луны менее освещения в домах, освещаемых днём солнцем, более того, оно даже менее освещения в тенистых местах, куда луч солнца не попадает. Стало быть, люди не могут видеть того, что находится в тени, хотя оно может быть светящимся и блестящим. Они [также] видят, что свет лампы, сверкая, оказывает воздействие на тела, подобное воздействие оказывает свет луны в ночное время. Ибо, ночная темнота даёт представление, что эта величина представляет собой сверкающий луч, на самом же деле это лишь какое-то проявление, происходящее от цвета, так как он исчезает с появлением солнца.

Свет, исходящий от солнца, более интенсивен и оказывает сильное влияние. Возникающий [свет] представляет собой всего лишь цвет и на белой стене имеется нечто, отличающееся от белизны и её появления, эта вещь и называется “лучом”. Ибо, если кто-то измерит масштаб луча посредством тени, которая имеется на стене, то эта тень имеет место по причине какой-то темноты, которая остаётся скрытой от белизны, и она не должна появляться, и как будто представляет смесь темноты, которая не имеет никакого смысла без сокрытия или увеличения сокрытия. Подобно тому свет не имеет [также] никакого смысла без проявления или увеличения проявления. Однако, если дело в отношении света обстоит так, то свет – это интенсивное проявление цвета, более того свет является чем-то одним, а цвет – чем-то [другим]. Но свойство света заключается в том, что если он преобладает над зрением, то он скрывает цвет, имеющийся в нём.

Солнце также обладает цветом, а вместе с цветом и вещи светом, следовательно, свет своим сверканием прикрывает цвет. Подобно тому, как луну и чёрную гладкую золу, когда они сверкают, можно увидеть в зелёном [свете], а их чернота не будет видна. Стало быть, свет – это не всегда проявление цвета, а нечто другое, скрывающее цвет. Эти сверкания проявляют свой свет ночью в темноте, где цвет скрывают сверкающие вещи. Тут появление солнца будет преобладать над их светом и скрывать его, а их цвет проявится. По-видимому, истина заключается в том, что в сущности некоторых вещей заложен цвет так, что когда он испускает свет, то усиливается его сверкание в такой степени, что ослепляет зрение и не различается [какой-либо] цвет. Такой вещи свет присущ естественным неприобретённым образом. В некоторых других вещах есть возможность существования цвета. Некоторые же другие в этом деле имеют либо различную субстанцию, либо смешение сочетания светящихся частей и частей, обладающих цветом, как, например, огонь, или смешение качеств, как, например, у Марса и Сатурна. Сказать сейчас что-либо более достоверное о солнце не представляется возможным.

Таким образом, мы узнали состояние света, цвета и прозрачного. Следовательно, свет – это качество, по своей сущности – совершенство, принадлежащее прозрачному постольку, поскольку оно действительно. Кроме того, свет есть какое-то качество, принадлежащее по своей сущности созерцаемому предмету⁷, например, солнцу, а не благодаря причине, отличной от него.

Несомненно, созерцаемый предмет сам по себе также скрывает от созерцания [видения] то, что находится позади него. А свет является качеством, заимствуемым непрозрачным телом у светящегося тела. Стало быть, посредством этого качества, прозрачное становится действительно прозрачным. Что до цвета, то он представляет собой качество, которое совершенствуется посредством света, и ему свойственно превращать тело в препятствие для действия светящегося тела относительно того тела, которое выступает посредником между данным телом и светящимся телом. Следовательно, тела бывают светящимися, цветными и прозрачными.

В “Книге исцеления”⁸ подробно приведены другие суждения на вопрос, связанный с цветами. Опровержение этих суждений и несостоятельность их сущности также приведены в последней главе этой [книги]. Стало быть, цвета являются реально существующими вещами, и они существуют не потому, что являются светом, и свет не является их проявлением. Вместе с тем, реально существующие цвета без света не могут быть действительно таковыми.

Во второй главе говорится, что относительно зрения имеется три известных мнения: одно мнение сводится к тому, что линии в виде лучей конической формы, исходящие из глаза, падают на созерцаемый предмет. Из этих лучей наиболее правильно воспринимаются стрелообразные [лучи], и видение вещи есть проникновение стрелообразных лучей глаз. Приверженцы второго мнения считают, что луч исходит из зрения, но из-за их множества они не могут достичь и встретиться с половиной сферы неба, например: из-за рассредоточенности зрительных лучей. Однако, если луч выходит и соединяется со светящимся воздухом, то последний

становится его инструментом и восприятие осуществляется посредством этого инструмента. В “Книге исцеления”⁹ приведено подобное опровержение мнений сторонников каждого из этих двух точек зрения, доказана их несостоятельность.

Истина заключается в сущности третьего учения, сторонники которого считают, что подобно тому, как восприятие прочих чувственно-воспринимаемых предметов существует не для того, чтобы к ним поступило что-то из чувств, появляясь в них, соединяясь с ними или отправляясь к ним, точно таким же образом созерцание конечно существует не для того, чтобы выпускать лучи с тем, чтобы они попали на созерцаемый предмет, а наоборот, для того, чтобы доходила форма созерцаемого предмета до зрения посредством передачи прозрачного [тела], ибо если воздух действительно бывает прозрачным, то цвета становятся действительно таковыми, и нормальное зрение [в таком случае] не нуждается в существовании чего-то другого для осуществления созерцания. Мы говорим, что образ созерцаемого предмета передаётся посредством прозрачного [тела] к гладкому принимающему светящемуся органу без того, чтобы вообще принимала его прозрачная субстанция постольку, поскольку она является этой формой, и происходит это, скорее, сообразно противоположанию, а не во времени. Ибо, созерцаемое отображение сначала обязательно запечатлевается во льдообразной влаге, а видение происходит в действительности не там, в противном случае один предмет казался бы двумя, так как он в двух льдообразных [влагах] будет иметь два отображения. Точно так же, если мы потрогаем двумя руками, то возникнет два осязания. Так, каждое отображение передаётся в два полых нерва и идёт до того места, где они встречаются, образуя крестообразную фигуру.

Подобно тому, как от внешней формы как будто бы простирается к силе догадки, уменьшаясь, конусообразно, угол которого падает сзади плоскости льдообразной влаги, точно так же отображение, пребывающее в льдообразной влаге, с помощью которой она находится в этих двух нервах, передаётся к месту их встречи в форме конуса. Встречаясь там, они пересекаются, и в них образуется объединённая форма отображения,

расположенная в определённой части духа [силы]; выступающего в качестве носителя силы зрения. [Кроме того], есть сила, которая только передает эту форму отображения, в противном случае не постигает её, в другой раз восприятие различалось бы в данной силе, выступающей в качестве силы общего чувства.

Затем общее чувство принимает форму, которая есть совершенство зрения. Сила зрения отличается от общего чувства, как будто она проистекает от него, и она является её управителем, ибо сила зрения видит, но не слышит, не осязает, не обоняет, и сила, представляемая частью силы, соединяется с силой, выступающей в качестве носителя силы зрения, и в ней запечатлевается данная форма, сохраняемая там в силе представления. Эта сила, принимая эти формы, сохраняет их, ибо общее чувство есть [чувство] принимающее формы, а не сохраняющее их. Сила воображения сохраняет то, что было принято силой представления. Причина этого заключается в том, что в духе, в котором пребывает общее чувство, форма, взятая извне, запечатлевается до тех пор, пока вышеупомянутое отношение между ней и между созерцаемым предметом сохраняется или в ближайшее время будет сохраняться. Так, если созерцаемый предмет исчезает, то исчезает и его форма, и она не будет запечатлена, как это будет разъяснено ниже. Воспринимаемая форма, находящаяся в общем чувстве, в действительности будет чувственно воспринята, так что если в ней будет запечатлена некая ложная форма, то она восприняла бы её, как это имеет место у желчных людей. Если форма пребывает в воображении, то она будет представлена, а не чувственно-воспринята. Когда форма находится в представлении, она воображается, а не чувствуется, затем форма, находящаяся в представлении перемещается в заднюю полость мозга, а когда сила воображения пожелает, то открывается человекообразный отросток, находящийся между двух параллельных полушариев [мозга], путём удаления того, что препятствует ей, и соединяется с духом, носящим силу воображения, называемую формой, представляемой в силе воображения.

Так, сила воображения служит силе догадки и передаёт ей то, что имеется в представлении, однако всё это действительно не

фиксируется в силе догадки, а до тех пор, пока дорога будет открыта и две силы будут встречаться друг с другом, они будут противостоящими. Если сила догадки будет избегать эти формы, то они устранятся от неё.

Сила догадки при помощи мыслительной силы и силы воображения представляет их душе, и у неё прекращается передача чувственно-воспринимаемых форм.

Что касается силы воспоминания, то она принадлежит другой вещи, которую упомянем позже.

Причин, по которым один предмет кажется двумя, – четыре. Первая причина заключается в скручивании органа, который передаёт пребывающее во льдообразной влаге отображение к месту встречи двух [зрительных] нервов, в результате чего два отображения не передаются вместе по прямой в одно и то же место, но каждое в отдельности доходит до какой-то части расположенного там зрительного духа и запечатливается в отдельности с каждого отображения, проникающего отдельно во льдообразную [влагу] образа в каждой части зрительного духа. Извне исходят два образа от двух разных вещей, так как не соединяются в центре льдообразной влаги две внешние линии, идущие от них и проникающие в два нерва.

Вторая причина сводится к движению зрительного духа и его колебанию вправо и влево так, что воспринимаемая часть будет находиться по природе в намечаемом центре и будет колебаться в сторону двух льдообразных [влаг], и в результате отображается образ пересечения двух конусов и окажется два отображения. Это подобно одному отображению от солнца, запечатлённому в застоялой воде. Отображение солнца в колеблющейся воде может повторно отображаться.

Третья причина заключается в дрожащем движении [зрительного] духа, который расположен спереди и сзади пересечения так, что у него оказывается два движения в две противоположные стороны: одно движение в сторону общего чувства, другое – к месту встречи двух [зрительных] нервов, где ещё раз передаётся форма чувственно-воспринимаемого предмета до того, как исчезает то, что передаётся общему

чувству. Как будто подобно передаче формы зрительным духом общему чувству, часть его возвращается и принимает то, что передаёт зрительная сила. Всё это происходит из-за быстрого движения, и форма будет отображена в духе, переносящем затем её в общее чувство.

Всякое отображаемое обладает некоторой временной устойчивостью, после чего оно исчезает. Так, когда из центра духа исчезает первое запечатлеваемое из-за колебательного движения другой части духа, то она начинает принимать запечатлеваемое раньше, чем оно исчезает от начала духа. В результате дух расчленяется из-за колебания в движущейся части, которая находится в направлении созерцаемого предмета и воспринимает её, и когда созерцаемый предмет исчезает, не исчезает сразу его форма, она остаётся в этой части и в другой части, которая принимает также форму посредством её появления в том направлении, которое, подобно ему воспринимает форму вслед за первой частью. Если дело обстоит так, то в каждой из двух частей появляется форма созерцаемого предмета, так как первая форма не исчезает из первой принимающей части, передаваемой к общему чувству или непередаваемой так что она запечатлевается во второй части. Именно по этой причине вещь, совершающая быстрое движение, с двух сторон кажется одной. Поэтому, когда вращается точка, имеющая цвет, над чем-либо сферическим, то ты видишь сферическую линию. Если она будет двигаться прямолинейно, то будет протягиваться быстро и ты видишь прямолинейную линию. Подобно этому движению бывает круговращение. Так, если случится какая-то причина, приводящая в круговое движение силу, которая находится в передней полости мозга, то зрительная сила передается до места, где, есть чувственно-воспринимаемая форма, и форма принимающая часть силы постоянно не будет находиться на своём месте, а будет перемещаться и её место займет другая часть, которая принимает данную форму до её исчезновения. Так же обстоит дело во время круговращения, когда представляется, что созерцаемые предметы будут вращаться и изменяться перед [взором] наблюдающего.

Четвёртой причиной является колебательное движение, возникающее в глазном отверстии, ибо зрительный пласт¹² с лёгкостью двигается в ту сторону, где расширяется отверстие и оно иногда прямолинейно сужается [в направлении] снаружи, а иногда – во внутрь, или в какое-то [другое] направление, стало быть стремительное движение зрительного пласта наружу обуславливается сжатием [давления], возникающим в [зрительном] пласте, которое расширяет глазное отверстие. А что до стремительного движения [зрительного] пласта во внутрь, то оно обуславливается разжатием, происходящим в зрительном пласте, в результате которого отверстие сужается. А когда случается так, что глазное отверстие будет сужаться, то предмет видится больше, а когда оно расширяется предмет кажется меньше, а если случается так, что [зрительный] пласт будет отклоняться в какую-то сторону, вещь видится в другом месте. Следовательно, первоначально созерцаемый предмет окажется отличным от вторично созерцаемого.

Мы говорим, что наличие этих чувств является общеизвестным, и здесь природа не выходит за рамки степени животности и выполняет всё то, что принадлежит этой степени. Из этого следует, что все чувства имеются у нас, и кто желает выяснить этот [вопрос] критериями необходимого силлогизма, то он напрасно себя обременяет, и всё то, что сказано по этому [вопросу], не доказано.

Стало быть, отдельные чувства и отдельные чувственно-воспринимаемые предметы, которые мы здесь упомянули, являются общими чувствами и чувственно-воспринимаемыми предметами. Так, относительно общих чувственно-воспринимаемых предметов мы говорим: наши чувства вместе с тем, что чувствуют, также воспринимают и другие вещи, и если бы они обособились, то не могли бы чувствовать. Эти вещи суть величины, положения, числа, движения, состояния покоя, фигуры, близости, отдалённости, соприкосновения и прочее, что входит в них. Эти вещи не могут чувствовать при помощи какой-то акциденции, так как акцидентально чувственно-воспринимаемые предметы являются такими, что в действительности не могут быть воспринимаемыми, но они

находятся близко к тому, что в действительности чувствуется. Как, например, наше созерцание отца Амра и отца Халида. Ибо чувственно-воспринимаемое есть фигура, цвет, но бывает и так, что это может быть чем-то близким с соотносимой вещью. Мы говорим, что посредством соотнесённого мы чувствуем, хотя вовсе мы его не можем чувствовать, и у нас нет образа, представления и описания отца Халида с точки зрения того, что отец Халида есть образ или представление, приобретённое каким-то способом из чувства.

Что касается фигуры, числа и того, что мы перечислили, хотя обособленно они и не могут быть восприняты, однако их описание и образ делают необходимым отображение того, что чувствуется и воспринимается, что они являются или цветом, или теплотой, или холодом, так что невозможно отображение этих вещей в воображении без них. Кроме того, если вещь не представляется и не воспринимается из-за какой-то вещи в какой-то {другой} вещи при помощи какой-то вещи, то она в действительности не представляется, ибо, как правило, вещи, существующие в действительности и не являющиеся акцидентальными, существуют при помощи посредников. Так, эти общие чувственно-воспринимаемые предметы, восприятие которых возможно посредством этих чувств, не нуждаются в других чувствах, а поскольку их восприятие без посредника невозможно, то нельзя им выделять и отдельный орган чувства.

Стало быть, зрение постигает эти [вышеуказанные] вещи посредством цвета, как, например, осязание через тепло и холод, твёрдость, мягкость, вкус путём пребывания [вкуса], обоняния через запахи и слушания посредством звука. по-видимому, восприятие некоторых из этих вещей осуществляется при помощи некоторых посредников, с помощью какой-то силы, но не осязания. Порассуждав об этом, ты вспомнишь уже известные тебе учения. Некоторые люди полагают, что эти общие чувственно-воспринимаемые предметы обладают органами чувств, существующими у животного, через которые оно воспринимает [вещи], а на деле это не так. Если было бы возможно воспринимать эти качества без посредника, которые воспринимаются в первую очередь этими чувствами, то это было

бы возможно, однако невозможно нам что-то воспринимать без посредства чувства. Известно, что рассуждение осуществляется без посредства чувства. Стало быть, эти вещи каким-то образом не имеют общего чувства.

УПОМИНАНИЕ ВНУТРЕННИХ ЧУВСТВ, ПРИНАДЛЕЖАЩИХ ЖИВОТНОМУ

Установление внутренних чувств заключается в том, что животному принадлежит общее чувство. Оно представляет собой силу, через которую передаются все воспринимаемые чувством вещи. Так, если бы не было единой силы, воспринимающей цветное и осязаемое, мы не могли бы отличить одно от другого.

Мы говорим, что эта сила не есть та, и эти силы не объединяются в представлении животных, не обладающих разумом; если бы животное не знало, что какая-то форма создана так, то не решилась бы съесть это. Кроме того, если бы не было индивидуального удовлетворения и если бы в животном не было объединения формы чувственно-воспринимаемых вещей, жизнь животных была бы невозможна. Если бы обоняние и голос не указывали животному на вкусовые качества и если бы форма тоски не напоминала ему форму, вызывающую боль так, чтобы оно избегало её, тогда необходимо следовало бы, что для этих форм есть место объединения [внутри]. [Отношение некоторых вещей] указывает нам на существование данной силы, как, например, [представление] обманчивого отображения, воспринимание обманчивых звуков, а это случается у тех, у кого органы чувств нарушены или, например, у кого закрыты глаза. Но причина этого сводится только к проявлению этих представлений в этом начале и в представлениях, что происходит во сне в случае порчи внешних чувств, и всё это может быть только у той силы, которая и является общим чувством. Она есть центр чувств, из неё проистекает то, что должно проистекать; к ней ведут чувства, и она есть сила, которая в действительности чувствует.

Кроме того, животному принадлежит внешняя удерживающая сила, то, что оно воспринимает и она называется представлением или [силой] представления. Однако общее

чувство и представление, которые мы называли [силой] представления, как будто одна сила, и различаются они не в отношении субстрата, а лишь в отношении формы объекта познания. Это означает то, что не сохраняется. [Сила] представления служит не для вынесения решения [суждения], а только лишь для сохранения. Что касается общего чувства и внутренних чувств, то они в некотором отношении выносят какое-то суждение.

Затем мы говорим: движущийся предмет есть чёрный, или эта красная вещь кислая. [Сила] памяти также не выносит решения. Животному она также принадлежит, если она будет использована, сила разума, [называемая] мыслительной, а если она будет использована животной силой, то это сила воображения. Из её существования вытекает, что по природе она может сочетать одни чувственно воспринимаемые вещи с другими или разделять их друг от друга не по той форме, полученной нами извне, и не по утверждению существования какой-либо вещи или её несуществования. Так необходимо, чтобы у нас была сила, посредством которой мы могли бы разумно познать это. Животному принадлежит и другая сила, называемая догадкой. Она указывает на то, что мы выносим суждения о чувственно воспринимаемых предметах посредством идей, которые мы либо чувственно не воспринимаем, либо потому, что по своей природе они вообще чувственно невоспринимаемы, как, например, враждебность, злоба, неприязнь, которые воспринимаются овцой в образе волка, и благосклонность, которую она воспринимает от своего хозяина, словом, идею, что к хозяину можно приласкаться, а от волка нужно бежать, на что указывает чувство. Но эти вещи во время вынесения суждения не чувствуются, например, когда мы видим, что нечто есть жёлтое, то выносим суждение, что это мёд, и он сладкий. Конечно, чувство не доставляет это представление во время суждения, в то время как это и есть из рода чувственно-воспринимаемых вещей и не воспринимается в представлении, а является суждением, посредством которого выносят решения. Иногда в этом суждении происходит ошибка. Стало быть, это

другая сила, отличная от чувства, в котором появляется эта идея, и она есть сила догадки.

Силе догадки у человека свойственны особые суждения, из числа которых то, что душа поступает так, что препятствует существованию вещей, которые не представляются, не отображаются в представлении и не находят в ней утверждения. Эта сила, несомненно, главенствующая, выносящая у животного существа суждение, а не различающая признак, как, например, разумное суждение. Однако её суждение является воображаемым суждением, связанным с частной и чувственной формой, и от неё проистекает большинство действий животных. Вошло в привычку называть формой предмет восприятия чувства, а идеей – предмет восприятия догадки. Каждая из этих сил имеет своё хранилище. Хранилищем восприятия [общего] чувства является сила представления.

Представление располагается в передней части мозга, и поэтому если представление будет повреждено, там наступит такое нарушение, что либо будут представляться формы, которые не существуют, либо ослабится закрепление существующего [предмета] в ней. Хранилищем предмета восприятия, силы догадки является идея, представляющая силу, называемую памятью, и она расположена в задней части мозга. Вот почему, когда она повреждена, происходит нарушение сохранения идей. Эта сила также называется “воспоминанием“ [мутазаккира].

Сохраняющая сила сохраняет то, что находится в ней, а вспоминаящая – быстро возвращает, закрепляя [забытое]. Сила представления использует её для себя, когда восстанавливает забытое. Это происходит тогда, когда сила догадки посредством своей силы приступает к представлению и начинает перебирать в памяти по одному существующие в представлении формы так, как будто наблюдаются вещи, которым принадлежат эти формы. Когда в представлении возникает форма, вместе с которой будет воспринята ложная [несостоятельная] идея, тогда идея кажется ему появившейся ввне, и сохраняющая [запоминающая] сила закрепляет её в себе, как закрепляла раньше. Иногда запоминание переходит от идеи к форме. Сила воспоминания создаёт те же самые формы и рассеивает их таким образом, что в душе

возникает правильная цель. Стало быть, поэтому, во-первых, сила представления не сможет свободно распоряжаться тем, с чем по своей природе она должна была бы свободно распоряжаться, наоборот, она окажется в распоряжении разумной души. Во-вторых, она отклоняет представления несоответствующих вещей, существующих вовне, ограничиваясь тем, что объявляет их недействительными. Если сила представления будет занята с двух сторон, то её действие ослабевает. Однако если будет прекращена её занятость с двух сторон, как, например, во время сна, или с одной стороны, как это имеет место при болезнях, которые ослабляют тело, когда душа отвлечена от разума и развлечения, и как при страхе, когда душа изнемогает, когда почти всё, что не существует, кажется допустимым, тогда душа отворачивается от разума полностью из-за слабости своей телесной природы так, что она как будто оставляет разум и управление им. В таком случае воображение находит возможность усиливать и принимать силу представления и, используя представления, усиливает их соединение вместе, в результате действие силы представления станет проявляться больше, и форма, находящаяся в представлении, появляется в общем ощущении. Она видится так, как будто существует вовне, поскольку чувственно-воспринимаемое в действительности есть то, что проявляется, и состояние проявления в этом случае подобно состоянию того, что поступает извне. Из-за этого безумный человек, человек, испытывающий страх, слабый человек и спящий человек видят образы как существующие на самом деле в нормальном состоянии, точно [так же] они слышат и звуки. Когда различение и разум используют что-то из этого, [то] они привлекают их себе [с помощью] силы воображения, определяют [их ложность], в результате чего эти формы и образы исчезают.

Случается так, что у некоторых людей сила воображения очень мощная и преобладающая. Чувства не овладевают ею, и сила представления не сопротивляется ей. Душа также сильна, она уделяет внимание разуму, не разрушая своей склонности к чувствам. Этим состоянием, о котором не будем говорить и которым другие обладают во сне, некоторые люди обладают во

время бодрствования. Это состояние восприятия неведомых вещей путём установления истинного их состояния или подобного состояния, которым они обладают. Иногда подобные вещи у них появляются во время бодрствования, и посредством этого они в конце концов могут лишиться чувственно воспринимаемых вещей, у них появляется нечто вроде обморока. Как обычно, они представляют вещь в её истинном состоянии, а часто им представляется подобие вещи по причине, по которой представляется спящему подобие того, что он увидит, разъяснение чего будет дано ниже. Часто у них появляется образ и им кажется, что этот образ, который они воспринимают, есть не что иное, как тот образ, который благодаря словам, они слышали и запоминали. И это есть предсказание, свойственное силе представления. Нет ни одного человека, кто бы не испытал, что такое сновидение и что такое восприятие, имеющее место во время бодрствования.

Ибо причина идей, появляющихся в душе сразу, есть не что иное, как некие непрерывности, которые не осознаются: ни то, что предшествует им, ни то, что следует за ними. Стало быть, душа переходит от них к чему-то иному, нежели то, что подобно им. Это бывают иногда всякого рода разумно воспринимаемые вещи, предостережения, понимания и т.д. сообразно предрасположенности, привычке и нраву. Но эти идеи существуют по причинам, скрытым для души, как, например, забытые явления, которые не закреплены и которые вспоминаются тогда, когда душа прибегает к ним с желанием удержать. Как обычно, душа заставляет представление заниматься тем, что соответствует тому, что есть в нём. Силе воображения свойственно постоянно склоняться к двум хранилищам – силе представления и мыслительной силе – и к постоянному представлению формы, которая берёт начало от чувственно воспринимаемой формы, и это есть природа.

Что касается перемещения силы представления к её противоположности, за исключением подобного ей, то для этого имеются частные причины, которые нельзя перечислить.

Мы говорим: разумная мысль испытывается силой воображения, и она ею очень занята, так как ради какой-то

формы душа пользуется этой силой, намечая какую-то цель, затем душа переходит к другой вещи, не имеющей отношения к данной цели, и от неё к третьей и сила воображения заставляет душу забыть первую вещь, с которой она начала, так, чтобы вынудить душу вернуться к воспоминанию, обращаясь к анализу в обратном порядке с тем, чтобы вернуться к началу.

Но если случится так, что душа в состоянии бодрствования воспримет нечто, а в состоянии сна неким образом постигает неоощуцаемость мира сообразно тому, как мы отметим это позже, и если душа сможет успокоить или усмирить силу воображения, то она сможет полностью сохранить то, что воспринимает. И если душа не побеждает эту силу, сокращая срок для рассмотрения того, что появляется в душе из воображаемых предметов, то эта форма, взятая из памяти, будет установлена сообразно облику и форме данной вещи. Однако не та нужда в воспоминании в период бодрствования, и в толковании во время сна, и в разъяснении во время откровений. Ибо здесь толкование и разъяснение следуют по пути воспоминания, так, если душа не сможет закреплять, как подобает, в памяти то, что она видела из воспринимаемых форм, а наоборот, сила воображения будет передавать каждый отдельный предмет, увиденный во сне или путём отдельного или сложного представления, или же, если она будет передавать каждый сложный предмет, увиденный во сне, посредством отдельного или сложного представления и, не переставая, будет подражать тому, что было увидено здесь путём сложного подражания формам и идеям, то действие, совершенное душой ради попытки установления в самой себе того, что она увидела, будет слабее, чем действие, совершённое силой представления или воспоминания того, что доставляет воображение. Поэтому в памяти не закрепляется то, что во сне явилось из неведомого мира.

Иногда увиденное из неведомого мира представляет собой нечто подобное началу образа, и воображение, овладевая душой, отвлекает завершение увиденного и, примешивая его ко множеству [образов], перемещает его, не давая возможности передать что-либо из неведомого мира, так как уже было утеряно

то, что представлялось началом образа. Такой тип сновидения не требует серьёзного толкования.

Осталось объяснить несвязные сны. Те сновидения, в которых преобладает сила воображения, нуждаются в толковании. Иногда человек находит толкование своего сновидения в своём же сне, и это в действительности является воспоминанием. Подобно тому, как мыслящая сила перешла сперва от основы к подражанию, благодаря существующему между ними отношению, точно так же вполне возможно допустить, что она перешла от подражания к основе [началу]. В большинстве случаев бывает так, что действие размышляющей силы воображается ещё раз, и она видится так, как будто говорящий обращается к размышляющей силе. Часто бывает не так, а так, как будто она правильно осматривает вещь без того, чтобы душа была связана с неведомым миром: скорее, подражания, исходящие от силы воображения [мутахайила], являются такими, которые затем возвращаются к основе. Однако эти состояния не устанавливаются.

Вместе с тем, среди людей встречаются и такие, которым снятся реальные сновидения. Это случается у тех, у кого душа привычна к истине и подавлению ложного воображения. В большинстве случаев бывает и так, что истолкование сновидения осуществляется во время сновидения, и это происходит у тех, у кого усилия заняты тем, что они увидели. Стало быть, когда они спят, они продолжают заниматься тем, чем занимались в состоянии бодрствования. Сила воображения начинает передавать противоположное тому, что передавала ему первоначально. Среди тех, кто видит подобные события наяву, есть такие, кто видит это благодаря достоинству своей души и её силе, силе воображения и вспоминающей силе, и чувственно воспринимаемые предметы не отвлекают его душу от её собственных действий. Есть также те, кто видит это потому, что у него исчезает способность к различию из-за того, что душа отвлечена чем-то от различения. Так, если у неё сильное воображение, то оно способно получить неведомые вещи во время бодрствования, так как душа для восприятия неощущаемого не может обойтись без внутренних сил по двум

причинам. Одна из них предназначена для представления частной идеи так, чтобы она сохранилась, а вторая – для того, чтобы оказать содействие душе посредством распоряжения по воле души, но не для того, чтобы занять душу и привлечь её на свою сторону. Так, если чувство, используя эту силу или разум, использовало это определённым, упомянутым нами разумным образом, то внутренняя воображающая сила не была бы свободна от иных вещей. Когда чувства или разум исчезают, тогда вскоре установится необходимая связь между неведомым и силой воображения; в силе воображения появляется воображаемый, так как он должен был появиться. В разъяснении состояния сновидения мы говорим, что смысл всего существующего в мире, того, что было, есть и будет – существует в науке Творца и разумных Ангелов, с одной стороны, и в душах небесных Ангелов, с другой, что будет разъяснено ниже. Человеческая душа больше относится к этим ангельским субстанциям, нежели к чувственно-воспринимаемым вещам, так как там нет таких земных недостатков, как скрытность и скупость, а скрытность есть у преемника, либо из-за их погруженности в тела, либо поскольку они заняты вещами, склоняющими к низким [поступкам]. Но когда им случается находить малейшее свободное время, чтобы освободиться от этих действий, они созерцают то, что было [раньше].

Далее, самое обыденное сновидение у того человека, у кого заботы направлены на людские интересы, которые он видит и которыми он руководствуется. Однако не каждое сновидение так истинно, чтобы им заниматься, так как не всё, что передаёт сила воображения душе, относится исключительно к тому, что исходит от неоощуемого мира, скорее, большая часть того, что проистекает из неоощуемого мира, существует лишь тогда, когда эта сила перестает передавать предметы, близкие к силе воображения. Некоторые вещи, близкие к ней, являются естественными, а другие произвольными. Так, естественные вещи – это те, вещи, которые благодаря смешиванию сил [четырёх] смесей относятся к духу, который использует силы представления и воображения, ибо они являются чем-то первоначальным, чему он подражает и чем занимается. Кроме того, он иногда подражает

[передает] боли, которые имеются в теле, и акциденции в нём, подобно тому, что происходит, когда сила, извергающая сперму, направлена на извержение. Ибо сила воображения в этом случае передает формы, к соединению которых душе свойственно стремиться. Того, кому он поставляет пищу, и того, у кого есть нужда в испражнении, он ведёт к месту, предназначенному для этого, а если случится так, что у кого-то какой-то орган становится тёплым или холодным, он передает, что этот орган находится в огне или в холодной воде. Удивительным является то, что так же, как от природного движения возникает какое-либо воображение для сталкивания какой-либо вещи, точно так же возникает воображение какой-либо формы, источник которой не возникает по определённым причинам, например, природа побуждает к извержению спермы и к посылке силы, к органу совокупления. Иногда сперма извергается как во время сна, так и во время бодрствования, хотя нет здесь ни возбуждения, ни страсти.

Что касается произвольных вещей, то они зависят от заботы души, когда во время бодрствования нечто отвлекает душу к размышлению о них и распоряжению по их поводу. Когда человек спит, воображение приступает к подражанию этой вещи и тому, что из рода этой вещи, и тому, что является обрывками мыслей, которые бывают во время бодрствования. Всё это составляет несвязные слова. Иногда сновидения происходят также под влиянием небесных тел, и они вызываются сообразно их соотношению и соотношению форм в воображении. То, что нуждается в толковании и разъяснении, то это есть нечто, не относящееся ко всему этому. Известно, что такое сновидение происходит по внешней причине и указывает на что-то. И поэтому в большинстве случаев сны поэтов, лгунов, злых людей, пьяниц, больных, скорбящих и тех, над кем одержали верх плохая смесь и мысль, неистинны. Поэтому большинство сновидений не являются истинными, кроме тех, что случаются на рассвете, ибо в это время душа находится в покое, и движения образов уже упокоились.

Далее, мы говорим: у тех, у кого смесь наиболее умеренна, имеют наиболее правильные сновидения, так как у того, кто

обладает сухой смесью, хотя он и очень запоминает, однако хорошо воспринимает, а тот, у кого смесь влажная, у того движения беспорядочны; а у кого холодная смесь, тот тупой.

Самый правильный среди них это тот, кто привык к правдивости, ибо привычка ко лжи и порочным мыслям заставляет воображение совершать дурные движения, не подчиняться правильной мысли, скорее, это состояние есть состояние воображения того, чья смесь разрушена беспорядком.

Относительно разъяснения состояния сна и бодрствования скажем: бодрствование – это состояние, при котором душа пользуется чувствами и внешними двигательными силами по воле произвольно; сон же есть отсутствие этого состояния, когда душа отвлекается от внешнего и уходит вовнутрь себя. Сон вызывается или усталостью, проявляющейся с [внутренней] стороны или с [внешней] стороны, или из-за неповиновения органов душе. Когда сон вызван усталостью, которая называется “духом”, о чём будет сказано, дух рассеивается и слабеет, и потому человек становится неспособным к размышлению, погрузившись в сон, следуют другие силы души. Эта усталость также может быть вызвана телесными движениями, мыслями и страхом, ибо иногда страх вызывает сон, а иногда смерть. Мысли в этом отношении могут не вызывать сна, а высушивают мозг, в результате чего жидкости притягиваются туда и заполняют мозг, а приток жидкости вызывает сон. То, что представляется особенно важным, так это то, что пища и влажность уже объединены внутри и нуждаются в помощи духа со всем природным теплом, чтобы обеспечить полное пищеварение. Внешняя [сторона] при этом бездействует. То, что происходит со стороны органов, это переполнение нервов и их закупоренность испарениями и пищей, которые проникают сюда, чтобы быть переваренными, и дух из-за интенсивности потока влаги преобладает над движением.

Бодрствование же бывает из-за противоположных причин этого [состояния], среди которых выделяются такие, которые уменьшают теплоту и сухость, полный покой и отдых, завершение пищеварения. Так, дух вновь будет распространяться, сюда же относится плохое

состояние, которое, отвлекая душу от внутреннего, призывает к внешнему, как, например, к гневу или страху из-за чего-либо близкого или из-за материи, вызывающей боль.

УПОМИНАНИЕ СИЛЫ ВООБРАЖЕНИЯ И СИЛЫ ВОСПОМИНАНИЯ¹³

Сила воображения у животных – это главная сила, и она выносит суждения посредством возникновения [образа] в воображении без того, чтобы он существовал в реальности. Это подобно тому, что бывает у человека, когда он увидит в мёде его сходство с желчью и у него появляется отвращение к нему, так как сила воображения выносит суждение, и душа следует за ней, хотя {разум] считает это ложным.

Животные которые подобно тем людям, совершая действия, следуют этому суждению воображения, в котором нет логического объяснения, а, скорее, оно возникает путём какого-либо возбуждения. Иногда благодаря некоторой близости к разуму чувства и внутренние силы человека становятся противоположны животным, почти становятся разумными. Поэтому благодаря сложным звукам, сложным цветам, сложным запахам и вкусовым качествам, надеждам и желаниям и другим причинам человек достигает того, чего не могут добиться животные, так как свет разума переполняет эти силы. Кроме того, воображение, свойственное человеку, стало субстратом для разума после того, как оно стало субстратом силы воображения у животных таким образом, что человек использует разум для приобретения знаний, и его память также стала полезной для приобретения знаний, как, например, опыты, полученные благодаря памяти, наблюдения за отдельными [небесными] явлениями и тому подобное.

Так, необходимо подумать о том, каким образом сила воображения, которая в процессе представления не сопровождается разумом, достигает идей, имеющих в чувственно-воспринимаемых вещах, в тех случаях, когда чувство достигает их формы без чувствования идей. Поэтому мы

говорим, что данная сила воображения действует различными способами, один из них – вдохновение, проистекающее на Вселенную Божьей милостью, например, когда новорожденный ребёнок тянется к материнской груди. А что до состояния ребёнка, то будучи поднятым или готовым упасть, он старается за что-нибудь ухватиться, благодаря природному свойству души, заложенному в нём Божественным внушением. Когда в глаз ребёнка попадает пылинка или он чувствует боль, прежде, чем осознать, что случилось и что сообразно этому [надо] делать, он закрывает глаза.

Точно так же животные обладают природными инстинктами. Причина этого заключается в наличии связей, существующих между этими душами и их началами, которые постоянны и не прекращаются, кроме тех связей, которым случается то быть, то не быть, как, например, использование разума или правильных мыслей. Ибо, всё исходит оттуда, однако сила догадки осведомляется об идеях посредством этих инстинктов, смешанных с чувственно-воспринимаемыми вещами, вредными или полезными. Каждая овца боится волка, хотя она его никогда не видела и не испытала с его стороны никакого вреда. Многие животные опасаются льва; маленькие птицы без всякого опыта опасаются хищных птиц, а некоторые опасаются их, исходя из опыта.

Дело в том, что когда животное испытывает боль или удовольствие, или же чувственно-полезное, или чувственно-вредное, вместе с восприятием какого-то чувственного образа, то образ этот запечатлевается в силе представления вместе с находившимся в сочетании с ним образом, а в памяти запечатлевается идея связи между ними и суждение относительно них. Память, запечатлевает это по своей сущности и благодаря своей натуре. Так, если этот образ попадает в силу воображения извне, в ней возникает также образ чувственно-полезного или чувственно-вредного. Однако идея, имеющаяся в памяти, проявляется в ней, что также свойственно природе силы воображения.

Сила воображения воспринимает всё это вместе, созерцая идею вместе с данным образом, а это случается путём

сопоставления различного опыта. Вот почему собаки боятся комков глины, палок и прочего. Иногда в силе воображения складываются иные суждения [ахкам], путём уподобления, а именно – когда у предмета образ оказывается связанным с определённой идеей воображения, заключённой в некоторых чувственно-воспринимаемых вещах, хотя эта связь имеется не всегда и не со всеми нашими идеями, и при возникновении этого образа, воображение обращается при наличии этих форм к их идеям, тогда как формы эти могут быть различными у животных. Следовательно, воображение является главенствующим началом и в своих действиях не может обойтись без повиновения ему этих сил. Сила воображения больше всего нуждается в памяти и чувствах. Что же касается силы представления, то она нужна лишь для памяти и воспоминаний. Память бывает иногда у некоторых животных, а что до воспоминания, то оно есть способ восстановления исчезнувшего, которым обладает только человек. Ибо доказать то, что существовало, а затем исчезло, свойственно только разумной силе. Если эта способность свойственна неразумной силе, то, возможно, она принадлежит силе воображения, украшенной разумом.

Далее, прочие животные, если вспоминают или не вспоминают, они не стремятся вспомнить, им и в голову это не приходит, скорее всего, эти желания и стремления свойственны только человеку. Воспоминание – это нечто, имеющее соотношение с тем, что было в душе в прошлом, и оно, с одной стороны, подобно процессу приобретения знаний, а с другой – отличается от него. Что касается [причины] его сходства с процессом приобретения знания, то [она] заключается в том, что воспоминание есть переход от вещей, воспринимаемых извне или изнутри, к другим вещам. Кроме того, воспоминание есть также переход от известного к неизвестному с тем, чтобы оно стало известным. Однако воспоминание – это стремление проявления чего-то в будущем, подобно тому, как оно существовало в прошлом, в то время как процесс приобретения знаний – это лишь проявление чего-либо в будущем. Кроме того, при воспоминании не достигается [основная] цель, существование которой необходимо, скорее, это осуществляется при помощи

каких-то знаков. Если проявляется какой-либо из знаков, наиболее близкий к цели, душа переходит к цели, оставаясь в том же состоянии. А если состояние иное, то нет необходимости перемещаться, хотя и наличествует наиболее близкая форма или её идея. Примером может служить тот, в памяти кого появляется книга и её идея, и кто при этом вспоминает своего учителя, с которым он читал эту книгу. Однако нет необходимости вспоминать этого учителя из-за воспоминания формы данной книги и ее идеи.

Что касается процесса приобретения знаний [учёбы], то путь к их достижению необходимо связан с перемещением, а именно определением и силлогизмом. Для некоторых людей учеба легче, чем воспоминание, так как по природе они расположены к необходимости перемещения. Есть люди с крепкой памятью, но со слабой способностью вспоминать. Такие люди обладают сухой смесью, и они сохраняют то, что воспринимают, и движения души не подчиняются материи из-за действия воображения. Есть люди, у которых всё обстоит наоборот. Но люди, которые быстро вспоминают, лучше понимают знаки, ибо знаки производят перенос чувственно-воспринимаемых вещей к другим идеям. И тот, кто хорошо понимает знаки, тот быстро вспоминает. Некоторые люди быстро понимают, но слабо вспоминают. В силе воображения и в памяти дело обстоит почти наоборот, так как понимание нуждается в элементе, обладающем способностью сильного запечатлевания разумных форм, которому оказывает помощь влага.

Что касается памяти, то она нуждается в возвращении из того, что воспринимается и представляется в ней, и в этом она не может обойтись без сухой материи. Вот почему так трудно совместить две эти вещи. Больше всех хорошо запоминает тот, у кого немного движений и у кого не так разнообразны заботы. А тот, у кого много забот и много движений, хорошо не запоминает.

Следовательно, память вместе с соответствующей материей нуждается в идее и не должна быть занята принятием других форм. Вот почему дети, благодаря влажности их натуры, хорошо запоминают, так как их души не заняты тем, чем заняты

души взрослых. Из-за теплоты [натуры], беспокойных движений и сухости смеси у молодых [людей] не такая память, как у детей и подростков. Но старики также из-за преобладания влажности не вспоминают того, что видели. Во время воспоминания случается так, что возникают гнев, печаль, горе и тому подобное, которые появляются во время какого-то события. Это случается потому, что причина горя, гнева и печали, сопровождавшая прошлые события, является отражением этой формы во внутренних чувствах. Если форма повторяется, то происходит подобное или нечто близкое к этому. Желание и надежда делают то же самое. Но надежда – это не желание. Желание – это представление чего-то, сопровождающееся страстью и суждением по поводу удовольствия от чего-то, что могло бы быть. Опасение противостоит надежде путем противоположности, а отчаяние есть отсутствие надежды. Всё это представляется частями силы воображения.

НЕОБХОДИМОЕ ДОПОЛНЕНИЕ К ЭТИМ УПОМЯНУТЫМ СИЛАМ

Все эти силы в своих действиях нуждаются в телесных органах. Мы говорим: сила, воспринимающая единичные формы, бывает сообразна форме, полностью неотвлечённой и необособленной от материи, и она вообще не отвлечена от связей материи, подобно тому, как их воспринимают внешние чувства. Так, вопрос о необходимости восприятия этих форм телесными органами ясен, дело в том, что данная форма воспринимается пока она существует как материальное тело, тело же, которое существует только для какого-нибудь другого тела, будет существовать в одном случае и отсутствовать в другом для чего-нибудь нетелесного. Это тело не относится к какой-либо силе, обособленной в отношении чего-то наличествующего или отсутствующего, напротив, присутствие [наличие] может возникать только в каком-либо положении, близости или отдалённости наличествующего по отношению к наличествующему [присутствующему]. Если наличная вещь есть тело, то таковым она может быть лишь в том случае, если она налична, либо сама есть тело, либо находится в теле.

Что касается силы, воспринимающей единичные формы полностью отвлечёнными от материи, но не совсем отвлечёнными от материальных связей, как, например, сила представления, то она также нуждается в телесном органе, так как сила представления не может воспринимать, не запечатлевая в себе формы таким образом, чтобы один отпечаток не был бы общим для неё и для тела. Ибо форма, запечатлённая в силе представления, будучи формой индивида Зайда, соответствующая его очертаниям, внешнему облику и взаиморасположению его органов, которые различаются в представлении, как рассматриваемые вещи, может быть воспринята, как она есть, только тогда, когда части органов [Зайда] будут запечатлены в каком-либо теле и будут различными частями данной формы по отношению к этому телу, его частям и частям его частей.

Кроме того, воображаемая форма, как мы её воображаем, например форма человека, иногда бывает больших размеров, а иногда меньших. Когда мы смотрим на них, они, конечно, запечатлеваются в [представлении].

Когда мы рассматриваем их [формы], они запечатлеваются, и они могут запечатлеваться как большая или меньшая форма в каком-либо одном восприемнике, а не в ряде подобных восприемников, ибо если они запечатлеваются в ряде подобных восприемников, то их размер в большинстве или меньшинстве зависел бы либо от предметов, от которых они были приобретены, либо от приобретшей их силы, либо же от самих этих двух форм. Но сами такие формы не могут существовать по отношению к тем предметам, от которых они были взяты, ибо многие воображаемые формы вовсе не берутся из чего-либо. Иногда большинство или меньшинство составляют форму одного индивида, и не допускается, чтобы причина двух форм находилась в них самих, ибо если они совпадают друг с другом по своему определению и сути бытия, но отличаются друг от друга в большинстве или меньшинстве [размером], то различие не может быть отнесено к ним самим. Следовательно, различие должно зависеть от восприемника, так как иногда форма запечатлевается в большей его части, а иногда – в мень-

шей. Кроме того, мы не можем воображать черноту и белизну одновременно существующими в одном и том же воображаемом образе, проникающими в неё единовременно, но мы в состоянии сделать это только по частям, которые представление рассматривает отдельно.

Если бы эти две части не отличались друг от друга своим положением, а обе воображаемые формы запечатлевались бы в чём-то неделимом, то было бы всё равно, какая из этих вещей невозможна, а какая возможна. Стало быть, эти две части отличаются друг от друга своим положением в представлении или их место различается в двух частях.

Могут сказать, что так обстоит дело с разумом. Ответ будет следующим: разум одновременно и вместе умопостигает черноту или белизну с точки зрения представления, а что касается согласия [подтверждения], то оно не допускает, чтобы их субстрат был единым. Что до представления, то оно не воображает их вместе в сравнении с представлением и подтверждением, однако действие представления бывает только соответственно представлению и ни чему-либо [другому], и оно в другой [вещи] не имеет действия. Если ты узнал это в отношении представления, это означает, что ты усвоил это и по отношению к воображению, которое воспринимает свой предмет только связанным с единичными формами представления, что было разъяснено выше.

УПОМИНАНИЕ ДВИГАТЕЛЬНЫХ СИЛ¹⁴

Мы говорим: пока живое существо не испытывает стремления и желания к чему-либо, у него не возникают побуждения добиваться её посредством движения. Однако это желание не принадлежит к какой-либо из воспринимающих сил, так как эти силы обладают только суждением и восприятием. Стало быть, нет необходимости или в суждении, или восприятии, или в воображении, чтобы стремиться к этой вещи. Ибо люди бывают согласны между собой в отношении того, что воспринимают чувствами и воображениями, в то время как один и тот же человек бывает разным в отношении чувства и воображения. Это означает, что он представляет себе пищу и

желает её во время голода, тогда как будучи сытым, он не желает её. Кроме того, человек, обладающий хорошими нравственными качествами, при воображении отвратительных наслаждений не желает их, в то время как другой их желает. Эти два состояния относятся не только к человеку, но и ко всем животным.

Стремления бывают разными – слабыми, далёкими, затем они приобретают возрастающую силу, пока не осуществляются. Однако осуществление не есть стремление. Так, иногда стремление к чему-либо бывает очень сильным, но оно, конечно, не осуществляется посредством движения, подобно тому, как воображение бывает сильным, но [человек] не желает того, что представляет. Когда решение бывает правильным, [то ему] подчиняются двигательные силы, задачей которых является только сокращение и расслабление мышц. Но это не есть ни само стремление, ни осуществление. Ибо то, чему препятствует движение, не будет тем, чему препятствуют силы стремления и осуществления. Но то, чему препятствует движение, не покоряется другим силам, которые могут только двигать, а именно тем, которые находятся в мускулах.

Силе стремления подчиняются сила гнева и сила вожделения. Сила вожделения стремится к приятному и к тому, что приносит пользу. Сила гнева стремится взять над чем-либо верх и дать чему-то, противодействующему ей, отпор. Иногда животные неиспытывают склонности к вожделению, как например, склонность матери к ребенку или привязанность животного к своему хозяину. Точно так же животные стремятся убежать из клетки и от цепей, хотя такое стремление не входит в разряд силы вожделения, однако оно является каким-то стремлением к какому-то вожделению силы представления.

Силы восприятия предназначены для упорядочения того, что воспринимается, и того, что подвержено изменению в вещах, которые познаются посредством созерцания, а также [для восприятия] норм, с которыми связаны удовольствия, и когда они завершаются, они по природе вновь стремятся к ним.

Сила осуществления желания направлена на то, чтобы двигать органы, равно как силы вожделения и гнева, а также и на осуществление хорошего из разумно воспринимаемых вещей.

Сила вожделения – это усиление стремления к удовольствию, а сила стремления осуществляет его.

Гнев – это усиление устремления взять над чем-либо верх, а сила стремления осуществляет его. Точно так же обстоит дело с воображением.

Что касается страха, печали, грусти, то они являются акциденциями силы гнева с участием воспринимающих сил. Когда она слабеет, подчиняясь разумному и воображаемому представлению, появляется страх, но если нет страха, то она становится сильной, и возникает печаль, за которой непременно возникает гнев, когда печаль не в состоянии отразить её [силу гнева] или опасается её возникновения. Радость, берущая над чем-либо верх, является конечной целью силы. Алчность, жадность, похоть и тому подобное принадлежат к животной вожделеющей силе, а приветливость и грубость – к акциденциям силы восприятия.

Что касается человеческих сил, то у них бывают такие акцидентально проявляющиеся состояния, которые свойственны только им, о чём будет сказано позже. Сила осуществления подчиняется вышеупомянутым силам, ибо когда усиливается их стремление, она начинает действовать. Все эти силы также подчиняются силе воображения. Дело в том, что стремление появляется только после устремления силы воображения к нему. Иногда действует только сила воображения, а не стремления.

Однако иногда из-за телесных недугов, когда природа направлена на то, чтобы одолеть их, случается так, что движение вызывает необходимость возбуждения воображения. В большинстве случаев силы отправляются к воображению. Следовательно, сила воображения является главенствующей среди сил восприятия. Вожделение и гнев главенствуют в области двигательных сил. Сила осуществления следует за ними, затем следует двигательная сила, находящаяся в мускулах. Мы говорим: эти действия и акциденции возникают в душе, когда она находится в теле, и без участия тела не могут возникнуть. Вот почему смеси тела превращаются вместе с ним, и эти акциденции также проявляются с возникновением смесей тела, ибо за одними смесями следует предрасположенность к гневу, за другими--

предрасположенность к вожделению, за третьими – к трусости и страху. Среди людей есть такие, чья природа вспыльчива, и они быстро впадают в гнев. Те люди, которые робки и боязливы, бывают трусами и быстро впадают в страх. Стало быть, эти состояния могут существовать только с участием тела. Состояния, принадлежащие душе и происходящие с участием тела, разделяются на: то, которое принадлежит телу, однако постольку, поскольку оно обладает душой; то, которое принадлежит душе постольку, поскольку она находится в теле, и то, которое одинаково принадлежит обоим.

Сон и бодрствование, здоровье и болезнь – это состояния тела, и их начало находится в нём. Они принадлежат сначала ему, однако принадлежат они ему потому, что у него есть душа, которая обладает телом, а телу – постольку, поскольку они, прежде всего, принадлежат душе тела.

Что касается боли, то она возникает от удара и из-за изменения смеси, ибо привходящий признак существует в теле, так как разделение непрерывности и смеси зависит от состояний тела постольку, поскольку тело как таковое существует в ощущении, которое чувствует его как таковое, однако благодаря телу. По-видимому, голод и вожделение из разряда этих состояний. А что до страха, гнева, печали, то они суть претерпевания, проявляющиеся вначале у души.

Гнев и печаль как таковые не являются претерпеваниями, приносящими боль телу, хотя телесное страдание, являющееся причиной боли тела, могло бы последовать за ними, как, например, жар или озноб и так далее. Однако это не сами по себе гнев и печаль, а вещи, которые обусловлены гневом и печалью.

Мы вполне допускаем, что данное состояние в действительности принадлежит душе, затем в теле возникают претерпевания, свойственные ему, но проявляющиеся вначале в душе, а иногда из-за воображения, так что какой-либо из органов расширяется, однако это происходит не по естественным причинам, вызванным необходимостью превращения смеси, теплоты и духа. Если бы не было этой формы, то не было бы в природе того, что приводит её в движение. Словом, мы говорим, что благодаря душе в телесном элементе может образоваться

превращение смеси, которое возникает без телесного действия и претерпевания. Стало быть, тепло не возникает от тёплого, а холод от холодного. Наоборот, если душа воображает что-то и оно укрепляется в душе, телесный элемент, не переставая, принимает форму соответствующую этому или иному качествам, дело в том, что душа относится к субстанциям некоторых начал, материя которых приобретает от форм, конституирующих эту материю, так как душа имеет более близкое отношение к данной субстанции, нежели что другое, а это возникает, когда предрасположенность материи совершенна.

Большинство способностей души существует, благодаря превращениям в качестве, о чём было сказано выше. Чаше качество изменяется от воображаемых душой противоположностей. Так, если эти начала облачают элемент в форму, конституирующую естественный вид благодаря какому-то отношению, установившемуся между ними, то вполне допустимо также, что эти начала облачают качество без того, чтобы была нужда в соприкосновении, действии и телесном претерпевании, проистекающим из противопоставления, напротив, форма, существующая в душе, есть начало того, что возникает в элементе. Подобно тому, как форма здоровья, находящаяся в душе врача, есть начало выздоровления. Точно так же обстоит дело с формой кровати, которая есть в душе столяра.

Однако имеются начала, которые не подчиняются противоположностям, в которых есть потребность без органов и средств, и потребность в этих органах возникает лишь по причине немощи и слабости. Вспомни о состоянии больного, который воображает, что выздоровел, и о здоровом, который воображает, что он болен. Ибо часто бывает так, что когда форма утвердится в его душе и воображении, от неё претерпевает его телесный элемент, и он становится здоровым или больным. Такое состояние оказывается более действенным, нежели то, что делает врачеватель посредством инструментов и [врачебных] средств. По этой причине человек пробежит по бревну, брошенному на дороге, однако когда бревно положено в качестве моста, а под

ним будет пропасть, то человек решится перейти по нему, лишь ясно представляя форму своего падения в пропасть.

Стало быть, природа человека и его органов обязывает к этому, а не обязывает к противоположному, состоящему из постоянства и непостоянства. Следовательно, когда форма основательно утвердится в душе, и человек убедится, что они существуют, то часто случается так, что претерпевается материя, свойством которой является претерпевание этих форм. Если бы это существовало в универсальной душе, принадлежащей небесам и миру, возможно это могло бы воздействовать на природу универсума, а если бы это существовало в какой-то частной душе, это могло бы воздействовать на частную природу.

Часто бывает так, что душа воздействует на другое тело подобно тому, как она воздействует на своё собственное тело посредством смотрящего глаза и действующей силы воображения. Скорее, когда душа сильна, благородна и подобна началам, то элемент, имеющийся в мире, подчиняется ей и претерпевает от неё, и в элементе будет существовать то, что представляется в ней. Это потому, что человеческая душа, как будет разъяснено позже, не запечатлевается в материи, которая принадлежит ей, однако усилия души направлены к ней.

Если такого рода отношение заставляет её, чтобы она изменила телесный элемент, исходя из потребности его природы, то не удивительно, что очень сильная благородная душа оказывает сильное воздействие на тело, хотя она не испытывает значительной склонности к этому телу, однако, несмотря на это, она возвышается над его природой и очень прочно им обладает. Эта душа вылечивает болезни, насылает болезнь на злых людей, и следствием этого является то, что натуры рушатся. Могут существовать такие натуры, в которых элементы превращаются и тогда то, что не есть огонь, становится огнём, то, что не есть земля, становится землей, по её воле возникают дожди и плодородие, происходят затмения и эпидемии. Всё это появляется сообразно разумной необходимости. Словом, по её воле может возникнуть то, что имеет отношение к превращению элемента в свою противоположность. Элемент по своей природе подчиняется разумной необходимости, и в нём возникает то, что

представлено разумно необходимым. Элемент полностью подчинён душе, и он подчиняется ей больше, чем противоположностям, которые оказывают воздействие на качество. Это также свойственно силам, относящимся к предсказанию, которые связаны с двигательными животными силами, приводимыми в движение душой великого Пророка. Подобно тому, как вышеуказанное свойство связано с силой воображения. Мы говорим, что все животные силы не имеют действия без [участия] тела и существуют, потому что они действуют. Следовательно, животные силы, будучи телесными, действуют и существуют постольку, поскольку они телесные и соответствуют телу.

УПОМИНАНИЕ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ И ПРАКТИЧЕСКОЙ СИЛ, ПРИСУЩИХ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДУШЕ

Мы говорим: человеку свойственно распоряжаться в частных вещах, а [также] в общих вещах. Так, в общих вещах существует только лишь убеждение, но опять-таки, если оно проявляется также в практике. Ибо, кто полностью убеждён в том, как следует строить дом, то это означает, что только из этого убеждения первичным образом не вытекает факт постройки какого-то отдельного дома, так как действия достигаются посредством частных вещей, ибо общие вещи как таковые не могут быть связанными с ними без тех действий, о которых будет сказано позже в [разделе] универсальной науки. Следовательно, человеку свойственна способность к общему воззрению и способность к размышлению о частных вещах, должен ли он делать или не делать то, что красиво или безобразно, добро или зло. Это осуществляется посредством сопоставления правильного или ложного рассуждения, цель которого – установить воззрения относительно частной вещи, применяемой от возможных вещей. И когда эта сила выносит решение, за ним следует движение силы, выносящей решения, побуждающей к движению тело, подобно тому, как у животных движение осуществляется по решению других сил, и эта сила черпает помощь от силы, действующей на общие вещи. Отсюда берутся общие начала

относительно того, что мыслилось, и делается заключение относительно частных вещей.

Следовательно, первая сила человеческой души – это та, к которой относится теория, и называется она теоретическим разумом. А вторая сила – это та, которая относится к практике, и она называется практическим разумом. Первая сила служит для утверждения истины или ложности, а вторая для совершения добра или зла. Кроме того, первая сила служит для понимания необходимости, возможности, а вторая для совершения дурного, прекрасного или дозволенного. Начала первых сил исходят из первичных посылок, в то время как начала вторых сил проистекают из общепринятых, установленных, предположительных, слабых, непрочных опытных посылок. Каждая из этих двух сил имеет воззрения и предположения. Так, воззрение – это убеждение, при помощи которого высказывается окончательное решение, в то время как предположение – это мнение, в котором используются два диаметрально противоположных подхода. Но не бывает так, чтобы кто-либо, предположив, уже убедился, и не бывает так, чтобы кто-либо, почувствовав, уже познал, или же кто-либо, вообразив, уже предположил или убедился, или увидел.

В человеке есть главенствующие чувства, главенствующее воображение, главенствующая догадка, теоретически главенствующее и практически главенствующее: начала, побуждающие к действию человеческую силу, выносящую решения для приведения в движение органов – это воображение, суждение, практический разум, вожделиние и гнев, в то время как другие живые существа обладают только тремя из этих свойств действия и претерпевания. Человек наделён способностью познать то, что имеется в душе другого [человека] посредством условных знаков. Таковыми выступают звук, который разделяется на буквы, из которых составляется множество сочетаний без посредника, присоединяющегося к телу. Звук есть нечто текучее, непостоянное и несохраняемое, и можно полагать, что кто-то может узнать о чём-то, не нуждаясь в том, чтобы воспринимать это непосредственно. Далее, звук – это указатель и насущная необходимость, благодаря ему появляются соучастие,

[желание] приобретать и давать, улучшать состояния пищи и одежды и тому подобное из того, без чего он [человек] по своей природе не может существовать.

Более того, человеку свойственно распоряжаться делами и улучшать их, выбирать всё и овладеть искусством. Особенность человека заключается в том, что восприятие редких вещей вызывает у него страдательное состояние, называемое удивлением.

За этим состоянием следует смех. Восприятие вещей, вызывающих боль, влечет за собой страдательное состояние, называемое раздражением, после этого следует плач. В обществе человеку свойственно для своей пользы обращать внимание на то, что в совокупности действий, которые должны бы быть сделаны, имеются действия, которые не следует совершать. Он познаёт эти действия с детства и воспитывается на этом, а затем он привыкает слышать, что он не должен совершать эти поступки, пока это убеждение не станет для него природным свойством. Имеются другие поступки, противоположные этим. Первые называют плохими, а вторые – хорошими. Другим живым существам это не присуще, так как другие животные придерживаются подобного рода действий не по своим убеждениям, а согласно дару и душевному состоянию, возникающему по природе из божественного внушения. Иногда человек осознаёт себя через состояние другого: он сделал что-то такое, что было установлено как действие недозволенное. Такое страдательное душевное состояние называется стыдом. Порою человеку свойственно душевное страдательное состояние, вызванное предчувствием того, что оно в будущем может повредить ему, и это называется страхом. Другим животным это свойственно только по отношению к данному моменту. Так, надежда противоположна страху, в то время как последнее у животных существует по отношению к данному моменту и сообразно какому-то внушению. К этому роду [вещей] добавляется то, о чём человек должен размышлять [при мысли] о будущих делах: следует ли ему делать то, что запрещает его рассудок, в другое время или в данный момент. У прочих животных имеется одно

врождённое свойство предчувствовать будущее: благоприятны ли для них последствия данных действий или нет.

Особо выделяющим свойством человека является то, что он представляет разумные универсальные идеи, полностью отвлечённые от материи, и достигает познания неизвестных вещей путём суждения и представления, исходя из известных разумных данных. Однако практический разум во всех своих действиях нуждается в теле и его силах, но не всегда и не во всех отношениях, а иногда ему бывает достаточно самого себя. Но ни один из этих двух разумов не является человеческой душой.

Душа есть вещь, которой принадлежат эти силы, о чём будет сказано позже, и она является самостоятельной субстанцией, обладающей предрасположенностью к действиям, часть которых отличаются от [задействованных] только органами, и она стремится приобрести их полностью. Некоторые действия души нуждаются в особых органах, а некоторые другие вовсе не нуждаются в этом. Субстанция человеческой души сама по себе способна завершить вид совершенства, то, что находится выше субстанций, не нуждается в более низших.

Эта предрасположенность, присущая субстанции, называется теоретическим разумом. Он способен оберегать от беды, которая может случиться вследствие общения, и способствовать поведению в обществе подобающим образом. Эта предрасположенность, принадлежащая субстанции души, существует посредством силы, называемой практическим разумом, и она главенствует над силами, которыми субстанция души обладает по отношению к телу. А что же до того, что ниже этого, то это силы, которые проистекают из практического разума, благодаря предрасположенности тела принять их для своей пользы. Мораль принадлежит душе с точки зрения этой силы. Каждая из этих двух сил обладает предрасположенностью и совершенством. Чистая предрасположенность каждой из двух сил называется материальным разумом, независимо от того, теоретический это разум или практический. Затем для каждого из них образуются начала, посредством которых завершаются их действия.

Что касается теоретического разума, то ему принадлежат первичные посылки и то, что подобно им. А что до практического разума, то к нему относятся общеизвестные посылки и другие состояния. Следовательно, каждый из них [т.е. теоретический и практический разум] есть разум по навыку, а затем в каждом из них появляется приобретённое совершенство.

УПОМИНАНИЕ СУЩЕСТВОВАНИЯ РАЗУМНОЙ ДУШИ

Разумная душа не запечатлевается в телесной материи, и связь [с ней] не осуществляется посредством телесного органа. Мы говорим: нет сомнения в том, что у человека есть некая субстанция, посредством которой он воспринимает умопостигаемые вещи и служит вместилищем для них. Более того, мы утверждаем, что эта субстанция не является телом, не существует в каком-то теле, однако [она] есть какая-то сила, существующая в нём, или есть какая-то его форма. Дело в том, что если бы вместилищем умопостигаемых предметов было какое-то тело или какая-то величина, то либо умопостигаемая форма, которая пребывает в нём, не подавалась бы делению, как, например, точка, или являлась бы делимой. [Однако] каждая из этих двух вещей невозможна потому, что умопостигаемая форма не пребывает в ней, так как точка есть какое-то предельное [конечное] положение, которое нельзя отделить от линии, либо эта какая-то другая величина, границей которой является эта точка, в которой находится что-нибудь без того, чтобы данная вещь находилась в этой точке. Скорее, эта точка также самостоятельно не существует, а является сущностной частью того, что сущностно есть величина [количество]. Кто-то может сказать: всё, что находится в данной величине, границей которой является точка, каким-то образом должно находиться в этой точке и акцидентально определяется ею количественно. Подобно тому, как тело акцидентально определяется посредством этой величины, оно также акцидентально завершается посредством этой точки. Стало быть, одно завершение существует акцидентально, а другое сущностно, подобно тому, как протяжность существует акцидентально. В другом смысле нельзя сказать, что в ней что-либо пребывает. Если бы точка

существовала отдельно и воспринимала бы что-либо, то она была бы самостоятельно существующей вещью. О невозможности этого нами было сказано в предыдущих главах, и форма не пребывает в какой-то делимой величине.

Предположим, что умопостигаемая форма находится в чём-то делимом, и если мы действительно предположим в делимой вещи какое-то деление, то сама форма будет чем-то делимым, в таком случае две части этой формы должны быть либо подобными, либо не подобными друг другу. А если они подобны друг другу, то почему же их сочетание оказывается чем-то отличным от них? Поскольку целое как таковое не является частью, то оно является таковым с точки зрения увеличения в количестве или увеличения в числе, а не в отношении формы. Значит, умопостигаемой формой должна стать какая-то определённая фигура или определённое число, в то время как всякая умопостигаемая форма не является фигурой, иначе такая форма была бы предметом представления, а не разумного познания.

Нельзя утверждать, что каждой из двух частей тождественно понятие целого, как тебе это известно, и если две части формы не подобны друг другу, то они могут быть лишь частями определений, которые являются и родами и отличительными признаками, а это нелепость. Из таких нелепостей вытекает, что каждая часть тела потенциально делима до бесконечности, тогда роды и отличительные признаки также должны потенциально делиться до бесконечности, однако общепризнанно, что роды и сущностные отличительные признаки вещи конечны. Вторая нелепость заключается в том, что если здесь есть роды и отличительные признаки, то следовало бы различие и во вместилище, и это различие не зависело бы от их деления в воображении.

Стало быть, из необходимости [способа] деления выходит, что на одной стороне оказались бы пол рода и полотличительного признака, а на другой – оставшиеся половины рода и половины отличительного признака, а это нелепо, или же род и отличительный признак поменялись бы местами и воображаемое предположение или воображаемое деление

выполняли бы функцию рода и отличительного признака и каждый из них сообразно какой-то воле извне перемещался бы в какое-то направление.

Другая нелепость заключается в том, что всякая умопостигаемая вещь не может делиться на более простые умопостигаемые вещи, ибо существуют наипростейшие умопостигаемые вещи, которые служат началами образования прочих умопостигаемых вещей. Они не имеют ни родов, ни отличительных признаков и равным образом не поддаются делению ни по количеству, ни по смыслу [понятию]. Отсюда явствует, что не невозможно, чтобы в каком-то смысле в нас существовало нечто такое, что воспринимало бы умопостигаемую форму, что вместилище умопостигаемых вещей есть субстанция, которая не есть тело и которая не является телесной силой, так как телесной силе также присущи те деления, которые свойственны телу. Затем возникают другие нелепости, поэтому, скорее, то, что в нас получает умопостигаемые формы, есть нетелесная субстанция.

Другое разъяснение заключается в том, что разумная сила делает предметы разумного восприятия от определённого количества, “где”, положения и всего, что было изложено выше. Стало быть, эта разумная форма либо отвлечена от того, из чего она была взята, либо же по сравнению с вещью, от которой она взята, то есть является бытием разумной субстанции. Невозможно утверждать, что эта вещь является таковой во внешнем существовании. Остаётся утверждать, что она отвлекается от положения, “где” во время своего существования в разуме. Стало быть, когда умопостигаемая форма возникает в разуме, она не занимает какого-либо положения, на которое можно было бы указать, на которое можно было бы переходить или которое можно было бы делить, или что-либо похожее в этом плане.

Следующее разъяснение заключается в том, что когда единая, неделимая форма вещей, неделимая по значению запечатлевается в какойнибудь делимой материи, обладающей сторонами, тогда ни одна из предполагаемых частей не будет иметь никакого отношения к упомянутой умопостигаемой вещи

или каждая из предполагаемых частей будет иметь к ней отношение, или одни части будут иметь к ней отношение, а другие нет. Если ни одна из этих частей не имеет к ней отношения, то и составленное из них целое не может, очевидно, иметь к ней какого-либо отношения. Ибо то, что составляется из противоречивых [вещей] остаётся противоречивым. Следовательно, вещь не может быть умопостигаемой, если одни её части будут иметь отношение, а другие нет. Стало быть, те части, которые не имеют отношения к предмету разумного восприятия, вообще не входят в его понятия. Но если каждая предполагаемая часть имеет к нему отношение, то она относится либо ко всему этому предмету разумного восприятия, либо и к его части. Если каждая предполагаемая часть материи, в которой находится умопостигаемый предмет, имеет отношение ко всему этому предмету, то части не будут частями последнего, а каждая из них сама будет предметом разумного познания, скорее, умопостигаемый предмет, как он существует, был бы действительно умопостигаемым предметом бесконечное число раз в один момент. Если каждая часть имеет разное отношение к этому предмету, то этот предмет, как умопостигаемый, должен быть делим в уме. Но здесь мы впадаем в противоречие, так как мы предположили, что он неделим. А если каждая часть имеет отношение к определённой части умопостигаемого предмета, то делимость этого предмета становится ещё более очевидной, а это нелепо. Отсюда следует, что формы, запечатлённые в телесной материи являются всего лишь отображениями [образами] единичных делимых вещей, и каждая часть этой материи действительно или потенциально имеет отношение к каждой части этих единичных делимых вещей.

Далее, вещь, множественная в силу множественности частей определения, будучи рассматриваемой в целом, представляет собой единства того, что не неделимо. Каким образом это единое существование как таковое запечатлевается в чём-то делимом? Об этом мы говорили при установлении границы неделимого (умопостигаемого).

Следующее разъяснение заключается в том, что разумной душе свойственно действительно познавать одну за другой

умопостигаемые вещи, которые потенциально бесконечны. Вещь, способная на потенциальное действие, не может быть ни телом, ни находящейся в теле силой, как это было разъяснено выше. Следовательно, невозможно, чтобы представляемый, умопостигаемый предмет находился в теле и в то же время, что бы его действия не находилось в теле, или чтобы это совершалось не посредством тела.

Что касается воображаемых вещей, то дело у них обстоит иначе. Дело в том, что животной силе несвойственно воображать, как попало, любую бесконечную вещь и в любое время, если не будет соединено с ней действие разумной силы. Никто не может сказать, что эта разумная сила является не действующей, а воспринимающей, в то время как мы доказали бесконечность действующей силы. Так, нет сомнения в допустимости существования бесконечной воспринимающей силы, как это бывает у первоматерии, которая является воспринимающей, о чём будет сказано позже. Разумная душа воспринимает большинство бесконечных вещей после их действительного действия.

Другое разъяснение заключается в том, что если бы разумная сила воспринимала посредством телесного органа, и присущее ей действие осуществлялось бы лишь благодаря использованию этого телесного органа, то было бы необходимо, чтобы она не воспринимала ни саму себя, ни этот орган, ни то, что она воспринимает, так как нет никакого органа между разумной силой и её сущностью, между разумной силой и её органом, между нею и тем, что она воспринимает. Однако разумная сила воспринимает саму себя, свой орган, который действует на неё и то, чем она воспринимает. Следовательно, она познаёт не посредством какого-либо органа, а через саму себя. Об эту свидетельствует то, что между разумной силой и её органом нет какого-то органа.

Если она воспринимала бы свой орган посредством какого-то [другого] органа, то эта была бы форма, в этом случае, её органом в её же органе. Разумная сила [также] всегда путём соучастия должна была бы постоянно воспринимать свой орган. Если же она [разумная сила] постигает форму путём её доставки к органу, то именно это свидетельствует о том, что восприни-

мающий не может воспринимать существующий орган в процессе восприятия. Вот почему чувство не воспринимает ни самого себя, ни свой орган, ни свои чувства, а воспринимает нечто извне. Так обстоит дело и у представления, оно вовсе не представляет ни самого себя, ни своего действия, а если даже и представляет свой орган, то она делает это не как ей заблагорассудится, [а свойственным ей образом]. Но [в этом случае] представления, разумеется, не предназначало бы какому-то одному предмету. Однако чувство передаёт ему только то, что было бы возможной формой его органа. В этом случае оно подражает [передаёт] представлению, взятому из ощущения, не соотнесённого у него с какой-либо вещью, так что если бы орган не был данным органом, то оно вовсе не могло бы его вообразить.

Другое убедительное разъяснение заключается в том, что воспринимающая сила из-за органов, принадлежащих ей, при продолжительном действии устаёт, ибо постоянное движение вызывает в органах усталость и разрушает их смесь, которая представляет собой их субстанцию и природу. Острые впечатления, с большой силой воздействующие на орган восприятия, ослабляют, а иногда разрушают их, эти органы уже не могут воспринимать более слабые впечатления, поскольку сильное действие глубоко проникающих впечатлений, приводит их в страдательное состояние. Так обстоит дело с чувством, ибо сильнодействующие повторяющиеся чувственно воспринимаемые вещи вызывают в органах слабость, а подчас расстройство; так действует ослепительный свет на зрение или оглушительный гром на слух. Эти чувства таковы, что при восприятии сильного раздражения не могут воспринимать слабое раздражение. Так всякий, кто видит яркий свет мгновения и даже после этого уже не сможет воспринимать слабый свет; всякий, кто услышит сильный звук, мгновенно и после этого не может слышать слабый звук; тот, кто пробует что-нибудь очень сладкое, одновременно и после этого уже не может ощутить на вкус что-нибудь менее сладкое.

Но с разумной силой дело обстоит противоположным образом: продолжительность действия и представление ею более

мощных вещей придают ей большую способность легко воспринимать то, что менее чётко [слабо]. Если случается так, что разумная сила иногда испытывает усталость, то это происходит потому, что разум прибегает к помощи представления, которые использует орган, поддающийся усталости, и которое поэтому иногда отказывается служить разуму. Если бы разумная сила уставала по какой-нибудь другой причине, то это случалось бы постоянно, но в большинстве случаев это происходит по противоположной причине.

Следующее убедительное разъяснение этому то, что по завершении телесного роста, которое происходит к сорока годам или около того, силы всех частей тела начинают ослабевать, тогда как разумная сила после этого большей частью как раз и крепнет. Если разумная сила принадлежала бы к телесным силам, то она постоянно в каждом случае должна была бы слабеть, однако это происходит в действительности в тех случаях, когда она сталкивается с некоторыми препятствиями, а это бывает далеко не всегда. Следовательно, разумная сила не принадлежит к телесным силам. Все эти последние умозаключения подтверждают, что всякая сила, воспринимающая посредством какого-то органа, не способна воспринимать ни саму себя, ни свой орган, и её восприятие ослабевает в ней из-за увеличения её действия. Слабый след не воспринимается после сильного, ибо сильные силы будут ослабевать, и их действие будет ослабевать из-за ослабления органов. Однако у разумной силы дело обстоит противоположно этому.

Предположение, будто душа забывает содержащиеся в ней умопостигаемые вещи и деятельность её прекращается болезнью и при наступлении старости, и будто всё это происходит потому, что её деятельность без тела не может быть осуществлена, не является необходимым, и оно – неверно. Дело в том, что возможно совмещение двух вещей одновременно: если душа будет действовать самостоятельно и если какое-то препятствие [болезни] не будет мешать и отвлекать её от действий, то мы могли бы совместить это, не впадая в противоречие, и всякие возражения по этому поводу отпали бы.

Так, вот мы утверждаем, что субстанции души принадлежат два действия: одно – по отношению к телу, которым она управляет; другое – по отношению к себе самой и к своим началам, а именно – познание посредством разума. Эти два действия противоположны и препятствуют друг другу, и когда душа занимается одним, она отвлекается от другого, не будучи в состоянии сочетать одно с другим. Со стороны тела душу отвлекают ощущение, воображение, вожеление, гнев, страх, печаль и боль. Когда ты начинаешь думать о разумной вещи, все вышеупомянутые вещи прекращают своё действие. Однако чувство препятствует разуму, не повреждая сам разум или орган умопостижения, а занимая душу именно одним, а не каким-либо другим действием. Точно так же деятельность разума прекращается при болезни. Если приобретённая разумная способность совершенно исчезла и пропала из-за какого-то [повреждения] органа, то возвращение органа к прежнему состоянию сделало бы необходимым приобретение [этой способности] заново. Однако дело обстоит иначе, ибо душа иногда возвращается к своей прежней способности и состоянию, осмысливая всё то, что было познано в прежнем состоянии. Если тело вновь возвращается к здоровому состоянию, то это значит, что то, что оно приобрело вместе с ним, так или иначе наличествовало в нём, только оно было отвлечено от этого.

Однако действиям души препятствует не только упомянутое разногласие между разными сторонами деятельности. Препятствия могут быть созданы также и множественностью действий одной из этих сторон. Например, страх отвлекает от боли, вожеление – от гнева, а гнев – от страха. Причина во всём этом одна, а именно – полная занятость души чем нибудь одним.

Итак, из всего этого явствует, что если нечто не совершает своего действия, когда оно занято чем-то другим, то оно не может совершать своё действие, кроме как при существовании данной вещи, которой оно занято. Таким образом, душа не запечатлевается в теле и не существует благодаря телу. Следовательно, связь души с телом осуществляется сообразно потребности её положения, заключающегося в управлении

данной частью тела и уделении ему особого внимания. Душа в таком случае становится как бы причиной своего совместного с телом существования со свойственными ему состояниями и смесью.

Однако животные силы оказывают помощь разумной душе. Их помощь заключается в том, что чувства передают ей единичные [образы], из которых вытекают четыре действия.

Первое заключается в том, что разум отвлекает от этих единичных [вещей] универсальные образы, обособленные от частных вещей путём отвлечения их идей от материи, их связей и сопутствующих признаков с учётом того, что для них является общим, и того, что отличает их друг от друга, и выделяет то, что сущностно, и то, что акцидентально. Вследствие этого в душе возникают начала представления при помощи силы представления и силы воображения.

Второе сводится к тому, что душа устанавливает между этими частными универсалиями отношения отрицания и утверждения. Когда сочетание этих универсалий посредством отрицания и утверждения бывает первичным, она просто принимает его, но когда оно таковым не бывает, она оставляет его до момента встречи с посредником.

Третье действие заключается в том, что душа, получая из опыта посылки посредством чувства, подыскивает для субъекта необходимое для утвердительного или отрицательного суждения предикат.

Это бывает не иногда и не изредка, а постоянно, и душа убеждается в том, что между природой этого субъекта и данного предиката имеется данное отношение, что природа этого консеквента логически вытекает из этого antecedента или противоположно ему по своему существу, а не случайно. Это убеждение возникает на основании чувства и сопоставления.

Четвёртое действие заключается в том, что суждение осуществляется благодаря последовательности сообщения. Стало быть, человеческая душа обращается к телу за помощью для приобретения данных начал понятий и суждений. Затем душа, приобретая их, обращается к себе, и, если после этого случится так, что она окажется занятой одной из сил, расположенных ниже

её, то она отвлекается от своего дела; если же она не будет занята этими силами, она не будет нуждаться в них для совершения свойственных ей действий, кроме тех особых случаев, когда ей нужно ещё раз обратиться к силе представления для получения иного начала, чем то, которое она уже приобрела, или затем, чтобы оказать содействие в представлении цели в [силе] представления и полностью закрепить её в разуме. Такое может случиться в душе только в начале и очень редко позже. Однако, когда душа становится совершенной и крепкой, то она вообще способна выполнять свои действия самостоятельно, и силы чувственного восприятия, силы представления и прочие телесные силы не могут отвлечь её от её деятельности. Примером может служить то, что человеку само собой нужны некоторые орудия, дабы с их помощью достичь определённой цели. Когда он достигнет своей цели, но по какой-то причине случается нечто такое, что он вынужден оставить его, и тогда то самое орудие, которое способствовало достижению цели, становится для него отягощением и помехой.

УПОМИНАНИЕ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДУШИ

Человеческая душа остаётся, не уничтожается и не переселяется в [другие] тела. Мы утверждаем, что человеческая душа не предшествует телу в отрешённом от него виде, чтобы потом оказаться в нём, ибо человеческая душа едина по виду и по понятию. А если представить, что она не возникает одновременно с возникновением тела, а существует отдельно, то невозможно допустить, что при таком существовании душа была бы чем-то множественным или единым. Недопустимо, чтобы душа была множественной, поскольку вещи, которые по своей сущности являются только лишь понятиями, и они могут быть множественными только лишь в отношении носителей [сущностей], поэтому эти вещи возникают или от неё, или от какого-либо отношения, или в отношении времени. Если бы они были вообще отвлечёнными, то эти вещи не могли бы различаться. Стало быть, недопустимо, чтобы души от своего вхождения в тело были множественными по числу, напротив, они

различаются в том отношении, что принимают суть бытия посредством особого отношения, а таковым является тело.

Что же до того, почему невозможно, чтобы душа имела единую по числу сущность, то это потому, что когда возникают два тела, в них возникают две души, и тогда либо эти две души были бы двумя частями одной и той же души, стало быть, единой вещью, не обладающей ни величиной, ни размером, и тогда она была бы потенциально делима, а это нелепо. Либо же единая по числу душа находилась бы в двух телах, а это составляет наибольшую нелепость. Следовательно, души не изначальны и не уничтожаются, а возникают с возникновением тел, и каждое из них [душа и тело] возникает при возникновении пригодной для её использования телесной материи, тело оказывается владением и орудием души. В субстанции души, возникающей вместе с каким-то телом, заслуживавшим возникновение души от первых начал, имеется состояние естественного стремления занять тело, пользоваться им, заботиться о его состояниях, быть им влекомым к тому, что связывает душу именно с данным телом и отвлекает её от всех прочих тел, отличных от него. Следовательно, если душа индивидуализируется, то начало её индивидуализации соединяется с ней со стороны тех состояний, при помощи которых определяется какой-то индивид, хотя это состояние и это отношение остаются от нас скрытыми. Начала завершений, которых достигает душа, она получает посредством тела, но это должно быть её собственное тело.

Кто-то может сказать: “Это отношение необходимо для тебя [при рассмотрении] вопроса о душах, ибо когда они покидают тело, то они либо исчезают, а вы не допускаете этого, либо они объединяются и являются не телами, о которых вы раньше говорили, либо они продолжают оставаться множеством, тогда как, по-вашему, они отделены от материи, в таком случае, как же они могут быть множеством?” В ответ мы говорим: после того, как души отделяются от своих тел, они остаются единичными в силу различия материи, в коих они находились, в силу различия во времени их возникновения и в силу различия их форм. А всё это, несомненно, бывает из-за тел, которые отличаются друг от друга состояниями. Так, мы знаем, что если

существует такое универсальное понятие, как определённый индивид, то оно не может существовать как [другой] индивид, если не добавить [другое] значение к его разновидности, через которое становится индивидом, кроме тех понятий, которые соединяются с ним во время его возникновения и постоянно находятся при нём. Знаем мы об этом или не знаем, но душа во всех телах не едина, если бы она была единой, но множеством путей соотесена, то она была бы познающей или не познающей во всех телах, и тогда от Зайда не укрылось бы то, что на душе у Амра. Единое, соотнесенное со многим, может быть различным с точки зрения своей соотнесённости. Что касается вещей, существующих для него в нём самом, то они не различаются, как, например, когда какой-то молодой [человек] является отцом многих детей, однако он молод только в общем отношении, так как молодость – это [качество], которое находится в нём самом, и это привходит в каждое соотнесение. Точно так обстоит дело со знанием, незнанием, предположением и тому подобным, которые принадлежат к вещам, существующим в самих душах, и привходят вместе с душой в каждое соотнесение. Коль скоро душа не едина, значит, она множественна по числу, и всякий вид, имеющий множество индивидов, [объемлет] индивиды, которые являются возникшими [во времени].

Нет сомнения в том, что душа индивидуализируется посредством какой-то вещи, хотя данная вещь в человеческой душе не запечатлена в материи. Несостоятельность такого мнения известна, напротив, этой вещи свойственны одно из состояний, одна из сил, одна из духовных акциденций или совокупностью их, где индивидуализация души осуществляется посредством соединения вышеуказанных состояний, хотя мы о них ничего не знаем. После того, как душа индивидуализировалась и обособилась, недопустимо, чтобы другие души составляли по числу единую сущность, – это общеизвестно. Однако мы достаточно хорошо знаем, что допускается существование души тогда, когда она возникает с возникновением какой-то смеси; что у неё возникает какое-то состояние, предрасположение к разумным претерпеваниям и по совокупности сил, отличных от умозрительного состояния, чем

обладает данная душа в сравнении с другой душой, существуют различие двух смесей в двух телах, и благодаря приобретённому состоянию, которое называется разумом в действии, эта душа в какой-то мере отличается от другой души; что она частично осознаёт саму себя. И это сознание является состоянием, которое находится в ней и также свойственно только ей, а не с точки зрения телесных сил, также в ней возникает свойственное ей состояние связанное нравственными состояниями. Равным образом допустимы свойства телесных видов, где один вид отличается от другого, пока эти свойства сохраняются. Души также отличаются своими особенностями, независимо от того, существуют ли тела или не существуют, знаем ли мы эти состояния или не знаем их, или знаем только некоторые из них.

Посему говорим: то, что с уничтожением чего-то другого должно быть так или иначе связано с этим другим, и всё, что так или иначе связано с этим другим, будет либо связью с последующим в бытии, либо связью с предшествующим в бытии, причём это предшествование есть предшествование в бытии сущностно, либо связью с равным в бытии. Если душа связана с телом равноценной связью в бытии, то это является чем-то сущностным и непривходящим. Стало быть, каждое из них сущностно соотнесётся со своим хозяином. Следовательно, ни душа, ни тело не являются субстанциями; однако в действительности они являются субстанциями. А если эта связь была бы не сущностной, а акцидентальной, то с уничтожением одного из них другое лишилось бы только акцидентального отношения, но сам предмет с точки зрения этой связи с уничтожением другого не прекратит своего существования.

Если бы связь души с телом была бы такой, что [она] следовала бы за ним в своём бытии, то тело являлось бы причиной существования души, а это нелепо, ибо тело не является действенной причиной, дающей ей бытие, потому что тело как таковое не совершает никакого действия, а [совершает его] только посредством какой-то силы. А если бы оно само по себе совершало какое-то действие, то всякое тело могло бы совершать такое действие, а вслед за ним – телесные силы, либо акциденции, либо материальные формы. Невозможно, чтобы

акциденции и формы, существующие посредством материи, помогли бы существованию какому-либо предмета, независимого от материи, или субстанции вообще. Равным образом тело не может выступать принимающей причиной [души].

Мы разъяснили, что душа никоим образом не запечатлена в теле. Следовательно, тело не может быть представимо через форму души, будь то без сочетания или через сочетание, чтобы части тела сочетались и смешивались друг с другом, и чтобы душа затем запечатлевалась в них. Тело также не может выступать как формальная причина души или как причина завершения, дело обстоит как раз наоборот. Следовательно, связь души с телом не является связью следствия с сущностной причиной, ибо тело и смесь выступают для души как акцидентальная причина. Это значит, что когда возникает материя тела, она может стать органом души и её владением, и в таком случае причины, отрешенные [от материи], вызывают существование единичной души или она возникает из них. Ибо возникновение души без особой причины невозможно. Кроме того, [возникающая] душа недопускает множественности по числу, о чем было сказано выше.

Дело в том, что когда возникает что-то, что раньше не существовало, то ему должна предшествовать материя, готовая принять его и иметь к нему отношение, как это было изложено раньше. Это означает, что если бы было допустимо, чтобы возникла единичная душа и не возник бы орган, через который она совершенствует и совершает свои действия, то существование этого орудия было бы недействительным, но в природе нет ничего бесполезного. Между тем, если это невозможно, то нет возможности судить об этом. Однако если возникает готовность отношения и предрасположения к органу, то в таком случае необходимо, чтобы от причины, отрешённой от материи, возникало нечто, а именно душа, но это касается не только души, но и форм, которые раньше не существовали, а затем возникли, более того, при возникновении чего-либо предпочтение отдаётся существованию перед несуществованием посредством предрасположенности материи к вещи и подходящей формы для неё. Следовательно, если существование

чего-либо одного делает необходимым существование чего-то другого, то устранение первого не приводит к необходимости уничтожения второго. Это возможно лишь в том случае, когда сама вещь существует, благодаря существованию этой вещи и в ней.

Обычно возникает [много] вещей от других [вещей], которые продолжают существовать после устранения последних, если существование этих последних непостоянно, особенно когда то, что было лишь подготовкой к приданию существования. Однако то, что принуждает душу к существованию, не есть ни тело, ни сила в нём, а есть, без сомнения, существующая сущность, освобождённая от материи и величины. Если бы [обретение] существования души зависело от этой вещи или от тела лишь только, когда она заслуживает бытия, то [скажем, что] её существование не зависит от тела, которое является лишь её акцидентальной причиной. Следовательно, нельзя сказать, что между душой и телом есть такая связь, которая требует, чтобы тело предшествовало душе в качестве её предшествующей причины. Это означает, что связь души с телом является предшествующей связью в бытии, или предшествование будет предшествованием во времени. Следовательно, невозможно, чтобы существование души было связано с телом, ибо душа предшествует телу во времени, либо предшествование будет сущностно, а не во времени. Такого рода предшествование означает, что когда в бытии возникает предшествующее, то оно становится причиной бытия последующего. В таком случае предшествующее не может существовать, если последующее предположено как несуществующее. Это не означает, что несуществование последующего необходимо предполагает несуществование предшествующего, однако означает, что последующее может быть несуществующим только в том случае, если вначале с предшествующим естественным образом происходит нечто такое, что делает его также несуществующим. В таком случае несуществование последующего не предполагает несуществование предшествующего, которое обуславливает несуществование предшествующего [в действительности], а

предполагает несуществование последующего после того, как само предшествующее не будет существовать.

Если дело обстоит так, то необходимо, чтобы уничтожающая причина возникала в субстанции души и вместе с ней уничтожила тело, хотя тело, конечно, не уничтожается по причине, которая присуща субстанции души. Вместе с тем, причина уничтожений тела заключается в изменении смеси и сочетании [состава]. Стало быть, невозможно, чтобы связь души с телом была связью предшествующего по сущности. Далее тело, конечно, уничтожается по причине, заключённой в нем самим. Следовательно, между ними [душой и телом] не существует этой связи, и остаётся лишь признать, что душа в бытии не имеет никакой связи с телом и что она связана с другими началами, которые не превращаются и не устраняются.

Однако мы говорим: конечно, никакая другая вещь не уничтожает душу, дело в том, что всё, чему свойственно уничтожаться по какой-нибудь причине, содержит в себе силу, которая должна уничтожаться и до её уничтожения в ней [имеется] действие, которое должно оставаться. Но невозможно, чтобы одна и та же вещь в одном и том же отношении обладала и потенциальностью уничтожения и действительностью устойчивости. Потенциальностью уничтожения она не может быть обязана действительности своей устойчивости, ибо понятие потенциальности отличается от понятия действительности. Точно так же и отношение этой потенциальности противоположно по отношению к этой действительности, ибо потенциальность имеет отношение к уничтожению, а действительность – к устойчивости. Следовательно, оба значения [понятия] могут быть отнесены к двум разным сторонам данной вещи.

Поэтому мы говорим: в сложных и простых вещах, которые существуют в сложном, могут сочетаться действительность устойчивости и потенциальность уничтожения. А в простых вещах, которые имеют отдельную от материи сущность, недопустимо совмещение этих двух понятий, ибо всякая вещь, которая существует, обладает силой, которая должна потенциально уничтожаться, имеет также и потенциальность устойчивости, ибо устойчивость её не является необходимой,

тогда как предполагалось, что в ней находится сила, которая должна потенциально уничтожаться. Стало быть, в её субстанции есть потенциальная и действительная устойчивости, ибо понятие действительности не тождественно понятию потенциальности. Следовательно, действительность, которая возникает в вещи, является чем-то таким, что обладает потенциальностью уступчивости. Ибо эта потенциальность существует из-за сущности чего-то действительного, а в чём-то таком, действительное существование чего лишь акцидентально не является истинной сущностью этой вещи. Из этого логически вытекает, что сущность данной вещи состоит в том, посредством чего её сущность будет актуально существовать, а такой вещью и является форма, которая имеется во всякой вещи, из которой возникает в ней это действительное существование, и в её природе есть её сила, которая является её материей данной вещи.

Итак, если душа абсолютна проста, то она взята из чего-то такого, что не поддаётся делению на материю и форму. Следовательно, недопустимо, чтобы в ней совмещались действие, которое должно существовать, и сила, которая не должна существовать по сравнению с её сущностью. Так, если вещь обладает потенциальностью уничтожения, то невозможно, чтобы она имела действительность устойчивости, стало быть, в ней отсутствует потенциальность уничтожения. В таком случае, субстанция души не обладает потенциальностью уничтожения.

Что касается возникающих вещей, которые подвержены уничтожению, то это отдельные сложные вещи. Потенциальность уничтожения и устойчивости несвойственна [вещи] в смысле, через который сложное становится тем, что оно есть, она свойственна материи, которая потенциально принимает эти две противоположные вещи. Следовательно, в подвергаемом уничтожению и в сложном нет силы, которая должна существовать, и сила, которая уничтожается, не обладает ни потенциальностью уничтожения, ни потенциальностью устойчивости, стало быть, несовместимы.

Доказательство того, что всё возникшее исчезает из-за конечной природы потенциальности устойчивости и уничтожения, применяется по отношению к тем вещам,

существование которых возможно лишь благодаря сочетанию материи и формы. И в её материи есть одновременно две силы: одна для того, чтобы в ней устойчиво существовала данная форма, и [другая] – которой эта форма уничтожается.

Таким образом, стало ясно, что человеческая душа вовсе не уничтожается.

Далее скажем: недопустимо, чтобы душа переселялась в тела. Так, если мы предположим, что душа переселяется в несколько тел, и каждое тело само по себе заслуживает возникновения в нём души и связано с ней, то две души соединяются в одном и том же теле временно. Далее, как объясним позже, отношение между телом и душой заключается не в том, что душа запечатлена в теле, а в том, что душа занимается телом таким образом, что она осознаёт это тело, и тело претерпевает от этой души. Всякое живое существо само осознаёт, что у него одна душа, которая распоряжается и управляет им так, что если бы это была какая-нибудь другая, не осознаваемая этим живым существом душа, то она не осознавала бы себя и не занималась бы своим телом; в этом случае такая душа не имела бы никакого отношения к своему телу. Следовательно, не может быть никоим образом какого-либо переселения душ.

УПОМИНАНИЕ ПРЕТЕРПЕВАЮЩЕГО РАЗУМА ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДУШИ

Деятельный разум и степени его действия [также] принадлежат человеческой душе.

Так, человеческая душа иногда бывает разумной в потенции, а затем уже в действительности. Всё то, что переходит из потенции в действительность, переходит по действительной причине, которая заставляет совершать этот переход. Эта причина и заставляет наши души переходить в умопостижимых вещах от потенции к действительности. И вот она является причиной, по которой представляются разумные формы. Стало быть, это есть не что иное, как активный разум, в котором есть начала отвлечённых разумных форм. Отношение этого разума к нашим душам подобно отношению солнца к нашему зрению.

Подобно тому, как солнце действительно наблюдается само по себе, можно действительно видеть его при помощи его света, точно так же обстоит дело с разумом о наших душах.

Ибо когда разумная сила созерцает частные вещи, которые находятся в представлении, и направляет на них сияние лучей действующего [активного] разума, о котором мы упомянули, они становятся отвлечёнными от материи и её связей и запечатлеваются в разумной душе, однако сами не переходят из воображения в наш разум, и не будучи идеей, обременённые какими-то связями с материей, – так как идея сама по себе и её отношение с её же сущностью являются отвлечёнными создаёт себе подобное. А это в том смысле, что созерцание разумной силы предрасполагает душу к тому, чтобы отвлечённая форма, вызванная действующим разумом, подготовила её для получения истечения [потока]. Ибо мысли и размышления являются движениями, подготавливающими душу к принятию истечения. Подобно этому, средние термины самым активным образом подготавливают подтверждение для принятия заключения, хотя первое делается одним путём, а второе другим.

Так, когда разумная душа имеет какое-то отношение к данной форме посредством излучения деятельного разума, благодаря этому возникает в душе нечто, с одной стороны, принадлежащее к роду этих форм, а с другой стороны, не принадлежащее к этому роду. Подобно тому, как свет падает на цветные предметы, и они создают в зрении впечатление, которое не во всех отношениях соответствует всем этим предметам. Образы, которые потенциально являются умопостигаемыми вещами становятся действительно умопостигаемыми вещами, но не сами по себе, а благодаря тому, что происходит от них. Подобно тому, как эффект от формы чувственно-воспринимаемого предмета, произведённый светом, не является самой формой этого предмета, а чем-то иным, похожим на него, порождённым посредством света в противоположном воспринимающем.

Точно так же, когда разумная душа созерцает данные воображаемые формы и когда луч действующего разума каким-то образом непрерывно связан с ними, она предрасполагается к

тому, чтобы в ней образовались посредством света действующего разума отвлечения от этих форм, свободные от примесей.

Первое, что выделяется в человеческом разуме, это сущность воображаемых форм и акцидентальных свойств, а также то, в чём эти формы сходны и в чём они различаются. Идеи, по которым эти воображаемые – формы не различаются, становятся, с учётом их сходства между собой, единой идеей в сущности разума. Однако то, что есть в сущности разума, с учётом того, что эти воображаемые формы различаются, становится множеством идей. Следовательно, разум способен сделать множество из единой идеи и объединить множество в единое целое, причём объединение множества бывает двояким: первое заключается в том, что многочисленные идеи различают в воображаемых предметах по числу, если они не различаются по определению, то они становятся одной идеей; второе состоит в том, что идеи родов и различающих признаков образуют единую идею по определению. Однако способ объединения во множестве противоположен этим двум способам. Стало быть, это относится к свойствам человеческого разума и не принадлежит никаким другим силам.

Другие силы воспринимают множество как множество, а единичное как единичное, но эти силы не могут воспринимать единичное как простой элемент, а скорее они воспринимают единичное лишь из-за того, что оно есть совокупность, состоящая из вещей и их акциденций. Однако силы не могут различать акцидентальные вещи и отделять их от сущностных вещей. Так, когда чувство даёт какую-то форму представлению, а представление разуму, разум получает от него идею. Ибо разум представляет другую форму данного вида, другая только по числу, то разум не приобретает никакой иной формы, кроме той, которая получена им и которая была бы свойственна данной форме, и разум получает идею, то отвлечённо, то вместе с акциденцией. И поэтому говорим, что Зайд и Амр составляют одну идею в отношении человечности, а не потому, что “человечность”, присоединяемая к свойствам Амра, тождественна свойствам Зайда, как будто Зайд и Амр обладают единой сущностью, напротив, “человечность” в бытии

многообразна. Стало быть, для единой человечности нет бытия общего во внешнем бытии так, чтобы оно было тождественно человечности Зайда и Амра. Однако это означает, что первая из этих [форм] придаёт душе человеческую форму, так как вторая, конечно, не придаёт ничего другого, скорее, идея, запечатлённая в душе от этих двух человеческих форм, едина. Она есть самое первое представление, а не влияние второго представления.

Каждое из двух представлений может предшествовать одно другому и производить в душе именно данное влияние, а не как два индивида – человек или лошадь. Разуму свойственно, если он воспринимает вещи, в которых есть предшествование и последование, знать обязательно это во времени и в течение продолжительного времени, а не мгновенно. Разум познаёт время в мгновение. Что касается составления разумом силлогизма и определения, то оно, несомненно, осуществляется во времени, но он мгновенно представляет заключение и определяемое. В то же время слабость разума в восприятии вещей, которые предельно являются разумными и отвлечёнными от материи, не зависит от чего-либо, что есть в сущности данных вещей, и от чего-либо, что находится в природе, а зависят от того, что душа.[находясь] в теле, занята телом, и в большинстве случаев она нуждается в теле, хотя тело отдаляет её от наилучших её завершений. То, что глаз не способен смотреть на солнце, объясняется не только каким-то свойством солнца, и не потому, что глаз есть не что иное, нежели природа солнца, а по причине какого-то свойства, которое присуще природе тела, которому принадлежит глаз. Так, если бы наша душа избавилась от этой заботы и этой помехи, она воспринимала бы разумом эти вещи намного лучше, значительно яснее и более приятно.

Коль скоро мы говорим по этому поводу, с точки зрения души как таковой и поскольку это связано с данной материей, то нет необходимости останавливаться на вопросе о возвращении души, напротив, мы должны говорить в целом о науке мудрости, когда рассматриваем отдельные вещи. Что касается рассмотрения науки о природе, то она рассматривает вещи, подобающие природным вещам, а это – вещи, имеющие отношение к материи и движению.

Более того, мы говорим: представление разума отличается в отношении к бытию этих вещей. Так разум никогда не способен воспринимать вещи с очень сильной сущностью из-за их преобладания, тогда как вещи со слабым бытием, такие, например, как движение, время и материя, иногда с трудом представляются разумом, так как их сущность слаба. Разум, будучи абсолютным в действительности, не способен представлять отсутствующие вещи, ибо отсутствие [лишение] воспринимается постольку, поскольку не воспринимается обладание. Следовательно, воспринимающий отсутствие, воспринимает плохое, поскольку оно плохое в потенциальности, так как это есть отсутствие какого-то завершения. Однако если бы разум воспринимал отсутствие какого-то завершения, то он воспринимал бы это постольку, поскольку находился бы в отношении его в потенции. Так, разумы, к которым примешиваются какие-либо вещи в потенции, не познают ни лишённости, ни плохого как такового, не представляют ни того, ни другого. Нет ничего в бытии, что было бы плохим в абсолютном смысле.

Также скажем, что душа познаёт, принимая в себя формы разумно воспринимаемых предметов, отвлечённых от материи. Однако пребывание формы, отвлечённой от материи, определяется либо тем, что она отвлечена разумом, либо тем, что эта форма сама по себе свободна от материи, так что душа не заботится об отвлечении формы. Душа познаёт саму себя и её представление самой себя делает её разумом, познающим и познаваемым.

Однако представления этих форм не делают её таковой, ибо душа в теле потенциально всегда есть разум, хотя в каких-то вещах она переходит в действительность. Однако, когда говорят, что душа сама становится умопостигаемым предметом, это абсурд. Относительно их высказывания, что нечто становится чем-то иным, если скажем: если бы случилось так, то оно одну форму сменило и обрело бы другую, то это нечто было бы с первой формой одной вещью, а с другой формой – другой вещью, [на самом деле] первая вещь не стала бы второй вещью, скорее, первая вещь была бы уже устранена, и от неё остался бы лишь её

субстрат или часть его. Если это не так, то необходимо посмотреть, как бы это было. Поэтому мы говорим: если одна вещь становится другой вещью, то должно быть так, чтобы первая вещь или существовала или не существовала. Если первая вещь существует, то вторая также либо существует, либо нет. Если же вторая существует, то, значит существуют обе, а не одна. А если бы второй не было, то первая ещё раньше стала бы несуществующей вещью, а не другой существующей вещью, а это неразумно. А если бы первая вещь уже не существовала, она не стала бы другой вещью, скорее, она [больше] не существовала бы и возникла бы другая вещь. Так каким же образом душа может стать формой вещей?

Да, форма вещей, пребывая в душе, украшает её, придает ей красивый вид, и душа благодаря материальному разуму является её местом. Следовательно, душа постигает разумом, и под разумом мы подразумеваем ту силу души, посредством которой она познаёт, либо разум обозначает формы данных умопостигаемых вещей в них самих, и коль скоро формы находятся в душе, то они познаваемы. Следовательно, разум постигающий разумом и постигаемый разумом, не являются в нашей душе чем-то одним. Кроме того, если мы под материальным разумом подразумеваем абсолютную предрасположенность души, то она сохранилась бы в нас навечно, до тех пор пока мы продолжали бы существовать в теле, но если под материальным разумом понимают предрасположенность в отношении какой-то вещи, то эта предрасположенность исчезла бы вместе с существованием разума.

Мы говорим: представление умопостигаемых вещей осуществляется тремя способами: первый способ заключается в том, что представления осуществляются в душе посредством разума, подробно и по порядку; второй способ заключается в том, что представление и приобретение осуществляются, однако душа, уклоняясь от представления, не обращает внимания на этот умопостигаемый предмет, а наоборот, минуя его, например, переходит к другому предмету, ибо наши души не способны одновременно познать несколько вещей; третий способ сводится

к тому, что примером представления может служить то, что случается с тобой, когда ты спрашиваешь о том, что ты уже знаешь или в скором времени будешь знать. Для тебя ответ готов уже в тот самый момент, ибо ты убеждён, что мог бы ответить на это тем, что ты знаешь без того, чтобы здесь было, конечно, какое-либо узнавание. Скорее, ты начинаешь подробно и по порядку излагать в своей душе, с принятием ответа, исходящего из твоего убеждения в знании, ибо ты уже знаешь ответ до подробного и упорядоченного изложения.

Следовательно, разница между первым представлением и вторым заключается в том, что первый способ подобен какой-то вещи, которую ты извлёк из хранилища и пользуешься ею, а второй подобен хранящейся у тебя вещи, которую ты используешь, когда захочешь. Что касается третьего способа познания, то он отличается от первого тем, что не является, конечно, чем-то упорядоченным в знании, а скорее, есть начало некой вещи в отношении присоединения в душе; а от второго он отличается тем, что он не есть нечто, от чего уклоняются, а, напротив, то, что считают чем-то находящимся определённым образом в действительности, как прочное знание. С точки зрения третьего способа, представление характеризуется в отношении к некоторым вещам, которые сохраняются. Если кто-то скажет, что третье представление есть знание в потенции, но в потенции близкой к действительности, а это будет ложь, ибо тот, кто обладал бы этим знанием, непременно имел бы знание в действительности осуществившееся, не нуждался бы в том, чтобы получить его с помощью далёкой или близкой силы, следовательно, с этим простым видом [т.е. третьим способом] все знания у него известны, но бывает так, что это знание он другим способом делает известным. Однако удивительно то, что у отвечающего, когда он начинает обучение другого, в душе появляется сразу какое-то подробное изложение, и тогда он начинает обучать другого вторым способом, а затем составляет эту форму в соответствии с этими словами.

Первое из двух знаний есть теоретическое знание, посредством которого достигается полное завершение, когда мысленное знание находится в определённом порядке и составе,

а второе есть простое знание, которое не обладает свойством иметь в себе какую-либо форму после другой формы. Однако простое знание есть нечто единственное, откуда проистекают формы и воспринимающий форму. Это есть знание, производящее вещь, которую мы называем мысленным знанием и её началом, а это есть абсолютная разумная сила души, подобная активному разуму.

Что касается подробного изложения [расчленения], то оно относится лишь к разумной душе и не является началом науки о душе, и данный вопрос ты должен познать в своей душе. Мы говорим: в чистом разуме оба знания, конечно, не приумножаются и нет установленного порядка следования формы за формой – скорее, чистый разум есть начало всякой формы, которая распространяется от него на душу. Поэтому необходимо убедиться в состоянии чистых отрешённых вещей, относительно знания вещи. Ибо, их разум есть активный разум, создающий их формы, а не тот, который принадлежит формам или находится в формах души, принадлежащей миру как таковому. Ибо представление души – это упорядоченное, подробное восприятие, поэтому душа не проста со всех сторон. И каждое разумное познание есть некое отношение к форме, отрешённой от материи и от её материальных акциденций. Так, душа обладает этим свойством, поскольку она имеет воспринимающую субстанцию, в которой запечатлевается эта форма, а разум обладает этим, поскольку он есть субстанция с действующим создающим началом. Следовательно, сущность разума от принадлежащего ему начала отделяется действительной его разумностью. А то, чем отличается душа в её познании формы и её принятия, это её действительная разумность.

Необходимо рассмотреть человеческие души и умопостигаемые предметы, которые приобретаются душами и забываются ими, когда те заняты приобретением других. [Поэтому] существуют ли они в душах в завершённом действительном состоянии? Так, человеческие души, несомненно, познают умопостигаемые предметы в завершённом, действительном состоянии, или они суть хранилище, в котором

те сохраняются. Это хранилище есть либо сущность умопостигаемых вещей, либо их тела, либо телесные вещи, принадлежащие им. Однако мы уже сказали, что их тела и то, что связано с их телами, есть то, что не предназначено для хранения умопостигаемых вещей. Ибо нет необходимости в том, чтобы имелось вместилище для умопостигаемых вещей, и нельзя, чтобы разумные формы обладали положением, а если бы их непрерывная связь с телом сделала их обладающими положением в теле, то они перестали бы быть умопостигаемыми.

Далее, мы говорим, что эти умопостигаемые формы есть вещи, существующие в самих себе, а всякая форма их есть иной вид, существующий в самом себе, разум же то рассматривает их, то игнорирует. Если он их рассматривает, они проявляются в нём, если же игнорирует, то они не проявляются. Душа – это как бы зеркало, а они как бы внешние предметы: иногда они проявляются в душе, иногда не проявляются. Это осуществляется согласно отношению, существующему между душой и ими. Или деятельное начало посылает душе форму за формой сообразно требованию души, и если душа их отклоняет, истечение прекращается. И если дело обстоит так, то почему мы не нуждаемся в том, чтобы каждый раз учиться заново? Почему мы говорим, что истиной является последнее [утверждение]. Дело в том, что невозможно сказать, что данная форма находится в душе в завершённом действительном состоянии, так как значение “она познаёт её” есть то же самое, что “форма существует в ней”. Невозможно, чтобы тело было хранилищем формы, и невозможно, чтобы сущность души была хранилищем формы, так как её сущность не есть хранилище форм, однако эти умопостигаемые формы находятся в ней, и она таким образом постигает формы. Так же обстоит дело в отношении памяти и представления. Ибо восприятие данных форм не принадлежит силе представления, а только лишь её сохранение, тогда как их восприятие осуществляется посредством другой силы.

Форма и представление не существуют в какой-то вещи, которая есть восприятие, так же как форма чувственно воспринимаемых вещей не существует в вещи, которая является чувством. Поэтому тела, в которых находится форма чувственно-

воспринимаемых вещей, не являются воспринимающими, скорее, восприятие нуждается в том, чтобы тот, кто имеет свойство каким-то образом запечатлевать данные формы, был воспринимающей силой. А что касается памяти и силы представления, то формы запечатлеваются в них лишь постольку, поскольку они суть органы и обладают телом, которое сохраняет эти формы, что близко к носителю силы восприятия, которая есть сила воображения с тем, чтобы она рассмотрела их, когда захочет, так же как это тело сохраняет чувственно воспринимаемые вещи, близкие к чувству с тем, чтобы созерцало их, когда захочет. Следовательно, такое толкование допускают память и сила представления, но душа не допускает этого. Ибо, существование умопостигаемой формы в душе является восприятием самой душой этой формы. Стало быть, остаётся сказать, что правильная часть – это последняя часть. Учиться – значит искать совершенную предрасположенность путём соединения разума так, чтобы от него возник простой [разум]. От простого разума распространяются в душе формы, подробно излагаемые посредством мышления.

Следовательно, способность до [начала] учёбы является недостаточной, а после учения совершенной, так как обучение есть припоминание того, что связано с искомой вещью, постигаемой разумом, и после этого душа обращается в сторону размышления. Размышление есть обращение к необходимому началу разума, от которого после соединения с ним разумной души распространяется сила абстрагированного разума, за которым следует поток истечения подробного изложения. Однако когда душа отклоняет начало истечения чистого из [отвлечённого] разума, сила чистого разума возвращает его и данная форма становится потенциальной, однако эта потенция остаётся очень близкой к действительности. Стало быть, начало обучения подобно лечению глаза. Ибо когда глаз здоров, то когда он захочет, тогда и будет разглядывать вещь, от которой он воспринимает какую-то форму, но когда он отводит от этой вещи [к другой], то всё это становится потенциальным, близко к действительному. Пока человеческая душа в целом существует в теле, ей невозможно сразу достичь ступени действительного

разума, напротив, состояние души таково, как мы об этом сказали.

Если говорят, что кто-то познаёт умопостигаемые вещи, то это означает, что всякий раз, когда он захочет, эти формы наличествуют в его собственном уме. И это [также] означает, что всякий раз, как он захочет, он может присоединиться к активному разуму таким образом, чтобы воспринимать этот умопостигаемый предмет у него. Однако этот умопостигаемый предмет не наличествует в его уме и всегда и не всегда действительно представляется в его разуме, как будто этот предмет отсутствовал до обучения. Осуществление такого рода познания означает, что оно осуществляется, но посредством действительного разума, а этот разум является силой, принадлежащей душе, через которую она [душа] умопостигает то, что захочет. Таким образом, если она захочет, то достигнет ступени действительного разума, [в результате чего] в ней появляется умопостигаемая форма и эта форма в действительности является приобретённым разумом. И эта сила есть в нас действительный разум постольку, поскольку она в состоянии умопостигать [вещи].

Что касается приобретённого разума, то он есть разум в действительном состоянии, с точки зрения того, что он есть какое-то совершенство.

Что же касается восприятия воображаемых вещей, то это есть обращение души к хранилищам чувственно воспринимаемых вещей, Первое – это созерцание того, что выше, а второе – это созерцание того, что ниже. Если душа освобождается от тела и его акциденций, то она могла бы достичь активного разума путём полного присоединения.

Стало быть, совершенство и знания приобретаются по-разному, независимо от того, получает ли их познающий у кого-то другого или у самого себя. Ибо некоторые приобретающие знание люди находятся ближе других к представлению, так как их предрасположенность, предшествующая упомянутой нами предрасположенности, оказывается более сильной. Если эта предрасположенность у человека имеется между ним и его душой, то данная сильная предрасположенность называется

проницательностью. У некоторых людей эта способность настолько сильна, что для соединения с активным разумом им не требуется больших усилий для приведения [способности] в действительное и в обучение, скорее первая способность такого человека настолько сильна, что о нём можно сказать, что он обладает второй способностью: будто бы познаёт всё сам по себе. Эта высшая степень такой способности. В таком случае материальный разум должен быть назван священным [непогрешимым] разумом. Он принадлежит к роду разума по навыку, однако он настолько возвышен, что не все могут обладать им. Вполне вероятно, что некоторые из действий, принадлежащие непогрешимому духу из-за их сильной и возвышенной природы, изливаются в воображение, которое представляет их себе в виде чувственно воспринимаемых образов и слышимых слов.

РАССУЖДЕНИЕ О ТОМ, ЧТО БЫЛО УКАЗАНО [ВЫШЕ]

Из того, что подвергается исследованию, и о существовании чего мы хорошо знаем, вытекает, что умопостигаемые образы, посредством которых постигаются вещи, приобретаются лишь в случае получения среднего термина силлогизма. А этот средний термин иногда получается посредством интуиции, представляющей собой такое действие разума, которое само по себе выводит средний термин, иногда же средний термин приобретается благодаря обучению. Кроме того, обучение также зависит от интуиции, посредством которой выводится знание, а затем передаётся обучению. Причём это происходит по-разному как в отношении количества, так и в отношении качества, и доходит до тех, которые совершенно лишены интуиции с точки зрения меньшей или большей степени обладания этим качеством.

Некоторые люди обладают интуицией так, что во всех искомым вопросах или большинстве из них благодаря интуиции познание у них занимает наикратчайшее время. Так, среди людей может оказаться человек, чья душа имеет такую чистоту и так тесно связана с началами разума, что он будет использовать

интуицию, то есть принимать из активного разума, и в нём будет отображаться форма всех вещей, которые находятся в активном разуме, либо сразу, либо почти сразу, опираясь не на установившиеся убеждения, а скорее, на такой порядок, который объемлет средние термины. Ибо традиционные убеждения относительно вещей, познаваемых посредством своих причин, не удостоверяются разумом. А это есть определённый вид пророчества, и он более всего достоин названия непогрешимой способности. Это наивысшая ступень человеческой [способности].

УПОМИНАНИЕ ЕДИНСТВЕННОСТИ И МНОЖЕСТВЕННОСТИ ДУШИ И ЕЁ СИЛЫ, А ТАКЖЕ ОРГАНОВ, С КОТОРЫМИ КАЖДАЯ ИЗ НИХ ИМЕЕТ СВЯЗИ

Некоторые считали, что душа едина и что она сама по себе устанавливает все связи посредством различных органов. Есть и такие, которые считают, что душа не едина, а их несколько, что душа, которая в одном теле, например, есть совокупность душ – чувственно воспринимаемой души, души гнева, души вожделения.

Однако в “Книге исцеления”¹⁵ разъяснена несостоятельность [мнения] каждого из этих течений и установлено, что истинное мнение то, которое считает, что душа это единая сущность, от которой проистекают указанные силы, где каждая сила отличается своим действием, и то, что душа совершает из вышеупомянутого, она совершает посредством этих сил. Различные действия осуществляются различными силами, и каждая сила как таковая различается своим действием потому, что от неё исходит первое действие, принадлежащее ей. Сила гнева не испытывает действия силы удовольствия, сила вожделения [действия] вредных вещей, а сила восприятия не получает впечатления от того, от чего получают впечатление те две [силы], и ни одна из тех двух [сил] не может как таковая принимать формы восприятия с тем, чтобы представлять их.

Далее, эти силы должны иметь связь, которая объединяла бы их вместе. Отношение связи к этим силам есть отношение

общего чувства к чувствам, которые являются снабжающими. Дело в том, что некоторые из этих сил могут замещать друг друга. Если была бы одна связь, которая объединяла бы их все вместе и использовала бы их, то [они] не служили бы одна другой и не управляли бы, поскольку одни препятствовали бы определённым образом другим совершать действия. Ибо действие одной силы при отсутствии её связи с другой силой не препятствует той другой совершать свои действия, если нет общего органа и общего вместилища, и если нет вообще ничего общего, что объединило бы эти две силы?

Мы наблюдаем, что чувство возбуждается вожделением, но сила вожделения не испытывает действия со стороны чувственно воспринимаемого предмета как такового. А если бы она претерпевала действия постольку, поскольку это чувственно воспринимаемый предмет, то не существовало бы претерпевания действия, возникшего из вожделения к этому предмету. Необходимо, следовательно, чтобы то, что испытывает действие, было тем, что воспринимает предмет чувственного познания. Нет необходимости в том, чтобы две силы были одной силой. Вот почему будет правильным, если мы скажем, что когда чувствуем, то испытываем желание, а когда видим что-то, испытываем гнев. Однако эта единая вещь, в которой объединяются эти силы, есть то, что каждый из нас рассматривал как сущность чувственного познания, так что правильно будет сказать: “Ощутив, мы испытали желание” или “Увидев что-то, мы разгневались”. Это нечто единое, в котором объединены эти силы, есть то, что каждый из нас рассматривает как сущность чувственного познания, так что правильно было бы сказать “Ощутив, мы испытали желание”. Однако это не может быть телом. Во-первых, потому, что из того, что тело есть тело, не следует, что оно является чем-то объединяющим эти силы, иначе каждое тело обладало бы этим, а скорее всего, благодаря некоей вещи тело стало бы таковым, и эта вещь, поскольку она объединяла бы, стала бы каким-то первым объединяющим и была бы завершением тела, не будучи самим телом. Во-вторых, это так поскольку было выяснено, что ни одна из этих сил не может быть телесной и располагаться в теле. В-третьих, это верно, поскольку это тело

всё же есть совокупность тел, ибо если бы у него был дефект, то это повлекло бы за собой то, что мы не осознали бы того, что мы существуем. Однако это не так, ибо “я” есть “я”, даже если “собой” не знаю, что у меня есть рука, нога или какой-либо иной орган, более того, я думаю, что эти органы зависят от моего “я”, и я убеждён, что те органы, которые принадлежат мне, я использую в случае надобности, а если не было бы этой необходимости, то у меня не было бы нужды обладать ими; и “я” оставался бы “я” даже если бы эти органы, принадлежащие мне, были бы на самом деле лишь как покровы, которые из-за их продолжительной связи с нами стали в нас частями нас самих.

Когда мы представляем себе наши души, мы не представляем их как некое обнажённое [тело], и обладающие телами, в которые они облачены. Причина этого в продолжительности связи, но если это тело не есть совокупность тел, а является [лишь] ощущаемой частью то, следовательно, эта часть есть то, что я считаю по своей сущности “собой”, как, например, сердце, мозг или некое число частей, сущность которого или сущности всех этих частей были бы чем-то, что я осознаю как свое “я”. Из этого следовало бы, что моё осознание своего “я” стало бы осознанием этой вещи. Ибо вещь в одном и том же отношении не может быть осознанной и неосознанной. Однако в действительности дело обстоит не так. Ибо я знаю, что у меня есть сердце и мозг и только посредством ощущения, слуха и опыта, а не потому, что я говорю себе, что я есть “я”. Стало быть, тогда эта часть сама по себе не есть то, что я осознаю как “я”. Если бы кто-то сказал, что “Ты ещё не знаешь, что такое душа, то я бы ответил ему: “Я всегда знаю то, что я называю душой”. Согласно значению, однако, быть может, я знаю, что это может называться словом “душа”. Поскольку я знаю, то, что я понимаю под душой, что это есть что-то, что использует органы, принадлежащие телу, что оно приводит в движение и познаёт, и лишь я не знаю [точно] этого, пока не буду понимать сущность [идеи] души. Однако с сердцем и мозгом дело обстоит не так.

Ибо я понимаю сущность сердца и мозга, но не знаю [смысла души], так если я подразумеваю под душой вещь, которая является началом и концом тех движений и тех

восприятий, которые принадлежат мне в совокупности, то я знаю, что либо это есть на самом деле “я”, или, используя это тело, как будто “я” в данный момент не в состоянии различить сознание “я” отдельно от известной смеси того, что использует тело и что присоединяется к телу. Что же касается того, является ли она телом или нет, то, на мой взгляд, она не должна быть телом, и я ни в коей мере не представляю её себе как некое тело, а представляю себе её сущность только как бестелесную. Итак, я уже понял в отношении того, что она есть тело; в самом деле, я не понимаю её как телесное, хотя я понимаю саму вещь. Из этого ясно, что эти силы обладают местом слияния, куда они все стекаются, но это не тело, хотя оно может участвовать в теле или не участвовать.

Так, мы говорим, что поскольку душа есть единая сущность, то это значит, что из неё не могут вытекать в равные органы разные силы, скорее, допустимо, что первое, что вытекает из неё в семя и сперму, – это сила роста. Она порождает органы соответственно действиям этой силы. Каждый орган предрасположен принимать особую силу, чтобы она исходила из него. Если бы это было не так, то создание тела для души было бы недоступным. Мы говорим: нет ничего невозможного в том, что эти силы, отличаясь друг от друга по виду, относятся к одной сущности, которая имеет в виду, а что до того, каким образом представить это, то объясняется тем, что крайнее состояние противоположностей препятствует элементарным телам принимать жизнь. Каждый раз, когда эти тела стараются разрушить одну крайнюю часть противоположности и привести к такому уровню, в котором не было бы противоположностей, они стремятся стать похожими на небесные тела. Таким образом элементарные тела удостоиваются права принимать жизненную силу от отвлечённой субстанции, которая управляет ими. Затем, когда они увеличиваются до такой среды [уровня], они увеличиваются, принимая жизнь до тех пор, пока не достигнут крайнего предела, от которого они не могут ни приблизиться к точной среде [уровню], ни разрушить обе стороны, противостоящие друг другу. Элементарные тела получают субстанцию, которая в некотором значении почти похожа на

отдельную субстанцию, например, на небесную субстанцию. В таком случае в некоей вещи, возникающей из субстанции, присоединённой к этой вещи, появляется отдельная субстанция. Примеры этого существуют в природных вещах: давайте представим вместе в отвлечённой субстанции огонь или солнце, а вместо [живого] тела – тело, испытывающее действие огня, но чтобы это тело было бы каким-то шаром и чтобы вместо растительной души происходило нагревание шара огнём, вместо человеческой души – воспламенение огня в шаре. Так мы говорим: если бы положение тела, испытывающего воздействие, подобно шару, не было бы таким положением, при котором из воспламенения возник бы огонь, но не возникло бы освещение, то было бы положением, из которого возникало воспламенённое без чего-либо другого, и если бы при этом тело было бы неприкрытым и прозрачным, или же сообразно с его отношением к тому, что оказывает на него воздействие, приобрело бы от того свет, что это тело одновременно было бы согрето, освещено им, и освещение, получаемое им, связанное с отделённым огнём было бы началом, согревшим это тело, ибо солнце согревает только лишь лучами.

Далее, если бы способность была сильнее и если бы там была некая вещь, которая имела бы свойство нагреваться тем, что оказывает воздействие, имея свойство поджигать его силой или лучами, оно бы воспламенялось. В определённом смысле факел стал бы телом, подобным отделённому огню, и этот факел также вместе с отделённым огнём стал бы причиной освещения и нагревания, таким образом, что если он остался бы один, то освещение и нагревание завершилось бы. Возможно также, чтобы существовало одно лишь нагревание, или оба – нагревание и освещение без того, чтобы то, что следует, было началом того, что предшествует. Если бы всё было объединено, тогда всё то, что представлялось бы как предшествующее, стало бы также началом того, что последует, и то, что есть последующее, вытекало бы из него. Так следует представлять и состояние сил души.

Относительно объяснения этих органов мы говорим: первым носителем телесных сил души является тонкое,

проникавшее в поры духовное тело, и это тело есть дух. А если бы это было не так, то силы души, зависящие от тела, проникали бы в него, и загораживание путей не препятствовало бы проникновению двигательной, ощущающей и воображающей сил. Однако, по мнению тех, кто проводил медицинские опыты, загораживание является явным препятствием. Отношение этого духа к разрежённости смесей и их плотности – это отношение частей к густоте смесей. Духу принадлежит особая смесь, и эта смесь преобразуется по мере необходимости в различные смеси, которые становятся носителями различных сил. Так, смесь, вызывающая гнев, не годится в качестве смеси, вызывавшей влечение и ощущение, а смесь, годная для зрительного духа, не тождественна двигательной смеси. Если бы смесь была единой, то едиными были бы и силы, утвердившиеся в духе, и их действия. Если душа едина, то она должна управлять им и способностью его роста. И всё это осуществляется посредством духа. Первое, что делает душа, это то, что она создаёт орган, посредством которого образуются силы души в других органах, благодаря этому духу, и этим органом является солнце. Об этом свидетельствует вскрытие.

Стало быть, необходимо, чтобы первая связь души была связью с сердцем, но душа не может быть сначала связана с сердцем, а потом с мозгом, так как когда она оказалась связанной с первым органом, то тело уже стало одушевлённым. Что же касается второго органа, то она действует в нём, несомненно, посредством первого органа. Однако силы, вызывающие другие действия, существуют благодаря определённому истечению [Файз], идушему от сердца к другим органам, так как это истечение должно исходить от первого органа, с которым оно связано. Именно в мозгу завершается смесь духа, которая способна нести силы ощущения и движения к органам таким образом, что они благодаря этому пригодны к тому, чтобы от них исходили соответствующие действия. Подобно тому состоянию печени в отношении сил питания.

Однако сердце – это то первое начало, с которым печень связана прежде всего, и с помощью которого силы питания проникают в другие органы и производят в них действия. Начало

чувственного познания осуществляется не посредством мозга, и не в нём, а в других органах, таких, как кожа, глаз, ухо, хотя из этого и не следует, что мозг не является каким-то началом. Точно так же допустимо, что сердце является началом для сил питания, хотя их действия происходят в печени, и для сил соображения, воспоминания и представления, хотя их действия происходят в мозгу. Скорее, необходимо, чтобы эти силы распределялись по различным органам, образующимся после того, как образовался этот орган, и чтобы от этого органа текла к ним сила, соответствующая смеси и предрасположению данного отвлечения, о чём ты узнаешь, когда речь пойдёт о животных, где орган являющийся началом, не будет являться бременем. Поэтому для мозга были созданы нервы, а для печени – вены, так что мозг и печень есть два первых начала чувственного познания, движения и питания, или же они есть два вторых начала.

Далее мы говорим: вполне возможно, чтобы начало существования определённой силы находилось в одном каком-нибудь органе и переходило от этого органа к некоторому другому органу, чтобы эта сила завершилась и достигла совершенства, а затем обращалась к этому первому органу и поддерживала его. Так, пища движется к печени от желудка, а затем, оказавшись там, она тем или иным путём возвращается назад и питает желудок в тех венах, которые берут начало в селезёнке, и в полной вене, и расходятся по желудку. Стало быть, нет вреда, если, например, начало силы исходит от сердца, если эта сила, будучи в сердце, не достигает совершенства и если она затем оказывается полезной сердцу, достигнув совершенства в каком-нибудь другом органе. Точно так же обстоит дело и с общим чувством, ибо именно от него исходит начало отдельной ощущаемой силы, которая затем возвращается к нему, принося ему пользу. Однако ощущение, испытываемое самим сердцем, особенно то, которое связано с осязанием, сильнее ощущения, испытываемого мозгом, поэтому так невыносимы боли в сердце. Вместе с тем возможно, чтобы силы стали крепче и прочнее в чём-то таком, что не является их началом из-за столкновения с такими материями, которые приводят их в подобное состояние. Следовательно, сердце является первым началом, от которого

текут к мозгу силы, из коих одни завершают свои действия в мозгу и его частях, как, например, воображение, представление и прочее; другие текут от мозга к внешним по отношению к нему органам, как, например, к зрачку или к органам двигательной силы. От сердца к печени течёт сила питания, затем она через вены растекается по всему телу, питая также и сердце. Начало этой силы исходит от сердца, в то время как начало материи исходит от печени. Что же касается силы мозга, то зрение осуществляется благодаря льдообразной влаге, которая, будучи подобной чистой воде, принимает форму видимых предметов и передаёт их зрительному духу. Но зрение завершается там, где встречаются полые нервы, как это известно из вскрытий. Что касается обоняния, то его действия происходят при помощи двух соскообразных отростков в передней части мозга. Что касается вкуса, то его действия происходят при помощи мозговых нервов, идущих к языку и нёбу, придающих им силу ощущения и движения. Что касается слуха, то его действия также происходят при помощи мозговых нервов, идущих к слуховому каналу и покрывающих его поверхность. Что касается осязания, то его действия происходят при помощи мозговых нервов и нервов спинного мозга, рассеянных по всему телу. Большинству нервов чувственного познания оказывает содействие передняя часть мозга, ибо эта часть мозга мягче, а мягкость приносит наибольшую пользу чувственному познанию. По мере того, как передняя часть мозга переходит в тыльную часть и в спинной мозг, мозг становится всё более и более твёрдым, постепенно превращаясь в спинной мозг, тонкость которого определяет его твёрдость. Большинство двигательных нервов, идущих от мозга, выходит из задней части мозга, ибо последняя твёрже, а твёрдость приносит движению наибольшую пользу и более всего ему способствует. Из двигательных нервов в большинстве случаев порождаются мускулы, а из связок возникают сухожилия. Концы их большей частью соединены с костями, хотя кое-где они соединены и не с костями, в то время как сами мускулы соединяются с подвижным органом без помощи сухожилия. Спинной мозг, как часть мозга, проникает в позвоночные отверстия, дабы вновь образующиеся нервы не

удалялись от органов, и, напротив, нервы, образуясь из них, оказывались вблизи места их возникновения. Что касается сил представления и общего чувства, то обе они, исходя из передней части мозга, оказываются в духе, заполняющем этот желудочек. Обе они находятся там для наблюдения за чувствами, большая часть которых имеет своё начало именно в передней части мозга. Силы же воспоминания и мышления находятся в двух других желудочках, однако сила воспоминания находится сзади, чтобы место мыслительного духа было средним между хранилищем формы и хранилищем идеи, а расстояние между ними и этими последними было одинаковым. Сила воображения догадки является общей для всего мозга. Если бы кто-нибудь усомнился и спросил, каким образом форма горы или целого мира отображается в небольшом органе – носителе силы представления, то ответ будет таковым: чтобы не мучить себя подобными сомнениями, следует лишь вникнуть в то, что такая делимость тел идёт до бесконечности. Ибо подобно тому, как обстоит дело с миром, отражающимся в небольшом зеркальце или в зрачке, отображаемый в них предмет делится таким образом, что деление небольшого тела оказывается по числу получаемых частей и по их очертаниям пропорциональным делению большого тела, хотя эти части и различаются между собой по своим размерам, точно так же обстоит дело и с отображением этих форм в их материях. Далее, соотношение величин двух воображаемых форм при их отображении, насколько они при этом оказываются крупными или мелкими, тождественно соотношению величин двух внешних предметов и тому, насколько они крупны или мелки, при этом сохраняются расстояния.

Что касается силы гнева и того, что с ней связано, то она не нуждается в каком-либо органе, кроме своего начала, так её свойство – это действие нерасчленённой силы. Сила эта соответствует очень горячей смеси и нуждается в таковой. Но воздействие того, что иногда бывает благодаря этой горячей смеси, не тождественно воздействию того, что бывает благодаря мышлению и движению происходит непрерывно, чтобы не бояться чрезмерного перегрева. Дело в том, что первое

воздействие иногда происходит акцидентально, и оно необходимо, как, например, понимание, мышление и т.п. Орган, предназначенный для этого, должен быть более влажным и более холодным, а таковым как раз и является мозг, чтобы горячее по природе сильно не разогревалось, и чтобы он воспрепятствовал воспламенению, вызываемому движением.

Поскольку питание принадлежит к числу того, что должно, с одной стороны, быть связано с органом, лишённым чувствительности так, чтобы он наполнялся пищей и освобождался от неё, не испытывая при этом мучений и особой боли от того, что проходит через него, от него и к нему, а с другой стороны, [он должен] быть весьма влажным, чтобы сохранять очень горячее путём уравнивания и сопротивления, – то этим органом оказалась печень.

Сила размножения помещается в другом, весьма чувствительном органе, дабы она вожделением способствовала позыву к совокуплению. В противном случае, если бы в этом не было определенного наслаждения и если бы это не было предметом вожделения, никто не стал бы затруднять себя этим, ибо это не требуется для продолжения существования индивида. Наслаждение связано с определённым чувствительным органом, коему приданы два тестикула. Всему этому приданы в помощь иные органы, из коих одни служат для привлечения материи, а другие для отталкивания её, как мы упомянем об этом в “Книге о животных”.

На этом книга завершена с помощью Аллаха и Его доброго содействия.

КОММЕНТАРИИ

“ВОСТОЧНАЯ ФИЛОСОФИЯ” (ЛОГИКА)

1. Имеется в виду Аристотель.
2. Четвертый аят из 63 суры Корана (“Лицемеры”).
3. ал-Ханабила – ханбалиты, сторонники одного из четырёх канонизированных суннитских мазхабов (течений), названного по имени его основателя Ахмада б. Ханбала. Появившееся в период острого социально-политического кризиса, ханбалитство выражало взгляды наиболее консервативных сторонников

традиционализма (ахл ал-хадис). Ханбалиты выдвигали идею очищения ислама через обращение к сунне Пророка как к самому авторитетному источнику вероучения.

4. Хадисы – предания о высказываниях и деяниях пророка Мухаммада, затрагивающие различные религиозно-правовые стороны жизни мусульманской общины. Наиболее авторитетным сборником хадисов у суннитов считается сборник ас-Сахиha ал-Бухари (ум.в 870 г.).

5. ал-Лавахик (“Дополнение), как пишет сам Ибн Сина, это дополнение и комментарий к “Китаб аш-Шифа”.

6. Арабский “алат” – орудие, инструмент научного познания. У комментаторов Аристотеля вошло в традицию объединять под этим словом греч. “Органон” – все логические труды Стагирита.

7. Арабское имя собственное, означающее “Раб солнца”

8. Ср. Аристотель. Метафизика, [1,1025 а 30 – 34].

9. Арабский “хазйан”.

10., Арабский термин “таъриф”.

11. Арабский термин “хадд”.

12. Мавераннахр (араб.назв.) (с VII в.. междуречье Амударьи и Сырдарьи с городами Самарканд, Бухара и др.).

13. ал-Ябаш – дерево, плоды которого ядовиты.

14. В оригинале указаны три вещи, но речь идёт о четырёх – имени, глаголе, предлоге и высказывании.

15. Калима – логический термин, соответствующий глаголу в грамматике.

16. Частица обозначающая.

17. Арабский “ши ри”.

18. Т.е. глагол.

19. См.комментарии 15.

20. Персидский “незрячий”.

21. Арабский “свет”.

22. Арабский “айн” обозначает: глаз, наличные деньги и родник.

23. Имеется в виду ал-Масджид ал-Акса (“Отдалённая мечеть”) – мечеть в южной части ал-Харам аш-Шариф в Иерусалиме, одна из важнейших святынь ислама, которую

обычно отождествляют с “отдалённой мечетью”, куда якобы был перенесён Мухаммад во время “ночного путешествия”.

24. Данное “указание” было сделано не Ибн Синой, а редакторами его книги.

ФИЗИКА И МЕТАФИЗИКА

1. Пятая книга из “Книги исцеления”.

2.. Хайула.

3. О значениях “субстрат”, “первоматерия”, “материя”, “стихия”, “элемент” см. трактат “ Об определениях” в данном томе.

4. Сурат.

5. Термин “ибдаъ” обозначает творение чего-то, чему не предшествуют ни материя, ни время в противоположность термину “таквин”, обозначающему творение, которому предшествует материя, и термину “ихдас”, обозначающему творение, которому предшествует время. В трактате “Об определениях” Ибн Сина придаёт этому понятию новое значение: “ибдаъ” обозначает создание вещи из ничего и без посредства чего-либо; получение бытия без опосредования. См. трактат “Об определениях” в данном томе.

6. Адам. У Аристотеля “лишённость”.

7. См. главу 4 части 6-й раздела “Метафизика” в “Книге исцеления”.

8. См. главу 14-ю 1-й книги раздела “Физика” в “Книге исцеления”.

9. См. главу 3-ю части 4-й книги 1 раздела “Физика” в “Книге исцеления”, а также главу 14-ю части 3-й книги 1-й раздела “Физика” в “Книге исцеления”.

10. Алан.

11. См. главу 1-ю части 2-й книги 1-й раздела “Физика” в “Книге исцеления”.

12. Шестая книга из “Книги исцеления”.

13. См. главу 5-ю части 2-й книги 1-й раздела “Физика” в “Книге исцеления”.

14. Ссылка на известную апорию древнегреческого философа Зенона.

15. Речь идет об опыте, описанном на предыдущей странице.

16. См. главу 11-ю и главу 13-ю части 2-й кииги 1-й раздела “Физика” в “Книге исцеления”.

17. Фарсанг – мера длины, равная 2250 м.

18. См. главу 8-ю части 2-й книги 1-й раздела “Физика” в “Книге исцеления”.

19. См. главы 8-ю, 10-ю части 3-й книги 1-й раздела “Физика” в “Книге исцеления”.

20. Т.Е. движение тела вниз и вверх.

21. См. главу 3-ю части 4-й книги 1-й раздела “Физика” в “Книге исцеления”.

22. См. главу 2-ю части 1-й книги 2-й раздела “Физика” в “Книге иоцеления”.

23. См. главу 9-ю книги 3-й раздела “Физика” в “Книге исцеления”.

24. См. главу 3-ю из книги 3-й раздела “Физика” в “Книге исцеления*”.

25. См.[13].

26. См. главу 5-ю части 1-й книги 5-й раздел “Физика” в “Книге исцеления”.

27. Вади – пересохшее русло.

28. См. главу 2-ю части 1-й книги 5-й раздела “Физика” в “Книге исцеления”.

29. См. главу 1-ю части 2-й книги 5-й раздела “Физика” в “Книге исцеления”.

КНИГА О ДУШЕ

1. О значениях души см. трактат “Об определениях” данного тома о душе.

2. Т.е. ассимилироваться.

3. Ср. главу 4-ю части 2-й книги 6-го раздела *Физика” в “Книге исцеления”.

4. Ср. главу 5-ю части 2-й книги 6-го раздела “Физика” в *Книге исцеления”.

5. Ср. главу 1-ю части 3-й книги 6-го раздела “Физика” в “Книге исцеления”.

6. Ср. главы 2, 3, 4, 5, 6 части 3-й книги 6-й раздела “Физика” в ”Книге исцеления”.

7. Мнение, которого придерживались Платон и некоторые другие античные мыслители.

8. Ср. главу 1-ю части 3-й книги раздела “Физика” в “Книге исцеления”.

9. Ср. главу 8-ю части 3-й раздела “Физика” в “Книге исцеления”

10. Имеется в виду хрусталик.

11. Арабский “рух”.

12. Арабский “табака айния”.

13. Ср. главу 3-ю части 4-й книги 6-го раздела “Физика” в “Книге исцеления”.

14. Ср. главу 4- й части 4-й книги 6-го раздела “Физика” в “Книге исцеления”.

15. Ср. главу 7-ю части 5-й книги 6-го раздела “Физика” в “Книге исцеления”.

Литература:

1. Аристотель. Метафизика. В кн.: Аристотель. Избр. сочинения. - М., 1968.

2. Бадави А. Арасту инд ал-араб. - ал-Кувейт, 1978.

3. Бертельс Е.Э. Избранные труды. История литературы и культуры Ирана. - М.: Наука, 1988.

4. Богоутдинов А.М. Избранные произведения. – Душанбе, 1980.

5. Джунайди Ф. Карнаме-йе Ибн Сина. - Техран, 1360.

6. Диноршоев М. Натурфилософия Ибн Сины. – Душанбе, 1985.
7. Ибн ал-Кифти. Та рих ал-хукама. - Лейпциг, 1903.
8. Ибн Сина. Данишнаме. – Сталинабад, 1957.
9. Ибн Сина. Илм ал-ахлак. - в кн.: Маджмуат ар-расаил – ал-Кахира, 1328г.х.
10. Ибн Сина. Китаб ал-хидая. Тахкик ва такдим ва та лик д-р Мухаммад Абдо. – ал-Кахира (била таъ рих).
11. Ибн Сина. Китаб аш-Шифа. Табиийат. Раджааху ва каддама лаху д-р Ибрахим Мадкур ва д-р Махмуд Касим. – ал-Кахира, била тарих).
- 11.а. Ибн Сина. Мантик ал-машрикийин.– ал-Кахира, 1910.
12. Ибн Сина. Мантик ал-машрикийин. – Бейрут, 1982.
13. Ибн Сина. Об образовании гор и минералов (фрагменты из «Книги исцеления». – Избр. произведения мыслителей стран Ближнего и Среднего Востока. – М., 1961.
14. Ибн Сина. Рисалат ал-худуд йа та рифат. Тарджиме бе могоадиме ва тааликат-е М.М. Фуладванд. – Техран, 1366.
15. Ибн Сина. Тисат расаил фи-л-хикма ва – т-табиийат. - Кистантиния, 1298г.х., ат-табат ал-ула.
16. Ибн Сина. Ал-Хикма ал-машрикийа. Факсимиле №2403 и №4894 в фонде рукописей ИВАН Республики Таджикистан.
17. Ибн Сино. Осори мунтахаб. – ч. 1 - Душанбе, 1981.

18. Канавати Дж.Ш. Муаллафат Ибн Сина. – ал Кахира (била та рих).
19. Касим Г. Ибн Сина. – Техран, 1937.
20. Мадани С. Ибн Туфейл – казайа ва мавакиф.– Багдад, 1980.
21. Махдави Я. Фехрист-е носхехайе муаллафат-е Ибн Сина. - Техран, 1954.
22. Наллино К.А. Попытка создания мусульманами восточной философии (на итал.языке). Арабский перевод доктора Бадави А «Мухавалат ал–муслимин ли иджад ал-фалсафа ал-шаркийя» в кн.: А. Бадави «ат-Турас ал- юнани фил-хизара ал-исламийя». - ал Кахира, 1946.
23. Наср С.Х. Назар-е мотафаккиран-е ислами дар бара-йе - табиат. - Техран, 1342.
24. Нафиси С. Зиндеги ва андиша ва рузгар-е Пур-е Сина. - Техран, 1954.
25. «Общественные науки в Узбекистане». – 1980, №8,9.
26. Ризвани А. Абу Али Сина. Шарх-е ахвал ва асар ва афкар-е шараф ал-мулк Хусейн ибн Абдулла ибн Сина молаккаб бе аш-Шайх ар-Раис. – Техран,1344.
27. Сагадеев А.В. Ибн Сина (Авиценна). – М., 1980.

28. Сафа 3. Джашннаме-йе Ибн Сина. джилде 1, Техран, 1331.
29. Тарджима-йе китаб-е раваншинаси-йе Шифа-йе аш-шайх ар-раис Абуали Ибн Сина бе калам-е д-р Акбар Данасеришт. – Техран, бидуни тарих.
30. ал-Фанн ас-садис мин табиийат Китаб аш Шифа (Илм ан-нафс), талиф аш-шайх ар-раис Абуали Ибн Сина. – Париж, 1982.
31. Фахри М. ал-Фикр ал-ахлаки ал-араби, ал-джуз ас-сани: «ал-Фаласифа ал-хулкиюн». – Бейрут, 1979г.
32. Хаджи Халифа. Кашф аз-зунун ан асами-л-кутуб ва-л-фунун. муджаллад 1, 1310.
33. Халаби А.А. Тарих-е фаласифа-йе Иран.– Техран, 1973.
34. Хромов А.Л. Ибн Сина. Книга о душе – в кн.: Ибн Сина. Избр. философские произведения. – М., 1980.
35. Шайх ул-ард Т. ал-Мадхал ила фалсафат Ибн Сина. – Бейрут, 1967.
36. Ясриби С.Я. Фалсафа ва ирфан. Тахлил аз усул ва мабани ва масаил-е ирфан. – Техран, 1377.
37. Brockelman C. GAL. Ersfer Supplement Band. Leiden – Brill, 1937.
38. Goichon A.M/ Lexique philosophique d Ibn Sina (Avisenna). – Paris, 1938.
39. Ibn Sina (Avisenna). Kniha definis. – Praha, 1951.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Вместо предисловия	4
Вводная статья исследователя	7
Восточная философия	28
Предисловие ибн Сины	30
О науках	34
О науке логике	38
О простом понятии и простом значении	40
Об общем и частном понятии	41
Высказывание о вещи	42
О количестве выражаемых словом значений	44
О видах указания предиката на субъект	45
О видах обозначения сущности	46
О конституирующих	48
О неотъемлемых признаках	49
Об акцидентальных и неотъемлемых признаках	51

Об общих сопутствующем и собственном признаках	51
О классах различных сложных понятий. Об общем, частном и ином	52
О состоянии предикатов при сочетании одного с другим	60
О классах дефиниций	65
Об определении	72
Глава об исследовании предиката	90
Глава об исследовании общего	95
Глава об исследовании сущностного конституирующего	96
Исследование акцидентального	98
Исследование рода	98
Об исследовании отличительного признака	100
Об исследовании собственного абсолютного признака	100
Об исследовании простого собственного признака и определение знания для объяснения имени	102
Об исследовании при толковании имени, включающем все его виды	103
Об исследовании определения	103
Об определении имени глагола, предлога и сказуемого	106
Высказывание об утверждении в различных классах суждений	108
Об исследовании субъекта в категорическом суждении	114
Об исследовании предиката в категорическом суждении	114
Об исследовании категорического суждения и его частей	116
Об исследовании утвердительности категорического суждения	116
Объяснение категорического отрицательного суждения	117
Об исследовании категорического общеутвердительного суждения	119
Исследование категорического общеотрицательного суждения	120
О двух частно-утвердительных и частноотрицательных суждениях	122
Относительно добавлений в суждениях	122

Об исследовании абсолютной посылки	123
Об исследовании возможной посылки	124
О контрадиктности	127
О контрадиктности первого общеабсолютного суждения, когда оно является общеутвердительным	131
О контрадиктном суждении, следующим и подобным ему общеутвердительному суждением	133
О контрадиктном абсолютном необходимом (лозима) суждении, если оно общеутвердительное	134
О контрадиктном необходимоусловном суждении если оно общеутвердительное	135
О контрадиктном абсолютно случайном если оно общеутвердительное	135
О контрадиктном абсолютном суждении, включающем необходимое и случайное, и соответствующем им, если суждение общеутвердительное	136
О контрадиктном временном общеутвердительном суждении	136
О контрадиктности абсолютного общеотрицательного суждения в вышеуказанном смысле	137
О контрадиктности частноутвердительного суждения	138
ФИЗИКА И МЕТАФИЗИКА	140
Объяснение первоматерии	143
Объяснение формы	145
Упоминание небытия	147
Упоминание действующего	149
Объяснение цели	154
Объяснение случайности и удачи	156
Упоминание движения	158
Упоминание покоя	172
Упоминание места	175
Упоминание пустоты	178
Упоминание времени	184

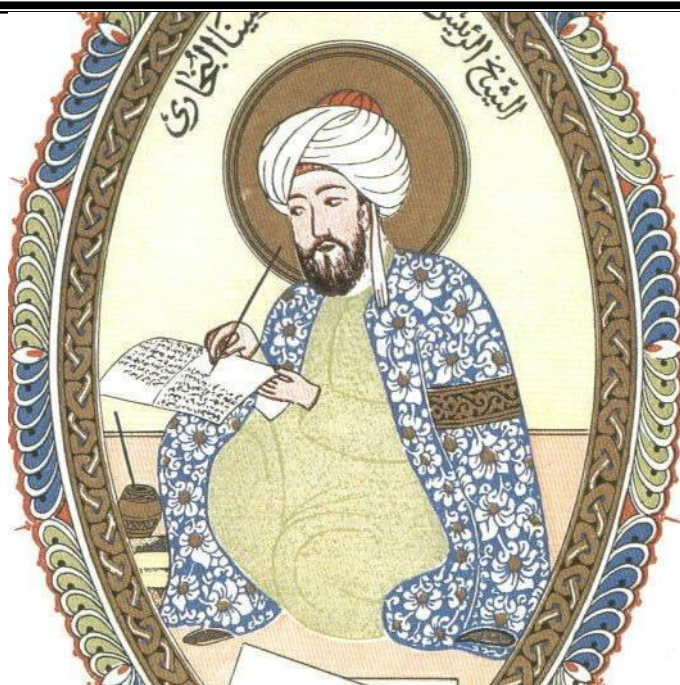
Объяснение необходимых значений	197
Упоминание состояния тел, движения и времени	198
Упоминание конечности тел и силы	207
Упоминание места тел и направления движения	224
Упоминание состояния движения, его акциденций и различающих признаков	233
Упоминание разрядов силы	259
Упоминание сущности простых тел	267
Упоминание возникновения, уничтожения, превращения, роста и увядания	282
Упоминание видов стихии	290
Упоминание действия и претерпевания действия, которые относятся к первым четырем качествам, и упоминание о том, что после них следуют вещи подчиняющиеся смеси	304
Упоминание минералов и их причин	309
Упоминание небесных явлений и их причин	314

КНИГА О ДУШЕ **325**

Разъяснение о душе и доказательство её существования	326
Упоминание сил души, их определение и доказательство ее существования	334
Упоминание сил относящихся к растительной душе	345
Упоминание силы восприятия путём универсального рассуждения	347
Упоминание чувства осязания	351
Упоминание чувства вкуса и обоняния	355
Упоминание чувства слуха	357
Упоминание чувства зрения	360
Упоминание внутренних чувств, принадлежащих животному	372
Упоминание силы воображения и силы воспоминания	382
Необходимое дополнение к этим упомянутым силам	387
Упоминание двигательных сил	389
Упоминание теоретической и практической сил, присущих человеческой душе	395

Упоминание существования разумной души	399
Упоминание возникновения человеческой души	408
Упоминание претерпевающего разума человеческой души	417
Рассуждение о том, что было указано (выше)	428
Упоминание единственности и множественности души и её силы, а также органов, с которыми каждая из них имеет связи	429
Комментарии	439
Литература	444

turklib.uz
Turkiston
kutubxonasi

Исполни свои желания!

455

Сайт Абули
➤ Мухаббат олимони тарафқар қўлиш
➤ Қарв сўзати - баъзири бугадиш!

Мазму

- Bosh sahifa
- Yangiliklar
- Umumiy tarix
- Harbiy tarix
- Adabiyot
- Falsafa
- Din, haqiq
- San'at
- Hunarlar
- Tasavvuf
- Til, lug'at
- Sayohatlar
- Biografiyalar
- Mif, afsona, rivoyat
- Tarixiy hujjat
- Zaliq og'zaki ijod
- Maqola, esse, intervyu
- Musiqi, audiokitab
- Eino san'ati
- Milliy taomlar
- Ishoralar
- Forum

Ma'ruza

- Deyda o'zbekiston tabuquchisi
Borak (2235)

Yaqin Tariximiz - Milliyat Tarix va Kultur aki

Til: o'zbek, Umumiy tarix, Bosh sahifa, Forum, Ma'ruza, Milliyat tarixi, Adabiyot, Falsafa, Din, haqiq, San'at, Hunarlar, Tasavvuf, Til, lug'at, Sayohatlar, Biografiyalar, Mif, afsona, rivoyat, Tarixiy hujjat, Zaliq og'zaki ijod, Maqola, esse, intervyu, Musiqi, audiokitab, Eino san'ati, Milliy taomlar, Ishoralar, Forum

Словари и справочники
Кто же такой авиценна? Великий врач Востока
дека. Большой выбор.
[[Реклама в Google](#)]

Yaqin Tariximiz

Bosh sahifa

- Piyano ile Turk Musiqi Esintileri - 2007
- Uid ve Piyano ile Saz Esertleri - 2008
- Turkish Classic Piyano - 2007
- Sevil Mahabbat Targan - Butun Esertleri - 2007
- Talay M'brahimov - Starlar «Azerce» - 2007
- Chingiz Aytmatov - Veloy karvanch - После сказки - 1988
- Chingiz Aytmatov - Plaka - 1987
- Nagib Mahfuz - Prodovaya o'zbek yulidasi. Vor i sabaki. Puty - 1998
- Ibn Xalid - Ojzereye gapiribiz - 1957

www.turklib.ru
www.turklib.uz
www.turklib.com